РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 4.

АПРѢЛЬ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1905.

Книга 4 — апрѣль 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

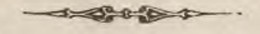
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 4.

АПРѢЛЬ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1905.

Дозволено цензурою. Спб. 7 мая 1905 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О предоставленіи мастерамъ-техникамъ низшихъ ремесленныхъ школъ права на полученіе при опредѣленіи къ должностямъ прогонныхъ денегъ и третного не въ зачетъ жалованья.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, о предоставленіи мастерамъ-техникамъ низшихъ ремесленныхъ школъ права на полученіе при опредѣленіи къ должностямъ прогонныхъ денегъ и третного не въ зачетъ жалованья, ВЫСОЧАЙШЕ утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (подп.) Графъ **Сольскій**.

Въ Царскомъ Селѣ 6 декабря 1904 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

(Выписано изъ журналовъ Соединенныхъ Департаментовъ Промышленности, Наукъ и Торговли и Государственной Экономіи 15 октября и Общаго Собранія 15 ноября 1904 года).

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Промышленности, Наукъ и Торговли и Государственной Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія о предоставленіи мастерамъ-техникамъ низшихъ ремесленныхъ школъ права на полученіе при опредѣленіи къ должностямъ прогонныхъ денегъ и третного не въ зачетъ жалованья, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

„Лицамъ, опредѣляемымъ на должности мастеровъ-техниковъ низшихъ ремесленныхъ школъ, предоставляется право на полученіе прогонныхъ денегъ и третного не въ зачетъ жалованья на основаніяхъ,

указанныхъ въ статьяхъ 224 и 231 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак., т. III, изд. 1896 г.)".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдательствовавшими и Членами. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1905 г. № 2).

О допущеніи къ исполненію обязанностей секретаря педагогическаго совѣта и библіотекаря въ женскихъ гимназіяхъ лицъ женскаго пола. (Предл. мин. нар. просв. 6 февр. 1905 г., № 2727).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія о затрудненіяхъ, испытываемыхъ въ настоящее время при избраніи на должности секретарей педагогическихъ совѣтовъ и библіотекарей въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ кандидатовъ изъ числа преподавателей, въ 29 день минувшаго января Высочайше соизволилъ на расширеніе круга лицъ, изъ числа коихъ, на основаніи ст. ст. 2697 и 2699 т. XI, ч. I св. зак., уст. учен. учрежд. и учебн. завед., изд. 1893 г., могутъ быть избираемы секретари педагогическихъ совѣтовъ и библіотекари въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, допущеніемъ къ исполненію обязанностей по означеннымъ должностямъ лицъ женскаго пола, входящихъ въ составъ педагогическихъ совѣтовъ помянутыхъ учебныхъ заведеній. (Циркуляръ по Виленскому уч. окр. 1905 г. № 2).

О предпочтительномъ предоставленіи женщинамъ-врачамъ соотвѣтствующей службы въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Озабочиваясь надлежащей постановкой врачебно-санитарной части въ учебныхъ заведеніяхъ вообще, а въ частности въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Министерство обратило, между прочимъ, вниманіе на допущеніе женщинъ-врачей на службу въ женскія учебныя заведенія, каковая мѣра, по мнѣнію Министерства, является желательной въ виду того, что въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ интернатами врачъ-женщина можетъ оказать больше пользы, чѣмъ врачъ-мужчина, такъ какъ при заболѣваніяхъ, связанныхъ съ ростомъ и формированіемъ женскаго организма, изъ понятнаго чувства стыдливости, ученицы прибѣгаютъ къ совѣту врача мужчины только въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, когда болѣзнь уже сдѣлала значительные успѣхи и нанесла серьезный вредъ здоровью.

Нельзя не отмѣтить также и того важнаго факта, что женщины-врачи, въ силу своего пола, могутъ ближе стать къ ученицамъ и не только лѣчить ихъ, но и распространять среди нихъ здравыя гигіеническія понятія, что представляется чрезвычайно важнымъ какъ въ интересахъ здоровья учащихся, такъ и для оздоровленія чрезъ нихъ всего общества.

Далѣе, въ интересахъ здоровья учащихся и по соображеніямъ этическимъ, было бы цѣлесообразно и мѣста училищныхъ врачей во всѣхъ

женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже и не имѣющихъ интернатовъ, предоставлять предпочтительно женщинамъ-врачамъ и только, за неимѣніемъ таковыхъ, назначать мужчинъ. Въ подтвержденіе послѣдней мысли достаточно указать на одинъ примѣръ изъ дѣятельности училищныхъ врачей. При изслѣдованіяхъ физическаго развитія учащихся, между прочимъ, встрѣчается надобность въ антропометрическихъ измѣреніяхъ, т. е. въ измѣреніяхъ вѣса, роста, объема грудной клѣтки и т. д., при которыхъ необходимо въ большей или меньшей степени раздѣвать ученицъ. Всѣ такого рода измѣренія съ меньшими затрудненіями, безъ нарушенія у ученицъ чувства стыдливости, сдѣлаетъ училищный врачъ-женщина, а не мужчина.

Къ сему Г. Министръ присовокупляетъ, что циркуляромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 5 іюля 1903 г. за № 17513 было уже сообщено, что на внесенномъ по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ Министровъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1901 годъ о состояніи Витебской губерніи по заявленію Губернатора о назначеніи имъ на штатную должность при ввѣренной его попечительству мѣстной женской гимназіи женщины-врача послѣдовала Высочайшая отмѣтка „вполнѣ одобряю".

Въ виду вышеизложеннаго и на основаніи предложенія Министерства отъ 21 истекшаго января за № 2182, предлагается представлять по мѣрѣ возможности женщинъ-врачей на открывающіяся вакансіи врачей при женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1905 г. № 2).

О повышеніи вознагражденія преподавателямъ, дающимъ уроки вмѣсто отсутствующихъ учителей. (11 февраля 1905 г., № 2023).

Департаментъ общихъ дѣлъ увѣдомилъ г. попечителя округа, что преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, получающіе вознагражденіе изъ суммы сбора за ученіе за уроки, даваемые ими сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, вмѣсто отсутствующихъ учителей, имѣютъ право на повышеніе этого вознагражденія, согласно п. В., ст. 2 отд. А основаній назначенія прибавокъ къ содержанію преподавательскаго персонала, съ отнесеніемъ потребнаго на это расхода на тотъ же источникъ, изъ котораго производится самое вознагражденіе, т. е. суммы сбора за ученіе. (Циркуляръ по Виленскому уч. окр. 1905 г. № 2).

Объ ученыхъ званіяхъ и правахъ, предоставляемыхъ лицамъ, оканчивающимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 31 декабря 1904 г., за № 7665.)

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Промышленности, Наукъ и Торговли, Законовъ и Государственной экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства

Народнаго Просвѣщенія, о предоставленіи всѣмъ оканчивающимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ званія инженера по соотвѣтствующей спеціальности, а въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и въ сельскохозяйственномъ отдѣленіи Рижскаго политехническаго института—званія ученаго агронома и ученаго лѣсовода I и II разрядовъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1. Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ технологическихъ институтахъ, удостоиваются званія инженеръ-технолога.

2. Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, удостоиваются званія инженеръ-механика или инженеръ-технолога.

3. Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, удостоиваются: отличнѣйшіе—званія ученаго агронома или ученаго лѣсовода перваго разряда, всѣ же остальные—званія ученаго агронома или ученаго лѣсовода второго разряда.

4. Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ, удостоиваются: а) по строительному отдѣленію—званія инженеръ-архитектора, б) по инженерному отдѣленію—званія инженеръ-строителя, в) по механическому и химическому отдѣленіямъ—званія инженеръ-технолога и г) по сельскохозяйственному отдѣленію: отличнѣйшіе—званія ученаго агронома перваго разряда, всѣ же остальные—званія ученаго агронома второго разряда.

II. Лицамъ, окончившимъ съ отличіемъ курсъ упомянутыхъ въ отдѣлѣ I учебныхъ заведеній и удостоеннымъ званія инженеръ-технолога, инженеръ-механика, инженеръ-строителя, инженеръ-архитектора, ученаго агронома и ученаго лѣсовода перваго разряда, предоставить тѣ права, какія присвоены нынѣ означеннымъ инженерамъ и агрономамъ и лѣсоводамъ перваго разряда, лицамъ же, окончившимъ курсъ означенныхъ заведеній съ тѣми же званіями инженеровъ, но безъ отличія, а равно удостоеннымъ званія ученаго агронома и лѣсовода второго разряда, предоставить тѣ права, какія присвоены нынѣ технологамъ, механикамъ, строителямъ, архитекторамъ и агрономамъ и лѣсоводамъ второго разряда.

III. Дѣйствіе настоящаго узаконенія распространить на лицъ, окончившихъ курсъ упомянутыхъ въ отдѣлѣ I учебныхъ заведеній до изданія сего узаконенія.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 22-й день сего декабря Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 2).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О допущеніи учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній къ практическимъ занятіямъ по новымъ языкамъ во внѣклассное время.

Въ циркулярномъ отношеніи департамента народнаго просвѣщенія отъ 27-го февраля 1903 г. за № 7022 было сообщено, что министерство признало желательнымъ устройство въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, для желающихъ учащихся, имѣющихъ удовлетворительныя отмѣтки по русскому языку и математикѣ, во внѣклассное время практическихъ занятій по новымъ языкамъ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ циркулярѣ отъ 29-го декабря 1901 г. за № 35769.

Нынѣ, разсмотрѣвъ возбужденное однимъ изъ попечителей учебныхъ округовъ ходатайство о допущеніи къ таковымъ занятіямъ также учениковъ младшихъ классовъ названныхъ учебныхъ заведеній, министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ удовлетворить это ходатайство, при чемъ однако нашло необходимымъ предложить педагогическимъ совѣтамъ имѣть тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы означенныя занятія не служили въ ущербъ успѣхамъ учениковъ по обязательнымъ предметамъ.

Объ этомъ за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищъ министра, тайный совѣтникъ Лукьяновъ увѣдомилъ въ предложеніи отъ 20-го января 1905 г. за № 1256.

Объявляется по округу для надлежащаго распоряженія. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 3).

Относительно того, что свидѣтельство на званіе домашняго учителя не можетъ быть замѣняемо свидѣтельствомъ на званіе учителя уѣзднаго училища.

Департаментъ народнаго просвѣщенія въ отношеніи отъ 24-го января 1905 г. за № 1731 сообщилъ, что, хотя объемъ требованій отъ испытуемыхъ на званіе учителя уѣзднаго училища и домашняго учителя почти одинаковъ, тѣмъ не менѣе въ законѣ нѣтъ указанія на то, чтобы свидѣтельство на званіе домашняго учителя могло быть замѣняемо свидѣтельствомъ на званіе учителя уѣзднаго училища безъ соотвѣтствующаго испытанія.

Сообщается по округу для свѣдѣнія, до кого сіе касаться будетъ (ib.).

О мѣрахъ предупрежденія заноса и развитія скарлатины въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ концѣ истекшаго и началѣ текущаго года отъ нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ въ министерство неоднократно поступали ходатайства о разрѣшеніи имъ прекратить занятія въ тѣхъ

или другихъ учебныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе заболѣванія учащихся скарлатиною, принявшей эпидемическій характеръ.

Въ видахъ единообразія дѣйствій и скорѣйшаго принятія мѣръ къ прекращенію заболѣваній скарлатиною въ учебныхъ заведеніяхъ, въ дополненіе къ существующимъ распоряженіямъ относительно огражденія учебныхъ заведеній отъ заразныхъ болѣзней, г. министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 29-го января 1905 г. за № 2553 рекомендуетъ принимать слѣдующія мѣры:

1) Во время эпидеміи скарлатины усилить врачебный надзоръ за здоровьемъ пансіонеровъ и посѣщающихъ школу учащихся.

2) Установить черезъ училищныхъ врачей, гдѣ таковые имѣются, освидѣтельствованіе всѣхъ учащихся, болѣвшихъ скарлатиною и возвращающихся въ учебное заведеніе, не исключая и тѣхъ, которыми представляются свидѣтельства отъ лѣчившихъ ихъ врачей въ томъ, что они могутъ посѣщать школу.

3) Установить, какъ это требуется распоряженіемъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 7-го апрѣля 1897 года, санитарный надзоръ черезъ училищныхъ врачей за квартирами учащихся, въ которыхъ были заболѣванія скарлатиной, съ цѣлью удостовѣриться, приняты ли родителями или заступающими ихъ мѣсто мѣры для разобщенія здоровыхъ дѣтей, посѣщающихъ учебное заведеніе, отъ больныхъ, а также и другія санитарныя мѣры, какъ-то дезинфекція помѣщеній, платья больныхъ и т. п.

4) Въ случаяхъ особенно сильныхъ и злокачественныхъ эпидемій рекомендуется озаботиться наймомъ особыхъ изоляціонныхъ квартиръ для тѣхъ учащихся, которые не могутъ быть хорошо отдѣлены отъ больныхъ скарлатиною въ ихъ квартирахъ.

5) Установить періодическіе санитарные осмотры всѣхъ помѣщеній учебныхъ заведеній и особенно квартиръ семейныхъ служителей, живущихъ въ зданіи учебныхъ заведеній.

6) Если во время эпидеміи среди учениковъ какого-либо класса будетъ обнаружено болѣе одного заболѣванія скарлатиной, разрѣшается прекратить занятія въ этомъ классѣ на двѣ недѣли, т. е. на срокъ инкубаціоннаго періода скарлатины; въ этотъ срокъ необходимо произвести тщательную дезинфекцію помѣщенія и находившихся въ немъ предметовъ.

Примѣчаніе. Дезинфекцію помѣщеній лучше всего производить формалиномъ съ помощью бреславльскаго дезинфекціоннаго прибора проф. Флюгге.

7) Въ случаяхъ повторныхъ заболѣваній скарлатиной среди пансіонеровъ или учениковъ различныхъ классовъ, въ эпидемическое время предоставляется прекратить занятія въ учебномъ заведеніи срокомъ на двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ должна быть произведена самая тщательная дезинфекція всѣхъ помѣщеній училища.

Сообщаю по округу для руководства въ подлежащихъ случаяхъ, прося гг. начальниковъ учебныхъ заведеній о всѣхъ сдѣланныхъ во исполненіе настоящаго циркуляра распоряженіяхъ доводить до моего свѣдѣнія (ib.).

О предоставленіи права открывать параллельныя отдѣленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учебно-окружному начальству.

Пунктомъ 20-мъ Высочайше утвержденнаго 19-го апрѣля 1904 года мнѣнія государственнаго совѣта, въ измѣненіе приложенія къ ст. 18 счетн. уст., попечителямъ учебныхъ округовъ предоставлено производство постоянныхъ и единовременныхъ расходовъ до 2000 рублей въ одинъ разъ изъ собираемыхъ за ученіе суммъ и другихъ, принадлежащихъ учебнымъ заведеніямъ, спеціальныхъ средствъ на потребности, указанныя въ п. 1-мъ примѣчанія къ ст. 30 приложенія къ ст. 18 счетнаго устава министерства народнаго просвѣщенія, по прод. 1902 г.

Сопоставляя это законоположеніе со ст.ст. 20, 1539 (п. 6) и 1760 (п. 6) т. XI ч. 1 св. зак., уст. учен. учр. и учебн. зав., изд. 1893 г., о порядкѣ разрѣшенія на открытіе параллельныхъ отдѣленій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, министерство признало, что, такъ какъ содержаніе каждой параллели не превышаетъ 2000 рублей въ годъ, то разрѣшеніе на открытіе параллелей должно принадлежать компетенціи мѣстнаго учебно-окружного начальства.

Объ этомъ за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищъ министра, тайный совѣтникъ Лукьяновъ увѣдомилъ въ предложеніи отъ 2-го февраля 1905 г. за № 2468.

Сообщается по округу для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ (ib.).

Правила для библіотекъ, открываемыхъ для пользованія публики при начальныхъ училищахъ. (27 января 1905 г., № 2033).

Министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ установить слѣдующія правила:

1. Предоставить библіотекамъ, открываемымъ для пользованія публики при начальныхъ училищахъ на основаніи правилъ 1867 г., право пользоваться каталогомъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, возложивъ на учителей, завѣдующихъ сими библіотеками, обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы ученикамъ были выдаваемы только книги, значащіяся въ каталогѣ для ученическихъ библіотекъ.

2. Книги, уже допущенныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, могутъ быть пріобрѣтаемы въ библіотеки и выдаваемы читателямъ непосредственнымъ распоряженіемъ завѣдующихъ библіотеками, но съ обязательствомъ немедленно представлять списки пріобрѣтенныхъ книгъ наблюдателю за библіотекой съ указаніемъ относительно каждой книги о мѣстѣ ея назначенія и о допущеніи ея ученымъ комитетомъ.

3. Включить въ каталогъ указаніе на то, что въ помянутыхъ публичныхъ училищныхъ библіотекахъ и народныхъ читальняхъ могутъ находиться всѣ допущенныя въ продажу изданія правительственныхъ вѣдомствъ и учрежденій, а также всѣ изданія, одобренныя сими вѣдомствами.

4. Освободить завѣдующихъ читальнями отъ обязанности, при представленіи списковъ книгъ для разрѣшенія къ употребленію въ читальняхъ и библіотекахъ, присовокуплять отзывы о сихъ книгахъ. (Циркуляръ по Виленскому уч. окр. 1905 г. № 3).

О разрѣшеніи выдавать вознагражденіе за исправленіе письменныхъ работъ директорамъ и инспекторамъ среднихъ учебныхъ заведеній. (4 февраля 1905 г., № 2688).

Попечитель одного изъ учебныхъ округовъ возбудилъ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о разрѣшеніи выдавать директорамъ и инспекторамъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ вознагражденіе изъ спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній за исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ названныя лица даютъ уроки.

Признавая и съ своей стороны справедливымъ, чтобы труды директоровъ и инспекторовъ среднихъ учебныхъ заведеній по исполненію лежащихъ на нихъ преподавательскихъ обязанностей вознаграждались на одинаковыхъ основаніяхъ съ преподавателями соотвѣтственныхъ предметовъ, министерство дало просимое разрѣшеніе, при чемъ нашло необходимымъ, чтобы эта мѣра была распространена и на другіе учебные округа (ib.).

Правила о провѣтриваніи классныхъ комнатъ въ перемѣны между уроками. (2 марта 1905 г., № 4481).

По существующему въ нѣкоторыхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ порядку, къ обязанностямъ дежурящихъ ежедневно по классу воспитанниковъ и воспитанницъ относится, между прочимъ, заботиться о чистотѣ воздуха въ классныхъ комнатахъ, для чего эти дежурные въ промежутки между уроками и особенно во время такъ называемой „большой перемѣны“ должны открывать окна и форточки и затѣмъ становиться на все это время у открытыхъ дверей классовъ, чтобы воспрепятствовать доступу туда другихъ учениковъ.

Такія обязанности являются нерѣдко вредными для здоровья дежурныхъ, особенно въ холодное зимнее время и сырое весеннее и осеннее время, такъ какъ служатъ причиной простудныхъ заболѣваній.

Въ цѣляхъ устраненія этихъ нежелательныхъ явленій, министерство народнаго просвѣщенія установило слѣдующія правила:

1. Обязанность окрывать въ классахъ окна и форточки надлежитъ возлагать повсемѣстно на училищныхъ сторожей, которые какъ передъ началомъ учебныхъ занятій, такъ равно и въ промежутки между уроками, должны, обходя классы, открывать (послѣ каждаго урока) и закрывать (передъ каждымъ урокомъ) форточки.

2. Вмѣнить школьнымъ сторожамъ въ обязанность, по открытіи въ классахъ оконъ и форточекъ, запирать классныя помѣщенія на ключъ на все время, пока таковыя вентилируются (ib.).

Требованія относительно дополнительнаго испытанія лицъ, поступающихъ въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ. (4 марта 1905 г., № 4711).

Согласно ст. 33-ей Высочайше утвержденнаго 10-го мая минувшаго года мнѣнія государственнаго совѣта о преобразованіи С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, къ поступленію въ институтъ допускаются лица, окончившія курсъ женскихъ гимназій или другихъ равныхъ имъ по правамъ учебныхъ заведеній и выдержавшія, сверхъ того, дополнительное испытаніе изъ нѣкоторыхъ предметовъ учебнаго курса мужскихъ гимназій. Предметы эти, а также программа и порядокъ производства означенныхъ испытаній опредѣляются министромъ народнаго просвѣщенія. Въ число указанныхъ предметовъ греческій языкъ не включается.

Во исполненіе сего закона, г. министромъ народ. просвѣщенія установлены и всеподданнѣйше доложены Государю Императору изложенныя ниже требованія при пріемѣ въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.

Принимая, однако, во вниманіе, что желающія поступить въ будущемъ 1905—1906 академическомъ году въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ, за краткостью остающагося до весны времени, лишены будутъ возможности подготовиться къ указаннымъ ниже испытаніямъ, г. министромъ было испрошено Высочайшее соизволеніе, воспослѣдовавшее въ 22 день января сего года, на сохраненіе въ 1905—1906 году для лицъ, желающихъ поступить въ институтъ, требованій объ образовательномъ цензѣ, установленныхъ положеніемъ 1-го іюня 1895 г. о названномъ институтѣ.

Требованія, объявляемыя нынѣ и вступающія въ силу съ начала 1906—1907 учебнаго года, таковы:

1) Въ слушательницы института принимаются лица, окончившія курсъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и епархіальныхъ училищъ съ дополнительнымъ испытаніемъ по предметамъ: русскаго языка (сочиненіе на заданную тему), математики, физики, латинскаго языка и одного изъ новыхъ языковъ въ объемѣ курса мужскихъ гимназій.

2) Отъ испытанія по одному изъ новыхъ языковъ освобождаются окончившія курсъ гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

3) Независимо отъ сего въ слушательницы института принимаются также лица, окончившія курсъ высшихъ женскихъ курсовъ съ сокращеннымъ испытаніемъ, а именно: окончившія курсъ по историко-филологическому отдѣленію сдаютъ таковые экзамены по математикѣ и физикѣ, окончившія курсъ по физико-математическому отдѣленію — сдаютъ сокращенный экзаменъ по русскому языку (сочиненіе на заданную тему) и латинскому языку, въ объемѣ курса мужскихъ гимназій. Означенные дополнительные экзамены производятся при мужскихъ гимназіяхъ весною каждаго года (ib.).

Объ улучшеніи матеріальнаго положенія письмоводителей среднихъ учебныхъ заведеній. (15 января 1905 года № 904).

Циркулярнымъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 8 ноября минувшаго года за № 9588 признано возможнымъ облегчить затруднительное матеріальное положеніе помощниковъ классныхъ наставниковъ путемъ выдачи имъ пособій изъ спеціальныхъ средствъ соотвѣтствующаго учебнаго заведенія въ размѣрѣ, какой окажется возможнымъ по состоянію сихъ средствъ.

Принимая во вниманіе, что письмоводители среднихъ учебныхъ заведеній столь же мало обезпечены получаемымъ ими, по штатамъ, содержаніемъ, какъ и помощники классныхъ наставниковъ, и что трудъ письмоводителей, по мѣрѣ увеличенія въ учебныхъ заведеніяхъ числа учащихся, постепенно возростаетъ, Министерство полагаетъ возможнымъ и желательнымъ, чтобы означенная въ вышеуказанномъ циркулярѣ мѣра была распространяема, въ уважительныхъ случаяхъ, и на письмоводителей названныхъ учебныхъ заведеній.

Объ этомъ, согласно циркулярному предложенію за Министра Народнаго Просвѣщенія г. Товарища Министра отъ 15 января 1905 года, за № 904, объявляется по Западно-Сибирскому учебному округу для руководства. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1905 г. № 2).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Знойко, Николай.* Краткіе очерки по культурной исторіи древняго Востока. Изданіе 4-е. Одесса. 1905. Стр. VI+208. Цѣна 85 коп.“ (для III класса мужскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Знойко, Николай.* Краткое руководство по новой исторіи. Одесса. 1904. Часть I. Стр. 122.—Часть II. Стр. 119. Цѣна каждой части 50 коп.“ (для женскихъ гимназій и коммерческихъ училищъ).

— „*Klasse, Octave.* Le petit Français ou Enseignement par l'image. Cours élémentaire. 3-me édition. Vilna. 1905. Pages 254. Prix 1 rouble.—Cours moyen. Vilna. 1904. Pages 244. Prix 1 rouble.—Словари къ „Le petit Françaiv (Cours moyen)“. Vilna. 1905. Стр. 218. Цѣна 50 коп.“

— „*Никульцевъ, П.* Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть I. Теоретическій отдѣлъ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1905. Стр. IV+336. Цѣна 1 руб. 25 коп.“

— „*Персональный, С. К.* Первые уроки по землевѣдѣнію. Изданіе 2-е, перераб. М. 1904. Стр. VIII+128. Цѣна 50 коп.“

— „*Чихановъ, Б.* Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Изданіе 3-е. Варшава. 1905. Стр. 87. Цѣна 50 коп.“

— „*Шалландъ, А.* Полный курсъ французскаго языка. 1) Приготовительный курсъ. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“—2) Третій годъ. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1905. Стр. 122. Цѣна 50 коп.“

— „*Шалландъ, А.* Французская элементарная грамматика. Часть 1-я. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1905. Стр. 96. Цѣна 40 коп.“

— „*Шалландъ, А.* Французская грамматика. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1905. Стр. 98. Цѣна 45 коп.“

— „*Chollet, C.* Manuel de littérature française. M. 1904. Cours 1-r. Depuis les origines jusqu'au XVIII siècle. Стр. IV+208. Цѣна 1 руб.—Cours. 2-me. Depuis le XVIII siècle jusqu'à la seconde moitié du XIX. Стр. 316. Цѣна 1 руб. 50 коп.

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гольденбергъ, А. И.* Собраніе ариѳметическихъ упражненій. Курсъ приготовительнаго класса. 4-е изданіе. М. 1904. Стр. 80. Цѣна 25 коп.“

— „*Максимовъ, И. П.* 1) Учебная карта древней Греціи. 3-е изданіе. Гомель. 1904.—2) Учебная карта древней Италіи. 3-е изданіе. Гомель. 1904.—3) Учебная карта Европы въ эпоху великаго переселенія народовъ (во 2-й половинѣ V-го вѣка). 3-е изданіе. Гомель. 1904.“ (въ качествѣ классныхъ учебныхъ пособій).

— „*Соколовъ, А.* Учебный географическій атласъ. Изданіе А. Ильина. С.-Пб. 1904. 35 таблицъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Блекки, Джонъ Стюартъ.* Четыре фазиса нравственности. Сократъ, Аристотель, христіанство, утилитаризмъ. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. (Общеполезная библіотека для самообразованія. №№ 30—33). М. 1905. Стр. 423. Цѣна 1 руб.“

— „*Быстровъ, М.* Учебная хрестоматія къ курсу исторіи новѣйшей русской литературы. Изданіе А. К. Пурышева. С.-Пб. 1904. Стр. 328. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Бюснахъ, Вильямъ.* Исторія покинутаго мальчика. Переводъ съ франц. *Л. Черскаго.* Изданіе В. В. Смоленова. С.-Пб. 1903. Стр. 197. Цѣна 1 руб., въ перепл. 1 руб. 50 коп.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Випперъ, Р.* Учебникъ древней исторіи. 3-е дополн. изданіе. М. 1904. Стр. VI+213. Цѣна 1 руб.“ (для средняго возраста).

— „*Гауфъ, Вильгельмъ.* Избранныя сказки. Переводъ съ нѣм. *Н. М. Федоровой.* Изданіе В. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 240. Цѣна 1 руб.“ (для младшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни)

— „*Геккель, Э.* Красота формъ въ природѣ. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе“. С.-Пб. 1902. 40 таблицъ“ (также для выдачи ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды).

— „*Гёксли.* Введеніе въ науку. Переводъ *Д. Кашкарова*, подъ ред. *Н. К. Кольцова.* (Серія начальныхъ курсовъ). М. 1902. Стр. 80. Цѣна 20 к.“ (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Гётчинсонъ.* Вымершія чудовища. Переводъ *М. В. Павловой.* Съ предисл. *А. П. Павлова.* М 1898—1899. Стр. 466. (Научно-образовательная библіотека)“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Голиковъ, В. И.* Природа. Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію. Курсъ 2-го года обученія. Изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. V+220. Цѣна 65 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Диккенсъ, Ч.* Святочные разсказы. Перев. съ англ. *Е. Г. Тихомандрицкой*, подъ ред. и съ предисл. *М. М. Бродовскаго.* Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М.1905. Стр. III+312+1. Цѣна въ перепл. 1 р. 50 к.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно въ безплатныя библіотеки и читальни).

— „*Діатроптовъ, Е. Н.* 1) Изъ жизни ласточекъ. Разсказъ. Изданіе И. П. Гайгарова. М. 1904. Стр. 47. Цѣна 30 коп.—2) Животныя на войнѣ. Изданіе И. П. Гайгарова. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Дружбинъ, П.* И все это правда. Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ. 3-е изданіе, дополн. письмами читателей, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 265. Цѣна 2 руб. 50 коп. въ перепл.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Зандъ, Жоржъ.* Бабушкины сказки. Переводъ съ франц. *М. А. Лазаревой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. 279. Цѣна 1 руб.“ (для средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Карменъ Сильва,* (*Елизавета, королева румынская*). Царство сказокъ. Переводъ съ нѣмец. *С. М. Майковой.* 2-е изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 311. Цѣна 1 руб. въ папкѣ“ (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Картинная галлерея Императорскаго Эрмитажа. Съ объяснительнымъ текстомъ *П. В. Деларова.* Изданіе Т-во М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1902. Стр. IV+182+II. Цѣна 5 р., въ коленк. перепл. 6 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Круковскій, М. А.* Олонецкій край. Путевые очерки. Изданіе „Петербургскаго учебнаго магазина“. С.-Пб. 1904. Стр. IV+260. Цѣна 60 к.“ (также въ безплатныя народныя читальни и бибіотеки).

— „*Либровичъ, Сигизмундъ.* Приготовишки и старшеклассники. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1904. Стр. 99. Цѣна 60 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Мечъ, Сергѣй.* Швейцарія. 2-е изданіе. М. 1904. Стр. 39. Цѣна 40 к. (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Мечъ, Сергѣй.* Швеція и Норвегія. М. 1904. Стр. 50. Цѣна 50 коп.“

(для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Мидъ, Л. Т.* На необитаемомъ островѣ. Переводъ съ англ. *М. Й. Ловцовой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 268. Цѣна 1 руб.“ (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Мидъ, Л.* Семь молоденькихъ дѣвицъ. (Домъ вверхъ дномъ). Переводъ съ англ. *М. Ловцовой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 288. Цѣна въ папкѣ 1 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Мозгъ, какъ органъ мышленія. (Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію. Подъ ред. *В. В. Битнера*). Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1901. Стр. 68. Цѣна 50 коп.“

— „*Николинъ, Иванъ.* Курсъ основного богословія или апологетики. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1904. Стр. 285+III. Цѣна 1 руб. 25 к.“

— „*Островскій, А. Н.* Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. *М. И. Писарева.* Изданіе Т-а „Просвѣщеніе“. С.-Пб. 1904. Томъ II-ой. Стр. 434. — Томъ III. Стр. 469.—Томъ IV. Стр. 631.—Томъ V. Стр. 517.—Томъ VI. Стр. 503. Цѣна за 10 томовъ 16 руб.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Пахомовъ, Д. А.* Два старика. Повѣсть для юношества. (Изъ кавказской жизни). Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 238. Цѣна 1 р. 20 коп., въ папкѣ 1 руб. 40 коп.“ (для средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Петерсонъ, О. П.* Русская стенографія. Изд. А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 137. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Пушкинъ, А. С.* Сочиненія и письма. Подъ ред. *П. О. Морозова.* Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе“. С.-Пб. 1903—4. Томъ III. Стр. VIII+671.— Томъ IV. Стр. 6+427.—Томъ V. Стр. 6+642.—Томъ VI. Стр. VIII+706.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Риманъ, Г.* Музыкальный словарь. Переводъ *Б. Юргенсона*, дополн. русскимъ отдѣломъ. Переводъ и всѣ дополненія подъ ред. *Ю. Энгеля.* Изданіе П. Юргенсона. М. 1901. Стр. 1531. Цѣна не обозначена.“ (также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Рогова, О. И.* Донъ-Кихотъ Ламанчскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Передѣл. по Сервантесу для русскаго юношества. 4-е испр. изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 75 коп.“ (для младшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Роско,* Химія. Переводъ подъ ред. *С. Г. Крапивина.* (Серія начальныхъ курсовъ). М. 1902. Стр. 111. Цѣна 25 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Русаковъ, Викторъ.* Русскіе Колумбы и Робинзоны. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 146. Цѣна въ папкѣ 1 руб.“ (для средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Соковнинъ, П. А.* Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни. 3-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 239. Цѣна въ перепл.

2 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Соколовъ, Н. Н.* Аріасвати. Романъ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 484. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Сомова, Е. К.* Басни въ лицахъ. Разсказы для дѣтей. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 180. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Толстой, Л. Л.* Яша Поляновъ. Воспоминанія для дѣтей изъ дѣтства. М. 1899. Стр. 204. Цѣна 1 руб.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Толстой, Н.* Три сестры. Сказка въ стихахъ. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 8+114. Цѣна 3 руб. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Хвостовъ, Н. Б.* Подъ осень. Стихотворенія. С.-Пб. 1905. Стр. 176. Цѣна 1 руб.“

— „*Чарская, Л. А.* Люда Влассовская. Повѣсть для юношества. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 447. Цѣна 2 р. 25 коп. въ перепл. 3 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Шекспиръ.* Изданіе Брокгауза-Ефрона. (Библіотека великихъ писателей подъ ред. *С. А. Венгерова*). С.-Пб. 1902—1904. Томъ I. Стр. IV+572.— Томъ II. Стр. 577.—Томъ III. Стр. 595.—Томъ IV. Стр. 605. Томъ V. Стр. 608“ (также для выдачи въ видѣ награды, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Генкель, А.* Краткій очеркъ внѣшней морфологіи (органографіи) цвѣтковыхъ растеній. Съ приложеніемъ текста къ I-му выпуску Школьнаго ботаническаго атласа и уменьшенной копіи его (218 рис.). 2-е, вновь написанное, изданіе Подвижного музея учебныхъ пособій. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были исправлены погрѣшности).

— „*Двигубскій, Н. П.* Что и какъ наблюдать на небѣ. С.-Пб. 1904. Стр. 196. Цѣна 1 руб.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Фелье, Альфонсъ.* Жизнь знаменитыхъ грековъ, изложенная по Плутарху. Переводъ съ франц. *П. В. Евстафьева.* 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. II+374. Цѣна 1 р. 25 коп., въ перепл. 1 р. 75 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи недостатки книги были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Буличъ, О. К.* Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи Томъ I. (XIII в.—1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, „Введенія въ изученіе языка“ *Б. Дельбрюка.* С.-Пб. 1904. Стр. XI+1248. Цѣна 6 руб.“—признать заслуживающей рекомендаціи посредствомъ особаго циркуляра окружнымъ начальствамъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „*Гошкевичъ, М. И.* Гигіена. 3-е испр. изданіе. Херсонъ. 1904. Стр. IV+345. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: *Желиховская, В. П.* На весенней зарѣ. Повѣсть для юношества. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 191. Цѣна 90 коп.“—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: *Левицкій, Михаилъ.* Послѣднія ингерманландки. Повѣсть временъ основанія Петербурга. Кронштадтъ. 1903. Стр. 163. Цѣна 40 к.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

I. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Васильевъ, Петръ.* Этимологія русскаго языка. М. 1904. Стр. VII +96. Цѣна 40 коп.“ (для городскихъ училищъ, а также для младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ).

— „*Корханиди, П.* Начальная русская хрестоматія. Изд. 4-е. Тифлисъ. 1904. Стр. 441+VI. Цѣна 70 коп.“

— „*Крижъ, В. О.* Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковнославянская, 4-е изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1905. Стр. 97+20. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Мироносицкій, П. П.* Записки по теоріи музыки. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+119. Цѣна 80 коп.“ (для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „Наглядный русскій букварь и первая книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. 2-ое изд. православнаго миссіонерскаго общества. Казань. 1904. Стр. 98+II. Цѣна 20 коп.“ (для инородческихъ училищъ).

— „*Сатаровъ, В. Н.* „Родные посѣвы". 2-я книга для класснаго чтенія. Изд. К. Тихомирова. М. 1905. Стр. 173+Ш. Цѣна 30 коп."

— „*Турцевичъ, Ар.* Краткій учебникъ русской исторіи. 3-е изд. Вильна. 1905. Стр. 89. Цѣна 25 коп." (для 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Шнейдеръ, М. Б.* Бетъ гасеферъ. Руководство къ одновременному изученію Библіи, библейской исторіи и древне-еврейскаго языка. Книга 1-я. Изд. 13-е вновь перераб. Вильна. 1903. Стр. VI+123. Цѣна 45 коп." (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Горбовъ, Н.* О внѣшнихъ пріемахъ воспитанія въ народной школѣ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. IV+51. Цѣна 30 коп."

— „*Ельницкій, К.* Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. 4-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 30. Цѣна 20 коп."

— „*Красевъ, А.* О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Вятка. 1904. Стр. 70+II. Цѣна 25 коп."

— „*Крижъ, В. О.* Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ русской и церковно-славянской. 3-е изд., И. Ѳ. Жиркова. М. 1904. Стр. 62. Цѣна 10 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Кудрявцевъ, М. Н.* Ариѳметика на счетахъ и коммерческія вычисленія. Изд. 7-е, испр. и доп. М. 1905. Стр. 128. Цѣна 1 р." (также въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Покровскій, В.* Аѳанасій Аѳанасіевичъ Фетъ (Шеншинъ). Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1904. Стр. 110. Цѣна 20 коп." (также въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Руководство къ веденію разговорныхъ уроковъ по русскому языку въ инородческихъ школахъ. 2-е испр. изд. православнаго миссіонерскаго общества. Казань. 1904. Стр. XIV+96+VI. Цѣна 50 коп." (для инородческихъ училищъ).

— „Энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ и И. А. Ефронъ (С.-Пб.) Полутомы 78 и 79" (для учительскихъ семинарій, городскихъ и 2-хклассныхъ приходскихъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній *):

— „*де-Амичисъ, Эдмондъ.* Дневникъ школьника. (Cuore). Редакція перевода и предисл. *В. Крестовскаго.* Изд. 4-е, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. XI+282. Цѣна 1 р."

— „*Бизлей.* Разсказы изъ римской исторіи. М. 1901. Стр. 111. Цѣна 40 к."

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Біаръ, Люсьенъ.* Приключенія молодого натуралиста. Переводъ съ франц. подъ ред. *С. Бриліанта.* Изд. В. П. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 402+IV. Цѣна 1 р. 35 коп."

— *Богданова, А.* Америка. (Соединенные Штаты). Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 63. Цѣна 20 коп."

— „*Веберъ, К. К.* Разсказы о фабрикахъ и заводахъ. Изд. 7-е, магаз. „Сотрудникъ школъ". М. 1900. Стр. 126. Цѣна 60 коп."

— „*Вэръ-Чистякова, Е.* Правдивый Петя. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 15. Цѣна 3 коп."

— „*Гетте.* Зоологія. Переводъ подъ ред. *П. П. Сушкина.* (Серія начальныхъ курсовъ). Стр. 188+III. Цѣна 40 коп."

— „*Гофманъ, Францъ.* Безпріютный и благодѣтель. Переводъ съ нѣм. *А. И. Павловской.* Изд. А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 231. Цѣна 1 р."

— „*Денисовъ, Леонидъ.* Неизбѣжный путь жизни христіанина. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. V+64. Цѣна 10 коп."

— „*Додэ, А.* Удивительныя приключенія Тартарена. Переводъ *Л. Черскаго.* Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 30. Цѣна 20 коп."

— „Дѣвочка-Робинзонъ. Леля на необитаемомъ островѣ. Съ англійскаго. 3-е русское изд., подъ ред. *И. Бѣлозерскаго,* т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. II+225. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Графъ Габсбургскій. Кубокъ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 22. С.-Пб. 1904. Стр. 15. Цѣна 3 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Избранныя стихотворенія. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 23. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 3 коп."

— „*Жуковскій. В. А.* Капитанъ Боппъ. Іосифъ Прекрасный. Выборъ креста. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 26. С.-Пб. 1904. Стр. 27. Цѣна 5 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 27. С.-Пб. 1904. Стр. 26. Цѣна 5 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 28. С.-Пб. 1904. Стр. 40. Цѣна 5 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Сказка о спящей царевнѣ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 24. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 3 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Сказка о царѣ Берендеѣ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 25. С.-Пб. 1904. Стр. 24. Цѣна 3 коп."

— „*Засодимская, А. Н.* Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 98. Цѣна 45 коп."

— „*Киплингъ, Р.* Котуко. Повѣсть изъ жизни эскимосовъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Коваленская, А.* Валетка (Ссыльный). Изд. 2-е, магаз. „Сотрудникъ школъ". М. 1899. Стр. 70. Цѣна 15 коп."

— „*Коваленская, А. Г.* Крутиковъ. Разсказъ. 8-е изд., магаз. „Сотрудникъ школъ". М. 1903. Стр. 48. Цѣна 7 коп."

— „*Коваленская, А. Г.* Народные разсказы. Мачиха. Изд. 3-е, магаз. „Сотрудникъ школъ". М. 1902. Стр. 24. Цѣна 10 коп."

— „Красныя зори. Двухнедѣльный иллюстрированный журналъ для дѣтей младшаго возраста подъ ред. *К. С. Баранцевича.* С.-Пб. Подписная цѣна на годъ 3 р." (для начальныхъ училищъ, по предварительной подпискѣ).

— „*Кругловъ, А. В.* Иванушка-дурачекъ. Русская сказка. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“

— „На добрую память. Сборникъ для дѣтей. Памяти Н. А. Соловьева-Несмѣлова. М. 1902. Стр. IX+213. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Немировичъ - Данченко, Василій.* Страшные люди. С.-Пб. 1904. Стр. 49.“

— „*Николаевъ, А.* Памятники. Культурно-историческій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Оржешко, Элиза.* 1) Приключеніе Яся. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ польскаго. Изд. 9-е, М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 25 коп.—2) То же въ дешевомъ изд. (Добрыя души). Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Орнатскій, И.* Дѣдушка-лѣсолюбъ. Повѣсть для дѣтей. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 30. С.-Пб. 1905. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Острогорскій, Викторъ.* Родные поэты для чтенія въ классѣ и дома. 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. М. 1903. Стр. IV+II+386. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Попова, О. Н.* Годъ на материкѣ южнаго полюса. Изд. О. Н. Поповой. (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1904. Стр. 91+1 карта. Цѣна 30 коп.“

— „Приключенія маленькаго графа. Переводъ съ англ. *М. А. Лялиной.* Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1897. Стр. 72. Цѣна 30 коп.“

— „*Прокофьевъ, Н.* Исторія Казани и покоренія Казанскаго царства. Казань. 1904. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“

— „*Пушкинъ.* Избранныя сочиненія. Подъ ред. и съ прим. *П. О. Морозова.* Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 29. С.-Пб. 1904. Стр. XXII—446. Цѣна 50 коп.“

— „*Радичъ, В.* Историческіе разсказы для дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 246. Цѣна 1 р.“

— „*Свѣшникова, Е.* Князь Серебряный. Сокращено изъ романа А. К. Толстого. Изд. 8-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека „Для семьи и школы“). М. 1904. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Въ болотахъ Полѣсья. Бѣлоруссы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Въ степяхъ и садахъ Украйны. Малороссы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 28. Цѣна 6 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Въ странѣ скалъ и озеръ. Финны. С.-Пб. 1904. Стр. 50. Цѣна 10 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* На западной окраинѣ. Поляки и литовцы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* На русскомъ привольѣ. Великороссы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 72. Цѣна 13 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Потомки золотой орды. Татары. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 28. Цѣна 5 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Среди знойныхъ пустынь и широкихъ степей. Народы Туркестана. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 55. Цѣна 10 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* У Ледовитаго океана. Самоѣды. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* За Уральскимъ хребтомъ. Сибирскія (sic!) инородцы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 51. Цѣна 10 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Чудный край и его жители. Кавказъ. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904 г. Стр. 75. Цѣна 13 коп.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Душевные люди. Изъ поволжскихъ разсказовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 207. Цѣна 50 коп.“

— „*Сысоевъ, В.* Летающіе звѣри. (По Брему, Сентъ-Илеру и др.). Изд. Д. П. Ефимова, М. 1905. Стр. 38. Цѣна 20 коп.“

— „*Сысоевъ, В.* Четверорукіе звѣри. (По Брэму, Сентъ-Илеру и др.). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 61. Цѣна 25 коп.“

— „*Тихомирова, Е. Н.* За свободу братьевъ-славянъ. Очерки. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 115. Цѣна 20 коп.“

— „*Толстой Л. Л.* Добрые совѣты. (Изданіе для народа). С.-Пб. 1903. Стр. 32.“

— „*Толычева, Т.* Св. Стефанъ Пермскій. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Томпсонъ, Э. С.* Разсказы изъ жизни животныхъ. Переводъ съ англ. *Е. В. Лавровой.* Изд. О. Н. Поповой. (Библіотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1905. Стр. 144. Цѣна 25 коп.“

— „*Томсонъ, Э. Сэтонъ.* Тито. Исторія луговой волчицы. Съ англ. *А. Н. Рождественской.* Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 71. Цѣна 25 коп.“

— „*Черскій, Л.* Давидъ Ливингстонъ. Біографическій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Черскій, Л.* Разсказы изъ отечественной войны. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 56. Цѣна 30 коп.“

— „Четыре разсказа для школъ и народа. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Шекспиръ, Виллльямъ.* Коріоланъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы *Ив. Ив. Иванова.* Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“

— „*Шекспиръ, Виллльямъ.* Макбетъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы *И. И. Иванова.* М. 1904. Стр. 70. Цѣна 20 коп.

— „*Шиллеръ.* Орлеанская дѣва. Переводъ *В. Бог-каго.* М. 1903. Стр. 161. Цѣна 25 коп“. (для городскихъ училищъ).

— „*Юрьева, М.* На зарѣ юности. (Изъ разсказовъ Ольги Дмитріевны). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 122. Цѣна 50 коп.“

— „*Өедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Хорошая компанія. Разсказы, сказки, байки и стихи. Изд. журн. „Свѣтлячокъ“. М. 1904. Стр. 112. Цѣна 75 коп.“

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки [1]):

„*де-Амичисъ, Э.* Учительница. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. М 1905. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“

[1]) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Аптекманъ, О. В.* О пьянствѣ. (Бесѣда). Изд. Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. № 6. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 4 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Бернадскій, Э.* Медицина, врачи и публика. Переводъ съ польскаго *С. К. Лешкевича.* М. 1903. Стр. XII+157. Цѣна 80 коп.“

— „*Бѣлавенецъ, Митр. Ив.* Глиновѣдѣніе. Обработка глины. Вымораживаніе и отмучиваніе глины. 2-е изд. книжн. склада „Глиновѣдѣніе“. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Волковъ, Н.* Дезинфекція и мѣры предохраненія отъ заразы. Владикавказъ. 1903. Стр. 23. Цѣна 8 коп.“

— „*Герасимовъ, П.* Скользкія дорожки. Повѣсть. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 31. С.Пб. 1904. Стр. 72. Цѣна 10 коп.“

— „*Даничъ, К.* Задушевное слово къ новобранцамъ. Изд. 2-е, испр. В. Березовскаго. С.-Пб. 1905. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Догель, И. М.* Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. Изд. 2-е Казанскаго общества трезвости. Казань. 1904. Стр. 53. Цѣна 30 коп.“

— „*Дубровскій, Н.* Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. 18-е испр. и доп. изд., А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 768. Цѣна 1 руб.“.

— „Дѣтское сердце. Сборникъ разсказовъ. № 145. М. 1903. Стр. 142+1.“

— „*Коропчевскій, Д. А.* Дѣти каменнаго вѣка. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 79. Цѣна 30 коп.“

— „*Крихлеръ, Францъ.* Породы собакъ (Hunderassen). Перевелъ и дополнилъ *В. Д. Вольфсонъ.* 2-е изд., В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 252+IV. Цѣна 1 р.“

— „*Лавровъ, В. М.* Дѣти артисты и др. разсказы. Съ польскаго. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. М. 1905. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лебедевъ, А. И.* Дѣтская и народная литература. Нижній-Новгородъ. 1904. Вып. I-й. Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста 4-е вновь доп. изд. Стр. 112.—Вып. 2-й. Старшій возрастъ. Стр. 121. Цѣна каждой книжки 50 коп.“

— „*Лебедевъ, А. П.* Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). Изд. 2-е. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1903. Стр. 344. Цѣна 2 руб.“

— „*Митропольскій, Ив. Ив.* Изъ прошлаго и настоящаго. Разсказы о войнѣ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 71. Цѣна 35 коп.

— „*Морозовъ, М.* Бесѣды о повальныхъ болѣзняхъ. М. 1896. Стр. 107“.

— „*Мюллеръ, Е.* Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ франц. подъ ред. *В. Д. Владимірова.* Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1896. Стр 292+1. Цѣна въ папкѣ 1 руб.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Подъячевъ, Семенъ.* Мытарства. Очерки Московскаго работнаго дома. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903. Стр. 143. Цѣна 25 коп.“

— „*Покровскій, А. В.,* и *С. Ѳ. Жулинскій.* Прививка виноградной лозы. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. IV+116. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Поповъ, Е. И.* Хлѣбный огородъ и ручное земледѣліе. Изд. 2-е, испр. „Посредника". LXXII. М. 1904. Стр. 133. Цѣна 60 коп."

— „*Преображенскій, Я.* Брюшной тифъ. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 27. Цѣна 15 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* Дифтеритъ и его лѣченіе противодифтеритной сывороткой. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 19. Цѣна 15 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* Лѣченіе свѣтомъ. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 27. Цѣна 15 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* Мышцы. Устройство, работа и назначеніе мышцъ въ жизни тѣла. С.-Пб. 1904. Стр. 35. Цѣна 15 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* О душевныхъ болѣзняхъ. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 15 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* О чахоткѣ. С.-Пб. 1904. Стр. 45. Цѣна 15 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Розовъ-Цвѣтковъ, В.* По ту сторону „Пояса міра". Этнографическіе очерки и разсказы. М. 1904. Стр. 143. Цѣна 1 р."

— „*Ромеръ.* О хорошемъ уходѣ за курами. Съ нѣм. *В. Брунстъ.* (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Кн. 48). М. 1904. Стр. 64. Цѣна 5 коп."

— „*Русаневичъ, А.* Долгъ русскаго солдата и народа къ своему отечеству и государю. Изд. А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 40. Цѣна 10 коп."

— „*Спасскій, В. Н.* Кормовые корнеплоды. Свекла, морковь, пастернакъ, рѣпа и брюква. Изд. К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ полеводства и луговодства). М. 1904. Стр. 47. Цѣна 8 коп."

— „*Тихомирова, Е. Н.* Картинки изъ японской жизни. Изданіе ред. журнала „Дѣтское Чтеніе" (Библіотека для семьи и школы"). М. 1905. Стр. 54. Цѣна 15 коп."

— „*Толстой, Левъ Львовичъ.* Для дѣтей. Разсказы. Изд. 2-е дополн. М. 1901. Стр. 164. Цѣна 1 руб.

— „*Толстой, Л. Н.* Власть тьмы, или Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть". Изд. Е. Н. Тихомировой.М. 1887. Стр. 120. Цѣна 8 коп."

— „*Толстой, Л. Н.* Много ли человѣку земли нужно. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 3 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Толычева, Т.* Семейныя записки. Изд. 2-е. М. 1903. Стр. 194".

— „*Федоровъ, П. А.* Производство ваксы, сапожной и колесной мази, лаковъ и дегры. Изд. А. Ф. Суховой. (Популярная химическая технологія). С.-Пб. 1903. Стр. 40. Цѣна 25 коп."

— „*Черскій, Л.* Друзья человѣчества. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 72. Цѣна 35 коп."

— „*Черскій, Л. Ф.* Кавказскія сказки, преданія и легенды. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 50 коп."

— „*Чеховъ, Антонъ.* Разсказы. Изд. 3-е, А. Ф. Маркса. (Сочиненія. Томъ I). С.-Пб. Стр. 384+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Шумковъ, И. В.* Кумысъ какъ доходная отрасль сельскаго хозяйства и приготовленіе кумыса при помощи здоровой закваски. Самара. 1904. Стр. 33+II табл. Цѣна 30 коп.“

— „*Шумковъ, И. В.* Посадка арбузовъ и приготовленіе арбузнаго меда по улучшенному способу. Самара. 1904. Стр. 59. Цѣна 50 коп.“

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра постановлено:

— Изданіе: „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. 8 таблицъ въ краскахъ. Подъ ред. *Г. И. Турнера.* Размѣръ $15^1/_2$+10 верш. Цѣна за 8 табл.—3 р., отдѣльно каждая табл. по 40 к.“ признать заслуживающимъ особой рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства начальствамъ учебныхъ округовъ для пріобрѣтенія въ среднія и низшія учебныя заведенія, въ качествѣ классныхъ стѣнныхъ таблицъ, и, сверхъ того, допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Ежедневную газету: „Военное время. С.-Пб. Редакторъ *Н. П. Пештичъ*“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Повторяется, въ виду неправильно напечатанной, въ VII-й книжкѣ, фамиліи редактора).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру *М. И. Бѣлавенца*: „Глиновѣдѣніе. Обработка глины. Вымораживаніе и отмучиваніе глины. 2-е изданіе. 1904 года. Цѣна 10 коп.“—допустить въ библіотеки школъ ремесленныхъ учениковъ и низшихъ ремесленныхъ училищъ.

— Брошюру *И. П. Петрова:* „О скотномъ дворѣ для молочныхъ коровъ. Изд. *К. Тихомирова.* М. 1904 г.“—допустить въ библіотеки сельскохозяйственно-техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу проф. *Г. Кирштейна*: „Строительное искусство. 2-ое изд. Съ 207 черт. и 151 таблицами. Рига. 1904 г. Цѣна 10 р.“—одобрить для пріобрѣтенія въ библіотеки среднихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *Брозіусъ и Кохъ*: „Спутникъ паровознаго машиниста. Пере-

водъ *В. Остермана*. 1904 г. Редакція и дополненія *Д. Сухаржевскаго*"—допустить въ библіотеки технических училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Томъ VII книги подъ заглавіемъ: „Промышленность и техника. Вып. VI—X. Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Проф. *М. Гари*, *Г. Гехта*, *Э. Крамера* и *Лассаръ Кона*. Полный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія, подъ ред. *В. В. Эвальда* и *А. А. Байкова*",—допустить въ основныя библіотеки среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, а также въ основныя ученическія библіотеки техническихъ училищъ.

— Книгу *П. Чирвинскаго*: „Учебникъ скотоводства и скотоврачеванія для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Вып. I и II. С.-Пб. 1902 г."—рекомендовать для среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ училищъ.

— Брошюру технолога *П. А. Федорова*: „Переплетчикъ любитель. Съ 52 рис. Изд. 2-ое. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 30 коп."—допустить въ ученическія библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ библіотеки тѣхъ ремесленныхъ классовъ и отдѣленій при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается переплетное дѣло.

— Изданіе подъ заглавіемъ: „Ручной трудъ (для самообразованія). Ежемѣсячный и популярный журналъ кустарно-ремесленной и сельскохозяйственной промышленности и торговли. Редакторъ-издатель *С. Архангельскій*. 12 №№ журнала за 1903 г. и 8 №№ за 1904 г."—допустить въ тѣ общеобразовательныя учебныя заведенія, при которыхъ имѣются ремесленныя и сельско-хозяйственныя отдѣленія.

— Книгу: „Д-ръ *І. Зейффартъ*. Контроль котельной установки и известково-обжигательныхъ печей на основаніи газометрическихъ и т. п изслѣдованій. Со 2-го нѣмецкаго изданія перевелъ инженеръ-технологъ *М. И. Кузнецовъ*, подъ ред. проф. *А. П. Лидова*. Изд. *К. Казначеева*. М. 1904 г. Цѣна 1 р. 60 к."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *Н. Иванова*: „Столярное ремесло. Необходимое руководство для начинающихъ столяровъ и любителей, желающихъ сознательно изучить столярное дѣло. Изд. т-ва *И. Д. Сытина*. М. 1901 г. Цѣна 20 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ ремесленныхъ школъ и тѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, при которыхъ существуютъ ремесленныя отдѣленія по обработкѣ дерева.

— Составленную французскимъ инженеромъ *А. Озана* (*A. Hozana*) „Стѣнную таблицу спектральныхъ линій, появляющихся въ спектрѣ пламени Бессемеровскаго конвертора"—допустить въ основныя библіотеки среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ съ механической, химической и горнозаводской спеціальностями.

— Брошюру технолога *П. А. Федорова*: „Маляръ любитель. Второе изданіе. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 30 к."—допустить въ библіотеки ремесленныхъ училищъ.

— Книгу *Б. Чиханова*: „Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Изд. 3-е. Варшава. 1905 г. Цѣна 50 коп."—одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ техническихъ училищъ.

— Брошюру *П. А. Федорова*: „Щеточникъ любитель. Съ 21 рис. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки профессіональныхъ учебныхъ заведеній и ремесленныхъ классовъ, но лишь подъ условіемъ пониженія цѣны брошюры до 10 коп.

— Брошюру *П. А. Федорова:* „Производство ваксы, сапожной и колесной мази, лака и дегры для кожи и т. п. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 25 к.“—допустить въ ученическія библіотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *М. Федерсенъ:* „Сто растеній. Переводъ съ датскаго *Е. Зографъ*. Изд. *К. Тихомирова*. М. 1904 г. Цѣна 30 коп.“—допустить въ библіотеки сельско-хозяйственно-ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *М. Т. Теорина*: „Элементарный курсъ коммерческихъ вычисленій и терминологій, съ задачами и отвѣтами. Изд. 2-е. М. 1904 г. Цѣна 1 р. 35 к.“ – одобрить для тѣхъ промышленныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается счетоводство и бухгалтерія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ

„СЛОВО“

СЪ ДОСТАВКОЮ и ПЕРЕСЫЛКОЮ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р.	р. к.	р. к.	р.	р. к.	р. к.	р.	р. к.	р.	р. к.	р.	р. к.
I изданіе.	12	11 —	10 —	9	8 —	7 —	6	5 —	4	3 —	2	1 —
За гран.	20	19 —	18 —	17	15 —	13 —	11	10 —	8	6 —	4	2 —
II изданіе	5	4 70	4 40	4	3 70	3 40	3	2 50	2	1 50	1	— 50

Годовые подписчики на 1905 г· получатъ газету за конецъ 1904 г. безплатно со дня полученія отъ нихъ требованій. Лица, желающія ознакомиться съ изданіемъ, благоволятъ присылать свои адреса, по коимъ и будетъ имъ выслано безплатно нѣсколько №№.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Невскій, д. 92, кв. 3.

Телефонъ 6357.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій ежедневно отъ 4-хъ до 6-ти часовъ. Пріемъ у редактора по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 6-ти до 7-ми час. Присылаемыя рукописи должны имѣть фамиліи и адреса авторовъ; возвращеніе рукописи для редакціи не обязательно.

КОНТОРА редакціи открыта для пріема подписки и объявленій въ будни объ 10-ти до 5-ти час., по праздникамъ отъ 1-го до 3 час. Подписка придимается также во всѣхъ мѣстныхъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: Впереди текста 60 к. за строку петита; позади текста: пренложеніе и спросъ труда, прислуга и проч.—10 к. строка, остальныя—20 к. Объявленія въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 1 р. за строку петита. Годовыя и мѣсячныя объявленія—по соглашенію.

Ред. **П. В. Быковъ**. Изд. **Н. Н. Перстовъ.**

ИЗДАНІЯ

ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА,

имѣющіяся въ продажѣ:

Бѣлоголовый, Н. А. Воспоминанія и другія статьи. Ц. 1 р. 50 к.
Гаршинъ, Г. М. Разсказы. Ц. 2 р.
Джаншіевъ, Г. А. Изъ эпохи великихъ реформъ. Ц. 2 р. 59 к.
Ефименко, А. Етногрофическія изслѣдованія. Ц. 2 р.
Костомаровъ, Н. И. Собраніе сочиненій (Историческія монографіи и изслѣдованія). Цѣна по подпискѣ (до выхода послѣдней книги) 20 р., отдѣльно 1 р. и 7 кн. по 5 р. 50 к., 2, 4, 5 и 6 кн. по 4 р., 3 кн. 2 р. 50 к. и 8 кн. 4 р. 50 к.
Надсонъ, С. Стихотворенія. Ц. 2 р.
Его же. Недопѣтыя пѣсни. Ц. 1 р.

Означенныя книги находятся на складѣ у слѣдующихъ петербургскихъ книгопродавцевъ.

Башмаковъ, Екатерининская ул., 2. Вольфъ, Гостинный дворъ, 18, Карбасниковъ, Литейный, 46. „Новое время“, Невскій, 40. Панафидинъ Екатерининская, 4. Стасюлевичъ, В. О., 5 линія, 28.

Общій взглядъ на современное состояніе средняго образованія въ Германіи.

(По личнымъ наблюденіямъ).

Я уже имѣлъ случай дѣлиться съ читателями „Русской школы" своими наблюденіями надъ постановкою средней школы на Западѣ и, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1902 году) напечаталъ на ея страницахъ статью, озаглавленную „Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи" (по личнымъ наблюденіямъ).

Лѣто прошлаго года я опять провелъ за-границею съ цѣлью познакомиться съ нѣкоторыми педагогическими вопросами путемъ личнаго посѣщенія средне-учебныхъ заведеній, преимущественно въ Германіи, для выполненія возложенной на меня, съ Высочайшаго соизволенія, командировки. Интересовало Ученый Комитетъ Министерства, между прочимъ, какъ постановка школьной дисциплины, такъ и надзора за внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ, а главнымъ образомъ—„школьный режимъ" на Западѣ, какимъ онъ сложился въ современной, преимущественно нѣмецкой, школѣ.

Подробно излагать свои наблюденія я намѣренъ въ одномъ изъ нашихъ педагогическихъ журналовъ въ статьѣ, долженствующей появиться въ скоромъ времени; здѣсь-же я изложу только тѣ общіе выводы, къ которымъ я пришелъ по интересовавшимъ Ученый Комитетъ вопросамъ.

По вопросу „о религіозно-нравственномъ воспитаніи" я считаю долгомъ здѣсь замѣтить, что предметомъ моихъ наблюденій, конечно, могло служить только то нравственное вліяніе, которое оказываетъ на учениковъ средней школы протестантской и католической Германіи преподаваніе Закона Божія (но отнюдь не догма того или другого вѣроисповѣданія), и тѣ способы и пріемы, которые имѣются въ распоряженіи законоучителей, чтобы религіозно и нравственно вліять на своихъ учениковъ.

Сравнивая постановку этого преподаванія въ протестантской и католической Германіи, я нахожу, что протестантская церковь даетъ гораздо больше свободы въ отправленіи религіозныхъ обязанностей своимъ ученикамъ; послѣдніе находятся почти совершенно въ этомъ отношеніи внѣ всякаго контроля и надзора со стороны духовенства, которое всецѣло предоставляетъ отправленіе религіозныхъ обязанностей самимъ ученикамъ и попеченію и заботамъ объ этомъ ихъ родителей, тогда какъ католическая церковь беретъ учениковъ подъ свою опеку и предъявляетъ къ нимъ весьма опредѣленныя требованія и тѣмъ, конечно, производитъ на нихъ чисто внѣшнее и даже весьма систематическое давленіе.

Самые принципы, легшіе въ основаніе преподаванія Закона Божія въ протестантской и католической Германіи, совершенно различны.

Тогда какъ въ первой изъ нихъ (протестантской) это преподаваніе совершенно свободно отъ опредѣленнаго, обязательнаго кодекса, не втиснуто въ строгія и опредѣленныя рамки каноническаго ученія и носитъ на себѣ чисто индивидуальный характеръ самого преподавателя, пріобрѣтая при этомъ часто направленіе научно-богословское, въ католической Германіи, какъ, впрочемъ, вообще и на всемъ католическомъ Западѣ, это преподаваніе строго регламентировано, чисто объективно; въ немъ нѣтъ вовсе мѣста личности самого преподавателя и его отношенію къ тому или другому догматическому ученію. Законоучитель является не болѣе, какъ его безличнымъ истолкователемъ.

Переходя ко второму вопросу, предложенному мнѣ Ученымъ Комитетомъ къ изученію,—къ вопросу „о воспитательномъ значеніи школы на Западѣ“, я долженъ прежде всего указать въ своемъ выводѣ по этому вопросу на прочно установившуюся и окрѣпшую уже нѣсколько поколѣній въ Германіи нравственную связь и полную солидарность, существующія въ ней между семьей и школой, солидарность, при которой только и возможно благотворное воспитательное вліяніе школы и выполненіе ею серьезной культурной задачи.

Объясняется эта связь, конечно, прежде всего культурностью самой семьи въ Германіи, самихъ родителей, прошедшихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе черезъ ту же школу и потому вполнѣ сознающихъ ея значеніе и необходимость подчиниться ея справедливымъ требованіямъ.

На этомъ основанъ весь успѣхъ школьной дисциплины въ Германіи, ея школьнаго режима.

Между тѣмъ нигдѣ положительно ученикъ средней школы не

пользуется такою большою, сравнительно, свободой, какъ въ Германіи.

Конечно, это опять возможно тамъ только потому, что нѣмецкая семья, будучи сама воспитана, можетъ внушить своимъ сыновьямъ прежде всего столь присущій именно нѣмецкой семьѣ духъ дисциплины и порядка, повиновенія старшимъ и уваженія закона, какъ-бы онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ ни былъ стѣснителенъ для отдѣльныхъ лицъ.

Надзоръ за учениками „внѣ стѣнъ заведенія", въ особенности въ большихъ городскихъ центрахъ, совершенно отсутствуетъ въ Германіи со стороны учебнаго начальства; онъ вполнѣ предоставляется попеченію родителей и составляетъ прямую обязанность, выпадающую на долю родительской власти.

Классные наставники (ординаріусы) не посѣщаютъ даже учениковъ на квартирахъ.

При изученіи этого въ высшей степени интереснаго и важнаго въ педагогическомъ отношеніи вопроса въ Германіи „объ отношеніи семьи къ школѣ" прежде всего поражаешься тѣмъ фактомъ, что школа можетъ всегда тамъ расчитывать на серьезную и вполнѣ сознательную поддержку семьи и на полную солидарность съ нею по всѣмъ принципіальнымъ вопросамъ, и въ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, столь различныхъ, къ сожалѣнію, отъ нашихъ, и надо искать причины достигаемыхъ ею воспитательныхъ результатовъ.

Принимая на себя всю отвѣтственность за поведеніе сына внѣ школы, родители, естественно, приходятъ въ болѣе частыя сношенія съ начальствомъ школы, ожидаютъ отъ него благихъ указаній и совѣтовъ въ этомъ отношеніи—все это несомнѣнно устанавливаетъ прочную, нравственную связь между семьей и школой.

Родители сами слѣдятъ за количествомъ времени, употребляемаго ихъ сыновьями на приготовленіе уроковъ, и сообщаютъ объ этомъ училищному начальству—характерное явленіе, предполагающее, конечно, прежде всего полную правдивость со стороны родителей и искреннее желаніе ихъ придти на помощь школѣ.

Относительно третьяго вопроса—„о школьной дисциплинѣ" надо прежде всего отмѣтить, что въ Германіи въ школѣ всюду, кромѣ чисто внѣшней дисциплины, насаждается въ ученикахъ и извѣстная нравственная дисциплина, вырабатывается извѣстное міровоззрѣніе среди учениковъ, основанное на чувствѣ вполнѣ сознательнаго патріотизма.

Въ Германіи школа—прежде всего національная; на первомъ планѣ въ ней—изученіе родной старины, родной исторіи; ученики со школьной скамьи пріучаются проникаться уваженіемъ и любовью

къ своимъ роднымъ героямъ, къ своему великому историческому прошлому, и это сознаніе единенія съ историческимъ прошлымъ родины составляетъ главную основу всего школьнаго преподаванія и это—на всѣхъ стадіяхъ нѣмецкой школы.

Надо при этомъ замѣтить, что это направленіе прямо свойственно нѣмецкому духу; оно не предписывается свыше министерскими циркулярами, хотя на желательность и необходимость его неоднократно указываетъ Императоръ Вильгельмъ въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что это направленіе въ Германіи не наносное, а вытекаетъ мрямо изъ свойственнаго германскому духу уваженія къ родной старинѣ, преклоненія передъ родными авторитетами.

Очевидно, что школа всегда является отраженіемъ современнаго общества, среди котораго она дѣйствуетъ; этимъ и объясняются характерныя особенности, отличающія нѣмецкую школу отъ многихъ другихъ.

Что же касается самого надзора за учениками, то этотъ надзоръ, какъ мы видѣли, распространяется только на учениковъ „въ стѣнахъ заведенія", но не внѣ его.

Функціи классныхъ наставниковъ (ординаріусовъ)—тѣ же приблизительно, что и у насъ.

Учительскій же трудъ и воспитательскій сравнительно лучше оплачивается, чѣмъ у насъ, при существующей въ Германіи меньшей, чѣмъ у насъ, дороговизнѣ на предметы первой необходимости.

Но есть еще и другая сторона, самая главная, играющая первенствующую роль въ вопросѣ объ общественномъ положеніи воспитателей въ Германіи, по сравненію съ Россіей, не остающаяся, конечно, безъ вліянія и на весь дисциплинарный строй заведенія, такъ какъ отъ этого общественнаго положенія воспитателя, отъ того, какъ смотритъ на него общество, среди котораго приходится ему вращаться, зависитъ, конечно, и самый авторитетъ воспитателя въ глазахъ учениковъ, его нравственное на нихъ вліяніе.

Надо самому побывать въ Германіи и вращаться тамъ въ педагогической средѣ, чтобы видѣть и убѣдиться, насколько тамъ высоко стоитъ въ общественномъ мнѣніи, напримѣръ, директоръ гимназіи или реальнаго училища, какимъ онъ пользуется тамъ авторитетомъ.

При довѣріи, оказываемомъ ему какъ окружнымъ начальствомъ, такъ и родителями, ему легко выполнить лежащую на немъ педагогическую задачу, тѣмъ болѣе, что директоръ въ Германіи исключительно ею занятъ, а не отвлекается, какъ у насъ, различными хозяйственными заботами и громадною перепискою съ Округомъ.

Такимъ же авторитетомъ, конечно, каждый въ сферѣ своей педагогической дѣятельности, пользуется и каждый изъ воспитателей, занятыхъ въ школѣ, которому порученъ надзоръ за учениками.

Между тѣмъ каждому изъ насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстно, насколько существующая у насъ система надзора за учениками „внѣ стѣнъ заведенія“, возлагаемая у насъ на „помощниковъ классныхъ наставниковъ“, зачастую совершенно не достигаетъ цѣли и въ значительной мѣрѣ, какъ выражено въ Журналѣ Ученаго Комитета отъ 5 прошлаго мая 1904 г., „дискредитируетъ званіе воспитателя въ глазахъ учащихся, чѣмъ подрываетъ и воспитательное значеніе школы“.

Воспитаніе и преподаваніе такъ тѣсно между собою связаны, что весьма трудно бываетъ отдѣлить одно отъ другого, и несомнѣнно, что вся умственная атмосфера, окружающая ученика въ школѣ и заключающаяся въ усваиваемыхъ имъ учебныхъ дисциплинахъ, вліяетъ на него и въ воспитательномъ отношеніи.

При условіи же, какъ мы замѣтили выше, что все преподаваніе въ школѣ носитъ въ Германіи строго національный характеръ, понятно, что и воспитаніе, выносимое изъ нѣмецкой школы, является строго національнымъ.

Тѣлесныя наказанія въ настоящее время совершенно устранены изъ средней школы въ Германіи и сохранились еще, въ исключительныхъ случаяхъ, только въ народной школѣ и городской; но примѣненіе ихъ всякій разъ должно дѣлаться не иначе, какъ съ вѣдома директора учебнаго заведенія.

Увольненіе ученика изъ заведенія учебнымъ начальствомъ случается въ Германіи лишь въ видѣ исключительной мѣры, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ ему всегда предшествуетъ оповѣщеніе родителей о необходимости имъ взять ихъ сына изъ учебнаго заведенія въ теченіе опредѣленнаго срока, и родители, конечно, всегда предпочитаютъ сами его взять, чѣмъ дождаться его увольненія по распоряженію учебнаго начальства.

Во всякомъ случаѣ нѣмецкіе педагоги смотрятъ на увольненіе ученика, какъ на самое послѣднее карательное средство, къ которому они прибѣгаютъ только тогда, когда всѣ остальныя оказались безрезультатными.

Совершенно иначе смотрятъ на этотъ вопросъ у насъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, и я могу указать, между прочимъ, на одно реальное училище, которое пришлось мнѣ обревизовать въ 1903 г. въ одномъ изъ южныхъ округовъ, гдѣ въ теченіе перваго полугодія было уволено до 25 воспитанниковъ и гдѣ, значитъ, увольненіе изъ заведенія стало самою обыкновенною дисциплинарною

мѣрою, не вызывающей, что всего страннѣе, даже запроса со стороны Округа.

Дисциплинарныя мѣры, примѣняемыя къ ученикамъ, бываютъ весьма различны въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Общее правило то, что уволенный изъ одного учебнаго заведенія ученикъ уже не можетъ поступить въ другое учебное заведеніе того же города; уволенный во второй разъ—можетъ вообще поступить въ другое учебное заведеніе только черезъ годъ; уволенный же въ третій разъ лишается совершенно возможности поступить куда бы то ни было, и подобное окончательное увольненіе изъ учебнаго заведенія утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

Во многихъ большихъ городахъ ученикамъ средней школы въ Германіи запрещается посѣщеніе театровъ, кромѣ казенныхъ, и только разрѣшается имъ слушать извѣстныя оперы и смотрѣть классическія произведенія нѣмецкой драматической поэзіи; всѣ же пьесы другого содержанія, какъ-то: комедіи, бытовыя пьесы, оперетки и проч. безусловно воспрещаются для учащагося юношества.

Вообще въ отношеніи зрѣлищъ и всякихъ публичныхъ увеселеній гораздо больше строгости въ Германіи, нежели у насъ, гдѣ посѣщеніе часто явно тенденціозныхъ и прямо вредныхъ для юношества пьесъ современнаго репертуара является у насъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, самымъ обычнымъ явленіемъ.

То же соблюдается и по отношенію къ позднимъ вечернимъ прогулкамъ на улицахъ.

Въ Германіи немыслимо безцѣльное шатанье по улицамъ учениковъ средней школы въ поздніе часы вечера.

И несмотря на то, что учебныя заведенія въ Германіи никого не высылаютъ на улицу, въ публичныя мѣста, въ сады, театры, для наблюденія за своими учениками (должности „помощниковъ классныхъ наставниковъ“ совершенно не существуетъ у нихъ) и что ученики во всѣхъ этихъ мѣстахъ находятся совершенно безъ наблюденія со стороны училищнаго начальства, почти никогда не случается, чтобы они въ чемъ нибудь нарушили обязательныя для учениковъ дисциплинарныя правила.

Еще на одну существенную особенность педагогическаго строя въ Германіи слѣдуетъ намъ здѣсь указать.

Я имѣю въ виду—предоставленіе гораздо большей свободы дѣйствія директору учебнаго заведенія, чѣмъ то допускается у насъ, его инціативѣ и педагогическому такту.

У насъ директоръ совершенно ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ прямо парализованъ, даже въ своихъ благихъ начинаніяхъ,

безчисленнымъ количествомъ циркуляровъ и распоряженій окружнаго управленія; все напередъ уже давно предусмотрѣно и строго регламентировано, и не дается директору никакой возможности проявить свою инціативу и педагогическій опытъ.

Въ Германіи, благодаря этой относительной свободѣ и возможности для директора учебнаго заведенія проявить свою индивидуальность, въ живомъ, по существу, не шаблонномъ педагогическомъ дѣлѣ, является совершенно иная постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла.

Въ Германіи очень осторожно выбираютъ директора, которому поручается воспитательное дѣло въ учебномъ заведеніи; но разъ уже директора выбрали, ему уже предоставляется возможная свобода дѣйствій, что и является вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха въ педагогическомъ дѣлѣ.

Педагогическое дѣло — дѣло прежде всего живое; оно требуетъ постояннаго улучшенія и непосредственнаго наблюденія за впечатлительною, крайне подвижною дѣтскою натурою.

Формальное, сухое, рутинное отношеніе прямо губитъ его.

Оно требуетъ прежде всего любви и даже самоотреченія отъ воспитателя, руководителя юношества.

Но гдѣ найти такого идеальнаго воспитателя при томъ безотрадномъ общественномъ положеніи, въ которомъ онъ находится у насъ, при томъ взглядѣ на него, который установился у насъ, при столь скудно, наконецъ, оплачиваемомъ его содержаніи?

Прежде всего, чтобы добиться иныхъ, болѣе благопріятныхъ воспитательныхъ результатовъ отъ школы, необходимо возвысить воспитателя въ его собственныхъ глазахъ и поднять престижъ его въ обществѣ, поставить его на ту нравственную высоту, на которой онъ давно уже стоитъ въ Германіи и придать школѣ національный характеръ, совершенно теперь отсутствующій въ нашей русской школѣ, взамѣнъ существующаго у насъ космополитическаго характера школы. Тогда только можно ожидать и у насъ иныхъ результатовъ, тогда только школа не только будетъ давать образованіе, но и воспитывать молодыя поколѣнія и тѣмъ выполнитъ свою важную государственную задачу.

Пятый пунктъ, предложенный мнѣ Ученымъ Комитетомъ, имѣетъ въ виду вопросъ „объ условіяхъ перехода учащихся изъ одного учебнаго заведенія въ другое“.

Общее, соблюдаемое по всей Германіи, правило по отношенію къ пріему ученика, вышедшаго изъ одного учебнаго заведенія и желающаго поступить въ другое, заключается въ томъ, что принимается ученикъ въ соотвѣтствующій классъ другого учебнаго заве-

денія *безъ экзамена* изъ заведенія, вполнѣ однороднаго по характеру и учебнымъ программамъ, напримѣръ, изъ реальной гимназіи (съ латинскимъ языкомъ) въ другую реальную гимназію, но не — въ классическую гимназію, съ двумя древними языками или — въ реальное училище (безъ древнихъ языковъ), съ 9-ти лѣтнимъ или 6-ти лѣтнимъ курсомъ, куда онъ можетъ поступить только по *повѣрочному экзамену*.

Также подвергаются повѣрочному экзамену ученики, переходящіе изъ учебнаго заведенія одного нѣмецкаго государства въ другое нѣмецкое государство, напримѣръ, изъ Пруссіи въ Саксонію или Баварію.

Это—общее правило. Но директорамъ въ Германіи предоставлена большая свобода въ этомъ отношеніи, такъ какъ дѣятельность ихъ, какъ мы видѣли, далеко не такъ строго регламентирована, какъ у насъ, и они этимъ пользуются, чтобы подвергать повѣрочному экзамену или освобождать отъ него переходящаго къ нимъ ученика изъ другого учебнаго заведенія, руководствуясь при этомъ имѣющимися у нихъ свѣдѣніями, какъ стоитъ преподаваніе отдѣльнаго предмета въ томъ или другомъ заведеніи, имѣя, конечно, въ виду прежде всего, чтобы вновь поступающій къ нимъ ученикъ оказался на уровнѣ того класса по своимъ познаніямъ и развитію, куда онъ поступаетъ.

Въ особенности возможно это на практикѣ, при переходѣ ученика изъ одного заведенія въ другое въ томъ же городѣ, гдѣ, конечно, каждому директору хорошо извѣстна постановка преподаванія отдѣльныхъ предметовъ во всѣхъ однородныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Аттестатъ зрѣлости, выданный въ любомъ нѣмецкомъ государствѣ, имѣетъ силу во всей Германіи.

Остальныя правила, касающіяся перехода изъ одного учебнаго заведенія въ другое, такія-же, какъ и у насъ. Существуетъ еще въ нѣмецкой школьной практикѣ слѣдующій usus.

Если по истеченіи нѣкотораго времени (обыкновенно 4 недѣль), послѣ поступленія ученика въ соотвѣтствующій классъ новаго учебнаго заведенія, обнаружится его недостаточная подготовленность, чтобы слѣдить за курсомъ того класса, куда онъ поступилъ, то по постановленію педагогическаго совѣта и съ согласія родителей, или заступающихъ ихъ мѣсто, ученикъ переводится въ смежный, низшій классъ.

„Условія, при которыхъ разрѣшается открывать въ Германіи частныя учебныя заведенія", шестой вопросъ, предложенный мнѣ Ученымъ Комитетомъ къ изученію, представляютъ слѣдующую особенность.

Въ общемъ эти условія тѣ же, что и у насъ; что же касается частнаго вопроса, интересовавшаго Ученый Комитетъ, а именно— „бывали ли случаи открытія въ западной Европѣ частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній *сразу въ полномъ составѣ семи классовъ*", то выводъ, къ которому я пришелъ, слѣдующій:

Вопросъ этотъ совсѣмъ не интересуетъ германскія министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе гораздо большей свободы, существующей тамъ по отношенію вообще къ образованію и—въ частности—по отношенію къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Все зависитъ отъ состоянія наличныхъ средствъ содержателя частнаго учебнаго заведенія. У нихъ — это вопросъ чисто финансовый.

Если онъ въ состояніи содержать сразу всѣ классы, то препятствія къ этому со стороны окружнаго начальства никакого быть не можетъ.

Объ успѣшномъ же веденіи имъ частнаго учебнаго заведенія будетъ свидѣтельствовать довѣріе къ нему родителей, посылающихъ къ нему своихъ дѣтей, и количество имѣющихся у него учениковъ.

Во Франціи же существуетъ въ министерствѣ тенденція повысить образовательный цензъ для содержателей частныхъ учебныхъ заведеній.

Отсутствіе въ теченіе опредѣленнаго срока, послѣ подачи прошенія объ открытіи частнаго учебнаго заведенія, протеста со стороны свѣдущихъ лицъ: прокурора республики, префекта или окружнаго инспектора, архитектора или врача, даетъ право содержателю частнаго учебнаго заведенія считать свое заведеніе разрѣшеннымъ къ открытію.

Мотивами къ такому протесту можетъ служить только огражденіе нравственности учениковъ или неблагопріятныя гигіеническія условія, могущія вредно дѣйствовать на здоровье учениковъ.

Во Франціи вопросъ объ открытіи частнаго учебнаго заведенія сразу въ полномъ составѣ классовъ или же по частямъ такъ-же, какъ и въ Германіи, является вопросомъ чисто финансовымъ, но отнюдь не педагогическимъ.

Что же касается седьмого вопроса, предложеннаго мнѣ Ученымъ Комитетомъ, „о постановкѣ на Западѣ физическаго развитія учащихся", то выяснилось, что вездѣ въ Германіи гимнастика разсматривается, какъ *обязательный учебный предметъ* въ школьной программѣ, и ему удѣляется въ большинствѣ среднихъ школъ по 3 недѣльныхъ урока въ каждомъ классѣ.

Кромѣ обычныхъ мотивовъ, приводимыхъ въ пользу введенія гимнастики, какъ *обязательнаго предмета* въ учебную программу,

нѣмцы придаютъ ей значеніе въ томъ отношеніи, что „она должна имѣть вліяніе и на самый характеръ ученика, дѣйствуя на него освѣжающимъ образомъ и пріучая его добровольно подчиняться чужой волѣ, въ виду общей цѣли“, какъ выражено въ нѣмецкой инструкціи.

Занимаются ею въ Германіи всегда на дворѣ, даже зимою, а отнюдь не въ пыльныхъ залахъ и коррѝдорахъ, какъ у насъ, при чемъ ружейные пріемы въ Германіи не употребляются, изъ опасенія умалить въ глазахъ учениковъ серьезность воинскихъ упражненій.

Учителями гимнастики могутъ быть и преподаватели другихъ предметовъ учебнаго курса, по выдержаніи ими соотвѣтствующаго экзамена, что является, по моему, крайне желательнымъ въ смыслѣ поддержанія общей школьной дисциплины, и зачастую приходится видѣть въ Германіи преподавателя, только что переводившаго съ учениками Гомера или Тацита и уже на слѣдующемъ урокѣ маршірующаго съ ними по школьному двору и заставляющаго ихъ скакать черезъ препятствія.

Наряду съ гимнастикой въ нѣмецкой школѣ сильно развито и систематическое обученіе плаванію въ особо устроенныхъ для этого бассейнахъ, гдѣ одновременно купается цѣлый классъ; развитъ также среди учениковъ гребной спортъ, пользующійся, напримѣръ, въ Берлинѣ богатымъ даромъ отъ Императора Вильгельма.

Существуетъ въ Берлинѣ центральное заведеніе для приготовленія учителей гимнастики на всю Пруссію, основанное еще въ 1851 г.

Познаній отъ кончающихъ курсъ на выпускномъ экзаменѣ требуется по анатоміи и физіологіи.

Установлены также особые экзамены на полученіе права на преподаваніе плаванія.

Во Франціи же, по заявленію самихъ директоровъ, постановка преподаванія гимнастики оставляетъ желать еще очень многаго.

Далѣе интересовалъ Ученый Комитетъ восьмой пунктъ журнала экстреннаго засѣданія отъ 5 мая прошлаго 1904 г., заключающій въ себѣ вопросъ „объ ученическихъ библіотекахъ и объ организаціи домашняго чтенія учениковъ“ и въ частности—вопросъ „о принимаемыхъ учебнымъ начальствомъ мѣрахъ къ огражденію учениковъ отъ дурнаго для нихъ чтенія“.

По изученіи этого вопроса на мѣстѣ, выяснилось, что прусское министерство народнаго просвѣщенія еще съ 1824 г. озабочено этимъ вопросомъ, и еще съ того времени начали составляться ученическія библіотеки, преимущественно изъ нѣмецкихъ классиковъ.

Устанавливается постепенно въ педагогическихъ сферахъ взглядъ

на эти ученическія библіотеки, какъ на весьма существенное пособіе при преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ учебнаго курса.

Выборъ той или другой книги для ученическихъ библіотекъ составляетъ предметъ постояннаго обсужденія педагогическихъ совѣтовъ; вырабатывается даже особый „канонъ"—обязательный списокъ книгъ, пригодныхъ для чтенія учениковъ средней школы по каждому предмету, при чемъ контроль надъ этимъ чтеніемъ предоставляется преподавателю соотвѣтствующаго предмета.

На должность библіотекаря назначается обыкновенно одинъ изъ классныхъ наставниковъ, какъ ближе знакомый съ индивидуальными особенностями учениковъ своего класса.

Завѣдуетъ онъ ею безвозмездно и по возможности въ теченіе продолжительнаго времени, чтобы лучше освоиться съ этимъ важнымъ дѣломъ.

Для выбора книгъ въ ученическія библіотеки выбирается особая библіотечная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ директора и при *обязательномъ участіи* преподавателей отечественнаго языка и исторіи.

Въ помощь завѣдывающему библіотекой дается одинъ изъ учениковъ старшаго класса, работающій, конечно, добровольно и также безвозмездно.

Выдаются книги ученикамъ не зря, а строго обдуманно, причемъ завѣдующій ученической библіотекой выдаетъ ихъ, сообразуясь съ индивидуальными особенностями учениковъ, со степенью его умственнаго развитія и степенью развитія въ немъ чувства воображенія, чтобы одно чувство не было развито чрезмѣрно въ ученикѣ, въ ущербъ остальнымъ (напримѣръ, чувство воображенія).

Контроль надъ домашнимъ чтеніемъ производится на урокахъ словесности и исторіи, но главнымъ образомъ лежитъ опять таки на семьѣ.

Послѣдняя одна только и можетъ оградить сына отъ дурного чтенія. Учебное же начальство фактически совершенно не въ состояніи бываетъ, въ особенности въ большихъ городскихъ центрахъ, ограждать своихъ учениковъ отъ дурного чтенія, конечно, въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ интернатахъ же—совсѣмъ другое дѣло.

Такимъ образомъ, отецъ является въ Германіи отвѣтственнымъ лицомъ за дурное вліяніе, которое можетъ произойти для сына отъ неподходящаго для него чтенія, и этотъ принципъ невмѣшательства школы въ контроль за внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ строго проводится въ Германіи и имѣетъ примѣненіе и во Франціи, гдѣ между тѣмъ порнографическая литература, какъ извѣстно, очень распро-

странена и гдѣ юношество весьма недостаточно отъ нея ограждается.

Въ Германіи же семья является во всемъ дѣйствительною помощницей школѣ въ ея трудномъ дѣлѣ, между прочимъ, и въ этомъ важномъ вопросѣ о контролѣ за „внѣклассным чтеніемъ" учениковъ, и въ этомъ, мнѣ кажется, весь залогъ ея успѣха въ воспитательномъ отношеніи; этимъ только и можно объяснить причину, почему въ Германіи школа не только даетъ образованіе, но и воспитываетъ юношество.

Относительно подготовки преподавателей и воспитателей—самаго, можно сказать, важнаго вопроса, отъ разрѣшенія котораго зависитъ прежде всего успѣхъ всякой учебной реформы, надо здѣсь отмѣтить, что въ Пруссіи министерство давно уже занято было этимъ вопросомъ и, начиная еще съ 1844 г., учредило въ расличныхъ городахъ педагогическія семинаріи, съ цѣлью дать практическую (методическую) подготовку молодымъ учителямъ, необходимую имъ на первыхъ порахъ ихъ учительской дѣятельности и которой они совершенно лишены въ университетѣ.

Кромѣ того, существуетъ еще въ Германіи особый способъ подготовки учителей—это занятія кончившихъ курсъ студентовъ, готовящихся въ учителя, въ теченіе двухъ лѣтъ при опредѣленномъ учебномъ заведеніи подъ руководствомъ директора этого заведенія „причемъ первый годъ называется „семинарскимъ годомъ" (Seminarjahr), а второй годъ—„пробнымъ годомъ" (Probejahr).

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ кандидатъ въ преподаватели знакомится съ методикой преподаванія отдѣльныхъ пведметовъ и даетъ самостоятельные (пробные) уроки.

При этомъ происходятъ обстоятельныя бесѣды директора съ кандидатами какъ относительно основныхъ принциповъ воспитанія и преподаванія въ приложеніи къ средней школѣ, такъ и относительно разбора данныхъ кандидатомъ пробныхъ уроковъ, а также и разнообразныхъ рефератовъ, касающихся обще-педагогическихъ вопросовъ и вопросовъ техники преподаванія отдѣльныхъ предметовъ учебнаго курса.

Надо, кромѣ того, отмѣтить крайне желательную педагогическую мѣру, практикуемую въ Германіи,—это постоянно собирающіяся „конференціи" директоровъ средне-учебныхъ заведеній, которыя несомнѣнно поддерживаютъ живой интересъ къ педагогическому дѣлу среди руководителей средней школы.

Кандидаты въ учителя, кромѣ того, принимаютъ участіе и въ надзорѣ за учениками во время рекреацій и прогулокъ, въ педагогическомъ совѣтѣ (безъ права голоса) и на экзаменахъ.

Во время „пробнаго года“ они могутъ давать уже до 20 недѣльныхъ уроковъ за опредѣленное вознагражденіе.

Директоръ учебнаго заведенія, къ которому прикомандированъ кандидатъ въ учителя, представляетъ въ окружное управленіе свой отзывъ о кандидатѣ, по окончаніи послѣднимъ „пробнаго года“, и на основаніи этого отзыва кандидатъ получаетъ преподавательское мѣсто.

Существеннымъ препятствіемъ къ примѣненію этой мѣры у насъ, какъ мнѣ кажется, служило бы то обстоятельство, что у насъ далеко не всѣ директора среднеучебныхъ заведеній были бы въ состояніи съ пользою руководить молодыми кандидатами въ учителя, въ особенности въ глухой провинціи.

Въ Австріи вмѣсто двухъ лѣтъ кандидаты готовятся къ преподавательской дѣятельности въ теченіе только одного года, причемъ организація этой подготовки во многомъ сходна съ нѣмецкою.

Существуютъ еще въ Берлинѣ особыя педагогическія семинаріи при нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ по отдѣльнымъ предметамъ курса, какъ-то: по новымъ языкамъ, по древнимъ языкамъ, по исторіи и географіи и проч.

Во Франціи вопросъ „о подготовкѣ учителей“ находится еще въ фазисѣ изученія и исканія новыхъ формъ. Онъ еще далеко не выяснился окончательно; но невозможность довольствоваться тѣмъ, что до сихъ поръ давала въ этомъ отношеніи подготовка учителей во Франціи, давно уже сознана всѣми заинтересованными въ этомъ вопросѣ лицами, и если давно уже назрѣвшая реформа до сихъ поръ еще не осуществилась во Франціи, то это объясняется исключительно только необыкновенною косностью, отличающею Францію въ вопросахъ педагогическихъ.

Французы въ этомъ отношеніи—въ высшей степени консервативны, и всякая реформа, необходимость которой даже всѣми сознана, съ величайшимъ трудомъ пробиваетъ себѣ путь во Франціи.

Что касается вопроса, предложеннаго мнѣ Ученымъ Комитетомъ „о градаціи преподавателей въ Германіи“, то надо замѣтить, что званіе „профессора“ пріобрѣтается преподавателями исключительно только главныхъ предметовъ старшихъ классовъ.

Въ „Oberlehrer“ же попадаютъ только тѣ изъ нихъ, которые въ теченіе долгаго времени исполняютъ обязанности „ординаріусовъ“—классныхъ наставниковъ и вообще оказали существенную услугу учебному заведенію и имѣютъ право на преподаваніе въ старшихъ классахъ.

„Распредѣленіе уроковъ между преподавателями на цѣлый годъ впередъ“ зависитъ всецѣло въ Германіи отъ директора учебнаго заведенія.

Послѣдній (XII-й) вопросъ, предложенный мнѣ къ изученію Ученымъ Комитетомъ—„объ организаціи приготовительныхъ классовъ въ Германіи"—вопросъ, представляющій для насъ интересъ, въ виду предположеннаго въ проектѣ новаго устава гимназій уничтоженія у насъ приготовительныхъ классовъ.

Во многихъ нѣмецкихъ государствахъ приготовительные классы въ настоящее время не существуютъ, но тамъ они замѣняются прекрасною народною школою (съ трехлѣтнимъ или даже четырехлѣтнимъ курсомъ), откуда ученики 9-ти лѣтъ прямо поступаютъ въ младшій классъ средней школы.

Кое гдѣ эти приготовительные классы все-таки еще сохранились, въ особенности въ Пруссіи, гдѣ ихъ въ настоящее время еще до 300 классовъ.

Курсъ ихъ—трехлѣтній, вполнѣ законченный и вполнѣ независимый отъ курса средней школы.

Плата за обученіе въ нихъ взимается; поступаютъ 6-ти лѣтъ; норма учениковъ—60 человѣкъ; число недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ отъ 18 до 20-ти уроковъ.

Приготовленіе къ урокамъ не должно превышать въ младшихъ классахъ полчаса времени, въ старшемъ—одного часа. Каждое отдѣленіе имѣетъ своего отдѣльнаго учителя.

По моему, невозможно сравнивать постановку у насъ приготовительныхъ классовъ съ тѣмъ положеніемъ, которое они занимаютъ въ Германіи.

Тамъ—они трехклассные, у насъ курсъ ихъ—одногодичный или двухгодичный; тамъ есть прекрасныя народныя школы (трехлѣтнія или даже четырехлѣтнія), прекрасно подготовляющія къ средней школѣ, и потому тамъ приготовительный классъ при средне-учебномъ заведеніи утрачиваетъ свое самостоятельное значеніе.

У насъ же народная школа никогда не задавалась задачею готовить въ среднюю школу, а приготовительный классъ при средней школѣ доставляетъ въ нее хоть нѣсколько однородный по развитію и подготовкѣ элементъ учениковъ, что, по моему глубокому убѣжденію, является однимъ изъ самыхъ важныхъ условій успѣшнаго прохожденія у насъ средняго образованія.

Я лично глубоко убѣжденъ въ томъ, что вся мнимая трудность прохожденія для массы учениковъ гимназическаго курса, на которую раздается столько жалобъ родителей въ послѣднее время, самое, наконецъ, переутомленіе учениковъ гимназіи, о которомъ такъ много говорится въ настоящее время, происходитъ главнымъ образомъ отъ отсутствія у насъ правильно организованной приготови-

тельной школы, которая пріучала бы учениковъ къ систематическимъ занятіямъ и къ школьной дисциплинѣ.

Крайняя неравномѣрность въ подготовкѣ учениковъ перваго же класса средней школы, часто даже чистая случайность этой подготовки очень скоро даетъ себя чувствовать, отражается на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ занятій въ гимназіи и создаетъ необходимость перевода ученика изъ класса въ классъ, по снисхожденію,—явленіе, слишкомъ часто встрѣчающееся въ нашей современной школьной практикѣ.

Переходя теперь къ выводамъ, касающимся типа шестикласснаго реальнаго училища съ вполнѣ законченнымъ курсомъ, типа весьма распространеннаго въ Германіи, считаю долгомъ здѣсь замѣтить, что знакомство съ этимъ типомъ представляетъ для насъ много интереснаго.

Онъ вполнѣ отвѣчаетъ насущнымъ потребностямъ массы населенія, требующей отъ школы прежде всего практическаго, прикладного образованія, дающаго ей все то, въ чемъ нуждается юноша по выходѣ изъ училища въ практической жизни, въ той или другой ожидающей его отрасли торговли или промышленной дѣятельности, на низшихъ должностяхъ, на городской или казенной службѣ. Между тѣмъ этотъ шестилѣтній курсъ реальнаго училища вмѣстѣ съ тѣмъ и не лишаетъ возможности отдѣльныхъ, болѣе способныхъ учениковъ, желающихъ продолжать свое образованіе, поступать въ высшіе классы девятилѣтнихъ нѣмецкихъ реальныхъ училищъ (Oberrealschulen), открывающихъ, какъ извѣстно, въ Пруссіи доступъ даже въ университетъ, и процентъ такихъ учениковъ въ каждомъ училищѣ—довольно значительный.

Это шестиклассное реальное училище даетъ окончившимъ въ немъ курсъ основательное знакомство съ отечественною литературою, съ всеобщею и отечественною исторіею, съ математикой и физикой; даетъ, наконецъ, вполнѣ достаточное общее развитіе и *обязательное знаніе двухъ новыхъ языковъ*.

Большаго отъ такого типа средней школы, готовящей къ практической жизни, и требовать нельзя.

Окончаніе его курса даетъ льготу по отбыванію воинской повинности—Einjähriges freiwilliges Militärdienst".

Преподаватели его—все люди съ высшимъ образовательнымъ цензомъ.

У насъ въ Россіи такого типа учебнаго заведенія нѣтъ *).

*) По нашему мнѣнію, къ этому типу учебныхъ заведеній въ значительной степени подходятъ наши реальныя училища въ составѣ первыхъ шести классовъ, нуждающіяся, впрочемъ, въ отношеніи постановки ихъ учебнаго курса въ существенныхъ преобразованіяхъ. *Ред.*

Семиклассное реальное училище не отвѣчаетъ своей цѣли и даетъ далеко не законченное образованіе.

Оно является безправнымъ по отношенію къ поступленію въ университетъ своихъ абитуріентовъ и до сихъ поръ отражаетъ въ себѣ всѣ невыгодныя стороны системы еще покойнаго графа Д. А. Толстого, заботившагося только о классической гимназіи, о насажденіи повсюду въ Россіи обязательнаго классицизма, даже тамъ, гдѣ онъ былъ совершенно неумѣстенъ, и совершенно забросившаго реальное образованіе, придавъ и классической школѣ совсѣмъ нежелательное направленіе—обративъ ее въ крайне сухую, лишенную всякой жизни, всякаго національнаго духа, обставленную крайнимъ формализмомъ, грамматическую школу, но отнюдь не филологическую.

Его классическая школа оказалась таковою только по имени, между тѣмъ, обладая исключительною монополіею и одна только открывая доступъ въ университетъ, она, естественно, привлекла туда такой элементъ, который оказался въ немъ крайне нежелательнымъ.

Реальное училище вслѣдствіе реформы графа Толстого въ началѣ 70 годовъ прошлаго столѣтія лишено было всякой самостоятельности.

Главный его существенный недостатокъ заключается въ томъ, что наши реальныя училища, не давая въ достаточной степени общаго, законченнаго образованія, лишены вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго утилитарнаго, практическаго характера, и въ результатѣ они никуда удовлетворительно не готовятъ—ни къ занятіямъ науками естественно-математической группы, ни къ чисто техническимъ или профессіональнымъ занятіямъ.

Кромѣ того, предстоящій для каждаго окончившаго въ ней курсъ строгій конкурсный экзаменъ, установленный для поступленія въ высшія техническія заведенія—технологическій институтъ, институтъ инженеровъ путей сообщенія, горный институтъ, политехникумы и др.,—ежегодно не даетъ къ нимъ доступа весьма большому количеству жаждущихъ поступить туда и такимъ образомъ ежегодно выбрасываетъ на улицу весьма значительное число реалистовъ, увеличивающихъ собою и безъ того не малый контингентъ недовольнаго элемента.

Проектируемый же нынѣ новый типъ „6-тиклассной общеобразовательной школы для нровинціи", кромѣ многихъ другихъ недостатковъ, страдаетъ, по моему, еще однимъ существеннымъ, а именно—отсутствіемъ въ ея программѣ обязательнаго преподаванія хотя бы даже *одного новаго языка* *).

---

*) По нашему крайнему разумѣнію, новый типъ „шестиклассной общеобразовательной школы для провинціи" намъ совсѣмъ ненуженъ, и если-бы

Всѣми недостатками нашей современной реальной школы, напротивъ, не страдаетъ вовсе вышеупомянутый типъ шестикласснаго реальнаго училища въ Германіи.

Онъ удовлетворяетъ потребностямъ массы населенія, даетъ ученикамъ вполнѣ достаточныя свѣдѣнія по основнымъ предметамъ курса и вмѣстѣ съ тѣмъ способнѣйшимъ изъ нихъ, могущимъ съ пользою продолжать свое научное образованіе,—даетъ возможность продолжать его, переходя въ Obersecunda—(нашъ VII-й классъ) реальнаго училища съ 9-тилѣтнимъ курсомъ и такимъ образомъ послѣ трехъ лѣтъ поступить даже въ университетъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я считаю этотъ типъ весьма желательнымъ и для насъ вполнѣ примѣнимымъ.

Онъ могъ бы отвлечь большое количество лицъ, стремящихся нынѣ въ гимназіи и въ университеты, за неимѣніемъ другого типа общеобразовательной школы, давая массѣ то образованіе, которое ей существенно нужно и которое она имѣетъ право требовать отъ школы въ наше трудное время, когда правительство не можетъ не удовлетворить справедливыя общественныя нужды современной нашей жизни;—но это уже вопросъ соціальный, а не только педагогическій.

Графъ **А. Мусинъ-Пушкинъ.**

онъ возникъ у насъ, то оказался бы мертворожденнымъ учрежденіемъ. Типъ такой общеобразовательной школы могъ бы вполнѣ быть замѣненъ шестиклассными городскими училищами, каковыя у насъ отчасти имѣются, съ введеніемъ лишь въ нихъ обязательнаго изученія одного изъ иностранныхъ языковъ. *Ред.*

Четверть вѣка назадъ.

(*Окончаніе*).

VI.

Близкое знакомство мое съ Нѣжинской гимназіей, какъ учебнымъ заведеніемъ, началось на другой же день по моемъ пріѣздѣ въ Нѣжинъ. Получивъ слѣдовавшую мнѣ часть стипендіи (казенныя стипендіи при гимназіи были въ 200 рублей и выдавались ученикамъ въ теченіе года по четвертямъ, т. е. по 50 рублей каждые три мѣсяца) и устроившись съ квартирой, я началъ посѣщать классы. Каждый изъ педагоговъ, преподававшихъ въ 7-мъ классѣ, считалъ необходимымъ „пощупать" ученика-новичка, явившагося въ Нѣжинъ съ далекаго сѣвера, и цѣлую недѣлю подъ-рядъ меня вызывали и спрашивали по всѣмъ предметамъ, начиная съ закона Божія, который преподавалъ прот. Хойнацкій, и кончая французскимъ языкомъ. Для учениковъ, пріѣзжавшихъ въ Нѣжинъ со слабой подготовкой, подробное и всестороннее „ощупываніе" ихъ научныхъ познаній кончалось обыкновенно довольно печально, и многіе послѣ неудачнаго дебюта даже возвращались вспять,—въ тѣ гимназіи, которыя ихъ сюда послали. Но я лично чувствовалъ себя достаточно подготовленнымъ для подобнаго испытанія и выдержалъ его съ честью, въ особенности—по древнимъ языкамъ, составлявшимъ своего рода краеугольный камень въ курсѣ Нѣжинской гимназіи.

Преподавателемъ латинскаго языка въ двухъ послѣднихъ классахъ былъ А. Ѳ. Абрамовъ, состоящій въ настоящее время „завѣдующимъ" этой гимназіей. Филологъ-классикъ въ душѣ, воспитанникъ извѣстной Лейпцигской педагогической семинаріи, онъ не только самъ зналъ въ совершенствѣ предметъ, который преподавалъ, но и умѣлъ передать это знаніе своимъ ученикамъ. А главное,—что надо поставить г. Абрамову въ особенную заслугу,—сумѣлъ заинтересовать насъ своимъ предметомъ. Его комментаріи къ сочиненіямъ Виргилія и Тита Ливія (въ VII классѣ) и Горація и Цицерона

(въ VIII-мъ),—всегда живые, остроумные и содержательные, свидѣтельствовали какъ объ огромной эрудиціи комментатора, такъ и объ его несомнѣнной педагогической талантливости, встрѣчающейся, какъ извѣстно, далеко не часто. Такихъ интересныхъ комментаріевъ къ римскимъ классикамъ мнѣ не пришлось потомъ слышать ни въ Московскомъ университетѣ, куда я поступилъ по окончаніи гимназіи, ни въ Петербургскомъ, который я посѣщалъ впослѣдствіи. Какъ учитель г. Абрамовъ былъ очень строгъ, порою даже жестокъ, когда бывалъ не въ духѣ, но всегда оставался справедливъ, терпѣть не могъ всякаго „фаворитизма“ и пользовался за это большимъ уваженіемъ со стороны своихъ учениковъ. Дѣло преподаванія латинскаго языка было поставлено имъ такъ, что ученикъ не допускалъ даже и мысли, чтобъ можно было не знать урока у такого преподавателя. Даже такой безнадежно-сухой матеріалъ, какъ латинскій синтаксисъ, и тотъ г. Абрамовъ сумѣлъ оживить, иллюстрируя правила удачными примѣрами, поясняя ихъ блестящими аналогіями и сопоставленіями. Неудивительно, что его ученики кончали гимназію съ такимъ богатымъ запасомъ свѣдѣній, о какомъ въ большей части русскихъ гимназій не имѣютъ и понятія. А его система преподаванія, практическіе пріемы представляли собою настоящій цѣнный кладъ для будущихъ педагоговъ, которыхъ подготовляла Нѣжинская гимназія. Встрѣчаясь впослѣдствіи съ нѣкоторыми воспитанниками ея, я не разъ слышалъ отъ нихъ самые восторженные отзывы о преподавательской дѣятельности г. Абрамова и выраженіе самой искренней признательности за тѣ познанія, которыя они пріобрѣли, благодаря его интересному и умѣлому преподаванію...

Гораздо печальнѣе поставлено было дѣло преподаванія греческаго языка. Назначенный для этого предмета въ VII классъ профессоръ института Кирилловъ, человѣкъ слабаго здоровья, часто прихварывалъ, и тогда его замѣняли другіе учителя—изъ преподавателей гимназіи или институтскихъ профессоровъ. Благодаря этому, въ преподаваніи не чувствовалось единства, да и самый выборъ матеріала для изученія носилъ чисто-случайный характеръ. Читали изъ поэтовъ Гомера („Иліаду“), изъ прозаиковъ: Лукіана („Разговоры боговъ“ и „Въ царствѣ мертвыхъ“), Исократа, Платона. Въ VIII классѣ преподавалъ греческій языкъ г. Д—шъ, аккуратный, какъ нѣмецъ, любившій свой предметъ, но, къ сожалѣнію, не пользовавшійся симпатіями своихъ учениковъ. Его не любили и какъ преподавателя, и какъ человѣка. Отъ природы это былъ не дурной и даже не злой человѣкъ, но благодаря совершенному отсутствію такта, столь необходимаго для каждаго учителя, г. Д—шъ поднималъ иногда цѣлыя исторіи изъ-за пустяковъ и этимъ еще

болѣе обострялъ свои отношенія съ учениками. Какъ учитель, онъ былъ въ высшей степени добросовѣстенъ и, повидимому, зналъ свой предметъ, но не сумѣлъ захватить вниманія своихъ юныхъ слушателей, и оттого на его урокахъ было убійственно-скучно, до зѣвоты. Читали въ этомъ классѣ по-гречески Софокла („Электру" и „Эдипа въ Колонѣ"), діалоги Платона и ораторскія рѣчи Демосѳена. Чтеніе такихъ писателей требовало отъ преподавателя умѣнья не только комментировать читаемый текстъ, но и переводить его на литературный русскій языкъ. Къ сожалѣнію, послѣднимъ г. Д—шъ не могъ похвастаться, а его неудачныя попытки сочинять иногда свои собственныя слова, которыя казались ему соотвѣтствующими „духу русскаго языка", вызывали въ ученикахъ самое веселое настроеніе. Уроки греческаго языка (въ особенности грамматики) сводились для учениковъ при такихъ условіяхъ къ простому отбыванію учебной повинности, и нисколько не захватывая нашего вниманія, далеко не оказывали на развитіе того благотворнаго вліянія, какое могли бы имѣть при другой обстановкѣ. Вотъ почему мы бывали всякій разъ искренно рады, когда почему-нибудь отсутствовавшаго г. Д—ша замѣнялъ какой-либо другой преподаватель, не исключая даже и самого „завѣдующаго" гимназіей Златоустовскаго.

Русскую литературу преподавалъ въ старшихъ классахъ И. М. Бѣлоруссовъ, состоявшій также въ числѣ наставниковъ-руководителей при институтѣ и бывшій потомъ въ 1885—90 годахъ директоромъ Орловской классической гимназіи. Въ Нѣжинъ его назначили, если не ошибаюсь, изъ Архангельска. Объ его педагогической дѣятельности въ этомъ городѣ былъ напечатанъ въ московской газетѣ „Русскій Курьеръ" (изд. Ланина) бойкій фельетонъ, который, по моему мнѣнію, особенно сильно повредилъ г. Бѣлоруссову, какъ преподавателю, въ глазахъ нѣжинскихъ гимназистовъ. Можетъ быть, въ этомъ фельетонѣ и заключалась нѣкоторая доля правды, хотя для краснаго словца и сильно сгущенной, но въ дѣйствительности Бѣлоруссовъ далеко не былъ такимъ фанатикомъ „Домостроя", какимъ выставилъ его авторъ упомянутаго фельетона. Консерваторъ и славянофилъ по своимъ общественно-политическимъ взглядамъ, онъ, конечно, не могъ сочувственно относиться къ тому прогрессивно-радикальному теченію, которое уже начинало тогда охватывать нѣкоторые кружки нашей учащейся молодежи, и которое онъ считалъ безусловно-вреднымъ въ интересахъ самой же молодежи. Громя критику Писарева, не одобряя за нѣкоторыя статьи Добролюбова, Бѣлоруссовъ былъ въ то же время большимъ поклонникомъ „неистоваго Виссаріона" Бѣлинскаго и охотно признавалъ за своими учениками право имѣть свои собственные взгляды и сужденія въ тѣхъ вопро-

сахъ, въ которыхъ это позволяла степень ихъ умственнаго развитія и начитанности. На урокахъ русскаго языка завязывались иной разъ между преподавателемъ и учениками весьма интересныя пренія, немало способствовавшія оживленію этихъ уроковъ.

Мало того, не довольствуясь такими случайными бесѣдами, Бѣлоруссовъ организовалъ для воспитанниковъ старшихъ классовъ особые „литературные вечера", на которыхъ желающіе дѣлали свои „рефераты", а остальные ученики принимали самое живое участіе въ преніяхъ по поводу различныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ данномъ рефератѣ. Все это не могло, разумѣется, не оказывать самаго благотворнаго вліянія на духовное развитіе учениковъ гимназіи и пробужденіе въ нихъ серьезнаго интереса къ отечественной литературѣ и исторіи, что и должно составлять одну изъ существеннѣйшихъ задачъ преподаванія этихъ предметовъ въ средней школѣ.

Какъ преподаватель, И. М. Бѣлоруссовъ былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія, насколько можно судить объ этомъ по результатамъ его педагогической дѣятельности. Рѣшающее значеніе въ дѣлѣ изученія русскаго языка онъ придавалъ письменнымъ упражненіямъ учениковъ; обычные же „вызовы" ученика для отвѣта заданнаго урока практиковались имъ рѣдко, по отношенію лишь къ завѣдомымъ лѣнтяямъ, уклонявшимся отъ приготовленія уроковъ. Меня лично такой вызовъ къ отвѣту постигъ всего одинъ разъ, чуть-ли не на другой же день по моемъ поступленіи въ гимназію. Такъ какъ исторія русской литературы въ объемѣ принятаго тогда въ гимназіяхъ учебника Галахова была основательно пройдена мною еще раньше, въ теченіе послѣднихъ лѣтнихъ каникулъ, то мнѣ не стоило большого труда отвѣтить на всѣ предложенные преподавателемъ вопросы. Съ тѣхъ поръ Б—въ ни разу не вызывалъ меня до окончанія курса, четвертныя же отмѣтки выставляли мнѣ по моимъ письменнымъ сочиненіямъ, оцѣнивавшимся обыкновенно баллами 4 или 5. Такія сочиненія задавались ученикамъ каждый мѣсяцъ и требовали большой предварительной подготовки, такъ какъ, будучи убѣжденнымъ противникомъ всякой ученической „отсебятины" на отвлеченныя темы, Б—въ избѣгалъ послѣднихъ и давалъ намъ темы литературно-историческаго содержанія. Выборъ темъ преподавателемъ носилъ строго-обдуманный характеръ, хотя и разрѣшалось иногда замѣнять заданную тему другою. Такъ, когда однажды было задано сочиненіе на тему: „О положеніи русской женщины по народнымъ пѣснямъ", нѣкоторые ученики, не успѣвшіе достать и прочитать сборники такихъ пѣсенъ, замѣнили предложенную имъ тему другой: „О миѳическомъ элементѣ въ поэмѣ „*Слово о полку Игоревѣ*". Кромѣ домашнихъ сочиненій, ученики писали

еще и классныя, на темы изъ курса русской литературы въ данномъ классѣ. Кромѣ казенной гимназической библіотеки для подготовки къ сочиненіямъ была къ услугамъ учениковъ и весьма богатая личная библіотека Б—ва, изъ которой онъ охотно давалъ книги, если видѣлъ, что ученикъ желаетъ работать серьезно.

Большое значеніе придавалъ письменнымъ работамъ учениковъ и преподаватель исторіи—Ив. Аф. Сребницкій, скончавшійся въ 1903 году. Это былъ самый симпатичный и кромѣ того самый образованный изъ гимназическихъ преподавателей того времени. Ученики не только его любили, но и уважали, чего, къ сожалѣнію, далеко не могли сказать о себѣ многіе другіе учителя. Г. Сребницкій прекрасно разсказывалъ и не злоупотреблялъ обычнымъ пріемомъ гимназическихъ историковъ ограничиваться лишь задаваніемъ уроковъ „отъ сихъ поръ до сихъ“. Провѣрка пройденнаго учениками производилась лишь въ послѣдніе дни передъ окончаніемъ учебной четверти; уроки же посвящались обыкновенно чтенію вслухъ отдѣльныхъ историческихъ статей и даже цѣлыхъ сочиненій, освѣщающихъ ту или другую эпоху исторической жизни. По всеобщей исторіи особенно большое вниманіе удѣлено было „реформаціи“ и 18 вѣку; изъ русской исторіи—преобразовательной эпохѣ Петра Великаго. Кромѣ того, по указанію преподавателя и сами ученики знакомились по Шлоссеру, Моммзену, Боклю и др. сочиненіямъ съ тѣми вопросами, которые почему-либо представлялись имъ интересными болѣе другихъ. Я увѣренъ, что такихъ познаній по исторіи, какія давала своимъ ученикамъ въ 80-хъ годахъ Нѣжинская гимназія, другія гимназіи не давали, да не даютъ, вѣроятно, и въ наши дни, когда общій уровень средняго образованія въ Россіи сдѣлался еще ниже.

Гораздо хуже было поставлено въ Нѣжинѣ преподаваніе новыхъ языковъ сравнительно съ древними. По-французски въ 7-мъ классѣ переводили, если не ошибаюсь, цѣлый годъ извѣстнаго „Телемака“ Фенелона; въ 8-мъ классѣ читали „L'ésprit des lois“ Монтескье. Такъ какъ оба преподавателя новыхъ языковъ обладали лишь самымъ ограниченнымъ знакомствомъ съ русскимъ языкомъ, то переводъ дѣлался кое-какъ, какъ Богъ на душу положитъ, лишь бы только перевести во время урока положенное количество страницъ. До поступленія въ Нѣжинъ я изучалъ въ гимназіи только французскій языкъ, но уже съ VI-го класса сталъ заниматься самостоятельно и нѣмецкимъ языкомъ, знаніе котораго для будущаго филолога могло быть не только полезно, но и необходимо. Присутствуя во время уроковъ нѣмецкаго языка въ классѣ вмѣстѣ съ остальными учениками „нѣмцами“, я старался наверстать потерянное и по-

догнать свои познанія въ этомъ языкѣ хотя бы настолько, чтобъ понимать то, что читалось учениками на урокахъ. Послѣ усиленныхъ занятій нѣмецкимъ языкомъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтнихъ каникулъ мнѣ удалось, наконецъ, добиться того, что въ 8-мъ классѣ, гдѣ переводили „Исторію тридцатилѣтней войны" Шиллера, я разбирался въ текстѣ почти наравнѣ съ другими учениками, хотя и долженъ былъ гораздо чаще ихъ прибѣгать къ помощи словаря.

Печальнѣе всего поставлена была въ гимназіи математика, преподавателемъ которой въ старшихъ классахъ состоялъ ветхій старецъ М—скій, нынѣ уже покойный. Почему-то онъ не признавалъ общепринятыхъ въ русскихъ гимназіяхъ учебниковъ по математикѣ, и все преподаваніе велось по его собственнымъ запискамъ. Записки эти были составлены, какъ острили гимназисты, еще въ „доисторическія времена" Нѣжинской гимназіи и особенной толковостью, насколько мнѣ помнится, не отличались. Кромѣ того, ихъ приходилось переписывать со старыхъ, затасканныхъ экземпляровъ, до такой степени пострадавшихъ отъ времени, что мѣстами можно было возстановить ихъ первоначальный текстъ лишь съ большимъ трудомъ. Встрѣчались въ нѣкоторыхъ экземплярахъ и собственныя ученическія дополненія и примѣчанія, свидѣтельствовавшія о несомнѣнномъ остроуміи ихъ переписчиковъ. Главное же достоинство этихъ записокъ заключалось все-таки въ ихъ краткости, благодаря которой обязательный по программѣ курсъ сокращался на добрую половину. Исключеніе въ пользу учебника дѣлалось только по одной физикѣ, которая проходилась по старинному учебнику Ленца, хотя въ то время уже существовалъ новый и болѣе толковый учебникъ Краевича. Органически ненавидя съ дѣтства всякія „точныя" науки, я лично былъ, конечно, очень доволенъ такимъ „сокращеніемъ" курса, тѣмъ болѣе, что даже и въ такомъ объемѣ математика представляла для меня лишь „печальную необходимость", съ которой приходилось мириться до полученія аттестата. Съ тѣми познаніями, какія давала Нѣжинская гимназія въ области математическихъ наукъ, поступать на математическій факультетъ было, разумѣется, рискованно, но такъ какъ гимназія преслѣдовала, кромѣ общихъ, и свои спеціальныя задачи, то математическая отсталость учениковъ никого особенно не смущала, и почтенный педагогъ-старецъ спокойно продолжалъ свою педагогическую дѣятельность, пока, наконецъ, не вышелъ въ отставку, выслуживъ положенную по закону пенсію.

Для писателя-беллетриста такой „типъ" педагога могъ дать богатый матеріалъ, но такъ какъ въ задачу настоящихъ воспоминаній совершенно не входитъ анекдотическая сторона нѣжинской

гимназической жизни, то я и не останавливаюсь на ней. Объ учительскихъ „типахъ“ недавняго прошлаго писалось за послѣднія пять-шесть лѣтъ такъ много, что трудно сказать въ этой области что-либо новое, не рискуя навлечь упрека въ повтореніи того, что „давно уже всѣмъ извѣстно“...

1881—82 годы были критическими, можно сказать, роковыми годами въ жизни Нѣжинской гимназіи. Общая реакція, все сильнѣе и сильнѣе охватывавшая внутреннюю жизнь страны, не могла не отразиться и на жизни гимназіи. Всѣмъ „вольностямъ“, какіе существовали до сихъ поръ, наступилъ конецъ и то, что еще недавно считалось дозволеннымъ, оказалось вдругъ предосудительнымъ, запрещеннымъ... Вышеупомянутая ученическая библіотечка, которой мы были обязаны столь многимъ въ своемъ развитіи, была признана „вредной“ и отобрана у гимназистовъ учебнымъ начальствомъ; уцѣлѣли лишь кой-какія книжки, случайно оказавшіяся на рукахъ читателей. Товарищеская „касса взаимопомощи“, оказывавшая намъ такія великія услуги, была найдена „излишней“ и подверглась той же печальной участи, что и библіотека. Свободѣ ученическихъ собраній и сходокъ былъ положенъ конецъ; даже выходъ гимназистовъ изъ квартиры на улицу былъ ограниченъ извѣстными часами, не говоря уже о разныхъ другихъ строгостяхъ и стѣсненіяхъ, обрушившихся на учениковъ. Не остались позабытыми и газеты, которыя выписывались нѣкоторыми учениками, интересовавшимися, кромѣ классической премудрости, и тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Такъ, напр., на той ученической квартирѣ, гдѣ мнѣ пришлось жить въ 1882-мъ году, изъ газетъ получались: „Порядокъ“, „Русскій Курьеръ“ и кіевская „Заря“. Газеты эти гимназія отобрала у насъ, а чтобы не оставить насъ совсѣмъ безъ органовъ періодической печати, благосклонно выписала для нашей квартиры: „Московскія Вѣдомости“ (вмѣсто „Порядка“), „Современныя Извѣстія“ (вм. „Рус. Курьера“) и „Кіевлянинъ“ (вм. „Зари“). Та же судьба постигла и другіе журналы и газеты извѣстнаго направленія, какія выписывались гимназистами. Но такъ какъ читать выписанныя гимназіей газеты, вмѣсто своихъ прежнихъ, любителей было мало, то пришлось выписать для себя вторично тѣ же газеты, но уже прямо по адресу квартиры, а не на гимназію, какъ это дѣлалось прежде. Да и читать ихъ приходилось, разумѣется, съ гораздо бóльшей противъ прежняго осторожностью, чтобъ газета не попалась случайно въ руки посѣтившаго квартиру надзирателя и не навлекла на читателя соотвѣтствующаго взысканія...

Одновременно съ введеніемъ въ гимназіи болѣе усиленнаго надзора за частной жизнью учениковъ начали циркулировать слухи о томъ, что Н. А. Лавровскій получитъ въ скоромъ времени другое назначеніе и оставитъ Нѣжинъ. Болѣе талантливые профессора покидали институтъ одинъ за другимъ, и институтъ замѣтно падалъ съ каждымъ годомъ. Большая часть воспитанниковъ 8-го класса, получая стипендіи, должны были поступить въ институтъ, но такъ какъ перспектива четырехлѣтняго пребыванія въ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія, лишь отдаленно напоминавшаго собой высшую школу, не представляла собой ничего заманчиваго, то всѣ наши помыслы уже направлялись къ тому, чтобъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ поступленія въ институтъ. Гимназическое начальство, повидимому, подозрѣвало существованіе такихъ замысловъ, хотя мы тщательно ихъ скрывали, опасаясь, что ихъ открытіе можетъ неблагопріятно отразиться на результатѣ предстоявшихъ испытаній на аттестатъ зрѣлости. И опасенія эти были тѣмъ болѣе основательными, что надо было ожидать очень строгихъ экзаменовъ, какъ это и оказалось въ дѣйствительности. Происходили испытанія въ актовомъ залѣ института, при чемъ на письменныхъ экзаменахъ отдѣльные столики для каждаго ученика ставились на такой почтительной дистанціи одинъ отъ другого, чтобъ лишить сидящихъ за ними всякой возможности сноситься другъ съ другомъ. Однако, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, нужныя записки довольно искусно перебрасывались съ одного стола на другой, и ни одинъ ученикъ, нуждавшійся въ помощи своихъ товарищей, конечно, не оставался безъ таковой. Болѣе знающіе охотно дѣлились своими познаніями со слабыми товарищами, переправляя по воздушной почтѣ почти на глазахъ дежурнаго наставника какъ математическія задачи, такъ и переводы на древніе языки. Благодаря такой своеобразной организаціи товарищеской взаимопомощи, всѣ письменные экзамены окончились для испытуемыхъ благополучно. Также благополучно сошли потомъ и устныя испытанія: всѣ воспитанники 8-го класса были допущены къ нимъ, и всѣ ихъ выдержали, за исключеніемъ, кажется, одного экстерна. Послѣ цѣлаго мѣсяца усиленной напряженной работы желанный „аттестатъ зрѣлости", предметъ восьми-лѣтнихъ мечтаній, былъ у насъ въ рукахъ, школа оставалась позади, а впереди открывался заманчивый безпредѣльный просторъ свободной жизни, независимой работы...

Изъ всего выпуска, состоявшаго изъ тридцати слишкомъ человѣкъ, въ институтъ поступали лишь 3—4 человѣка, которымъ, что называется, „некуда было дѣться". Всѣ же остальные мечтали о поступленіи въ различные университеты, большинство—на медицин-

скій факультетъ. Гимназія, имѣющая своей ближайшей задачей подготовку преподавателей-филологовъ, выпускала такимъ образомъ изъ своихъ ultra-классическихъ нѣдръ молодыхъ людей, менѣе всего помышлявшихъ о педагогической дѣятельности, да еще—на поприщѣ древне-классическихъ знаній. Н. А. Лавровскій былъ, повидимому, не только сильно удивленъ, но и огорченъ, когда мы явились къ нему, по окончаніи экзаменовъ, чтобъ заявить о своемъ рѣшеніи разстаться съ Нѣжинскимъ институтомъ. Чтобъ не такъ было страшно, мы предстали передъ суровыми очами своего начальства цѣлой группой въ нѣсколько человѣкъ, среди которыхъ были лучшіе ученики гимназіи, которые, можетъ быть, сдѣлались бы современемъ гордостью института.

— Какъ,—и вы бѣжите отъ института? удивленно спросилъ Лавровскій, замѣтивъ среди насъ и такихъ учениковъ, относительно поступленій которыхъ въ институтъ не возникало даже сомнѣній.

Онъ долго говорилъ съ нами на тему о томъ, какъ намъ трудно будетъ пробивать себѣ дорогу въ университетѣ, не имѣя никакихъ средствъ, какъ много удобствъ представляетъ институтъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы посвятить себя въ будущемъ научной дѣятельности. Эта дружеская, почти отеческая бесѣда, въ которой чувствовались искренніе теплые ноты, произвела на насъ, „измѣнниковъ классицизму", сильное впечатлѣніе, но... мы все-таки остались при своемъ убѣжденіи, что институтъ не могъ ни въ какомъ случаѣ дать намъ такого широкаго и серьезнаго высшаго образованія, какое мы надѣялись получить въ университетѣ. Но больше всего пугалъ насъ и отталкивалъ отъ института его закрытый характеръ. Казарменная жизнь въ его стѣнахъ по расписанію, „по звонку", подъ вѣчнымъ и непрерывнымъ надзоромъ начальства, представлялась намъ до того ужасной и ненавистной, что мы готовы были обречь себя на какія угодно лишенія въ будущемъ, лишь бы избавиться отъ перспективы обязательнаго четырехлѣтняго заточенія въ этихъ стѣнахъ. Видя, что всѣ его увѣщеванія ни къ чему не приводятъ, Лавровскій закончилъ аудіенцію такими словами:

— Ну, видно, силой милымъ не быть... Идите въ университетъ, если не хотите оставаться въ нашемъ институтѣ. Но помните, что, если кому-либо изъ васъ не повезетъ тамъ, если борьба окажется непосильной, двери института всегда будутъ открыты для васъ. Мнѣ очень жаль, что институтъ теряетъ такихъ хорошихъ воспитанниковъ... Отъ души желаю вамъ всѣмъ успѣха...

Онъ крѣпко пожалъ намъ руки, и мы разстались. Въ тотъ же день мы начали разъѣзжаться изъ Нѣжина во всѣ стороны Россій-

ской Имперіи. Это были счастливѣйшіе дни въ нашей юношеской жизни. Мечта объ университетѣ захватывала насъ такъ сильно и глубоко, что всѣ остальныя житейскія соображенія, связанныя съ осуществленіемъ этой завѣтной мечты, какъ-то стушевывались передъ нею, отодвигались на второй планъ. „Лишь бы только поступить въ университетъ“... Въ томъ же году, если не измѣняетъ мнѣ память, и самъ Н. А. Лавровскій оставилъ Нѣжинскій институтъ, получивъ назначеніе ректоромъ Варшавскаго университета.

Въ августѣ 1882 года я былъ принятъ въ число студентовъ Московскаго университета.

Ив. Порошинъ.

Хлѣбъ насущный.

Анна Васильевна Купреянова по рожденію принадлежала, какъ говорится, къ „лучшему обществу“; но кромѣ этой принадлежности, не имѣла рѣшительно ничего: ни средствъ, ни настоящей протекціи, ни даже близкой родни.

Учительствовать она начала довольно неожиданно, благодаря случайной встрѣчѣ съ однимъ изъ вліятельныхъ по учебному вѣдомству лицъ, которое вспомнило свое давнишнее знакомство съ покойнымъ отцомъ Купреяновой.

Анна Васильевна обратилась къ нему самолично, на собственный страхъ и немедленно получила, хотя и не штатное мѣсто, но, по крайней мѣрѣ, уроки въ казенной женской гимназіи.

На службѣ отношеніе ея сложилось сразу такъ, что ея немножко побаивались, немножно не любили, считали чужой, непринадлежащей къ тому кругу, изъ котораго вышло большинство преподавателей и преподавательницъ, а потому вѣчно подозрѣвали, что она относится къ прочимъ сослуживцамъ и сослуживицамъ свысока, третируетъ ихъ, осуждаетъ ихъ внѣшность, слова, образъ дѣйствій и мыслей, и вообще „пускаетъ мораль на гимназію“.

Но такъ какъ Купреянова держалась скромно и тихо, приходила и уходила, давала свои уроки, высказывала, когда требовалось, личное мнѣніе, не задѣвая ничьего самолюбія и не нарушая ничьихъ интересовъ, то служба ея текла, сравнительно, очень гладко и мирно. Каждая шероховатость, малѣйшій намекъ на „черныя точки“, сглаживались какъ-то сами собой, забывались и исчезали съ поля зрѣнія, не оставляя слѣдовъ ни въ исторіи гимназіи, ни въ лѣтописяхъ гимназическихъ исторій.

Но это „нѣчто“, бывшее у Купреяновой просто результатомъ порядочности и благовоспитанности, врожденнаго такта, многими изъ ея сослуживцевъ считалось тонкой политикой, верхомъ дипломатическаго искусства, такъ что одинъ старый педагогическій воробей

всякіе пересуды Купреяновой заключалъ, обыкновенно, словами: „Она, доложу я вамъ, штучка, ну, штучка“!

Судили они, конечно, по своему, и по свему были правы. Дѣйствительно, даже такой обычный пріемъ, какъ заблаговременное дискредитированіе въ глазахъ высшаго начальства тѣхъ служащихъ, которые имѣютъ маломальскую протекцію—въ предупрежденіе возможныхъ, съ ихъ стороны, въ будущемъ, попытокъ воздѣйствовать на тѣ или иныя стороны гимназической жизни—и тотъ, по отношенію къ Купреяновой, окончился совершенно непредвидѣннымъ образомъ.

Прежній завѣдующій, при которомъ она поступила на службу, грузный, малоподвижный Полольщиковъ, очень косился первое время на новую учительницу, въ виду ни для кого не составлявшихъ тайны обстоятельствъ, сопровождавшихъ поступленіе ея на службу. Полольщиковъ не считалъ себя ни хуже, ни лучше, ни глупѣе другихъ, а потому думалъ, что противъ опасныхъ подчиненныхъ всегда необходимо имѣть про запасъ оружіе. Оружіе онъ употребилъ самое заурядное: написалъ дискредитирующій отзывъ въ управленіе округа, зная, что обыкновенно такіе отзывы пришиваются къ дѣлу и непосредственныхъ результатовъ не имѣютъ, представляя лишь драгоцѣнный матеріалъ на случай будущихъ осложненій.

Отзывъ былъ шаблонный, и шаблонно же Полольщиковъ надѣялся оправдать его съ помощью самой обвиняемой, запугавъ ее и натолкнувъ затѣмъ на неосторожныя самооправданія, а, слѣдовательно, самообвиненія. Но, къ удивленію, онъ встрѣтилъ такое со стороны Анны Васильевны непониманіе сокровеннаго смысла нѣкоторыхъ намековъ, такое отсутствіе реагированія и прямолинейность, что послѣ перваго же приступа апатично махнулъ рукой и угрюмо рѣшилъ никогда уже впредь не помѣщать въ концѣ учебнаго года фамилію Купреяновой въ спискѣ лицъ, „перемѣщеніе коихъ желательно въ видахъ пользы службы.“

Къ послѣднему рѣшенію онъ пришелъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго давленія извнѣ.

Дѣло въ томъ, что на этотъ разъ, на бѣду и горе Полольщикова, инцидентъ съ отзывомъ окончился совершенно неожиданнымъ образомъ: время было безпокойное, и отъ округа сейчасъ же откомандировали лицо для осторожнаго обслѣдованія заподозрѣннаго умонастроенія новой учительницы.

Оказалось, однако, что Купреянова ни въ прошломъ не понимала служебнаго къ ней отношенія ближайшаго начальства, ни въ настоящемъ не догадывалась о причинахъ вниманія со стороны окружныхъ властей. Она не оправдывалась и не обвиняла даже

тогда, когда ей, повидимому, ясно намекали на какую-то провинность, чью-то виноватость. Указанія на бывшія недоразумѣнія по службѣ явно и чистосердечно возмущали ее, и наконецъ, къ немалому изумленію ревизора, странная учительница перестала отвѣчать на его вопросы, и заявила, что ея дѣло учить, а не слѣдить за поведеніемъ и дѣйствіями своего ближайшаго начальства и сослуживцевъ. Въ пылу разговора она сослалась даже на общеизвѣстный параграфъ всякихъ уставовъ, въ силу котораго начальство аттестуетъ своихъ подчиненныхъ, а не наоборотъ; однимъ словомъ „наговорила дерзости".

Вышло смѣшное и досадное qui pro quo, котораго не простили Полольщикову.

Съ ревизоромъ Купреянова простилась болѣе, чѣмъ холодно, нимало не подозрѣвая, что нанесла своему ближайшему начальнику чувствительный уронъ по службѣ; но и сама она, какъ недалекая и неспособная, навсегда была исключена изъ контингента возможныхъ кандидатокъ въ начальницы или надзирательницы.

Когда Полольщикова, незадолго до выслуги имъ пенсіи, неожиданно для всѣхъ перемѣстили, давъ ему, въ видѣ утѣшенія, другое, нѣсколько менѣе самостоятельное, но лучше оплачиваемое назначеніе, нѣкоторымъ изъ служащихъ весьма хотѣлось, чтобы Купреянова, заодно съ ними, не приняла участія въ прощальномъ чествованіи бывшаго начальника. Они заднимъ числомъ просвѣтили ее относительно коварныхъ замысловъ завѣдующаго, и предложили выразить протесты. Но и тутъ Анна Васильевна не реагировала, какъ слѣдуетъ, а прямо обратилась къ Полольщикову съ вопросомъ: „за что это вы меня, Аполлонъ Дмитріевичъ, хотѣли выжить?"

Тотъ сначала смутился, думалъ, было, отпереться, солгать; но потомъ сообразилъ, что теперь, когда онъ уже больше не начальство, Купреяновой могутъ, пожалуй, подсунуть черновую его офиціальнаго представленія, и устыдился.

— Да вѣдь я намекалъ вамъ тогда... ну, относительно религіозности... нехорошій примѣръ... не бывали въ гимназической церкви... бравировали... помните: одну ученицу... сказали ей, не грѣхъ выпить передъ причастіемъ чаю... ну, и другое тамъ...

Положимъ, Полольщиковъ и тутъ былъ не совсѣмъ правдивъ; писалъ онъ не про одну только религіозность. Онъ разсчитывалъ, что Купреянова, какъ всѣ, послѣ его намековъ зачаститъ въ гимназическую церковь и тѣмъ самымъ косвенно подтвердитъ основательность другихъ офиціально возведенныхъ на нее извѣтовъ, на которые онъ также „намекалъ" ей въ свое время, но весьма туманно и

невразумительно для такой особы, какъ Анна Васильевна.—Та вообразила даже, что Аполлонъ Дмитріевичъ хотѣлъ, попросту, насплетничать ей про другихъ, а потому, съ недоумѣніемъ взглянувъ на собесѣдника, вѣжливо уклонилась тогда отъ дальнѣйшихъ разговоровъ.—Отчего-же меня не перемѣстили, какъ вы того, очевидно, желали?—полюбопытствовала она теперь.

— Да если перемѣщать всѣхъ, о комъ пишутъ, на что бы это было похоже?—возмутился Аполлонъ Дмитріевичъ.—Онъ самъ оставлялъ, собственно, мѣсто завѣдующаго благодаря такому-же неопредѣленному отзыву о „пользѣ службы", а потому ретивое заговорило.—Спохватившись, онъ опять смутился, замолчалъ и прекратилъ бесѣду.—Когда былъ назначенъ новый завѣдующій, дѣла Анны Васильевны обѣщали, повидимому, идти такъ-же гладко, какъ раньше. Адамъ Онуфріевичъ Рошковскій, выходецъ изъ Галиціи, перебравшійся въ Россію въ числѣ первыхъ піонеровъ, казался гораздо дальновиднѣе Пололыщикова; онъ сразу причислилъ Купреянову къ безвреднымъ и рѣшилъ оставить ее въ покоѣ.—Вѣроятно, онъ и исполнилъ-бы свои благія намѣренія, если-бы не одинъ непредвидѣнный казусъ.

* * *

Однажды, когда Купреянова, опоздавъ къ началу уроковъ, торопливо вошла въ полутемный и узкій коридоръ гимназіи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя она увидѣла Адама Онуфріевича и двухъ ученицъ; одна, небольшого роста, бойкая, со свѣженькимъ но вульгарнымъ личикомъ, хихикая жалась къ стѣнѣ, пряча за спиной свои руки, какъ будто именно имъ угрожало наиболѣе опасное посягательство.—Другая, высокая, породистая, съ выраженіемъ, долженствовавшимъ изображать глубокую душевную муку, отвернувшись, кротко сжимала правую руку Рошковскаго, и не то вырывалась, не то тащила его за собой.

Купреянова остолбенѣла; кровь бросилась ей въ голову, зашумѣла въ ушахъ, жгла глаза; она растерянно сдѣлала нѣсколько шаговъ вправо, влѣво, назадъ и машинально, сама не зная, какъ, очутилась за угломъ коридора, въ пролетѣ лѣстницы на верхній этажъ.

Все это длилось одно мгновеніе, но Купреянова потомъ ясно помнила, что несмотря на всю свою служебную наивность и безмятежность, въ умѣ ея тогда-же отчетливо промелькнуло сознаніе: „кончена моя коронная служба, кончена!"

Постоявъ у лѣстницы, она оправилась, обмахнула платкомъ лицо и глаза, и вышла опять въ коридоръ. Все было пустынно и тихо; сквозь затворенныя двери доносится справа и слѣва неясный, пере-

бивчатый отзвукъ отдѣльныхъ уроковъ; но за поворотомъ налѣво Купреянова, къ ужасу своему, увидѣла у самыхъ дверей класса, въ которомъ дожидались ее ученицы, плотную красивую фигуру Адама Онуфріевича.

Ее снова точно обдало жаромъ; она воображала, что Рошковскій долженъ чувствовать себя очень неловко, что онъ стушуется, постарается не встрѣтиться съ нею, а вмѣсто того вся неловкость, весь стыдъ были, почему-то, на ея сторонѣ.—Съ храбростью отчаянія она хотѣла спѣшнымъ шагомъ пройти мимо, но Рошковскій, широко разставивъ ноги, заступилъ ей дорогу:—„позвольте-съ!“—и сдѣлалъ не то пригласительный, не то угрожающій жестъ.

Дикая мысль мелькнула на мгновеніе въ головѣ Купреяновой: ей тутъ-же, какъ-то образно, даже не вылившись въ опредѣленную словесную форму, представилось, что онъ сейчасъ начнетъ такъ-же осязательно любезничать съ нею, какъ любезничалъ только-что съ маленькой вертлявой Ружицкой.—Она невольно попятилась, и выставила впередъ обѣ руки.

Адамъ Онуфріевичъ усмѣхнулся, молча вынулъ часы, и поднявъ ихъ циферблатомъ впередъ, почти на уровень лица Купреяновой, медленно отчеканилъ, въ упоръ смотря ей въ глаза:

— Не въ первый разъ уже, барышня! Нарочно поджидалъ васъ здѣсь, чтобы установить фактъ-съ!

— Какъ не въ первый разъ?—возмутилась Анна Васильевна, въ то-же время мучительно чувствуя, что говорить ничего не слѣдуетъ, что всякіе протесты напрасны, безцѣльны и глупы.

— Я никогда не опаздывала; сегодня, дѣйствительно... Адамъ Онуфріевичъ спряталъ часы и, уже явно издѣваясь, перебилъ ее:

— И оправдываетесь, какъ ученица и какъ ученица-же спрятались только-что отъ меня подъ лѣстницей: незамѣтно, молъ, шмыгну въ классъ, когда начальство придетъ... Стыдно!.. А руки-то вы зачѣмъ сейчасъ выставили? Во-первыхъ — напрасно; во-вторыхъ — чрезвычайно характерно для вашихъ ожиданій и нравовъ... Проходите, классъ ждетъ! — закончилъ онъ пренебрежительнымъ тономъ, давая дорогу.

Купреянова, ошеломленная, вошла въ классъ и сѣла за учительскій столикъ.

Сначала она была какъ въ чаду, потомъ разрыдалась.—Перемогая себя, пробовала давать урокъ, опять плакала, и опять принималась за дѣло. — Все, что случилось у нея на глазахъ и съ нею самой за эти четверть часа, было для нея такъ дико и ново! Она никогда не могла представить себѣ ни такихъ отношеній, ни такихъ разговоровъ; противнѣе-же, невѣроятнѣе всего, были для нея

ученицы-любительницы осязательныхъ ласкъ. — И какъ она могла позволить ему говорить съ собой такимъ образомъ? Ей припомнилась одна сцена, когда Полольщиковъ напалъ на классную даму Морошкину: какъ живо перемѣнились роли! Какъ Морошкина наступала, какъ вульгарно взвизгивала, какія вещи кричала ему въ лицо. И Полольщиковъ ретировался и никогда больше не трогалъ Морошкиной.—А Морошкина была тогда *виновата!*

Кое-какъ дотянула Купреянова до звонка и вышла. Рошковскій былъ опять въ коридорѣ и провожалъ ее насмѣшливымъ взглядомъ.—Вся заплаканная, торопливо здоровалась она съ сослуживцами, избѣгая вопросовъ и разговоровъ, испуганно сторонясь даже отъ немногихъ благоволившихъ къ ней лицъ; она по глазамъ видѣла, что имъ что-то извѣстно.

Придя въ дамскую, она стала безцѣльно рыться въ грудѣ наваленныхъ на окнѣ тетрадей; сослуживцы демонстративно громко разговаривали о совершенно постороннихъ предметахъ, и одна только Морошкина, придравшись къ какому-то поводу, обычнымъ язвительно крикливымъ тономъ прошлась на счетъ черезъ-чуръ расплодившихся „тонкокожихъ учительницъ изъ аристократокъ". — Затѣмъ она развязно подошла къ общему шкапику, и со словами: — „душечка, я возьму у васъ папироску"—вынула изъ закуточка старенькой учительницы рукодѣлья ея портсигаръ, закурила папироску и, дымя, вышла въ коридоръ къ ученицамъ.—Это было такимъ нарушеніемъ всякихъ гимназическихъ правилъ, особенно со стороны почти не курившей Морошкиной, что всѣ чуть не ахнули.—Затѣмъ, когда по звонку учителя и учительницы уже расходились по классамъ, Морошкина, все съ тою-же папиросой въ зубахъ, вернулась въ учительскую, брезгливо швырнула окурокъ въ печку, и, умышленно оттягивая время, сѣла читать газету.—Купреянова давно уже была занята своимъ дѣломъ и невольно прислушивалась къ необычному шуму въ сосѣднемъ классѣ, гдѣ шелъ урокъ рисованія, догадываясь, что Морошкина еще не приходила на очередное дежурство.—Черезъ добрыя четверть часа она почти надъ самымъ ухомъ услышала изъ-за двери крикливый, вызывающій голосъ Морошкиной, явно пародировавшей манеру Рошковскаго:

— А я васъ здѣсь поджидала: хочу установить маленькій фактъ-съ!

Отвѣтъ Адама Онуфріевича звучалъ совершенно спокойно, съ маленькими саркастическими переливами въ голосѣ: какой отвѣтъ и о какомъ фактѣ шла рѣчь, Купреянова не разслышала; но ее опять бросило въ жаръ и въ холодъ: очевидно, Морошкина знала или догадывалась о происшедшемъ.

Вскорѣ за дверью послышался сдержанный смѣхъ собесѣдниковъ, со стороны Морошкиной какъ будто-бы угрожающій.—А затѣмъ все замолкло.

— Господи, отчего я не могу, какъ Морошкина! — съ горечью вздохнула про себя Купреянова, но сейчасъ-же испугалась собственныхъ мыслей и, закрывшись журналомъ, украдкой даже перекрестилась.

— Господи, благодарю тебя, что я не могу, какъ Морошкина!— поправилась она торопливо, но тутъ же опять осудила себя за гордость и самомнѣніе; расшатанные нервы не выдержали: она вновь стала плакать и съ трудомъ довела урокъ до конца.

* * *

Дома къ Купреяновой вернулись понемногу бодрость духа и самообладаніе.

Она занимала комнатку въ семьѣ старинныхъ знакомыхъ своихъ покойныхъ родителей, бездѣтной четы, жившей съ комфортомъ, въ солидной обстановкѣ, на пенсію и проценты съ небольшого, сколоченнаго за долгую службу, капитальца.—Много лѣтъ тому назадъ пріѣхали они сюда, да здѣсь-же, по выходѣ главы семьи въ отставку, и осѣли, какъ осѣдаетъ большинство служилыхъ.—По матери хозяйка дома приходилась даже родственницей Купреяновой, но Анна Васильевна упорно отрекалась отъ всякой тѣни родства, боясь возможныхъ посягательствъ на свою самостоятельность и свободу.

Собственно говоря, судьба была къ ней очень милостива. — Родители еще при жизни опредѣлили дочь въ одинъ изъ очень исключительныхъ по составу учащихся столичныхъ институтовъ и умерли до окончанія ея курса.—Несмотря на то, Купреянову ждалъ теплый уголокъ въ той семьѣ, гдѣ она теперь жила и гдѣ давно уже готовились встрѣтить ее съ раскрытыми объятіями: въ особенности сама старушка. — Она съ наивной вѣрой разрисовывала въ своемъ воображеніи будущую совмѣстную жизнь съ „Аней“ и мечтала о ней, какъ о пріемной дочери.—Но пріѣхалъ не ребенокъ, не институтка, какими ихъ часто представляютъ, а взрослая барышня, съ идеями о трудѣ, о хлѣбѣ насущномъ, о пользѣ ближнему и пр.— Конечно, ничего дурного, непріятнаго, рѣзкаго въ отношеніяхъ не произошло и произойти не могло: старички были слишкомъ полны любовью къ своей неосуществившейся мечтѣ.—Но вышло, какъ говорится, *не то*: такая „Аня“, какою они ее себѣ представляли, ускользала, а была другая, получуждая, которую надо было предоставить самой себѣ.

Печать мира и обезпеченности, лежавшая какъ на самомъ домѣ,

такъ и на его обитателяхъ, убаюкивающе подѣйствовала на нравственно потрясенную дѣвушку, и все происшедшее представилось ей въ совершенно другомъ, неожиданномъ для нея свѣтѣ.—Ей показалось, что вотъ здѣсь, въ этой комнаткѣ, въ симпатичной ей обстановкѣ и складѣ жизни семьи, лежитъ центръ тяжести и ея собственной жизни; что это—главное, единственно прочное и неотторжимое отъ нея благо: свой кругъ и свой уголъ; что все прочее—гимназія, служба, товарищи, преподаванія—побочное, мелкое, лежащее гдѣ то далеко за предѣлами истинной жизни: непріятное, какъ всякія дрязги, и неизбѣжное, какъ болѣзнь, какъ смерть близкихъ людей, и другіе, ничуть не зависящіе отъ того или иного рода дѣятельности недочеты судьбы.

Она знала, со словъ покойнаго отца и близкихъ знакомыхъ, что никто, даже люди, стоящіе на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, не застрахованы отъ служебныхъ непріятностей, и теперь подъ вліяніемъ потока нахлынувшихъ на нее новыхъ мыслей, отбросила далеко, какъ сумасшедшій, болѣзненный бредъ, обуревавшіе ее на всемъ пути отъ гимназіи до воротъ дома помыслы объ отставкѣ, о частныхъ урокахъ, о мѣстѣ гувернантки въ отъѣздъ, даже о работѣ на магазины и перепискѣ бумагъ. — Она прекрасно понимала, что, въ концѣ концовъ, это лишитъ ее того, чѣмъ она наиболѣе дорожила: самостоятельности и респектабельности внѣшнихъ рамокъ, которыми скрашивалось для нея то, что она называла „заботой о хлѣбѣ насущномъ“.—О томъ, что внѣшняя респектабельность покупается часто большою душевною мерзостью, она, конечно, не думала и по отношенію къ себѣ не допускала даже мысли о возможности какихъ-либо компромиссовъ и сдѣлокъ. — Она просто рѣшилась терпѣть и мириться со всѣмъ по стольку, по скольку отъ нея самой не потребуютъ чего-либо несогласнаго съ совѣстью, служебнымъ долгомъ и честью.

Обѣдали у нихъ поздно, въ седьмомъ часу, и къ столу Анна Васильевна вышла на видъ такою-же спокойною и ровною, какъ всегда.—Почти неожиданно для самой себя, она ни словомъ не обмолвилась ни за столомъ, ни послѣ о томъ, что случилось; ей претило выводить на сцену всю эту грязь, а потомъ она сознательно рѣшила, что такъ даже лучше: пусть будетъ средостѣніе между домомъ и службой, два міра, двѣ жизни.

Она настолько успѣла овладѣть собою, что на другое утро вышла изъ дому почти въ обычномъ настроеніи духа, хотя и на цѣлые полъ-часа раньше обыкновеннаго, съ твердой рѣшимостью вдвойнѣ слѣдить за собой и не подавать ни малѣйшаго повода къ возобновленію какихъ-бы то ни было разговоровъ о прошломъ.

И, дѣйствительно, результаты, повидимому, превзошли самыя оптимистическія ожиданія Анны Васильевны.—Никогда дѣло не шло у нея такъ гладко, такъ хорошо.—Рошковскій совсѣмъ не показывался, по крайней мѣрѣ, въ тѣ часы, когда у нея были уроки; дѣвочки какъ то особенно слушались, старались; сослуживцы только были еще сдержаннѣй прежняго.—Ну, да Богъ съ ними!

Анна Васильевна чувствовала такой подъемъ духа, какъ съ началомъ полнаго возвращенія силъ послѣ тяжкой болѣзни.—Она слегка уже трунила надъ своей нервностью и страхами, даже надъ тѣмъ получасомъ, который она, на другой день послѣ рокового событія, просидѣла, задолго до начала уроковъ, въ учительской, и по прежнему стала приходить за десять минутъ до звонка.—Такъ продолжалось четыре-пять дней, когда однажды въ воротахъ гимназіи швейцаръ остановилъ ее полуконфиденціально словами: „приказали о васъ: какъ только придутъ, пусть пожалуютъ сейчасъ въ канцелярію".

Купреянову слегка передернуло: приглашеніе служащихъ въ канцелярію черезъ швейцара не было доселѣ въ обычаѣ; но Анна Васильевна рѣшила крѣпиться и не подавать повода къ неудовольствіямъ.—Пока она раздѣлась, пока привела въ порядокъ волосы и туалетъ, сложила тетради и книги, прошло минутъ пять, и ученицы съ шумомъ выбѣгали уже, со звонкомъ, въ коридоръ, когда она съ бьющимся сердцемъ шла въ канцелярію.

Рошковскій стоялъ въ полъ-оборота къ дверямъ и разсѣянно, черезъ плечо, скользнулъ по вошедшей взглядомъ, точно намѣреваясь не замѣтить ее.—Но, вѣрная принятому рѣшенію, Анна Васильевна молча стояла, дожидаясь, чтобы Адамъ Онуфріевичъ соблаговолилъ заговорить съ ней первый.

Рошковскій пока дочитывалъ бумагу, которую держалъ въ рукахъ, понемногу все болѣе и болѣе поворачивался спиной къ Купреяновой.—Затѣмъ, прекративъ чтеніе, онъ ровнымъ, спокойнымъ тономъ обратился къ письмоводителю.

— Егоръ Васильевичъ, потрудитесь розыскать черновую отношенія моего предмѣстника о перемѣщеніи учительницы Купреяновой.

Письмоводитель, маленькій, сутуловатый человѣчекъ съ облѣзлыми волосами и бородой на кругломъ болѣзненнаго цвѣта лицѣ сочувственно посмотрѣлъ поверхъ очковъ на учительницу, и мелкими шажками подбѣжавъ къ шкапу, сразу нашелъ и подалъ требуемый документъ.—Адамъ Онуфріевичъ, отставивъ правую ногу, сдѣлалъ видъ, что впервые внимательно пробѣгаетъ глазами написанное.—Мало по малу у него, какъ бы невзначай, стали прорываться досадливые. нетерпѣливые жесты; онъ дробно застучалъ по

полу носкомъ сапога и раза два-три расправлялъ бумагу довольно энергичными щелчками по жилету.—Въ наивности своей Анна Васильевна совсѣмъ не обратила вниманія на то, что черновикъ былъ явно приспособленъ заранѣе, т. е. вышитъ изъ дѣла и отложенъ въ сторону.

Окончивъ чтеніе Рошковскій на секунду какъ бы задумался и со словами:

— Н-да! протекція хорошая вещь!—перебросилъ бумагу черезъ столъ на конторку.—Этотъ жестъ какъ бы невольно заставилъ его обернуться, и глазами и всею фигурой онъ выразилъ полнѣйшее изумленіе и неодобреніе, когда увидѣлъ передъ собой Купреянову.

— Вамъ угодно?—спросилъ онъ ее довольно неопредѣленнымъ тономъ.

— Вы меня требовали.

— Я? Васъ?

Купреянова вспыхнула; неужели она ослышалась?

— Швейцаръ сказалъ мнѣ, что...

— Швейцаръ?—удивился вторично Адамъ Онуфріевичъ—я не имѣю обыкновенія требовать къ себѣ подчиненныхъ черезъ прислугу; когда я пожелаю имѣть честь говорить съ вами, я приглашу васъ лично, или вызову офиціальной повѣсткой.—А тѣмъ временемъ, если не ошибаюсь, у васъ долженъ быть въ настоящую минуту урокъ, и ученицы—онъ вынулъ изъ кармана часы—семь минутъ ждутъ васъ.—Прошу вернуться къ исполненію своихъ обязанностей и не безпокоиться о томъ, что дѣлается у меня въ канцеляріи.

Купреянова вышла; негодованіе душило ее; она готова была забыть всѣ свои принципы, вернуться, объясняться, говорить дерзости... но въ сѣняхъ канцеляріи лицомъ къ лицу столкнулась съ швейцаромъ, который, какъ ей показалось, насмѣшливо осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы.

Этотъ взглядъ, по необъяснимому сцѣпленію мыслей, напомнилъ Аннѣ Васильевнѣ, что къ новому году она случайно не дала швейцару обычной подачки, а потомъ забыла. Ей сдѣлалось не то совѣстно, не то неловко, и подъ вліяніемъ минутнаго смущенія она почти совершенно позабыла, что собиралась не то выбранить за что-то швейцара, не то выяснить черезъ него какую-то непріятную, досадливую подробность. Заторопившись, Анна Васильевна вмѣсто направо по лѣстницѣ вверхъ повернула налѣво, въ боковыя черныя двери, быстро спустилась по узенькимъ ступенькамъ въ темную подворотню и этимъ кратчайшимъ путемъ, минуя главный коридоръ зданія, прошла на другую половину гимназіи, почти къ самымъ дверямъ своего класса... Подошла, и невольно схватилась за сердце;

ей показалось даже, что она слегка покачнулась: у дверей класса въ выжидательной позѣ и также съ часами въ рукахъ, какъ нададняхъ Адамъ Онуфріевичъ, стоялъ одинъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ попечителя округа. На Купреянову словно нашло просвѣтленіе: она поняла все—сыгранную съ нею Рошковскимъ комедію вызова въ канцелярію, собственную абсолютную беззащитность въ борьбѣ съ подобными средствами и сразу пала духомъ, уничтоженная и придавленная.

Посѣтитель по своему истолковалъ волненіе и растерянность дѣвушки, пересталъ смотрѣть ей въ лицо и сухо, въ полъ-голоса, чтобы ученицы не слышали, замѣтилъ:

— Надо являться раньше; подождите входить въ классъ, успокойтесь. Вы очень торопились и, вѣроятно, безъ голоса. А тѣмъ временемъ мы пошлемъ за журналомъ.

Тутъ только Купреянова замѣтила, что въ самомъ дѣлѣ пришла въ классъ безъ журнала, безъ книги, безъ пачки тетрадей. Пока дежурная ученица ходила въ учительскую, Купреянова съ посѣтителемъ стояли рядомъ у стѣны коридора и оба молчали. Анна Васильевна боролась съ собой: говорить или не говорить? и теряла драгоцѣнное время. Да и о чемъ говорить, съ чего начать, съ обвиненія или съ оправданія? Разсказать-ли только сегодняшній случай, или подымать со дня старое?

Тѣмъ временемъ ученица принесла журналъ и догадалась захватить и тетрадки. Посѣтитель жестомъ пригласилъ Анну Васильевну войти въ классъ, и урокъ начался. Объ этомъ несчастномъ урокѣ она еще много лѣтъ вспоминала потомъ не иначе, какъ съ краской стыда: занятая въ мысляхъ другимъ, безъ складу, безъ ладу, она перескакивала отъ одного вопроса къ другому, сбивалась сама, сбивала ученицъ, замолкала совсѣмъ... Боже, какая пытка!

Со звонкомъ вошелъ въ классъ Адамъ Онуфріевичъ. Онъ почтительно-фамильярно поздоровался съ посѣтителемъ и небрежно протянулъ руку Купреяновой, со словами: „не видались еще“. Затѣмъ оба ушли, продолжая въ полъ-голоса начатый еще въ классѣ разговоръ.

Несмотря на угнетенное состояніе духа, Анна Васильевна съ облегченіемъ вздохнула, вспомнивъ, что удержалась отъ объясненія причинъ опозданія: она окончательно сознала свою безоружность противъ злой воли и покорилась. Вернувшись домой, она плакала, плакала долго и безутѣшно отъ обиды, отъ чувства безпомощности и безсилія. Просыпаясь, плакала ночью. Въ просонкахъ въ душѣ ея возникали планы мести, иногда чрезвычайно сложные, коварные; она ужасалась ихъ, опять плакала и молилась. Помолившись, радо-

валась, зная впередъ, что ни одного плана, если-бы даже въ помраченіи воли приступила къ его выполненію, не доведетъ до конца.

Къ утру она расхворалась. Милая старушка-хозяйка встревожилась и на свой страхъ послала за докторомъ. Тотъ пріѣхалъ, объяснилъ все нервностью на почвѣ переутомленія и велѣлъ дня четыре полежать и ничего не дѣлать. Тѣмъ временемъ Адамъ Онуфріевичъ, полагая, что Купреянова достаточно обезврежена, рѣшилъ было игнорировать впредь и ее, и все прошлое, тѣмъ болѣе, что предстояло сбыть съ рукъ Морошкину, гораздо болѣе опасную и неудобную. Но проходя какъ-то въ дни отсутствія Купреяновой по коридору, онъ услышалъ позади себя обрывки разговора въ полъ-голоса, причемъ особенно ясно донеслась до него фраза: „. . . . . а вы думаете что? просто наскочила на его любезности съ ученицами: вѣдь онъ у насъ по этой части ходокъ!“

Не осталось никакого сомнѣнія: либо Морошкина, либо Купреянова проболтались. Кто именно говорилъ теперь за его спиной, было совершенно безразлично: нельзя-же начать преслѣдовать всѣхъ; потому Адамъ Онуфріевичъ даже не обернулся, но немедленно рѣшилъ принять мѣры. Колебаться было не въ его нравахъ; проходя мимо швейцара, онъ тутъ-же сказалъ ему: „если что услышишь относительно барышни Купреяновой, сейчасъ мнѣ докладывай“; подобныя-же наставленія были даны и нѣкоторымъ другимъ служащимъ, повыше швейцара. Адамъ Онуфріевичъ не добивался, однако, ни обилія, ни достовѣрности матеріаловъ: онъ, главнымъ образомъ, старался нагнать на возможно большее число лицъ страхъ передъ солидарностью съ Купреяновой, а сдѣлать это было легко. Нужныя свѣдѣнія являлись, какъ обыкновенно бываетъ, сами собой, по мѣрѣ возникновенія спроса. Многіе приходили съ докладомъ не изъ желанія повредить, а оправдаться: изъ боязни за собственную безопасность, изъ трепетнаго чувства виноватости, а, главное, движимые неумѣніемъ различить добро отъ зла, пустую болтовню отъ наказуемаго факта. При всей своей молчаливости и сдержанности, Анна Васильевича въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могла остаться совсѣмъ въ сторонѣ и не дать втянуть себя въ волнующіе разговоры. Особенно возмущало ее всегда публичное раскапыванье мнимыхъ и дѣйствительныхъ провинностей опальнаго начальства, двусмысленные намеки на хозяйственные распорядки: судили вкривь и вкось и безцеремонно обливали уходившихъ грязью. Такъ было и съ Попольщиковымъ. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, поазартнѣе, выносили тогда послѣ уроковъ свои споры и пересуды даже на улицу, въ толпу расходившихся по домамъ ученицъ. Купреянова не удержа-

лась и однажды довольно рѣзко высказалась о неумѣстности подобныхъ разговоровъ при дѣтяхъ.

Адаму Онуфріевичу все это, конечно, не замедлили теперь передать въ томъ смыслѣ, что Купреянова любитъ разсуждать о томъ, что ея вовсе не касается, что она ярая сторонница его предмѣстника и тѣмъ самымъ злѣйшая его, Рошковскаго, противница. Но Адамъ Онуфріевичъ, выслушавъ терпѣливо докладчиковъ, заключилъ, что они очень наивные люди, ибо инкриминируемые ими факты, *какъ факты*, гроша мѣднаго не стоятъ, хотя, конечно, могутъ быть использованы въ другомъ, безъ сравненія болѣе цѣлесообразномъ, духѣ.

* * *

Послѣ болѣзни Анна Васильевна вернулась въ гимназію въ довольно минорномъ настроеніи.—Ее поразила необыкновенная предупредительность, съ которой швейцаръ бросился отворять ей двери, и она смалодушничала, дала ему ни съ того ни съ сего двугривенный.—Швейцаръ ухмыльнулся, раза два подбросилъ на ладони подачу, но не поблагодарилъ.—Морошкина также была какъ-то особенно любезна, захотѣла даже поцѣловаться, что Анна Васильевна, не имѣя лично ничего противъ Морошкиной, приняла за банальную форму сочувствія своему утомленному виду.—Зашелъ въ дамскую и Адамъ Онуфріевичъ; онъ ко всѣмъ подошелъ, всѣмъ пожалъ руку, ей также.—Обойдя весь кругъ, онъ собирался уже уходить, но, точно вспомнивъ нѣчто, не особенно важное, вернулся и довольно безразличнымъ, почти товарищескимъ тономъ сказалъ Купреяновой:

— Вотъ что, Анна Васильевна: зачѣмъ вы не увѣдомляете, когда собираетесь прохворать нѣсколько дней? Это чрезвычайно неудобно, сколько я разъ говорилъ.—Если вамъ претитъ написать мнѣ записочку въ дружескомъ тонѣ, пришлите офиціальный рапортъ; каждый по своему, и я это понимаю: мнѣ не нравится казенщина въ отношеніяхъ, вамъ—непринужденность; пусть по вашему, а все-же присылайте.

— Я вамъ прислала, въ тотъ-же день, рано утромъ.

— Не получалъ; очень сожалѣю.—Да послали-ли, полно, такъ-ли? У меня люди вѣрные, затерять не могли.

— Навѣрное послала—продолжала убѣждать Анна Васильевна—да какъ-же, вы вѣдь сами взяли тогда письмо изъ рукъ служанки; вы еще сказали...

Анна Васильевна вспыхнула, потому что Рошковскій, принимая письмо, умышленно вслухъ усумнился въ правдивости его содержанія, такъ что служанка обидѣлась за свою барышню.

Теперь только сообразила она, что слѣдовало, даже не допуская до рукопожатія, потребовать у Рошковскаго объясненія и прижать его къ стѣнкѣ.—И вотъ для нея опять все проиграно, слова же Адама Онуфріевича, о непредставленіи ею рапортовъ, о болѣзни. пріобрѣтаютъ значеніе неоспоримаго факта.—Боже, зачѣмъ она не Морошкина!

Рошковскій насупился.

— Вотъ какъ-съ! Вмѣсто того, чтобы мнѣ уличить васъ, вы, никакъ, собираетесь уличить въ чемъ-то меня? Не желаете-ли поставить насъ на очную ставку съ вашей кухаркой? Думаю, что вамъ не мѣшало-бы быть поскромнѣе.

Онъ вышелъ, оставивъ послѣ себя напряженную атмосферу невыясненнаго обстоятельства.

Купреянова растерянно оглянулась вокругъ; ее начинало мучить отсутствіе сочувствія, непріязненное молчаніе сослуживцевъ.—Ей казалось, что она должна что-нибудь предпринять, что-то исправить, и, быстро рѣшившись, пошла вслѣдъ за Адамомъ Онуфріевичемъ.—Но когда она догнала его, рѣшимость ослабла, и подъемъ духа исчезъ; она прошла мимо, и сдѣлала видъ, будто идетъ на другой конецъ коридора; но тамъ ей было рѣшительно нечего дѣлать, и пришлось возвращаться подъ его пристальнымъ взглядомъ, которымъ онъ, казалось, и подзадоривалъ ее и издѣвался надъ нею.

Рошковскій медленно шелъ навстрѣчу Аннѣ Васильевнѣ и, поровнявшись, остановился.

— А я нашелъ вашу записочку; она у меня.

Съ этими словами онъ на половину вынулъ изъ бокового кармана вицъ-мундира знакомый Аннѣ Васильевнѣ конвертъ съ блѣдно-зеленой почтовой бумажкой и показалъ ей.—Въ ослѣпленіи она приняла его слова за чистую монету, за признаніе своей вины передъ нею и храбро отвѣтила:

— Такъ имѣйте-же мужество заявить объ этомъ въ учительской такъ-же открыто, какъ вы обвинили меня въ уклончивости и лжи!

— Не жирно-ли будетъ?—усмѣхнулся въ отвѣтъ Рошковскій.

Беззастѣнчивость его опять застала Анну Васильевну врасплохъ и она замолчала.—Шелъ-ли онъ за нею слѣдомъ, или остался стоять тамъ, гдѣ происходилъ разговоръ, она не замѣтила; но когда входила въ учительскую, гдѣ собрался уже почти весь преподавательскій персоналъ, услышала за спиной ироническій голосъ:

— Господа, Анна Васильевна только-что имѣла въ виду сказать вамъ, будто я нашелъ ея извинительную записку: предоставляю, кому угодно, повѣрить сему.

При этомъ Рошковскій испытующе смотрѣлъ прямо въ лицо

Купреяновой, видимо ожидая, что она сдѣлаетъ ему сцену; затѣмъ, нѣсколько разочарованный, повернулся и ушелъ въ канцелярію.— Купреянова-же осталась стоять, какъ вкопанная, чувствуя себя уничтоженной, не имѣя силъ даже плакать.—Въ этомъ положеніи засталъ ее звонокъ въ классѣ, принесшій временное облегченіе и забвеніе дѣйствительныхъ и мнимыхъ огорченій: надо было собраться съ мыслями и пожевать пищу для маленькихъ, упорно нежелавшихъ питаться, головокъ.—И, странно, смотрѣвшая въ началѣ своихъ злоключеній на уроки, какъ на пытку, мѣшавшую ей предаваться мрачнымъ мыслямъ, Анна Васильевна стала хвататься теперь за свою лямку учительства, какъ за якорь спасенія; ее даже не тянуло домой, она сама не могла объяснить, почему.

Отбывъ уроки, она и на этотъ разъ, какъ частенько случалось за послѣднее время, осталась сидѣть въ учительской и болѣе часу поправляла тетрадки, пока не окончились классы, и послѣднія изъ ея сослуживицъ не разошлись по домамъ.—Тогда она, словно нехотя. вышла на улицу, и тутъ только вспомнила, что, уходя изъ дому, обѣщала сдѣлать по дорогѣ домой нѣсколько мелкихъ закупокъ къ обѣду.—Она невольно прибавила шагу, оживляясь при мысли, что есть впереди подобіе дѣла и хлопотливой бѣготни по магазинамъ— нѣчто, чѣмъ хотя на короткое время можно было обмануть чувство тоски.—Вмѣстѣ съ тѣмъ она ловила себя на новомъ, непривычномъ, и все болѣе и болѣе разроставшемся чувствѣ: чѣмъ рѣзче, чѣмъ мучительнѣе дѣлались служебные диссонансы, тѣмъ сильнѣе начинало говорить въ ней что-то въ родѣ стыда за то демонстративное отчужденіе, какимъ она отвѣчала на сердечныя чувства и привязанность близкихъ людей, у которыхъ жила такъ мирно, тихо и безмятежно.

* * *

Не успѣла Купреянова, открывъ своимъ ключомъ дверь, войти въ переднюю и раздѣться, какъ явилась служанка съ докладомъ, что приходила какая то барышня, ждала съ полъ-часа, потомъ соскучилась и ушла, а теперь стоитъ по ту сторону улицы, посматриваетъ на двери и видимо поджидаетъ ее.—Анна Васильевна пошла въ свою комнату, чтобы взглянуть черезъ окно на упорную гостью, но въ эту минуту раздался звонокъ, а мгновенье спустя, очень бойко, и съ любопытствомъ озираясь по сторонамъ, вошла та самая Гутмановичъ, трагическая поза которой врѣзалась въ память Анны Васильевны въ роковой для нея день перваго столкновенія съ Адамомъ Онуфріевичемъ.—Барышня плотно заперла за собой дверь и, еще разъ, изъ предосторожности, оглянувшись, скорымъ шагомъ

прошла черезъ комнату и, припавъ передъ Анной Васильевной, поцѣловала ее сначала въ бедро, затѣмъ въ юбку повыше колѣна, затѣмъ встала и безъ приглашенія сѣла на стулъ.—Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что Купреянова, хорошо знакомая съ мѣстными замашками и повадками, едва успѣла поднять руки въ уровень съ головою, чтобы гостья не завладѣла ими для поцѣлуевъ.

Усѣвшись, Гутмановичъ попробовала, было, всплакнуть, но это искусство, повидимому, ей не давалось; за то ея лицо и глаза выражали опять такую-же глубокую душевную муку, какъ тогда въ коридорѣ. — Руки она сжала между колѣнями и глядѣла на стоявшую передъ ней Анну Васильевну снизу вверхъ, какъ воплощенная mater dolorosa.

Потомъ она стала говорить: очень нескладно, не то заискивая, не то чего-то допытываясь.

— Мама послала меня къ вамъ, потому что я сказала ей, какая вы добрая; вы не такая эгоистка, какъ другія! И мама и я такія несчастныя, мы право не знаемъ, что теперь дѣлать?

Въ послѣднихъ словахъ заключался полувопросъ, полупопытка заставить Анну Васильевну заговорить; когда-же та промолчала, барышня, изумленно вскинула на нее глазами и пустилась въ безконечныя, очень запутанныя объясненія своихъ и маминыхъ отношеній къ Адаму Онуфріевичу: *онъ* ее преслѣдуетъ, и это ужасно; она тогда попросилась у господина учителя выйти и была совсѣмъ одна въ коридорѣ, а то-бы *онъ* не посмѣлъ; она хотѣла убѣжать— „вы сами видѣли, что я хотѣла убѣжать“ — а *онъ* не пускалъ; потомъ она вырвалась и убѣжала и до конца урока не могла выйти, *такъ* боялась! Не будетъ-ли *онъ* мстить ей, и не лучше-ли ей заблаговременно оставить гимназію? Или, можетъ быть, Анна Васильевна можетъ спасти ее? Написать, напр., такое прошеніе, чтобы *онъ* не посмѣлъ ей мстить?

— О, я знаю, вы добрая, такая добрая! Вы напишете мнѣ прошеніе, только, пожалуйста, сами; вы такъ хорошо пишете! Или, можетъ быть, вы придете къ мамѣ и у насъ напишете? Мама ужасно будетъ рада послушать, что вы говорите! Моя мама больна и не можетъ сама придти къ вамъ; она такъ умоляетъ васъ придти!

При этихъ словахъ барышня ловко соскользнула со стула и поцѣловала Купреянову въ платье, пониже тальи, а потомъ попыталась поймать ея руку, но опять безуспѣшно.

Чувство гадливости овладѣло Анной Васильевной. Глупость дѣвушки, ея наивная испорченность, манеры швейки съ уловками изолгавшейся школьницы, самыя попытки хитрить, нелѣпыя до без-

смыслія, не вязались со званіемъ ученицы гимназіи, и Купреянова ужаснулась, какъ могла школа терпѣть подобные экземпляры.—Потому она далеко не ласковымъ тономъ возразила просительницѣ:

— Напрасно вы говорите, что онъ не пускалъ васъ; вы сами крѣпко держали его за руку и не пускали впередъ.

— О нѣтъ, это вамъ такъ показалось!—все тѣмъ-же умоляющимъ голосомъ продолжала дѣвица — это оттого, что въ коридорѣ темно!

— Темно или нѣтъ, но если вы считаете себя несправедливо обиженной, у васъ есть свидѣтельница, Ружицкая; а на меня не разсчитывайте.

— Я была одна въ коридорѣ, я уже вамъ сказала — нѣсколько менѣе сладкимъ голосомъ возразила барышня; но Анна Васильевна твердо продолжала стоять на своемъ.

Тогда гостья вскочила и отошла шага на два къ дверямъ; лицо ея приняло злое и обиженное выраженіе.

— И совсѣмъ вы неправду говорите, что видѣли Ружицкую; вы совсѣмъ не могли ее видѣть; она спряталась за господиномъ завѣдующимъ.—Ничего вы не видѣли! Я знаю: вамъ вѣрно мадамъ Морошкина разсказала, а вы теперь говорите, что видѣли! Вы такая-же несчастная, какъ мадамъ Морошкина! Учительница, а лгунья!— патетически закончила гостья, подвигаясь еще ближе къ дверямъ.

— Я и всѣмъ ученицамъ скажу: учительница, а лгунья!

— Учительница, а лгунья... и завидуете!—почти крикнула она въ послѣдній разъ, хватаясь за ручку дверей, и выскользнула изъ комнаты такъ поспѣшно, какъ будто не на шутку боялась, что Купреянова собирается прибить или изувѣчить ее.

Анна Васильевна дѣйствительно бросилась вслѣдъ за гостьей, но, конечно, совсѣмъ не затѣмъ: ей стало стыдно при мысли, что сцену могли слышать ея домашніе, и она торопилась убѣдиться, не было ли кого-нибудь въ сосѣднихъ комнатахъ.—Но, слава Богу, милая квартирохозяйка ея уже часъ, какъ ушла навѣстить знакомую и еще не вернулась; а изъ кухни доносились такой веселый говоръ и раскатистый смѣхъ, какого прислуга никогда не позволяла себѣ въ бытность дома „старшихъ“ господъ.

Значитъ, съ этой стороны Купреянова могла быть спокойна.

Она вернулась къ себѣ, стала къ окну и крѣпко задумалась. Событія послѣднихъ дней настолько обстрѣляли ее, что она чуяла въ посѣщеніи Гутманович звенья все той же крѣпче и крѣпче охватывающей ее цѣпи.

* * *

На слѣдующее утро Купреянова пришла въ дамскую одна изъ послѣднихъ.—Здороваясь, она, по обыкновенію, обошла всѣхъ, при-

чемъ не придала никакого значенія странной поспѣшности, съ которой молоденькая Юлія Петровна фонъ Ренне, преподававшая французскій языкъ въ приготовительномъ классѣ, перешла, при ея входѣ, въ самый дальній уголъ къ окну и стала смотрѣть на улицу.

Юлія Петровна была почти ребенокъ.—Маленькая, съ бойкимъ веселымъ личикомъ, она только съ небольшимъ годъ вышла изъ того-же института, гдѣ когда-то окончила курсы сама Анна Васильевна.—Учительство было для нея не дѣломъ, а прихотью: у родителей были хорошія средства, а отецъ, кромѣ того, занималъ по службѣ довольно видное положеніе.—Съ самаго начала между фонъ-Ренне и Купреяновой установились особыя отношенія людей своего круга, на которыя другіе немножко косились.—Какъ бывшая институтка, Юлія Петровна, конечно, обожала свою старшую лѣтами подругу, а въ въ послѣднее, тревожное для нея время, особенно сочувственно цѣловалась съ нею при встрѣчѣ.—Потому Анна Васильевна, пробираясь къ ней въ уголокъ, уже издали протягивала руку, полушутливымъ упрекомъ:

— Юленька, не мечтайте, я здороваюсь съ вами!

— А я не желаю здороваться съ вами—задорно отозвалась Юлія Петровна.

Купреянова, низко наклонилась надъ нею и, ласково глядя ей въ лицо, полушопотомъ сдѣлала выговоръ:

— Ну, полноте, милая, не шалите: подумаютъ, что мы въ самомъ дѣлѣ поссорились, а мнѣ и такъ тяжело.

Юленька вскочила, какъ ужаленная.

— Я совсѣмъ не шучу! Я не подамъ вамъ руки, ни теперь, ни завтра... никогда! Это подло, подло, подло то, что вы дѣлаете!—кричала она со слезами въ голосѣ, напирая на слово „подло"—вы позорите нашъ кругъ, наше общество, вы...

У Купреяновой, отъ неожиданности, захватило духъ.

— Постойте, ради Бога постойте!—сдавленнымъ голосомъ перебила она азартную собесѣдницу—скажите, что случилось, въ чемъ дѣло, что вамъ наговорили? Я не понимаю, не знаю...!

— Но *я* знаю! Вы думаете мнѣ не извѣстно, что это по *вашимъ* доносамъ и проискамъ прогнали тогда съ экзаменовъ несчастную Вонсовичъ, не дали ей окончить курсъ, а все потому, что она подсмотрѣла ваши шуры-муры съ Пололыщиковымъ? Положимъ, вамъ дѣйствительно надо выйти замужъ, нельзя же вѣкъ висѣть на шеѣ у разной родни...

Юленька запнулась.

Пресловутая Вонсовичъ была для нея личностью, чисто миѳической; мнимая жертва происковъ и интригъ Анны Васильевны

принадлежала, въ свое время, къ категоріи тѣхъ безнадежно-лѣнивыхъ, но бойкихъ и рѣшительныхъ учениць, которыя умѣютъ отвоевывать себѣ и хорошія отмѣтки, и благополучные переходы изъ класса въ классъ.

Онѣ обладаютъ особенною способностью находить среди учительскаго персонала покровителей и покровительницъ и живутъ ихъ протекціей.

Такъ и Морошкина совершенно безкорыстно тянула Вонсовичъ изъ класса въ классъ и была глубоко обижена, когда та, переполнивъ мѣру всеобщаго долготерпѣнія, благоразумно распрощалась, наконецъ, съ гимназіей. Жалобы Анны Васильевны на шнырянье Вонсовичъ по классамъ во время экзаменовъ, на передачу ею записочекъ и другія продѣлки была только послѣднимъ, незбѣжнымъ толчкомъ, послужившимъ для Вонсовичъ предлогомъ обидѣться и съ форсомъ бросить гимназію. Всей этой подкладки Юлія Петровна, конечно, не знала и не подозрѣвала, но запнулась она не потому, чтобы заподозрила подлинность полученныхъ свѣдѣній: она просто сконфузилась при мысли о тѣхъ „истинахъ", которыя ей, по программѣ, предстояло еще высказать по адресу Купреяновой. Но встрѣтясь глазами съ Морошкиной, которая изъ-за спины Анны Васильевны одобрительно кивала ей головой, Юленька готова была продолжать въ томъ-же духѣ, когда Купреянова, оправившись и въ свою очередь возвысивъ голосъ, авторитетнымъ тономъ старшей не дала ей докончить.

— Одумайтесь, что вы говорите! Во-первыхъ, вы не знали ни Вонсовичъ, ни Полольщикова и вѣрите первому встрѣчному. О Вонсовичъ мы побесѣдуемъ съ вами въ другой разъ, когда вы успокоитесь. Во вторыхъ...

— Что же изъ того, что я ихъ не знала?—скороговоркой перебила Юленька, торопясь наверстать упущенное,—рано или поздно все обнаруживается! Есть люди, которымъ я вѣрю больше, чѣмъ вамъ! Вы думаете, я не знаю, какъ вы хозяйничали съ Полольщиковымъ? Адамъ Онуфріевичъ открылъ вопіющія вещи, и вы хотите теперь обезвредить его, преслѣдуя черезъ своихъ вліятельныхъ родственниковъ, распускаете о немъ безчестную клевету! Сначала хотѣли женить его на себѣ, а теперь преслѣдуете! Это подло, подло, подло!

— Вы черезъ-чуръ... наивны!—уже кричала, не обинуясь, и Анна Васильевна—даже глупость имѣетъ предѣлы! И вашъ Полольщиковъ и вашъ Рошковскій оба женаты!—(она также стала колоть ее словомъ *вашъ*)—не могли-же они жениться на мнѣ отъ живыхъ женъ! Я... хозяйничала съ Полольщиковымъ!! Какимъ чу-

домъ и чьимъ попустительствомъ? И наконецъ: какую клевету слышали вы отъ меня на вашего Рошковскаго?

Обѣ плакали отъ обиды, злости и раздраженія.

— Что-же изъ этого? Я не слышала, правда, но это не доказательство: вы не смѣли клеветать на него *мнѣ* въ глаза! О, вы опытная интригантка! Но вы натравливали другихъ, которые наивнѣе и легковѣрнѣй меня! И что-же изъ того, что оба женаты? Съ протекціей все возможно: и женить, и развести, и опять женить! Но слава Богу, у меня также есть протекція! Я не позволю, я не дамъ погубить неповиннаго человѣка потому только, что вамъ надо что-то скрыть, что-то замять...

— Знаете, все, что вы говорите, также подло, подло, подло!!!— передразнила, потерявъ узду, Купреянова; но сразу отрезвилась и притихла, услышавъ позади себя ядовито-спокойный голосъ Морошкиной:

— За что-же вы честите такъ Юлію Петровну? Вѣдь вы такъ любите прямоту, откровенность, чистосердечіе: вотъ она и высказала вамъ чистосердечно свое мнѣніе.

Анна Васильевна оглянулась: дамская почти опустѣла. Большинство сослуживицъ раньше времени разошлись отъ тяжелой сцены по коридорамъ и классамъ. Немногія злорадно, съ насмѣшкой въ глазахъ, слушали и смотрѣли, какъ кричали и ссорились обѣ „аристократки“.

Глубокое чувство стыда овладѣло Купреяновой, и она, приниженная, несчастная, вышла изъ дамской, успѣвъ еще, пока закрывала двери, замѣтить, что Юленька, заливаясь слезами, лежала, прикурнувъ, на диванѣ, а подлѣ нея сидѣла Морошкина, осыпая лицо ея сочувственными, демонстративными поцѣлуями.

Въ первый разъ—въ первый разъ въ жизни—случилось съ Анной Васильевной, что она позабыла все: и уроки въ трехъ классахъ подрядъ, и кипу тетрадокъ, которые надо было раздать, и двухъ ученицъ, взявшихъ съ нея слово объяснить кое-что послѣ классовъ. Она порывисто вышла въ переднюю, одѣлась, сѣла на извозчика и велѣла ѣхать домой; и только войдя въ свою комнату, опомнилась и схватилась за голову: „а принципы, а рѣшимость, а выдержка? гдѣ все это?“—горько издѣвалась она сама надъ собой, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

Не долго, впрочемъ, пришлось ей терзаться. Не прошло и часу, какъ изъ гимназіи явился служитель съ пакетомъ, и потребовалъ, „чтобы барышня Купреянова непремѣнно сами изволили расписаться въ разносной книгѣ“. Въ пакетѣ находилось официальное приглашеніе отъ имени завѣдующаго, „немедленно явиться въ канцелярію для объясненія по дѣламъ службы“.

Анна Васильевна поколебалась-было сначала, ѣхать или нѣтъ? Не сказаться-ли лучше больной?—но потомъ рѣшила ѣхать: „скорѣй, скорѣй; чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ лучше“.

* *
*

Адамъ Онуфріевичъ принялъ Купреянову стоя, выслалъ письмоводителя въ сосѣднюю комнату, въ которую не было другого входа кромѣ, какъ изъ канцеляріи, самъ заперъ дверь въ прихожую и изъ прихожей на лѣстницу, и тогда только отвѣтилъ молчаливымъ наклоненіемъ головы на привѣтственный поклонъ Анны Васильевны, но руки ей не подалъ, а жестомъ пригласилъ сѣсть противъ себя.

— Я васъ вызвалъ—началъ онъ размѣреннымъ, дѣланнымъ тономъ—чтобы имѣть съ вами рѣшительный разговоръ. Не о томъ скандалѣ, который вы учинили сегодня въ учительской: этотъ скандалъ послужилъ только конечнымъ толчкомъ, но кой о чемъ поважнѣе. Какъ честный человѣкъ, я долженъ предупредить, что представлю васъ къ увольненію, и мотивовъ не скрою, дабы вы могли своевременно принять противъ меня мѣры. Не говорю ни о вашемъ своеобразномъ методѣ преподаванія, ни объ отношеніи къ прямымъ обязанностямъ: у насъ вообще принято смотрѣть сквозь пальцы на служащихъ съ протекціею, и вы могли-бы вѣкъ просуществовать въ гимназіи. Но вы позволяете себѣ открыто, въ присутствіи учелицъ и всего служащаго персонала, порицать дѣйствія начальства, бросать тѣнь на хозяйственные распорядки въ гимназіи...

— Никогда я этого не дѣлала!—возмутилась, вставая, Купреянова—какое мнѣ дѣло до хозяйственныхъ распорядковъ, до...

— Позвольте!—перебилъ въ свою очередь Адамъ Онуфріевичъ, возвышая голосъ—и извольте слушать! Есть свидѣтели, не прикажете-ли очную ставку? И къ тому-же вы уснащаете свою критику не совсѣмъ пригоднымъ для дѣтскихъ ушей юморомъ. Напримѣръ, вамъ не нравится окраска стѣнъ, вы предполагаете почему-то злоупотребленіе: пусть такъ! Но причемъ-же тутъ: „совсѣмъ клубничка, клубничный цвѣтъ, даже клубничкой пахнетъ?“ И это во всеуслышаніе, среди толпы дѣвицъ и дѣвочекъ!

Купреяновой слова завѣдующаго показались такъ глупы, пошлы и безсмысленны, что мѣсто нервнаго возбужденія заняла брезгливость и не то разочарованіе, не то безучастное томленіе: ей стало казаться, что нападки не серьёзны, и развязка не наступитъ, что кошмаръ можетъ продлиться недѣли, годы: все пытка, та же пытка. Скрытаго смысла словъ она не поняла; она снова сѣла и съ оттѣнкомъ неудовольствія, глядя мимо собесѣдника, отвѣтила:

— То, что вы вспоминаете, было давно: вѣдь гимназія красилась

еще при Пололыщиковѣ; а сказала-ли я что-нибудь о цвѣтѣ, не помню: можетъ быть, сказала, а можетъ быть и нѣтъ; но охотно повторю: дѣйствительно, по моему мнѣнію, окраска во многихъ мѣстахъ выбрана крайне неудачно. Что касается другихъ подробностей, въ особенности же присутствія учениць при разговорахъ учительскаго персонала, потрудитесь обратиться съ соотвѣтствующимъ внушеніемъ къ кому угодно, только не ко мнѣ.

Рошковскій сдѣлалъ видъ, что задумался.

— Да-а!—протянулъ онъ—отъ ученической манеры вывертываться вы не отстали, какъ я вамъ разъ уже докладывалъ: „давно... не помню...“—передразнилъ онъ—но, сопоставляя ваши „клубничка, клубничкой пахнетъ“, отъ которыхъ вы, впрочемъ, почти и не отрекаетесь, съ тогдашнимъ жестомъ въ коридорѣ, я полагаю, что вамъ не мѣсто среди насъ, а тѣмъ болѣе среди учениць гимназіи; вы вносите въ чистую атмосферу школы фривольные нравы и замашки той среды, въ которой выросли и воспитывались вы...

Купреянова опять перебила его, и голосъ ея задрожалъ:

— Я не понимаю и не хочу понять вашихъ намековъ, но чувствую, что вы говорите гадости; дѣлайте, что угодно, пишите, что хотите...

Замѣтивъ, что Купреянова вскочила и собирается уйти, Рошковскій не выдержалъ роли степеннаго, благонамѣреннаго моралиста, котораго изображалъ во время объясненія, и сразу принялъ нормальный видъ. Онъ ловкимъ скачкомъ назадъ заслонилъ собою дверь и, засунувъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ жилетные карманы, нѣкоторое время пристально глядѣлъ Купреяновой въ лицо, вызывающе подергивая головою снизу вверхъ.—Замѣтивъ, что должный эфектъ произведенъ, и контръ-атаки опасаться нечего, онъ обычнымъ язвительнымъ тономъ сталъ отчеканивать, постепенно возвышая голосъ:

— А впрочемъ, милостивая государыня, извольте подождать, пока я васъ отпущу! Я еще пока вамъ начальникъ, а вы моя подчиненная! Сегодня, между прочимъ, являлась ко мнѣ мать ученицы Гутмановичъ; она жаловалась, что вы вызывали ея дочь къ себѣ на квартиру, подговаривали ее подать грязную, кляузную жалобу, даже сами вызывались писать; указывали на Ружицкую, какъ на удобную лжесвидѣтельницу! Но чистыя дѣвушки возмутились, и вамъ угрожаетъ позорный бенефисъ, изгнаніе изъ класса по почину учащихся! Я не могу допустить подобнаго скандала въ гимназіи и впредь до рѣшенія высшаго начальства прошу васъ не являться болѣе на уроки: я беру все на свою отвѣтственность: вы получите офиціальную бумагу.

Но Купреянова уже не слушала; она опять сидѣла, рыдая и

ломая руки.—Подъ пристальнымъ, вызывающимъ взглядомъ Адама Онуфріевича, когда онъ принималъ ненавистный ей тонъ циничнаго издѣвательства, она каждый разъ теряла самообладаніе и поддавалась чувству полнѣйшей безпомощности; она сознавала себя во власти злой, безпощадной силы и думала только о томъ, какъ-бы уйти, уйти, уйти подальше, какъ можно подальше.

Рошковскій такъ-же быстро утихъ, какъ втравилъ себя въ азартъ.—Онъ пріотворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и велѣлъ письмоводителю „проводить барышню“.—Тотъ выскочилъ, красный, какъ ракъ, засуетился, захлопотался, довелъ Купреянову до передней, самъ подалъ ей пальто, непрошенный отыскалъ въ учительской двѣ какія-то книжки Анны Васильевны и сунулъ ей въ руки; безъ шапки, въ одномъ вицъ-мундирѣ, забѣжалъ впередъ на улицу, заторопилъ къ воротамъ извозчика, всячески усаживалъ Анну Васильевну, стараясь выказать ей, по силамъ и разумѣнію, глубокое сочувствіе и сожалѣніе; но все это молча, не глядя въ лицо: онъ зналъ и предвидѣлъ, что по первому слову Адама Онуфріевича подтвердитъ и подпишетъ все, что тому будетъ угодно.—Въ заключеніе онъ крикнулъ извозчику адресъ Анны Васильевны и долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся экипажу, пока тотъ не исчезъ за угломъ.

Но Анна Васильевна домой не поѣхала.—Миновавъ второй переулокъ, она удивилась, что позволила усадить себя и отправить домой почти противъ воли.—У нея явилась потребность какого-нибудь самостоятельнаго шага, и, не вполнѣ сознавая зачѣмъ, она привстала и дала извозчику адресъ учительницы рукодѣлья, у которой за все время службы была только разъ, когда дѣлала своимъ сослуживцамъ вступительные визиты.

Здѣсь, не снимая ни пальто ни шляпки, почти безъ всякаго предисловія, она прерывающимся голосомъ выложила всѣ свои обиды и огорченія, не утаивъ ни малѣйшей подробности.

* * *

Учительница рукодѣлья, Марія Оттоновна Минцъ, молча, не перебивая, выслушала свою гостью и дала ей выплакаться.

— Душечка, вы никому больше не разсказывали?—спросила она, когда та кончила.

— Нѣтъ, никому.

— И хорошо; и не разсказывайте; даже тетенькѣ своей не разсказывайте.

— Она мнѣ не тетя; мы не родня.

— Нѣтъ? а я думала... ну, да все равно, не разсказывайте.—

не повѣрятъ; никто не повѣритъ; растолкуютъ по своему, скажутъ: „что-нибудь, вѣрно, не такъ“; а если не скажутъ, то непремѣнно подумаютъ.—Каждый, вѣдь, судитъ по своему, и чего не испыталъ, тому и не вѣритъ; жалѣть васъ, конечно, будутъ, но съ сомнѣніемъ, а это еще обиднѣе.—И Боже васъ сохрани искать правды! Съ вашимъ характеромъ пропадете въ конецъ. Вамъ вѣдь учительство вовсе не нужно: и бросьте, и живите въ свое удовольствіе.

Анна Васильевна хотѣла, было, протестовать, но передумала.—И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ ея добрая старушка, отъ родства съ которой она только-что такъ рѣшительно отреклась, не смотрѣла на нее, какъ на дочь, съ любовью, лаской и сердечной тоскою? Сколько разъ она говаривала: „Зачѣмъ вамъ!“ бросьте, не мучьтесь: умремъ, все будетъ ваше!“ и огорчалась, когда „ея Аня“ уходила въ раковину неприступой самостоятельности и независимости.

— Обидно, ужасно обидно!—и Анна Васильевна до боли сжала лицо ладонями рукъ—такъ себѣ, ни за что ни про что, наскочить на какую-то дикую сцену... и вотъ!.. Вы говорите бросить, оставить; а дальше? Значитъ оставить *его* въ роли воспитателя молодыхъ дѣвушекъ? Да?

— Душенька, вы преувеливаете, право преувеличиваете.—Вѣдь отъ школы не липнетъ: школа—одно, а жизнь—другое.—Да и кто такія Ружицкая и Гутмановичъ? Развѣ ихъ можно еще развратить? Теперь уже не тѣ времена, чтобы посмѣть затронуть чистую дѣвушку изъ хорошей семьи: Адамъ Онуфріевичъ человѣкъ умный, и не спросясь, на рискъ не пойдетъ; а за Гутмановичъ и за Ружицкую право не стоитъ кручиниться: и среда таковская, и обѣ, навѣрное, преразсчетливыя и въ обиду себя не дадутъ; вы вѣдь и сами о нихъ такого-же мнѣнія.—Душечка, бросьте! да и напрасно даже я васъ уговариваю: не ко мнѣ-бы вы пріѣхали, если-бы хотѣли поднять дѣло; а всетаки, на всякій случай, если-бы кто захотѣлъ натравить васъ, повторяю еще разъ: послушайтесь, не разворачивайте зла, хуже будетъ, въ десять разъ хуже: другимъ, а можетъ быть, и вамъ.—Ну, допустимъ, вамъ повѣрятъ, вы докажете, раздуете дѣло, добьетесь разслѣдованія, а потомъ будете мучиться; никто, вѣдь, не можетъ знать, что при этомъ всплыветъ, какіе грѣхи обнаружатся, кто пострадаетъ.—Адамъ Онуфріевичъ развѣ будетъ дремать? Смотрите, могутъ повернуть дѣло такъ, что вы ему-же, Адаму Онуфріевичу, помогали изобличать разные непорядки.

Анна Васильевна встала и хотѣла идти; ей почудился въ словахъ собесѣдницы обидный намекъ на какіе-то грѣхи, на какое-то несуществовавшее прошлое, между тѣмъ какъ совѣсть ея была чиста.—Она даже не знала, что сказать Маріи Оттоновнѣ на прощанье, и

только молча протянула ей руку.—Но Марія Оттоновна руки не взяла и опять усадила гостью.

— Милая, право, не обижайтесь; ничего дурного я про васъ не подумала: видите, какъ опасно затѣвать что-нибудь съ вашей мнительностью! Я-то прекрасно васъ понимаю: сама въ свое время многое и пережила, и перечувствовала.—Адамъ Онуфріевичъ просто не сумѣлъ подойти къ вамъ, не раскусилъ васъ: если-бы тогда, когда вы накрыли его въ коридорѣ, онъ стушевался, или притворился, что ни вѣсть какъ боится васъ... ну, или просто оставилъ васъ въ покоѣ, вы-бы со всѣмъ помирились.—А то обстоятельства противъ васъ; сейчасъ скажутъ: „что-же вы возмущаетесь и доносите заднимъ числомъ?“

Холодомъ сдавило сердце Анны Васильевны; она продолжала сидѣть на диванѣ, но мысль ея была далеко.—Марья Оттоновна принесла ей чашку чая, а сама стала курить.—Чай, не тронутый, остывалъ, а окурки одинъ за другимъ громоздились на блюдечкѣ чашки, куда разсѣянно складывала ихъ Марья Оттоновна.—Стало темнѣть; въ комнатѣ плавали облака синеватаго дыма.—Анна Васильевна поперхнулась имъ и закашлялась.

— Пойдемте, я провожу васъ до извозчика: мнѣ надо пройтись, сказала Марья Оттонова и пошла одѣваться.

Молча вышли обѣ на улицу и молча-же, почти недружелюбно, простились.—Новыя, непривычныя, злобныя чувства копошились гдѣ-то на днѣ души Купреяновой; ей было холодно, и она лихорадочно вздрагивала.—Адамъ Онуфріевичъ невѣдомымъ образомъ принялъ въ ея представленіи обликъ какой-то отвлеченной, стихійной силы и отошелъ далеко на задній планъ; главнымъ-же образомъ возмущало ее въ данный моментъ, что и письмоводитель, и Марья Оттоновна, точно сговорившись, торопились отдѣлаться отъ нея и усадить на извозчика: развѣ они имѣли право насиловать ее такимъ образомъ?

Когда Анна Васильевна доѣхала до дому, „ея старички“, какъ она мысленно стала называть въ послѣднее время своихъ квартирохозяевъ, сидѣли уже за столомъ.—Она прошла въ свою комнату и послала сказать, что сыта, что очень устала и ляжетъ спать.—Но и ночь не принесла ей облегченія; она спала прерывисто, безпокойно, часто просыпалась и перебирала въ умѣ одну неустанную думу: „какъ быть, что дѣлать, идти или не идти завтра въ гимназію? Считать все поконченнымъ, или нѣтъ?“

Вопреки пословицѣ, утро также не оказалось мудренѣй вечера.—Сначала Анна Васильевна рѣшила было бросить службу, но не зная, съ чего начать объясненіе со своими домашними, какъ при-

ступить къ разговору, кончила тѣмъ, что къ полудню послала въ гимназію рапортъ о болѣзни.

Въ этой нерѣшительности и колебаніяхъ она маялась цѣлыхъ два дня, то сердясь на непризнанную свою родственницу за безтактныя, якобы, проявленія сочуствія и неумѣстныя, между посторонними, ласки, то конфузясь вопросительныхъ взглядовъ мужа доброй старушки, украдкой скользившихъ, по временамъ, изъ-за газеты, по осунувшемуся и утомленному лицу дѣвушки.—Казалось, они втроемъ, по уговору, избѣгали затрогивать какую то непріятную и щекотливую тайну.

За эти два дня Анна Васильевна успѣла искусственно такъ подвинтить и подбодрить себя, что на третій опять собралась въ гимназію, смутно надѣясь на какое-то восторжествованіе права и истины.

Вѣроятно, надежда эта была очень слаба: Купреянова шла медленно и нерѣшительно и, къ удивленію своему, опоздала.

Швейцаръ широко распахнулъ передъ ней двери: такъ почтительно, какъ передъ постороннею гостьей.—Сердце Анны Васильевны екнуло: она уже не учительница, а родственница такого-то генерала; отставного, положимъ, но всетаки „генерала".—И дѣйствительно, тонкій политикъ въ ливреѣ почти бѣгомъ принесъ изъ своей каморки казенный пакетъ и передалъ его со словами: „господинъ завѣдующій приказали, чтобы ваше превосходительство не безпокоились; всѣ документы доставятъ на домъ, а на уроки они изволили уже пригласить учительницу изъ прогимназіи".

Купреянова, по превосходительному, дала швейцару рубль и съ пакетомъ вышла на улицу.—Находу она распечатала и прочла бумагу; въ ней коротко и ясно значилось, что „такая-то, впредь до усмотрѣнія высшаго начальства, временно освобождается отъ исполненія обязанностей учительницы такихъ-то предметовъ, въ такой-то гимназіи".

* * *

Первыя слова Анны Васильевны, когда она вернулась домой, были: „тетя, меня уволили!"

Эту фразу она произнесла неожиданно для самой себя и, прильнувъ къ плечу новообрѣтенной тети, горько заплакала. — Та, видя осуществленіе своихъ давнишнихъ завѣтныхъ желаній: „Аня—въ ея всецѣломъ, безконтрольномъ распоряженіи; Аня — ея неотъемлемая собственность", не могла сдержать своей радости и, также плача, но другими слезами, ласкала и цѣловала дѣвушку.

Въ сущности старушка давно уже ожидала катастрофы. — Несмотря на упорное молчанье Анны Васильевны, кой какія извѣстія

о ея служебныхъ передрягахъ и неудачахъ довольно своевременно доходили до слуха домашнихъ.—Конечно, названная тетя въ душѣ очень сочувствовала горю племянницы, но понимала случившееся по своему; она не признавала для женщины другихъ огорченій, кромѣ семейныхъ, хозяйственныхъ и, наконецъ, сердечныхъ.—Не даромъ же мужъ раза два уже приносилъ изъ клуба какіе-то неясные, темные толки: „влюбилась, будто-бы, въ новаго завѣдующаго, бѣгала къ нему безъ нужды въ канцелярію, опаздывала на уроки; и не она одна—дурочка Юленька туда-же; та чуть не подралась изъ-за него съ Аней въ учительской. — Потомъ приревновала его Аня къ какой-то ученицѣ; съ ней они и ссорились и мирились; бѣгали другъ къ дружкѣ и другъ за дружкой; даже прислуга что-то слышала изъ-за двери. — Говорятъ, онъ красавецъ, южнаго типа, женатъ; но жена у него толстая, красная, головой выше его — слонъ-слономъ.—Понятно, и онъ былъ неравнодушенъ къ Анѣ: не въ дурочку-же фонъ-Рённе ему было влюбиться.—Начальство вмѣшалось, и слава Богу, вѣдь будь онъ даже холостъ или вдовъ, все-же онъ Аннѣ не пара.—И Юленькинъ отецъ также собирается, говорятъ, запретить дочкѣ давать уроки въ гимназіи и умно дѣлаетъ".

Такъ разсуждала старушка, не думая и не гадая, какъ далеки были клубные слухи отъ истины.

Анна Васильевна не имѣла, конечно, ни малѣйшаго представленія о бродившихъ въ головѣ своей „тети" мысляхъ; она отдавала ласки за ласки и позволяла утѣшать себя, не подозрѣвая, по адресу какой категоріи человѣческихъ слабостей были, главнымъ образомъ, направлены и поцѣлуи и утѣшенія.

Послѣ первыхъ словъ и первыхъ объятій, старушка усадила Анну Васильевну на диванъ и, сіяя, стала развивать планы будущаго; впрочемъ, при всемъ желаніи приголубить любимицу, она вонзала ей въ сердце ножъ острый. — По ея мнѣнію, все такъ прекрасно устраивалось: развѣ дѣло дѣвушки изъ хорошаго общества быть учительницей? Для того нужны плебейскіе нервы и плебейскія силы!

— Воображаю, несчастныя ученицы! Онѣ навѣрно не столько слушали и учились, сколько шалили и обожали тебя! А потомъ ничего не знали, не выдерживали экзаменовъ... ну и такъ далѣе"...

У старушки былъ свой собственный педагогическій кодексъ, и Анна Васильевна его знала: учителя и учительницы должны непремѣнно быть мужланы и мужланки, иначе со школьной дѣтворой ничего не подѣлаешь; классныя дамы, напротивъ того, изъ бѣдныхъ дѣвицъ хорошаго тона и общества: съ этимъ связывались у нея какія-то представленія о „благотворномъ вліяніи", впрочемъ, не особенно ясныя.

Но старушка не распространялась теперь о своихъ педагогическихъ взглядахъ.—Она вступала въ права и обязанности названной матери по отношенію къ Аннѣ Васильевнѣ и торопилась насладиться сознаніемъ неизвѣданнаго въ супружеской жизни счастья—материнскихъ авторитета и власти.

Анна Васильевна слушала, и понемногу все ея существо проникалось апатіей дремоты. — Мысль вяло слѣдила за наивною рѣчью старушки, и разматывала по своему длинную нить разсужденій.

— Да... такъ... конечно.—Замужество, о которомъ мечтаетъ для нея тетя, положимъ, вздоръ, пустяки; но во всемъ прочемъ жизнь складывается такъ просто, такъ ясно: выѣзды вмѣстѣ, званые вечера и обѣды; она всюду въ качествѣ пріемной дочери.—Сначала прозябанье втроемъ; потомъ чья-нибудь смерть, и та-же жизнь вдвоемъ, наконецъ, она одна - „наслѣдница состоянія!"—И къ чему все это? Развѣ дѣйствительно нельзя было дальше бороться за свой собственный кусокъ насущнаго хлѣба?—и Купреянова не въ послѣдній разъ въ жизни глубоко вздохнула, что она не могла, „какъ Морошкина".

Впрочемъ, если-бы спросить, чего именно она „не могла", едва-ли получился-бы вполнѣ опредѣленный отвѣтъ.

Прошло нѣсколько дней, и судьба Анны Васильевны безповоротно рѣшилась. — Уволить такъ, безъ дальнѣйшаго, какъ желалъ того Рошковскій, ее все таки не уволили; кто-то за нее вступился, кто-то похлопоталъ: поговаривали, будто весьма рѣшительно сказалъ свое слово самъ папаша азартной Юліи Петровны, и его благоразумно послушали.

Купреяновой прислали на домъ готовое прошеніе объ освобожденіи отъ уроковъ „по разстроенному на службѣ здоровью", и Анна Васильевна, послѣ минутнаго колебанія, подписала.

Уже гораздо позже, заднимъ числомъ, когда въ ней все поуспокоилось и поулеглось, Анна Васильевна довольно равнодушно прочла въ завалявшемся циркулярѣ по округу, случайно попавшемъ ей подъ руку на вечерѣ у однихъ знакомыхъ, что Морошкина получила мѣсто старшей надзирательницы гдѣ-то далеко, въ глухой провинціальной гимназіи.—Также равнодушно отнеслась она позднѣе къ дошедшимъ до нея слухамъ о дальнѣйшей карьерѣ Адама Онуфріевича. Онъ заслужилъ себѣ славу образцоваго школьнаго администратора и замѣтно шелъ въ гору.

Ѳ. Павловъ.

Гигіена воспитанія и образованія.

(*Продолженіе*).

XVI.

Физическое, или *тѣлесное воспитаніе* учащагося юношества, наряду съ охраненіемъ тѣлеснаго здоровья, какъ и слѣдовало ожидать, занимало на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ наиболѣе выдающееся положеніе и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи. Говоря о тѣлесномъ воспитаніи, мы имѣемъ въ виду дѣятельную внутреннюю, а не обстановочную, внѣшнюю его часть, о которой рѣчь будетъ ниже. Въ данномъ смыслѣ тѣлесное воспитаніе обнимаетъ разнаго рода *тѣлесныя упражненія*, приспособленныя къ полу, возрасту въ интересахъ развитія и укрѣпленія какъ всего тѣла, такъ и отдѣльныхъ его членовъ и органовъ. Упражненія эти не есть что-либо придуманное человѣкомъ. Они являются естественной потребностью, общей не только человѣку, но чуть не всему животному міру, по крайней мѣрѣ, высшему. Дѣти не только людей, но звѣрей, птицъ отличаются большей подвижностью, чѣмъ взрослые, особенно такой, которая не имѣетъ какой-либо внѣшней полезной цѣли и представляется просто игривостью. Мы постоянно видимъ, какъ наши дѣти цѣлый день бѣгаютъ, кричатъ, смѣются, играютъ, задираютъ другъ друга, волнуются, по нашему, изъ пустяковъ и только, когда очень утомятся, на нѣкоторое время успокаиваются или прямо ложатся спать. По внѣшности это пустая трата времени, а по внутреннему значенію—это подготовка къ самостоятельной жизни. „Играя, дѣти учатся жить“, какъ неоднократно уже приходилось автору формулировать свой взглядъ на дѣтскія игры.

Упражненія вообще играютъ въ жизни величайшую роль; на нихъ основаны не только надлежащее развитіе и крѣпость организма, но и всякая его дѣятельность—тѣлесная и душевная. Въ качествѣ классиковъ, большинство нашихъ педагоговъ конечно знаютъ, какое важное значеніе придавали имъ древніе греки и римляне...

но въ той или другой формѣ они практиковались или практикуются у всѣхъ народовъ въ видѣ пляски, разнаго рода игръ, спорта и пр. Схоластическая школа совершенно однако изгнала тѣлесныя упражненія изъ своего обихода, и существующіе еще до сихъ поръ схоластики-педагоги смотрятъ на тѣлесныя упражненія просто какъ на развлеченіе, а не какъ на важное воспитательное средство. Поэтому общеніе на такихъ конгрессахъ, какъ Нюрнбергскій, врачей и педагоговъ должно способствовать распространенію въ средѣ послѣднихъ болѣе правильнаго взгляда, между прочимъ, и на тѣлесныя упражненія.

На Нюрнбергскомъ конгрессѣ мы и видимъ до нѣкоторой степени результаты такого общенія. Наиболѣе полный докладъ по вопросу гимнастическихъ и юношескихъ игръ былъ представленъ двумя лицами—дромъ мед. *Schmidt*'омъ (Bonn) и инспекторомъ гимнастики *K. Möller*'омъ (Altona). Мы можемъ здѣсь ограничиться только высказанными ими совмѣстно положеніями, съ прибавленіемъ, когда нужно, нѣкоторыхъ поясненій.

1. Наша школа не должна быть только простой школой обученія, которая заботилась бы только о пріобрѣтеніи учащимися извѣстной суммы знаній, но кромѣ того должна стремиться дать основательное воспитаніе всему существу человѣка. Особенно при этомъ нужно обращать вниманіе на тѣлесное воспитаніе, поскольку оно касается школы.

2. Школьная гимнастика, какъ предметъ обученія, который постепенно сообщаетъ ученику извѣстную сумму тѣлесныхъ навыковъ, представляетъ собою только одну, саму по себѣ полноправную, но гигіенически не самую важную сторону тѣлеснаго воспитанія. Школа движеній еще не воспитаніе тѣла.

3. Первыя и неотклонимыя требованія по отношенію къ гигіенической постановкѣ школьной гимнастики основываются на законахъ роста людей школьнаго возраста и на особенностяхъ дѣйствія школьной жизни.

4. Въ году передъ наступленіемъ и особенно во время наступленія родовой (по обычной терминологіи—половой) зрѣлости, наряду съ ростомъ въ длину и даже въ еще большей степени, происходитъ ростъ сердца и легкихъ, а между тѣмъ многочасовое сидѣніе на школьныхъ скамьяхъ мѣшаетъ дѣятельности органовъ дыханія и кровообращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ вредитъ кровотворенію. Поэтому при школьныхъ упражненіяхъ прежде всего широкій просторъ нужно давать тѣмъ изъ нихъ, которыя укрѣпляютъ сердце и легкія и содѣйствуютъ кровотворенію, повышая общій обмѣнъ веществъ. Таковы подвижныя игры на открытомъ воздухѣ.

5. Кромѣ желательнаго вліянія на дыханіе и кровообращеніе подвижныя дѣтскія игры благотворно дѣйствуютъ на расположеніе духа дѣтей, вызывая чувство радости и свободы. Поэтому на игры нужно смотрѣть, какъ на дѣйствительный отдыхъ послѣ утомленія нервной системы умственной работой и школьной дрессировкой.

6. Для первыхъ 3—4 школьныхъ годовъ игры должны имѣть преимущественно характеръ веселой живой возни и бѣга, такъ какъ это болѣе всего отвѣчаетъ гигіеническимъ цѣлямъ. Хорошо выработанныя болѣе тонкія игры съ характеромъ состязанія, свойственныя болѣе взрослымъ дѣтямъ, имѣютъ кромѣ того особенное воспитательное значеніе.

7. Съ гигіенической стороны одинаковое значеніе съ играми имѣютъ слѣдующія упражненія, которыми болѣе взрослыя дѣти должны бы пользоваться регулярно:

а. Упражненія въ бѣгѣ на различныя разстоянія, въ прыганьи въ высоту и ширину и въ бросаніи;

б. Школьные марши, прогулки и восхожденія на горы; такія передвиженія служатъ для упражненія глаза и для возбужденія наблюдательности и чувства мѣста;

в. Купанье и плаванье; школа особенное вниманіе должна обращать на послѣднее.

г. Гребля можетъ быть рекомендована для учениковъ старше 15 лѣтъ.

8. Значеніе гимнастики на аппаратахъ сводится преимущественно къ развитію ловкости. Особенно способствуетъ этому нѣмецкая гимнастика (Gerätturnen), благодаря своему разнообразію, вызывающему различныя координаціи движеній, что способствуетъ господству воли надъ движеніями.

9. Насколько необходима съ гигіенической, настолько же важна съ эстетической стороны красивая прямая осанка, которая пріобрѣтается съ помощью свободныхъ и маршевыхъ движеній. Только при такой осанкѣ могутъ свободно развиваться верхнія части легкихъ и грудная клѣтка.

10. Для дѣвицъ особенную важность и съ гигіенической, и съ физіологической точки зрѣнія имѣетъ укрѣпленіе мышцъ туловища какъ брюшныхъ, такъ и спинныхъ. За это говоритъ уже большое число искривленій позвоночника среди ученицъ нашихъ школъ.

11. Гимнастическія упражненія должны способствовать также и нравственному развитію и укрѣпленію, вызывая смѣлость, самоувѣренность въ преодолѣваніи препятствій. Для этого могутъ служить бѣгъ и прыганье черезъ различныя препятствія (рвы, загородки, заборы), прыганье черезъ аппараты (козлы, лошадь, ящикъ), пры-

ганіе съ палкой, а также лазаніе и т. п. Эти упражненія, производимыя, по возможности, на свѣжемъ воздухѣ, должны у старшихъ учениковъ принимать видъ борьбы съ наступленіемъ и отступленіемъ.

12. Правильно веденное тѣлесное воспитаніе должно возбуждать у учениковъ такую жизнерадостность и такую охоту къ движеніямъ, чтобы они отдавались имъ не только внѣ школьнаго и рабочаго времени, не только во время вакацій, но и по выпускѣ изъ школы.

13. Учителю гимнастики дается въ руки возможность или способствовать надлежащему тѣлесному развитію довѣряемыхъ ему учениковъ или мѣшать ему. Поэтому необходимо, чтобы онъ хорошо зналъ, какое вліяніе на тѣло производитъ то или другое упражненіе, тотъ или другой видъ упражненія. Это можетъ быть достигнуто спеціальнымъ образованіемъ такихъ учителей.

Относительно приведенныхъ положеній нужно прежде всего сказать, что они имѣютъ характеръ боевыхъ по отношенію къ старымъ и до сихъ поръ еще сильно распространеннымъ, между прочимъ, и у насъ взглядамъ на воспитательное значеніе гимнастики. По этимъ послѣднимъ многіе способны при этомъ приписывать гораздо большее значеніе количеству, а не качеству, разнаго рода искусственнымъ пріемамъ по сравненію съ естественными, разнаго рода искуснымъ вывертамъ по сравненію съ простыми видами движеній. Нужно сказать, что игры въ обиходѣ нѣмецкой школьной гимнастики вошли только послѣ 1891 г., когда, благодаря Schenkendorff'у, образовался центральный комитетъ для поощренія дѣтскихъ и народныхъ игръ.— Очень важно при организаціи школьныхъ упражненій имѣть, дѣйствительно, въ виду, что собственно такъ наз. гимнастика—и простая и на снарядахъ — преимущественно способствуетъ развитію нервномышечнаго двигательнаго аппарата, тогда какъ обычныя формы движенія, какъ бѣгъ, прыганье, бросаніе, въ то же время или даже главнымъ образомъ вліяютъ замѣтнымъ образомъ на органы дыханія и кровообращенія, т. е. на легкія и сердце. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ техника и методика послѣднихъ, какъ и разнаго рода игръ, разработана гораздо слабѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ искусственной гимнастикѣ. Стремленіе древнихъ грековъ, какъ, нужно сказать, и современныхъ англичанъ къ состязанію и борьбѣ имѣетъ несомнѣнно важное воспитательное значеніе, и введеніе его въ школьныя игры вполнѣ желательно. Schmidt и Möller, очевидно, не отрицаютъ значенія формальной гимнастики, особенно, когда она производится на открытомъ мѣстѣ и по свободной волѣ, но только отстаиваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстнымъ образомъ организованныя игры, справедливо приписывая имъ и немаловажное нравственное

значеніе. Поэтому они правы, когда развиваемый ими взглядъ на значеніе и практическое примѣненіе свободныхъ движеній называютъ „возрожденіемъ воспитанія“ (Renaissance der Erziehung), признавая, что и мы, какъ древніе греки, одновременно должны стремиться къ красотѣ души и тѣла.

XVII.

Директоръ реальнаго училища *W. Winkler* (Wien) говорилъ на конгрессѣ спеціально о „гимнастикѣ дыханія и ея приложеніи въ жизни и въ школѣ“. 30-лѣтній школьный опытъ постоянно показывалъ ему, что юношество при школьныхъ учебныхъ работахъ дышитъ слишкомъ слабо, а при тѣлесной дѣятельности (часто излишне продолжительной), наоборотъ, слишкомъ сильно. Въ первомъ случаѣ, по словамъ докладчика, молодой организмъ подобенъ машинѣ, работающей только половиной своей паровой силы, лишь бы только колеса и рычаги не заржавѣли, а во второмъ—машинѣ перегрѣтой, которой недостаетъ регулятора. Принимая гимнастику дыханія въ кругъ средствъ тѣлеснаго воспитанія и вводя ее въ обычную область школьныхъ упражненій, можно было бы, какъ показываетъ его, докладчика, долгій опытъ, избѣжать указаннаго зла и повысить гигіеническое значеніе тѣлесныхъ упражненій. Подъ гимнастикой дыханія онъ разумѣетъ систематически производимое при наилучшихъ гигіеническихъ условіяхъ (на открытомъ воздухѣ) продолжительное вдыханіе, задержку дыханія и потомъ выдыханіе. Особеннаго вниманія при этомъ требуетъ та группа учениковъ, которая, несмотря на всю добрую волю, не можетъ дышать носомъ вслѣдствіе болѣзненныхъ въ немъ и въ зѣвѣ измѣненій (о нихъ рѣчь будетъ ниже). При отсутствіи надлежащихъ заботъ о такихъ дѣтяхъ они легко становятся жертвами бугорчатки. И привыкшія дышать черезъ носъ дѣти при тѣлесномъ перенапряженіи обыкновенно вдругъ начинаютъ дышать черезъ ротъ. Это—знакъ предостереженія со стороны природы. Учитель тотчасъ же долженъ обращать на это вниманіе и требовать, чтобы игра или работа умѣрилась до тѣхъ поръ, пока не наступитъ опять нормальное дыханіе черезъ носъ. Этимъ путемъ можно избѣгать тѣхъ пороковъ сердца (его расширенія, авт.), которыми страдаютъ многіе спортсмены. Нужно обращать вниманіе на дыханіе дѣтей не только во время работы и упражненій, но и въ другихъ условіяхъ, напр., во время сна (храпѣніе).—Особенно большое значеніе гимнастика дыханія имѣетъ для женскаго воспитанія. Нѣкоторыя дѣвицы, увядавшія подъ корсетомъ въ душной атмосферѣ современной общественной жизни, становились цвѣтущими, избѣгали

истощенія и преждевременной смерти, благодаря заблаговременно примѣненной гимнастикѣ дыханія на открытомъ воздухѣ, при цѣлесообразномъ питаніи и надлежащемъ уходѣ за тѣломъ. Во всякомъ случаѣ этимъ путемъ можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ предупредить развитіе бугорчатки.

Что люди въ условіяхъ своего искусственнаго культурнаго быта дышатъ съ гигіенической точки зрѣнія дурно, это не подлежитъ никакому сомнѣнію—и научить ихъ правильно дышать было бы великой заслугой со стороны учителей и великимъ благодѣяніемъ для учениковъ (не однихъ, конечно, школьныхъ). Самый главный недостатокъ обычнаго дыханія людей, ведущихъ болѣе или менѣе сидячій образъ жизни, это его поверхностность, малый объемъ. При 3.000—5.000 куб. сантиметрахъ такъ наз. жизненной емкости легкихъ (объемъ воздуха, который мы можемъ выдохнуть послѣ самаго глубокаго вдыханія), мы вдыхаемъ и выдыхаемъ обыкновенно, въ условіяхъ покойнаго положенія, около 500 куб. стм., слѣд., $^1/_6-^1/_{10}$ часть того, что могли бы имѣть при полномъ напряженіи акта дыханія. Но въ такомъ напряженіи въ обычныхъ условіяхъ нѣтъ никакой необходимости; природа и въ этомъ случаѣ обезпечиваетъ только большой запасъ на случай необходимости. Для нашего здоровья довольно, если обыкновенное мелкое и слабое дыханіе перемежается болѣе глубокимъ, что мы часто и дѣлаемъ невольно, вздыхая, потягиваясь, позѣвывая, поднимая кверху руки, начиная быстро ходить или вертѣться, напѣвая и т. п. Все это естественные акты великой важности для тѣхъ, кто вынужденъ работать, сидя, стоя — или просто кто просиживаетъ жизнь, не работая. Въ школахъ обыкновенно строго слѣдятъ затѣмъ, чтобы дѣти не кричали, не бѣгали, а между тѣмъ это необходимо для того, чтобы надлежащимъ образомъ провѣтрить свои легкія послѣ часовой высидки съ задержаннымъ дыханіемъ. Осторожно вздохнуть и даже зѣвнуть школьнику во время урока можно, но попробуй онъ на глазахъ учителя потянуться, поднять кверху руки; хорошо еще, если онъ получитъ только замѣчаніе, а не будетъ поставленъ столбомъ или на колѣни, съ дурной отмѣткой за поведеніе. А между тѣмъ было бы крайне полезно, если бы школьники имѣли возможность, по крайней мѣрѣ, каждыя 10 минутъ глубоко вздохнуть, поднявши кверху руки. Очень ужъ заѣдаетъ насъ „порядокъ“.

Другое зло, связанное съ нашимъ обычнымъ поверхностнымъ дыханіемъ, это неравномѣрность провѣтриванія легкихъ. Всѣ тѣ, у кого не стѣснены брюшныя стѣнки, какъ, напр., у дамъ корсетомъ, дышатъ, какъ говорятъ, животомъ, который періодически выпячивается и опадаетъ. Это такъ наз. брюшной типъ дыханія, зависящій

отъ періодическаго сокращенія и разслабленія плоской мышечной перегородки между грудной и брюшной полостью (такъ наз. грудобрюшной преграды, или діафрагмы). Въ спокойномъ разслабленномъ состояніи эта перегородка выпячивается въ видѣ плоскаго купола кверху, т. е. въ сторону грудной полости. При сокращеніи она уплощается, надавливая на внутренности живота и вызывая выпячиваніе впередъ брюшной стѣнки. Въ это время воздухъ входитъ въ легкія, чтобы заполнить то пространство, на которое увеличивается объемъ грудной полости вслѣдствіе сокращенія діафрагмы. Когда это сокращеніе прекращается, брюшныя стѣнки, опадая вслѣдствіе своей упругости, опять вытѣсняютъ такое же количество воздуха, которое во время ея сокращенія попало въ легкія.—Таковъ обыкновенный типъ спокойнаго дыханія. Кромѣ указаннаго выше количественнаго недостатка, онъ имѣетъ тотъ качественный недостатокъ, что при немъ нижняя часть легкихъ провѣтривается лучше верхней, а самыя верхушки легкихъ, расположенныя въ области ключицъ, почти совсѣмъ не провѣтриваются. Какъ непровѣтриваемыя части жилыхъ помѣщеній легко становятся мѣстомъ скопленія, а при нѣкоторой сырости и мѣстомъ образованія плѣсени, такъ и верхушки легкихъ; только здѣсь мѣсто плѣсени занимаютъ еще болѣе мелкія существа—микробы (бактеріи, какъ обыкновенно ихъ неправильно называютъ). Къ числу микробовъ принадлежитъ и туберкулезная палочка, обусловливающая происхожденіе бугорчатки и спеціально чахотки легкихъ, поражающей, какъ извѣстно, главнымъ образомъ людей, проводящихъ жизнь преимущественно въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ съ дурнымъ воздухомъ и ведущихъ сидячій образъ жизни. Пассивно провѣтриваются верхушки легкихъ тогда, когда мы поднимаемъ надъ головой руки, а активно тогда, когда мы сокращаемъ мышцы, поднимающія грудную клѣтку, что имѣетъ мѣсто при громкомъ говорѣ, при пѣніи, при вздохахъ, потягиваніи, скорой ходьбѣ, бѣгѣ, при восхожденіяхъ всякаго рода, при чиханіи, кашлѣ, смѣхѣ и т. п., какъ и при всякаго рода стѣсненіяхъ живота, будетъ ли это результатомъ давленія снаружи (поясомъ, корсетомъ) или изнутри (опухоли, водянка, ожирѣніе, беременность). Корсетъ и беременность обусловливаютъ то, что нѣкоторые на такъ наз. грудной типъ дыханія смотрятъ, какъ на характерный для женщинъ отъ природы. Однако въ дѣйствительности безъ указанныхъ условій и и у женщинъ при покоѣ такъ же, какъ у мужчинъ, преобладаетъ брюшной типъ дыханія.

Изъ всего сказаннаго о дыханіи ясно, какое громадное значеніе для здоровья человѣка имѣетъ та или другая его практика, и какъ необходимо въ условіяхъ нашего искусственнаго быта вносить на-

мѣренную поправку въ обычный его ходъ. Останавливаясь спеціально на школахъ, можно рекомендовать вносить такую поправку не только, какъ сказано выше, вздохами, потягиваніемъ, подниманіемъ надъ головою рукъ, но и громкимъ чтеніемъ, декламацiей, пѣніемъ. Автору очень понравилось практикуемое въ коптскихъ школахъ въ Египтѣ чтеніе нараспѣвъ; нѣчто подобное имѣетъ мѣсто въ еврейскихъ и магометанскихъ школахъ. Во время перемѣнъ между уроками, по возможности, не нужно стѣснять ни крика, ни бѣготни учащихся; особенно хорошо даже поощрять ихъ на открытомъ воздухѣ.

Что касается искусственныхъ упражненій дыханія, или такъ наз. легочной (вѣрнѣе было бы называть ее дыхательной) гимнастики, то указываемый Winkler'омъ пріемъ (глубокое вдыханіе, задержка и выдыханіе при 5—3 дыханіяхъ въ минуту) свободно и съ большой пользой можетъ практиковаться. На выставкѣ при Нюрнбергскомъ конгрессѣ находилась, между прочимъ, небольшая брошюра учителя городской школы въ Лейпцигѣ *E. Noack'a* „Lungengymnastik und Atmungskunst im Schulturnen", какъ практическое руководство для родителей, учителей и учениковъ. Благодаря хорошимъ рисункамъ, книжка дѣйствительно можетъ быть очень полезной для означенныхъ лицъ. Noack описываетъ въ ней 16 видовъ упражненія дыханія, начиная съ разнообразныхъ движеній головы, продолжая прямыми и круговыми движеніями рукъ—однихъ и вмѣстѣ съ туловищемъ и оканчивая „полнымъ дыханіемъ" въ стоячемъ и лежачемъ положеніи. Было бы очень полезно составить и издать подобную же книжку и у насъ, гдѣ тѣлесныя упражненія пока еще очень мало распространены и въ семьѣ, и въ школѣ.

Авторъ позволилъ себѣ такъ долго остановиться на дыханіи въ виду громадной его важности и для общаго здоровья, и для здоровья самого дыхательнаго органа легкихъ. Въ послѣднія 10—15 лѣтъ въ Зап. Европѣ ведется широкая и усиленная пропаганда въ пользу борьбы съ бугорчаткой. Эта пропаганда коснулась и насъ, но пока еще съ очень малыми практическими послѣдствіями. Рекомендуемыя этой пропагандой мѣры основываются преимущественно на борьбѣ съ непосредственной причиной болѣзни—съ туберкулезной палочкой. Санаторіи, запрещеніе плевать въ общественныхъ мѣстахъ и даже на улицахъ, комнатныя и карманныя плевальницы, разные пріемы дезинфекціи, извѣстныя мѣры изоляціи, даже закрываніе рта не только при кашлѣ и чиханіи, но даже чуть не при разговорѣ—все это примѣняется въ борьбѣ съ туберкулезомъ. Оставляется почти безъ вниманія то, что въ массѣ случаевъ подготовляетъ воспріимчивую для осѣдлости заразы почву, т. е. самый актъ дыханія, разъ

мы остановимся на самомъ важномъ и самомъ распространенномъ видѣ бугорчатки, на чахоткѣ легкихъ. Развѣ не странно, что эта болѣзнь среди населенія Аѳинъ почти также распространена, какъ и среди населенія Петербурга, несмотря на громадную разницу климатическихъ условій въ этихъ двухъ городахъ. Общая причина заключается въ скученности населенія въ дурно провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, которая на южанъ дѣйствуетъ еще скорѣе и сильнѣе, чѣмъ на сѣверянъ. А такая скученность всегда ведетъ за собой недостаточность дыханія и, такъ сказать, засореніе легкихъ. Борясь цѣлесообразнымъ дыханіемъ съ такимъ засореніемъ, мы сдѣлаемъ для здоровья и благополучія людей не только не меньше, а даже больше, чѣмъ всѣми правилами, ограниченіями, запрещеніями, относящимися непосредственно къ заразѣ, которая прививается только тамъ, гдѣ находитъ благопріятную для себя почву, каковой здоровый, правильно функціонирующій организмъ обыкновенно не представляетъ.

Разъ зашла рѣчь о въ высшей степени важномъ значеніи возможно болѣе свободнаго дыханія, нельзя не указать на большой вредъ, какой можетъ причинять организму въ періодѣ роста и развитія сколько нибудь тѣсная одежда. Что ношеніе корсетовъ въ школахъ должно быть строго запрещено для всякаго возраста, это неоспоримое гигіеническое положеніе. Но слѣдовало бы также вывести изъ школъ не только мундиры, но и сюртуки, изъ которыхъ школьники обыкновенно скоро „выростаютъ“, и которые поэтому съ трудомъ разстегиваются, стѣсняя не только дыханіе, но и вообще движенія тѣла. Рубашка, блуза, куртка, тужурка съ широкимъ воротникомъ—самая подходящая для школьниковъ одежда. Слѣдуетъ при этомъ избѣгать не только галстуховъ, но и поясовъ, особенно, если они служатъ для удержанія, напр., брюкъ. Указанная форма одежды была бы не только гигіеничнѣе (особенно, когда ее можно мыть) и проще, но и гораздо экономнѣе. Интересно бы, напр., знать сколько сюртуковъ нужно ученику перемѣнить, чтобы пройти весь гимназическій курсъ, т. е. съ 10 до 18—20 лѣтняго возраста?

Проф. **Ир. Скворцовъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Принципы уметвеннаго развитія и примѣненіе ихъ въ школьной практикѣ. *)

М. м. Г. г.!

Я позволю себѣ остановить Ваше вниманіе на нѣкоторыхъ практическихъ вопросахъ обученія и воспитанія, которые имѣютъ огромное значеніе и весьма важныя послѣдствія въ нашей школьной практикѣ.

Я, конечно, далекъ отъ мысли подразумѣвать здѣсь какія либо отдѣльныя, а тѣмъ болѣе мѣстныя учрежденія, но имѣю въ виду отмѣтить нѣкоторыя стороны практической жизни нашихъ русскихъ общеобразовательныхъ заведеній разнаго типа, среднихъ и низшихъ, насколько они извѣстны по ихъ уставамъ и программамъ, а практика—по отзывамъ печати, мнѣнію общества и отчасти по личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ.

Предварительно же я считаю не безполезнымъ предпослать бѣглый очеркъ тѣхъ основныхъ положеній, на которыхъ должна быть построена правильная система умственнаго развитія учащихся; вспомнить и имѣть въ виду эти положенія необходимо для того, чтобы легче было разобраться въ вопросахъ практическаго примѣненія ихъ.

Всякое общеобразовательное учебное заведеніе преслѣдуетъ двѣ цѣли: развитіе познавательныхъ способностей учащихся и сообщеніе имъ полезныхъ знаній. Несомнѣнно, что первой и важнѣйшей задачей общаго образованія нужно считать развитіе душевныхъ способностей учащихся, такъ какъ только при правильной постановкѣ этого вопроса можетъ быть легко достигнута и вторая цѣль — сообщеніе имъ полезныхъ знаній, въ предѣлахъ установленныхъ требованій.

Свойства души человѣка позволяютъ ему непосредственно вос-

*) Рефератъ, читанный 30-го марта 1903 г. въ засѣданіи 3-го частнаго собранія членовъ Туркестанскаго педагогическаго кружка.

принимать формы внѣшняго міра, сохранять представленія о нихъ, вспоминать и воображать ихъ и дѣлать о нихъ сужденія и заключенія, словомъ—мыслить. Поэтому первая задача формальнаго образованія касается попеченія объ органахъ внѣшнихъ чувствъ, при посредствѣ которыхъ происходятъ душевныя воспріятія, въ особенности же—зрѣнія и слуха, которые доставляютъ наибольшее количество матеріала для развитія умственныхъ силъ человѣка.

Качества человѣческаго ума, способнаго почти къ безпредѣльному развитію и совершенствованію, составляютъ особенность человѣческаго существа, возвышающую его надъ всѣми земными тварями.

Человѣкъ наблюдаетъ, удерживаетъ полученныя представленія въ памяти и сознаніи, сопоставляетъ и сравниваетъ ихъ, приводитъ въ связь причины со слѣдствіями, прошедшее съ настоящимъ и дѣлаетъ выводы и заключенія; силами своего ума онъ изслѣдуетъ законы вселенной, стремится понять и управлять могучими силами природы, подчиняетъ себѣ сильнѣйшихъ животныхъ и дѣлаетъ попытки проникнуть въ область сверхчувственнаго бытія. И въ первичныхъ силахъ души человѣческой заключается не только способность къ познанію, но и стремленіе къ нему: свѣтъ истины есть такая же насущная потребность для души человѣка, какъ воздухъ и пища—для его тѣла. Правильное и гармоническое развитіе познавательныхъ способностей и должно составлять основную задачу всякой системы общаго образованія.

Хотя формальное образованіе немыслимо безъ матеріальнаго, такъ какъ душевныя силы могутъ упражняться и развиваться только надъ извѣстнымъ матеріаломъ, но въ интересахъ правильнаго и наиболѣе совершеннаго развитія умственныхъ способностей учащихся самый выборъ этого матеріала, его качество и количество, а также послѣдовательность въ его изученіи должны быть строго согласованы съ задачами формальнаго образованія. Погоня за накопленіемъ возможно большей суммы практическихъ познаній, сообщеніе такихъ знаній, которыя не соотвѣтствуютъ состоянію развитія учащихся, и такой массы ихъ, какую они не могутъ воспринять въ извѣстномъ возрастѣ и въ извѣстное время, ведутъ къ тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя отмѣчены въ исторіи педагогики относительно господствовавшей въ былое время механической системы обученія: логическая дѣятельность ума ослабѣваетъ, творческія силы падаютъ и талантливыя личности появляются очень рѣдко, и самыя матеріальныя знанія при такой системѣ оказываются не столь значительными и цѣнными, какъ при условіяхъ соблюденія требованій формальнаго образованія.

Поэтому при всякомъ матеріальномъ содержаніи предметовъ

обученія является необходимость располагать учебный матеріалъ строго логически и послѣдовательно и въ соотвѣтствіи съ возрастомъ и силами учащихся и вести обученіе, идя отъ простого къ сложному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Умъ человѣческій нельзя разсматривать только, какъ природную способность мышленія и источникъ представленій и понятій: сила его измѣряется суммою пріобрѣтенныхъ и переработанныхъ представленій, и для начала его дѣятельности необходимо воспріятіе или наглядное представленіе. Отсюда вытекаетъ важность и необходимость нагляднаго обученія, какъ средства вызывать у учащихся наиболѣе ясныя, точныя и отчетливыя представленія, составляющія основу и матеріалъ для дальнѣйшаго ихъ развитія. Когда сообщено будетъ достаточное количество вѣрныхъ и ясныхъ представленій объ изучаемомъ предметѣ, остается задача воспроизводить ихъ и укрѣплять въ памяти, а затѣмъ логически ихъ перерабатывать, дѣлая посылки, сопоставленія и выводы. Если преподаватель какого-нибудь предмета слишкомъ скоро перескакиваетъ черезъ ступень наглядности, въ умѣ учащихся образуются неясныя представленія и неопредѣленныя понятія, воображеніе ослабѣваетъ, въ выводахъ и заключеніяхъ появляется неувѣренность, ученіе становится труднѣе и не удовлетворяетъ любознательности учащихся, и въ послѣднихъ развивается недовольство и отвращеніе къ занятіямъ.

Поэтому всякое преподаваніе, къ какой бы отрасли знаній оно ни относилось, должно имѣть свою элементарную ступень, имѣющую въ виду образованіе частныхъ представленій, на которыхъ строится затѣмъ система понятій.

На развитіе и укрѣпленіе памяти также должно быть обращено особое вниманіе преподавателей: человѣкъ знаетъ только то, что сохранилъ въ своей памяти, т. е. что онъ дѣйствительно изучилъ и вѣрно удержалъ въ умѣ. На основаніи природной способности все, образовавшееся въ умѣ человѣка, сохраняется въ большей или меньшей степени; и преподаватель долженъ здѣсь приходить на помощь и развивать эту природную способность учащихся, заботясь о томъ, чтобы они пріобрѣтали болѣе цѣнныя, ясныя и точныя представленія, вѣрно сохраняли ихъ, воспроизводили и перерабатывали. Для этого, при наблюденіи изложенныхъ выше требованій наглядности обученія, слѣдуетъ количество изучаемаго матеріала строго сообразовать съ даннымъ временемъ и силами учащихся, не обременять ихъ обиліемъ различныхъ свѣдѣній и не сообщать сразу многое, а давать для изученія лишь столько, сколько они въ состояніи усвоить. Основательное элементарное преподаваніе, ограниченіе учебнаго матеріала и упрощеніе учебной программы, сообразно

съ способностями учениковъ, воспроизведеніе и повтореніе въ разныхъ видахъ сообщенныхъ свѣдѣній, расположеніе учебнаго матеріала въ строгой системѣ и послѣдовательности, и органическое соединеніе и концентрированіе его совершенно достаточно для правильнаго развитія памяти, воспоминанія и воображенія, и для этой цѣли нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какому либо особому искусству—мнемоникѣ, которое приноситъ только вредъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи, приводя къ потерѣ времени, сосредоточивая вниманіе учащихся не на внутренней, а на внѣшней связи понятій, отвлекая его вниманіе отъ главнаго предмета и убивая охоту къ ученію и производительную силу ума.

Развитіе разсудка и творчества основывается на вѣрныхъ, ясныхъ, прочно усвоенныхъ и живо воспроизводящихся представленіяхъ. Поэтому всякій преждевременный переходъ отъ конкретнаго къ отвлеченному вредитъ развитію мышленія: ученикъ не можетъ еще судить о вещахъ, о которыхъ не имѣетъ понятія; онъ не можетъ дѣлать никакихъ доказательствъ и умозаключеній, если не обладаетъ для этого достаточнымъ конкретнымъ матеріаломъ. Подобныя попытки при такихъ условіяхъ приводятъ лишь къ ложнымъ понятіямъ и выводамъ и воспитываютъ въ учащихся легкомысліе, самонадѣянность и недобросовѣстность, или же, наоборотъ, неувѣренность въ себѣ и недовѣріе къ своимъ способностямъ.

Такимъ образомъ, основная задача общеобразовательной системы обученія должна касаться прежде всего систематичности и послѣдовательности расположенія учебнаго матеріала, при которомъ наилучшимъ образомъ могли бы развиваться душевныя способности учащихся. Общее требованіе, какое необходимо здѣсь соблюдать, заключается въ томъ, чтобы всегда при обученіи сообразоваться со степенью развитія, познаніями и умственными силами учащихся и не предлагать имъ для изученія такого матеріала, который они въ данное время не въ силахъ усвоить. Ошибки въ этомъ отношеніи, касаются ли онѣ сущности самого матеріала, или несоразмѣрности количества его съ силами учащихся и даннымъ временемъ, въ школьной практикѣ встрѣчаются весьма нерѣдко и всегда ведутъ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, развивая въ учащихся, съ одной стороны, легкомысліе и резонерство, а съ другой—вызывая въ нихъ апатію, лѣнь и сознаніе своего безсилія, и такимъ образомъ убиваютъ въ нихъ врожденную любознательность и порождаютъ отвращеніе къ занятіямъ.

Здѣсь я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на выясненіи той роли, какую играетъ и должна играть въ дѣлѣ обу-

ченія самодѣятельность учащихся, ихъ активное вниманіе и стремленіе къ самоусовершенствованію и пріобрѣтенію знаній.

Всему, чему человѣкъ ни научается, онъ научается самостоятельно. Пассивнаго умственнаго развитія не существуетъ, а есть только активное. Вниманіе, т. е. направленіе познавательной силы на изучаемый предметъ, при нормальныхъ условіяхъ развитія, должно вызываться не принужденіемъ, а вытекать изъ собственнаго интереса, изъ присущаго человѣку стремленія къ свѣту истины и совершенствованію, изъ чистой любознательности, наслажденія умственной дѣятельностью. Это прирожденное стремленіе человѣка къ умственной самодѣятельности и вызываемое имъ активное вниманіе къ предметамъ внѣшняго и внутренняго міра составляютъ основу его умственнаго развитія: нельзя понять то, что говорятъ, если не слушать говорящаго; когда вниманіе слушателя отвлечено въ другую сторону, звуки чужого голоса будутъ производить физическое дѣйствіе на органы слуха, но не дойдутъ до сознанія. Точно также не всегда видимый предметъ оставляетъ слѣдъ въ нашемъ сознаніи, но только тогда, когда мы обращаемъ на него вниманіе и сами хотимъ его видѣть. Для полученія сознательнаго представленія необходимъ актъ воли, активное вниманіе, на поддержаніе котораго должно быть обращено особенное вниманіе педагога. Для этого необходимо прежде всего опираться на естественную любознательность учащихся и не подавлять этой врожденной способности примѣненіемъ неудачныхъ педагогическихъ экспериментовъ: необходимо сообразоваться со степенью развитія, силами и возрастомъ учащихся, сообщать строго обдуманный и систематически расположенный матеріалъ, давать время и средство для его усвоенія и для самостоятельнаго исполненія посильныхъ работъ и предохранять ихъ отъ переутомленія и неудачъ, способныхъ вызвать уныніе и неувѣренность въ своихъ силахъ. При правильной постановкѣ преподаванія оно само въ достаточной степени должно возбуждать и поддерживать вниманіе учащихся.

Къ сожалѣнію, школьная практика въ этомъ вопросѣ далеко расходится съ теоріею. Естественная любознательность дѣтей и ихъ стремленіе къ изученію всего окружающаго, тотъ интересъ къ познаніямъ, который они проявляютъ въ большинствѣ случаевъ въ періодъ своей до школьной жизни, быстро исчезаютъ послѣ поступленія въ школу,—и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ менѣе соотвѣтствуетъ постановка занятій въ ней требованіямъ нормальнаго умственнаго развитія, чѣмъ больше въ ней формализма и меньше вниманія къ учащимся со стороны преподавателей. Пониженіе любознательности въ средѣ учащихся въ школахъ—фактъ настолько общеизвѣстный

и распространенный, что едва ли кто будетъ оспаривать его: если еще въ первые дни по поступленіи въ школу свѣжій ученикъ позволяетъ себѣ обращаться къ учителю съ какими нибудь вопросами и высказывать свои сомнѣнія и недоразумѣнія, то по истеченіи нѣкотораго времени такія попытки совершенно прекращаются, и безпристрастный наблюдатель поражается той вялостью, подавленностью настроенія и апатіей, какую проявляютъ ученики къ своему собственному развитію и усовершенствованію; занятія по принужденію и работа подъ опасеніемъ наказаній смѣняютъ самодѣятельность учащихся и парализуютъ проявленіе ихъ врожденной любознательности, которая, если здѣсь и проявляется, то обыкновенно въ области постороннихъ знаній и весьма рѣдко касается изучаемыхъ предметовъ.

Обыкновенно приписываютъ такую потерю любознательности дурнымъ наклонностямъ учащихся, винятъ ихъ за недостаточную внимательность и лѣность и для возбужденія въ нихъ активнаго вниманія прибѣгаютъ къ различнымъ репрессивнымъ мѣрамъ—угрозамъ и наказаніямъ. Такой, хотя и распространенный взглядъ, въ основѣ своей есть тяжкая и печальная ошибка: всякій нормальный ребенокъ отъ природы своей любознателенъ и стремится все видѣть, слушать и узнавать, поскольку хватаетъ его способностей и силъ. Любознательность и зачатки вниманія проявляются въ дѣтяхъ съ самаго ранняго возраста, успѣшное же развитіе этой способности, способности задерживать, сосредоточивать свое вниманіе на извѣстномъ предметѣ, какъ и развитіе другихъ способностей, зависитъ отъ воспитанія. Въ періодъ домашней жизни дѣтей развитіе ихъ внимательности обыкновенно зависитъ отъ случайныхъ условій: только въ очень рѣдкихъ случаяхъ родители или воспитатели принимаютъ въ этомъ какое-либо участіе; въ большинствѣ-же случаевъ оно находится въ зависимости отъ случайныхъ условій той обстановки, въ которой живетъ ребенокъ. При извѣстныхъ условіяхъ жизни дѣти нерѣдко поражаютъ своей внимательностью и наблюдательностью, какую они проявляютъ къ различнымъ конкретнымъ предметамъ, съ которыми приходятъ въ соприкосновеніе: они отлично замѣчаютъ всѣ признаки ихъ куколъ и игрушекъ, укажутъ малѣйшіе ихъ недостатки и пятнышки, отмѣтятъ всѣ мельчайшіе признаки любимой лошади, кошки или собаки, подмѣтятъ малѣйшія странности и особенности знакомыхъ лицъ и т. д. При другихъ условіяхъ жизни, напротивъ, дѣти нерѣдко проявляютъ полную невнимательность къ окружающимъ ихъ предметамъ, если развитіе ихъ происходило въ слишкомъ однообразной и замкнутой средѣ или, наоборотъ, если внѣшнія впечатлѣнія ихъ были слишкомъ разно-

образны, многочисленны и быстро смѣнялись, не давая достаточно времени для сосредоточенія на нихъ вниманія. Избытокъ впечатлѣній приноситъ такой-же вредъ, какъ и недостатокъ ихъ: здѣсь, какъ и во всемъ, должна быть мѣра, уклоненія отъ которой въ ту и другую стороны одинаково вредны. Такъ или иначе шло до-школьное воспитаніе дѣтей, сильно или слабо развиты въ нихъ наблюдательныя способности, школа должна съ самаго начала обратить особое вниманіе на поддержаніе и развитіе ихъ. Наилучшимъ образомъ эти цѣли, какъ и другія задачи умственнаго развитія, достигались-бы систематическимъ расположеніемъ самыхъ предметовъ обученія въ школѣ и введеніемъ въ курсъ ея прежде всего такихъ занятій, которыя позволяли-бы упражнять наблюдательность и вызывать представленія на конкретныхъ предметахъ. Такова, напр., по мнѣнію покойнаго профессора А. И. Бекетова, должна быть ботаника, изученіе которой на живыхъ и засушенныхъ экземплярахъ растеній въ высокой степени способствуетъ развитію въ дѣтяхъ активнаго вниманія и наблюдательности, сообщаетъ имъ ясныя и отчетливыя представленія и пріучаетъ къ логическому мышленію и умозаключеніямъ, основаннымъ на наблюдаемыхъ признакахъ сходства и различія частей растеній. Несомнѣнно, что подобный методъ изученія могъ-бы дать тѣ же результаты въ отношеніи минералогіи и зоологіи, хотя въ послѣдней значительно труднѣе собрать необходимый наглядный матеріалъ; подобный методъ изученія, примѣняемый въ физикѣ и другихъ экспериментальныхъ наукахъ, также былъ-бы вполнѣ естественъ и, несомнѣнно, далъ-бы блестящіе результаты въ отношеніи развитія умственныхъ способностей учащихся и вполнѣ сознательнаго и осмысленнаго усвоенія ими этихъ наукъ.

Идеальная постановка образованія, съ точки зрѣнія интересовъ умственнаго развитія учащихся, требовала-бы прежде всего такого расположенія учебнаго матеріала, которое, наиболѣе соотвѣтствуетъ возрасту и развитію учениковъ, и на первое время нужно-бы ставить такіе предметы, которые доставляютъ наиболѣе ясныя и точныя конкретныя представленія. Соотвѣтственно этому и самая обстановка обученія должна-бы располагаться на первое время не въ обычныхъ условіяхъ нашихъ классныхъ занятій, которыя могутъ доставлять лишь суррогаты наглядности, въ видѣ чертежей, рисунковъ и моделей, но вестись въ соотвѣтствующей изучаемому предмету средѣ, въ которой внѣшнія чувства лучше функціонируютъ, активное вниманіе и наблюдательность проявляются въ наивысшей степени и представленія получаются наиболѣе вѣрныя, ясныя и отчетливыя. Но такая постановка элементарнаго образованія есть

pium desiderium школьнаго дѣла, и осуществленіе ея возможно развѣ только въ отдаленномъ будущемъ.

Для практическихъ цѣлей обученія, съ которыми по необходимости должна считаться общеобразовательная школа, естественный путь изученія предметовъ слишкомъ медлителенъ, и при томъ въ кругъ знаній, необходимыхъ для учащихся, входятъ такія, практическую пользу и необходимость которыхъ нельзя отрицать, и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ служить такимъ хорошимъ матеріаломъ для всесторонняго развитія ихъ душевныхъ способностей. Примѣняясь къ практическимъ требованіямъ жизни, приходится эти послѣдніе предметы ставить въ началѣ обученія, а упомянутымъ выше нагляднымъ предметамъ, вполнѣ отвѣчающимъ любознательности, возрасту и развитію учащихся, отводить второстепенное мѣсто и преподаваніе ихъ ставить въ такія условія, при которыхъ они нерѣдко теряютъ свои высокія методическія качества.

При такихъ условіяхъ тѣмъ болѣе требуется осторожности, вниманія и усилій со стороны преподавателей, чтобы поставить дѣло обученія въ соотвѣтствіи съ возрастомъ и умственными силами учащихся и отыскать необходимые способы къ тому, чтобы не только не парализовать ихъ естественныхъ стремленій къ знанію и развитію, но, поддерживая и укрѣпляя эту душевную способность, развить ихъ умственныя силы на столько, чтобы они въ состояніи были вполнѣ сознательно воспринять и изучить установленный программами учебный матеріалъ. Съ этой точки зрѣнія всякія затрудненія въ обученіи и проявленіе въ учащихся недостатка вниманія, апатіи, лѣности и слабыхъ познаній чаще всего служатъ показателемъ ненормальности самой постановки обученія, которую нужно измѣнить и улучшить, и только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ могутъ свидѣтельствовать о ненормальномъ состояніи психики и малоспособности учащихся.

Грошеницкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Очерки по психологіи дѣтства

I.

Первыя обнаруженія душевной жизни человѣка.

Приступая къ изученію дѣтской психологіи, мы на первыхъ порахъ наталкиваемся на вопросъ о классификаціи душевныхъ явленій. Вопросъ этотъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о порядкѣ возникновенія душевныхъ явленій у ребенка. Для всякаго анализа необходимо прежде всего установить классификацію тѣхъ явленій, которыя мы хотимъ изучить. Очень важно положить въ основу классификаціи такія понятія, которыя могли бы намъ служить удобнымъ исходнымъ пунктомъ для нашего изслѣдованія. Поэтому то для каждой данной цѣли слѣдуетъ устанавливать особую классификацію, и классификація, пригодная въ одномъ случаѣ часто оказывается непригодной для другого.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ классификацій психическихъ явленій наибольшею распространенностью пользуется классификація Тетенса, нѣмецкаго психолога, жившаго въ XVIII в. Онъ установилъ три главныя группы душевныхъ явленій: состоянія ума, чувства и воли.

Если мы ближе присмотримся къ этой классификаціи, то увидимъ, что въ каждую изъ трехъ данныхъ группъ входятъ очень сложныя явленія, и если на мѣсто нихъ мы захотимъ подставить элементарные процессы, то эта классификація окажется несостоятельной.

Дѣйствительно, въ основѣ интеллектуальной жизни лежитъ представленіе, въ основѣ чувства—такъ называемый чувственный тонъ, въ основѣ волевыхъ актовъ—стремленіе. Но тутъ мы наталкиваемся на нѣкоторое недоумѣніе. Съ одной стороны, странно такіе простые процесы, какъ представленіе какого-нибудь цвѣта или звука называть выраженіями ума, подъ которыми мы всегда понимаемъ нѣчто болѣе сложное. Съ другой стороны, если мы начнемъ анализировать такое проявленіе интеллектуальной жизни, какъ, напримѣръ, сужде-

ніе, то увидимъ, что оно тѣснѣйшимъ образомъ связано съ чувствомъ одобренія или неодобренія, т. е. пріятнаго или непріятнаго.

Къ такому же выводу приводитъ насъ анализъ волевыхъ актовъ? Дѣйствительно, что такое стремленіе? Оно съ одной стороны необходимо подразумѣваетъ какую-нибудь цѣль, характеризуемую, какъ опредѣленное представленіе. Можно, правда, предположить, что существуютъ стремленія безъ цѣли. Но, во-первыхъ, существованіе такихъ стремленій очень трудно констатировать, такъ какъ цѣль можетъ иногда очень неясно сознаваться нами, а во-вторыхъ, такое безцѣльное стремленіе свелось-бы къ простому *чувству*. Съ другой стороны, *всякое* стремленіе подразумѣваетъ или влеченіе къ данному предмету, или отвращеніе отъ него, т. е. основывается на чувствѣ пріятнаго или непріятнаго. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отказаться отъ пользованія классификаціей Тетенса, въ особенности же въ примѣненіи къ элементарнымъ психическимъ процессамъ, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло при анализѣ дѣтской душевной жизни.

Кромѣ только-что разобранной классификаціи психическихъ явленій упомянемъ еще объ одной классификаціи, господствовавшей до конца XVII в. и создавшейся подъ вліяніемъ раціонализма, самымъ яркимъ представителемъ котораго былъ Спиноза. Въ основѣ этой классификаціи положены, въ сущности, процессы вниманія. Спиноза, какъ чистый раціоналистъ, главное значеніе въ душевной жизни придавалъ интеллектуальнымъ процессамъ. Аттрибутомъ души, по его мнѣнію, является „мышленіе" (Cogitatio). Это мышленіе можетъ проявляться въ состояніяхъ познанія различной *ясности*, и эти то разныя степени ясности Спиноза кладетъ въ основу своей классификаціи душевныхъ явленій. Въ зависимости отъ этого, онъ различаетъ разумъ, какъ проявленіе наиболѣе яснаго познанія, отъ воображенія, т. е. смутнаго сознанія. Такое же дѣленіе онъ проводитъ въ области волевыхъ процессовъ, гдѣ противополагаетъ чувство смутнаго стремленія сознательному волевому акту, какъ выраженію ясной стороны душевной жизни.

Съ этой точки зрѣнія можно, конечно, анализировать душевную дѣятельность взрослаго человѣка; но ею совершенно нельзя пользоваться при анализѣ психики ребенка, такъ какъ всѣ проявленія дѣтской психики, по сравненію съ душевными процессами сформировавшагося человѣка, окажутся неясными и смутными. Съ этой точки зрѣнія, воображеніе въ психикѣ ребенка должно преобладать надъ разумомъ, чувство—надъ волей и первыя два явленія предшествуютъ вторымъ, т. е. возникаютъ раньше ихъ.

Неудобство этой классификаціи заключается главнымъ образомъ

въ томъ, что она устанавливаетъ на психическія явленія чисто количественную точку зрѣнія, между тѣмъ какъ (особенно для пониманія первыхъ стадій душевнаго развитія человѣка) громадное значеніе имѣютъ качественныя различія.

На ряду съ классфикаціей Тетенса въ началѣ XIX вѣка у представителей конструктивной психологіи замѣчается стремленіе вернуться къ двойному дѣленію психическихъ явленій. Въ основу этого дѣленія обыкновенно берется различіе между объективными и субъективными явленіями психической жизни. Подобно тому, какъ классификація Спинозы вытекала изъ его раціоналистическихъ воззрѣній, такъ и это дѣленіе душевныхъ явленій на субъективныя и объективныя создалось подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ современныхъ философскихъ теченій и главнымъ образомъ философіи Канта.

Недостаточность классификаціи душевныхъ явленій въ ученіяхъ представителей конструктивной психологіи опредѣляется тѣмъ, что эта классификація имѣла въ виду не столько анализъ процессовъ душевной жизни, сколько рѣшеніе метафизическихъ вопросовъ.

Для того, чтобы покончить съ вопросомъ о классификаціи душевныхъ явленій, намъ необходимо разобрать нѣкоторыя современныя попытки такихъ классификацій, установленныхъ уже на данныхъ эмпирической психологіи, мощное развитіе которой относится ко второй половинѣ XIX в. Изъ всѣхъ этихъ классификацій, наиболѣе интересной для насъ является прежде всего классификація Гефнера, который, исходя изъ анализа классификаціи Брентано, предложилъ слѣдующую группировку душевныхъ явленій. Всѣ психическія явленія Гефнеръ дѣлитъ на умственные и эмоціональные процессы. Каждая изъ этихъ большихъ группъ, по его мнѣнію, распадается на двѣ меньшія: интеллектуальныя явленія—на представленія и сужденія, а эмоціональныя—на чувства и желанія. Изъ этихъ четырехъ видовъ психическихъ отправленій первыя—представленія и чувства—являются по сравненію со вторыми—сужденіями и желаніями—болѣе элементарными, такъ какъ послѣднія подразумѣваютъ участіе одобренія или неодобренія въ логической или эмоціональной формѣ.

Обсуждая въ своемъ сочиненіи „Das Seelenleben des Kindes“ эту схему, Гроссъ приходитъ къ заключенію, что въ основѣ ея лежитъ вѣрная мысль, но что удержать ее можно было бы только, внеся нѣкоторыя поправки согласно съ воззрѣніями Лотце, нѣмецкаго философа, жившаго во второй половинѣ XIX в. Лотце отмѣтилъ, что все содержаніе нашего психическаго міра можно раздѣлить на *матеріалъ* познанія и на *оцѣнку* этого матеріала. Подъ матеріаломъ онъ понимаетъ все то, что мы получаемъ изъ внѣшняго міра при помощи органовъ ощущеній; подъ оцѣнкой—отношеніе на-

шего субъективнаго я къ этимъ даннымъ внѣшняго опыта. Одобреніе или неодобреніе, участвующія въ образованіи болѣе сложныхъ процессовъ, играютъ роль оцѣнки. Сложныя явленія душевной жизни слагаются изъ сочетаній этихъ двухъ сторонъ душевной дѣятельности, при чемъ это сочетаніе можетъ принимать самыя разнообразныя формы. Такъ, напримѣръ, сужденіе представляетъ собой комбинацію матеріала въ видѣ представленій и чувства, съ которымъ мы относимся къ содержанію этихъ представленій, оцѣнки этого матеріала въ видѣ одобренія или неодобренія.

Этой классификаціи нельзя отказать въ извѣстной стройности, но и въ ней открываются недостатки, которые должны привести къ нѣкоторымъ неудобствамъ, если это дѣленіе приложить къ психической жизни ребенка. Недостатки эти сводятся къ слѣдующему. Изучая чужую душевную жизнь, мы часто принуждены дѣлать свои заключенія, ставя себя на мѣсто для наблюдаемаго лица и толкуя на основаніи своего субъективнаго опыта извѣстные внѣшніе признаки. При наблюденіи взрослаго человѣка въ этомъ дѣлѣ намъ могутъ помочь разспросы. Если же мы изслѣдуемъ дѣтскую психику, то (особенно по отношенію къ раннему дѣтству) мы лишены этого вспомогательнаго средства. Съ другой стороны, мы въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ существомъ, въ психическомъ отношеніи сильно отличнымъ отъ насъ. Поэтому, при истолкованіи психическихъ процессовъ у ребенка мы постоянно подвергаемся опасности переоцѣнить его психическую жизнь, приписать ему такія сложныя душевныя движенія, какихъ у него въ дѣйствительности быть не можетъ. Классификація душевныхъ процессовъ должна быть поэтому построена такимъ образомъ, чтобы давать возможность видѣть разницу между сложными и элементарными явленіями и предотвращать перенесеніе сложныхъ процессовъ душевной жизни взрослаго въ болѣе простую психику ребенка. Слѣдовательно, душевныя явленія должны классифицироваться сообразно ихъ сложности. Этому то условію и не удовлетворяетъ разобранная классификація. Исходнымъ пунктомъ нашей схемы мы должны взять наиболѣе элементарныя изъ душевныхъ явленій, т. е. ощущенія, подъ которыми я подразумѣваю простѣйшія представленія и чувства, которымъ соотвѣтствуетъ физіологическій процессъ, извѣстный подъ именемъ раздраженія.

Итакъ, простѣйшимъ изъ душевныхъ состояній мы признали ощущеніе. Слѣдующее за нимъ по сложности психическое явленіе представляетъ собой уже процессъ, а именно процессъ воспріятія, которое есть не что иное, какъ истолкованіе ощущеній. При помощи воспроизведенныхъ психическихъ состояній при этомъ одни ощу-

щенія нами воспринимаются, какъ знаки явленій внѣшняго міра (представленія), другія—какъ чувства. Представленія могутъ комбинироваться съ другими представленіями и чувствами. Тутъ необходимо отмѣтить моментъ выбора, который проявляется при смѣнѣ душевныхъ состояній и особенно ясно выступаетъ въ процессахъ сужденія и желанія. Всякое сужденіе—есть отвѣтъ на вопросъ. Но прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, мы переживаемъ извѣстное состояніе, которое можно назвать „сознаніемъ вопроса", состояніемъ нерѣшительности, колебанія. Передъ нами возникаетъ нѣсколько представленій, между которыми мы должны произвести выборъ, чтобы дать какой нибудь отвѣтъ на поставленный вопросъ. То-же самое мы можемъ сказать и относительно эмоціональной стороны нашей психики. Чувство, отмѣченное выборомъ, пріобрѣтаетъ характеръ желанія.

Такимъ образомъ, наша классификація, дающая возможность всѣ основные душевные процессы размѣщать по степени ихъ сложности, можетъ быть выражена въ слѣдующей схемѣ:

Ощущенія (простѣйшія псих. состоянія).
Воспріятіе (душевный процессъ, толкованіе ощущеній).

Представленія (относятся къ внѣшнему міру).	Чувства (относятся къ внутреннему міру).
Сужденія.	Желанія.

Эта классификація имѣетъ то удобство, что въ ней указывается генетическая точка зрѣнія, постепенное осложненіе психической жизни. Сообразуясь съ этой схемой, мы заранѣе можемъ сказать, что тамъ, гдѣ говорится о воспріятіи, предполагается уже наличность памяти, безъ которой немыслимо никакое толкованіе ощущеній. Воля представляетъ собой, съ нашей точки зрѣнія, синтезъ желаній и сужденій, такъ какъ поступать извѣстнымъ образомъ значитъ—согласовать свои дѣйствія съ опредѣленными сужденіями, которыя, въ свою очередь, координируются съ желаніями. Такимъ образомъ, волевые акты какъ бы объединяютъ собой субъективную и объективную стороны нашей психики.

Теперь мы можемъ перейти къ трудному вопросу о томъ, какія душевныя явленія возникаютъ прежде всего у ребенка. Мы не будемъ подробно останавливаться на вопросѣ о психикѣ утробнаго ребенка, такъ какъ тутъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области, руководствуются догадками. Прежде всего обыкновенно въ данномъ вопросѣ устанавливаютъ, какихъ ощущеній не хватаетъ эмбріону

сравнительно съ настоящимъ человѣкомъ. Несомнѣнно, что эмбріону недоступны зрительныя, слуховыя и обонятельныя ощущенія. Относительно остальныхъ ощущеній дѣло ограничивается очень шаткими догадками.

Для того, чтобы иллюстрировать, къ какимъ неточнымъ и двусмысленнымъ выводамъ приводятъ наблюденія въ этомъ направленіи, я позволю себѣ привести въ примѣръ, какъ рѣшается нѣкоторыми учеными вопросъ о существованіи термическихъ ощущеній у эмбріона. Льюисъ, рѣшая его въ положительномъ смыслѣ, приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія слѣдующій фактъ. Онъ говоритъ, что, если на пятомъ мѣсяцѣ беременности, когда замѣчаются первыя движенія плода, положить что-нибудь холодное на животъ матери,—то сейчасъ же ребенокъ начинаетъ двигаться. Значитъ, заключаетъ Льюисъ, зародышъ чувствуетъ холодъ и содрогается. Но это движеніе ребенка гораздо проще можно объяснить рефлекторнымъ движеніемъ матери при ощущеніи холода, и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ термическимъ ощущеніемъ у плода, а съ результатомъ механическаго толчка.

Въ первые дни жизни у ребенка явно обнаруживается эмоціональный характеръ психическихъ проявленій. Мы можемъ лучше всего убѣдиться въ этомъ изъ описанія Прейера, который изслѣдовалъ чувство свѣта у новорожденнаго младенца. Прейеръ нашелъ, что ребенокъ ясно обнаруживаетъ неудовольствіе, когда его удаляютъ отъ свѣта, и наоборотъ, лицо его пріобрѣтаетъ спокойное, довольное выраженіе при приближеніи къ свѣту. Въ этомъ наблюденіи интересно то, что изслѣдователь не задавался цѣлью наблюдать эмоціональную сторону жизни младенца, и тѣмъ не менѣе во всѣхъ его описаніяхъ бросается въ глаза именно это преобладаніе эмоцій у ребенка. То же самое мы наблюдаемъ и въ болѣе поздній періодъ жизни дѣтей. Въ этомъ отношеніи цѣнной работой является изслѣдованіе Меймана „Entstehung der ersten Wortbedeutung beim Kinde“, гдѣ авторъ, на основаніи изученія развитія дѣтской рѣчи, приводитъ насъ къ тому же выводу. Мейманъ доказываетъ, въ противоположность психологамъ стараго времени, что первыя слова ребенка чисто эмоціональнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, если ребенокъ въ первый разъ произноситъ слово—„кукла“, то это означаетъ „кукла нравится“, „хочу взять куклу“, и т. п., но отнюдь не простое констатированіе факта, что такой то предметъ носитъ названіе куклы.

II.

Движенія ребенка и психологическая цѣнность ихъ.

Судить о душевной жизни новорожденнаго ребенка можно по реакціямъ, которыя онъ обнаруживаетъ въ первые дни своей жизни. Но тутъ является вопросъ: какое значеніе слѣдуетъ придавать съ психологической точки зрѣнія тѣмъ движеніямъ, которыя наблюдаются у новорожденнаго ребенка. Всякій знаетъ, что у ребенка можно подмѣтить съ самаго появленія на свѣтъ множество рефлексовъ, какъ то: сокращеніе зрачка, отдергиваніе рукъ или ногъ при прикосновеніи, вздрагиваніе при сильныхъ звукахъ и т. п. Новорожденный ребенокъ очень подвиженъ, но многія изъ его движеній кажутся на первый взглядъ совершенно безполезными и неупорядоченными. Если предоставить младенца самому себѣ, то онъ будетъ непрерывно шевелить руками и ногами, но при этомъ безпрестанно задѣвать самого себя и, несмотря на обиліе движеній, окажется совершенно безпомощнымъ. По прошествіи нѣкотораго времени замѣчается въ движеніяхъ ребенка уже нѣкоторая дифференціація: одни движенія повторяются чаще, чѣмъ другія. Наконецъ, уже въ болѣе позднемъ возрастѣ, движенія окончательно упорядочиваются; изъ всѣхъ движеній устанавливаются только нѣкоторыя, происходитъ выборъ движеній, предпочтеніе однихъ другимъ.

Какимъ образомъ совершается этотъ процессъ выбора? Самыя простыя рефлекторныя движенія ребенка могутъ быть оцѣниваемы различно съ психологической стороны. Всѣ ученые, занимавшіеся психологіей дѣтства, указываютъ на существованіе рефлексовъ у ребенка. Но тутъ возникаетъ вопросъ: что такое представляетъ собой этотъ рефлексъ, какая его психологическая цѣнность. Несомнѣнно, что и у взрослаго человѣка можно подмѣтить много рефлекторныхъ движеній, но и тутъ эти рефлексы бываютъ различны, смотря по тому, какую роль при этихъ процессахъ играетъ сознаніе. Существуютъ такія рефлекторныя движенія, которыя совершаются совершенно безсознательно и абсолютно не подчиняются нашей волѣ. Таковы, напримѣръ, движенія мускуловъ глаза при сокращеніи зрачка. На ряду съ этимъ мы имѣемъ множество рефлексовъ, которые, хотя и совершаются всегда непроизвольно, но могутъ нами сознаваться. Примѣромъ этого служатъ регулярныя движенія сердца. Кромѣ этого, есть рефлексы, сознаваемые нами и отчасти, хотя и не всегда, допускающіе вліяніе со стороны нашей воли. Таковы движенія дыханія, которыя мы иногда можемъ произвольно задерживать. Наконецъ, наблюдаются и такіе рефлексы, которые совер-

шаются всегда съ полнымъ сознаніемъ и въ сильной степени подчинены нашей волѣ. Примѣромъ такого рода движеній являются голосовые рефлексы, связанные съ рѣчью.

Такимъ образомъ, еще мало установить фактъ, что новорожденный младенецъ совершаетъ рефлекторныя движенія. Надо еще выяснить, какого рода эти рефлексы, сознаются-ли они ребенкомъ, подчиняются-ли его волѣ, или-же протекаютъ совершенно безсознательно и непроизвольно.

Если мы будемъ анализировать психическую природу реакцій у взрослаго, что, конечно, гораздо легче сдѣлать, чѣмъ разрѣшить этотъ вопросъ исключительно на данныхъ дѣтской психологіи, то увидимъ, что тутъ существуетъ два пути, по которымъ совершается видоизмѣненіе рефлекторнаго и сознательнаго дѣйствія. Во-первыхъ, безсознательное импульсивное дѣйствіе можетъ съ развитіемъ разсудочной дѣятельности, стать сознательнымъ и даже произвольно совершаться или задерживаться нами. Во-вторыхъ, многія дѣйствія, которыя взрослыми производятся совершенно безсознательно, механически, прежде совершались сознательно и были заучены. Напримѣръ, движенія ногъ при танцахъ первоначально выполняются сознательно и даже съ нѣкоторымъ трудомъ, но по мѣрѣ повторенія движенія эти производятся все съ большей легкостью, пока, наконецъ, не устанавливается полная механизація процесса, протекающаго уже безъ участія сознанія. Такая механизація движеній является большимъ удобствомъ въ человѣческой жизни, такъ какъ способствуетъ сохраненію времени и труда.

Возвращаясь къ дѣтской психологіи, мы невольно задаемся вопросомъ, на какой-же почвѣ возникаютъ первыя движенія ребенка? На это можно дать категорическій отвѣтъ: первыя движенія ребенка имѣютъ чисто импульсивный характеръ. Но затѣмъ можетъ наступить моментъ, когда извѣстное движеніе начинаетъ совершаться подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія. Напримѣръ, ребенокъ начинаетъ поворачивать голову по направленію къ свѣту. Это, конечно, тоже рефлекторное движеніе, но представляющее собой реакцію на впечатлѣніе, полученное изъ внѣшняго міра. Далѣе мы наблюдаемъ еще болѣе сложный процессъ: годовалый ребенокъ отвѣчаетъ улыбкой на улыбку матери. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ инстинктивнымъ движеніемъ, но имѣющимъ уже характеръ подражанія, совершающагося подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, подражаніе все болѣе и болѣе вступаетъ въ силу. Такъ, трехлѣтній ребенокъ, подходящій къ взрослому съ пріятной улыбкой, нерѣдко уже сознательно воспроизводитъ извѣстное выраженіе лица, думая, что оно можетъ способствовать удовлетворенію его просьбы.

Мы видимъ, что къ стадіи инструктивныхъ дѣйствій тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ стадія подражанія, которая въ свою очередь смѣняется сознательнымъ поступкомъ; но нельзя сказать, чтобы подражаніе совершенно вытѣсняло инстинктъ изъ сферы нашей дѣятельности и, въ свою очередь, терялось въ волевыхъ актахъ. Наоборотъ, между этими моментами существуетъ постоянное взаимодѣйствіе. Въ каждомъ подражательномъ дѣйствіи много инстинктивнаго, и въ каждомъ волевомъ актѣ участвуетъ подражаніе. Стоитъ только внимательно присмотрѣться къ тому, почему ребенокъ подражаетъ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ, и мы увидимъ, что онъ подражаетъ тому, что соотвѣтствуетъ его инстинктамъ. Съ другой стороны, сознательные поступки дѣтей часто вызываются подражаніемъ, или они пользуются воспроизведеніемъ того или другого дѣйствія, имѣя въ виду достиженіе извѣстной цѣли. Тутъ-то и имѣетъ значеніе тотъ моментъ, который мы обозначили словомъ „выборъ".

Какова роль подражанія въ дѣтской психической жизни и какіе другіе психическіе моменты тутъ участвуютъ,—легче всего изучить на вопросѣ о дѣтской игрѣ.

Приступая къ этому вопросу, необходимо прежде всего дать опредѣленіе понятія игры. Самымъ распространеннымъ въ психологіи опредѣленіемъ игры было долгое время опредѣленіе Канта, который противополагалъ игру серьезнымъ занятіямъ или работѣ. Вотъ что говоритъ Кантъ по этому поводу въ своихъ лекціяхъ по педагогикѣ.

„При работѣ пріятно не самое занятіе, но оно предпринимается въ силу какого-нибудь посторонняго соображенія. Наоборотъ, въ игрѣ пріятно самое занятіе, которое производится безъ всякой внѣшней цѣли. Когда мы гуляемъ, то наслаждаемся самой прогулкой и въ такомъ случаѣ, чѣмъ дольше оно продолжается, тѣмъ для насъ пріятнѣе. Но если мы идемъ куда-нибудь въ гости, то цѣлью нашего пути является общество, собравшееся въ извѣстномъ мѣстѣ, и въ этомъ случаѣ мы охотнѣе избираемъ кратчайшую дорогу".

Такимъ образомъ, Кантъ видитъ различіе между игрой и работой въ отсутствіи внѣшней цѣли въ первомъ случаѣ и цѣлесообразности во второмъ. Говоря иными словами, игра по Канту является чѣмъ-то самодовлѣющимъ, самоцѣлью, въ то время какъ работа представляетъ собой только средство для достиженія извѣстной цѣли.

Дѣйствительно, среди дѣтскихъ игръ встрѣчаются такія, въ которыхъ этотъ контрастъ ясно выступаетъ наружу, и которыя поэтому какъ бы подтверждаютъ опредѣленіе Канта. Возьмемъ такую игру, какъ игра въ лошадки. Конечно, ребенокъ, взявшій на себя роль

кучера, забавляется самымъ процессомъ игры и при этомъ производитъ рядъ дѣйствій, которыя онъ наблюдалъ у настоящаго кучера или извозчика, совершавшихъ всѣ эти дѣйствія не ради ихъ самихъ, а для извѣстныхъ постороннихъ цѣлей. Но на ряду съ этимъ мы имѣемъ рядъ игръ, болѣе сложныхъ, въ которыхъ играющимъ ставится нѣкоторая внѣшняя цѣль, и которыя отъ этого нисколько не теряютъ своей привлекательности. Возьмемъ, напримѣръ, такую игру какъ крокетъ, гдѣ всѣ дѣйствія играющихъ являются средствомъ для достиженія извѣстной опредѣленной цѣли. Несомнѣнно, что крокетъ тоже слѣдуетъ считать игрой, хотя удовольствіе, доставляемое имъ, не исчерпывается однимъ только процессомъ игры. Такіе примѣры заставляютъ насъ задуматься надъ опредѣленіемъ Канта и признать его нѣсколько условнымъ.

Съ другой стороны, среди серьезныхъ вполнѣ цѣлесообразныхъ дѣйствій взрослыхъ людей можно отмѣтить такія, которыя по своему характеру сильно приближаются къ игрѣ. Бываютъ люди, которые, занимая извѣстныя должности, совершая серьезную работу, интересуются не столько результатами этой работы, сколько своимъ общественнымъ положеніемъ. Такимъ образомъ, хотя ихъ работа и имѣетъ извѣстную объективную цѣль, но они ее какъ бы игнорируютъ и главное удовольствіе находятъ не въ достиженіи нужной цѣли, а въ той обстановкѣ, въ какой имъ приходится работать. Сами они большею частью не сознаютъ истиннаго характера своей дѣятельности, но за то онъ часто отлично сознается окружающими, которые обыкновенно и выражаютъ мнѣніе, что такое-то лицо въ сущности не работаетъ, а играетъ.

Въ этомъ сужденіи, очевидно, сказывается точка зрѣнія Канта, такъ какъ здѣсь отмѣчается именно тотъ фактъ, что данное лицо интересуется не результатами труда, а извѣстнымъ процессомъ. Но изъ этого же примѣра видно, что кантовское опредѣленіе въ высшей степени условно, въ особенности же въ примѣненіи къ дѣтямъ, вся дѣятельность которыхъ въ сущности сводится къ игрѣ, и гдѣ, слѣдовательно, нечему противопоставить эту игру.

Итакъ, игра, въ обыденномъ смыслѣ слова, охватываетъ всю дѣятельность дѣтей. Какъ же слѣдуетъ понимать ея происхожденіе и смыслъ? Мы часто можемъ наблюдать, что ребенокъ совершаетъ цѣлый рядъ ненужныхъ, съ нашей точки зрѣнія, и совершенно безполезныхъ дѣйствій—напримѣръ, въ теченіе долгаго времени передвигаетъ съ мѣста на мѣсто стулья или рветъ бумагу. Дѣйствія эти безполезны какъ для него самого, такъ и для окружающихъ; у взрослаго человѣка они показались бы по меньшей мѣрѣ странными. Въ дѣтяхъ же кажутся ничуть не удивительными и просто отно-

сятся нами къ числу игръ, т. е. считаются чѣмъ то вполнѣ естественнымъ. Но тутъ невольно возникаетъ вопросъ: откуда же берутся эти дѣйствія и что они означаютъ?

Относительно происхожденія игры существуетъ нѣсколько теорій. Въ нѣмецкой литературѣ долго господствовалъ взглядъ, высказанный впервые Штейнталемъ и Лацарусомъ, что игра есть результатъ стремленія къ отдыху. Эта точка зрѣнія, вполнѣ примѣнимая къ объясненію игры у взрослыхъ, оказывается совершенно невѣрной по отношенію къ дѣтскимъ играмъ. Дѣтямъ не отчего отдыхать, ибо, какъ было уже отмѣчено, вся жизнь ихъ, за исключеніемъ необходимаго времени для сна и пищи, проходитъ въ играхъ, которыя скорѣе приближаются къ играмъ животныхъ, чѣмъ къ играмъ взрослаго человѣка.

Очень распространенной теоріей происхожденія игры являлась долгое время теорія Спенсера. Онъ полагалъ, что въ основѣ всякой игры лежитъ избытокъ нервной энергіи, ищущей себѣ исхода. Главнѣйшимъ стимуломъ животной дѣятельности, по мнѣнію Спенсера, является инстинктъ самосохраненія. У высшихъ животныхъ, благодаря всесторонне развитому организму, сохраненіе существованія достигается сравнительно легко и не требуетъ постояннаго напряженія всѣхъ его силъ. Вслѣдствіе этого у нихъ происходитъ экономія энергіи, которая, накопляясь, достигаетъ извѣстнаго напряженія и естественно стремится къ разряду. Если для этого разряда не представляется никакой серьезной цѣли, то излишекъ энергіи находитъ себѣ исходъ въ игрѣ.

Уже среди сторонниковъ Спенсера раздавались возраженія противъ такого пониманія игры. Такъ, напримѣръ, Карръ указалъ на тотъ фактъ, что игра не всегда предполагаетъ избытокъ энергіи. Игра можетъ продолжаться и въ состояніи утомленія и тѣмъ не менѣе доставлять удовольствіе играющимъ. Соглашаясь съ тѣмъ положеніемъ Спенсера, что постоянно накопляемая энергія должна разрядиться въ какомъ-нибудь внѣшнемъ дѣйствіи, Карръ слѣдующимъ образомъ предлагаетъ измѣнить теорію Спенсера: онъ указываетъ на то, что могутъ быть внѣшнія обстоятельства, вызывающія реакцію, которая совершается легче въ опредѣленномъ, привычномъ направленіи. Игра, по мнѣнію Карра, и представляетъ собою такую легчайшую реакцію на внѣшнее впечатлѣніе, которое обусловливаетъ извѣстный характеръ этой реакціи, выработанный первоначально подъ вліяніемъ упражненія.

Тутъ становится болѣе яснымъ отношеніе подражательныхъ дѣйствій ребенка къ инстинкту. Надо помнить, что свободныя игры дѣтей сводятся къ ряду подражательныхъ дѣйствій. Какъ же созда-

ются эти игры и что служитъ первымъ источникомъ удовольствія въ игрѣ?

Для выясненія этого вопроса, возьмемъ какой-нибудь примѣръ изъ дѣтской жизни. Извѣстно, что, если передъ маленькимъ ребенкомъ, которому не минуло еще года, продѣлывать нѣсколько разъ одно и то же движеніе, то это повтореніе вызываетъ въ немъ живѣйшее удовольствіе. Если мы, напримѣръ, просунемъ голову въ дверь изъ другой комнаты, кивнемъ младенцу головой, спрячемся опять и повторимъ эти движенія нѣсколько разъ подъ рядъ, то повторенія эти, въ глазахъ ребенка, скоро примутъ значеніе игры, и онъ будетъ привѣтствовать ихъ самымъ радостнымъ образомъ. Что въ данномъ случаѣ понравилось ребенку? Анализируя этотъ фактъ, мы прежде всего приходимъ къ заключенію, что воспріятіе ребенка было неодинаково ясно во всѣхъ случаяхъ повторенія. Движенія заигрывающаго съ нимъ лица прояснялись для него съ каждымъ повтореніемъ, пока онъ получилъ способности предугадывать эти движенія. Такимъ образомъ, все дѣло сводится здѣсь къ проясненію впечатлѣнія и облегченію процесса воспріятія. Что объясненіе это дѣйствительно вѣрно, можно видѣть изъ того, что аналогичные факты мы наблюдаемъ и у взрослыхъ: когда взрослые заучиваютъ хотя бы какія-нибудь сложныя движенія, то каждое повтореніе совершается ими все съ большей легкостью, и это постепенное облегченіе процесса всегда сопровождается чувствомъ возростающаго удовольствія. Это относится не только къ физическимъ упражненіямъ, но ко всякаго рода заучиванію вообще.

Но не только повторное воспріятіе чужихъ движеній доставляетъ ребенку удовольствіе. Извѣстно, что дѣти любятъ повторять одни и тѣ же дѣйствія и могутъ проводить долгое время въ томъ, что разрываютъ, напримѣръ, одинъ за другимъ листы бумаги. Тутъ дѣло сводится въ сущности къ тому же процессу: каждое повторное движеніе сопровождается чувствомъ облегченія и связаннымъ съ нимъ удовольствіемъ, такъ какъ ребенокъ получаетъ способность предугадывать эффектъ своихъ дѣйствій. Поэтому то дѣти очень не любятъ, когда результатъ не совпадаетъ съ заранѣе составленнымъ предположеніемъ. Это часто можно наблюдать на болѣе сложныхъ играхъ. Двухлѣтній ребенокъ, напримѣръ, играя въ прятки, прячется всегда въ одно и то же мѣсто и обнаруживаетъ странный педантизмъ въ своемъ требованіи, чтобы удивленіе нашедшаго выражалось всегда въ однихъ и тѣхъ же формахъ.

На этихъ примѣрахъ обнаруживается взаимоотношеніе подражанія и импульсивныхъ влеченій ребенка. Оно создается при посредствѣ внѣшней среды, изъ которой ребенокъ получаетъ впеча-

тлѣнія. Повтореніе этихъ впечатлѣній, вслѣдствіе облегченія процесса воспріятія, доставляетъ ребенку удовольствіе, которое усиливается благодаря способности ребенка предугадывать извѣстнаго рода дѣйствія. Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда удовольствіе становится желательнымъ для ребенка, и онъ сознательно начинаетъ требовать повторенія даннаго дѣйствія, а затѣмъ уже пріобрѣтаетъ способность воспроизводить понравившееся ему движеніе.

Что касается смысла игры, значенія ея для дѣтскаго развитія, то относительно этого существуетъ два главныхъ мнѣнія. Спенсеръ и его школа отрицаютъ всякую пользу игры. Наоборотъ, Гросъ, соглашаясь со многими положеніями Спенсера, категорически расходится съ нимъ въ этомъ пунктѣ. По его мнѣнію, если бы игра была совершенно безполезна, то слѣдовало бы по возможности искоренять ее, замѣнять болѣе цѣлесообразными занятіями. Соглашаясь съ противоположеніемъ игры работѣ, въ томъ видѣ, какъ его установилъ Кантъ, Гросъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что игра есть своеобразное средство естественнаго самовоспитанія дѣтей и, какъ таковое, имѣетъ огромное біологическое значеніе. Дѣло въ томъ, что въ игрѣ ребенокъ упражняется въ такихъ движеніяхъ и пріобрѣтаетъ такіе навыки, которые необходимы для его дальнѣйшаго существованія. Съ этой точки зрѣнія, игра имѣетъ такое же значеніе, какъ и школьныя упражненія, которыя нужны ученику въ качествѣ подготовки къ воспріятію такихъ знаній, которыя уже непосредственно будутъ примѣняться имъ въ жизни.

А. П. Нечаевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Къ дефектамъ средней школы.

(Записки учителя).

Внѣклассное чтенiе и библiотеки.

Внѣклассное необязательное чтенiе есть могущественный факторъ умственнаго и нравственнаго развитiя учащейся молодежи низшей, средней и даже высшей школы. Какая разница въ духовномъ обликѣ читающаго и не читающаго ученика! Я готовъ сказать, что низшее и среднее образованiе безъ внѣкласснаго чтенiя книгъ теряетъ очень значительную часть своей цѣнности. Тѣ 50% молодыхъ людей, окончившихъ среднюю школу, о которыхъ говорится, какъ объ умѣющихъ болѣе или менѣе правильно выражать свои мысли, вѣроятно, много обязаны своимъ умственнымъ развитiемъ внѣклассному чтенiю.

И вотъ такое сильное средство интеллектуальнаго воспитанiя учащихся въ нашихъ гимназiяхъ и реальныхъ училищахъ поставлено въ большинствѣ случаевъ очень плохо. Ученическiя библiотеки ведутся не достаточно рацiонально, а руководительство чтенiемъ со стороны школы еще того хуже.

Веденiе ученической библiотеки обыкновенно поручается преподавателю, состоящему библiотекаремъ фундаментальной библiотеки или одному изъ помощниковъ классныхъ наставниковъ и считается дѣломъ второстепеннымъ, а иногда даже пустой затѣей и во всякомъ случаѣ обузой, отъ которой, къ сожалѣнiю, нельзя отдѣлаться, потому что это несовременно.

За завѣдыванiе ученической библiотекой обыкновенно платятъ 120 рублей въ годъ, а иногда и меньше. Я знаю гимназiю, гдѣ одинъ помощникъ классныхъ наставниковъ состоитъ библiотекаремъ болѣе 15 лѣтъ и не получаетъ за свой трудъ ни копейки. Всѣмъ извѣстно, что помощники классныхъ наставниковъ у многихъ директоровъ являются чиновниками, какъ бы стоящими внѣ покровительства закона. Воля директора для нихъ законъ. На помощника класс-

ныхъ наставниковъ возлагается иногда такая масса работы, что они удѣляютъ службѣ по 12 и болѣе часовъ въ день, при чемъ начальство въ большинствѣ случаевъ не стѣсняется и заставляетъ помощниковъ исполнять такія порученія, которыя по закону не входятъ въ кругъ обязанностей этого должностного лица. Если преподаватели не находятъ для себя желательнымъ вести ученическую библіотеку, то обыкновенно передаютъ помощнику классныхъ наставниковъ, и хорошо еще, если при этомъ уступаютъ ему тѣ 120 рублей, которые полагаются за завѣдываніе ученической и фундаментальной библіотекой.

Въ большинствѣ же случаевъ, библіотекарь фундаментальной (учительской) библіотеки получаетъ не меньшее вознагражденіе противъ библіотекаря ученической библіотеки, хотя дѣла у него въ десять разъ меньше. Можно ли ожидать отъ „подневольнаго", особенно не вознаграждаемаго за труды или мало вознаграждаемаго библіотекаря любовнаго и старательнаго отношенія къ дѣлу?

Вѣдь, у добросовѣстнаго библіотекаря ученической библіотеки дѣла очень много, и обязанности его весьма серьезны. Кромѣ выдачи и пріема книгъ и очень кропотливаго наблюденія за тѣмъ, хорошо ли дѣти обращаются съ книгой, не рвутъ ли, не пачкаютъ ли ее, не дѣлаютъ ли надписей, ему нужно просматривать вновь пріобрѣтаемыя въ библіотеку книги, чтобы знать ихъ содержаніе и характеръ изложенія, дабы быть въ курсѣ дѣла и знать, какую книгу можно рекомендовать къ прочтенію тому или иному изъ его читателей, когда онъ обращается къ библіотекарю за совѣтомъ. Затѣмъ библіотекарю необходимо наблюдать, всегда ли читаетъ ученикъ тѣ книги, которыя беретъ и почему иногда не читаетъ. Бесѣды съ учащимися библіотекаря - руководителя по поводу прочитаннаго, совѣты его, даваемые ученику о томъ, что и какъ читать, могли бы имѣть чрезвычайно важное и жизненное значеніе для учащихся.

Быть хорошимъ библіотекаремъ значитъ быть первымъ лицомъ въ учебномъ заведеніи по силѣ вліянія на умственное и нравственное развитіе учащихся. Но матеріальное и служебное положеніе такого библіотекаря должно соотвѣтствовать его значенію. Его трудъ долженъ оплачиваться цѣною не менѣе той, какую получаютъ учителя за 6, за 10 недѣльныхъ уроковъ. При этомъ необходимъ, конечно, надъ библіотекаремъ разумный контроль педагогическаго совѣта съ той цѣлью, чтобы должность эта не была синекурой, подобно тому, какъ нынѣ въ иныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ разныя добавочныя вознагражденія (за поправку письменныхъ работъ по древнимъ языкамъ, за опыты по физикѣ, за приготовленіе препаратовъ по естествовѣдѣнію, наставничество и пр.) обращаются въ простую

прибавку учителю жалованья безъ всякаго соотвѣтственнаго труда съ его стороны.

Большинство библіотекарей ученическихъ библіотекъ „конца вѣка“ можно раздѣлить по ихъ качеству на двѣ категоріи, — добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ. При томъ ничтожномъ вознагражденіи за трудъ библіотекаря, который установленъ въ нашей средней общеобразовательной школѣ, многаго требовать отъ библіотекаря нельзя. Если библіотекарь выдаетъ безъ задержекъ желающимъ ученикамъ книги, болѣе или менѣе тщательно наблюдаетъ за сохранностью книгъ, изрѣдка даетъ совѣтъ ученику, какую ему лучше взять для прочтенія книгу, то про такого библіотекаря можно сказать, что онъ получаетъ деньги даромъ. Къ сожалѣнію, и такихъ библіотекарей въ послѣднее время въ нашей школѣ было немного. О настоящихъ, „идейныхъ“ библіотекаряхъ не было-что то и вовсе слышно; они ужъ давно перевелись, съ тѣхъ поръ какъ подозрительное отношеніе ко всякому сближенію учителя съ учениками воцарилось въ средней школѣ. Идейные библіотекари, при царствовавшей въ нашей школѣ до самаго послѣдняго времени системы образованія, давно уже причислены къ „неблагонадежнымъ элементамъ“ и выведены изъ строя школы, а руководительство чтеніемъ учащихся перешло къ „внѣшкольнымъ развивателямъ“, или же его и вовсе не существуетъ. Идейные библіотекари кое-гдѣ, въ глуши, еще уцѣлѣли въ городскихъ училищахъ и женскихъ прогимназіяхъ, какъ „недосмотръ“ со стороны гг. начальствующихъ лицъ, но и о нихъ съ каждымъ годомъ слышно все рѣже и рѣже. Замѣчательно, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ библіотекари обыкновенно не получаютъ вознагражденія за свой трудъ, а если гдѣ и получаютъ, то ничтожные гроши, и при всемъ томъ хорошіе работники для этого дѣла находились. Такова сила „идейности“ въ жизни! Въ послѣднее время Министерство Народнаго Просвѣщенія обратило вниманіе на постановку внѣкласснаго чтенія учащихся и издало года три тому назадъ весьма хорошій „циркуляръ“ по этому вопросу, но дѣйствіе циркуляра оказалось ничтожнымъ. Современный педагогическій составъ средней школы можетъ дать весьма малый процентъ людей, которые могутъ посвятить себя за ничтожное вознагражденіе столь трудному дѣлу, да и требовать за 120 рублей въ годъ такого сложнаго труда отъ преподавателей нельзя, безкорыстныхъ же идеалистовъ теперь въ нашей школѣ встрѣтить не легко, да и тѣ, напуганные прошлымъ, сидятъ и дрожатъ подобно щедринскимъ пискарямъ, не смѣя довѣриться призыву „хорошаго“ циркуляра: министръ далеко, а ближайшее начальство въ большинствѣ случаевъ — „за-

служенное“ и вредныхъ затѣй не долюбливаетъ: того и гляди, попадешь въ просакъ.

Къ недобросовѣстнымъ библіотекарямъ ученическихъ библіотекъ я причисляю слѣдующихъ изъ нихъ. Вотъ библіотекарь изъ преподавателей, который всячески старается отвильнуть отъ выдачи книгъ дѣтямъ. Предлоги для этого у него находятся всегда, и самые разнообразные: то ему—„что-то нездоровится“, то въ библіотекѣ будутъ мыть полъ, то ему необходимо провѣрить и просмотрѣть книги или у него есть „порученія“ отъ начальства, или ему надо подготовиться къ педагогическому совѣту и т. п.

Но такъ какъ ученики очень часто не довѣряли его отговоркамъ и настойчиво „приставали“ къ нему съ просьбой о выдачѣ книжекъ, то педагогъ часто поступалъ такъ: бралъ на послѣдній урокъ въ классъ свою шапку и шарфъ, чтобы успѣть поскорѣе, безъ всякой задержки, послѣ окончанія урока, надѣть шубу и убѣжать домой, незамѣченнымъ учениками, благо они нѣсколько дольше позадерживаются въ училищѣ чтеніемъ молитвы послѣ ученія и порядкомъ отпуска.

А вотъ другого сорта библіотекарь. Этотъ господинъ обыкновенно поручаетъ выдачу книгъ кому-либо изъ учениковъ старшихъ классовъ, а также дозволяетъ ученикамъ „мѣняться“ взятыми книгами, при этомъ иная ходитъ по рукамъ всю зиму; трудъ преподавателя при такомъ порядкѣ выдачи книгъ сокращается до minimum'а. Такіе библіотекари въ три четыре года обыкновенно доводятъ состояніе библіотеки до полнаго упадка. Книги треплются и рвутся, картинки изъ нихъ вырываются, листы теряются, пачкаются и исписываются нерѣдко нелитературными словами и предложеніями. Наконецъ, книги, вслѣдствіе отсутствія наблюденія, преждевременно износившіяся, списываются изъ инвентаря въ расходъ, какъ изветшалыя „отъ употребленія“; также обыкновенно поступаютъ и съ утраченными по небрежности библіотекаря книгами. Не взыскивать же деньги съ товарищей!

Вотъ результаты такой дѣятельности подобныхъ библіотекарей: непроизводительная трата училищныхъ средствъ на жалованье библіотекарю и выписку книгъ, иллюзія въ глазахъ начальства, которое, видя, что въ расходъ выписывается много изношенныхъ книгъ, заключаетъ, что ученики усердно читаютъ, и, наконецъ, самый главный и печальный результатъ подобнаго веденія тотъ, что многіе ученики вовсе перестаютъ читать, такъ какъ, беря для прочтенія ту или другую книжку, они не находятъ въ ней многихъ листовъ и мало-по-малу теряютъ всякую охоту брать книги; другіе же ученики принуждены бываютъ брать книги на сторонѣ, у знако-

мыхъ или въ публичныхъ библіотекахъ, при чемъ часто читаютъ безъ опытнаго руководительства или имъ попадаются книги не только безполезныя, но и вредныя для ихъ умственнаго и нравственного развитія, или же, еще хуже, учащіеся попадаютъ подъ вліяніе „руководителей“ чтенія изъ посторонних школѣ лицъ.

Выписка книгъ для ученическихъ библіотекъ очень часто производится не достаточно тщательно, вслѣдствіе чего составъ этихъ библіотекъ не всегда удаченъ. Многія книги учениками не читаются, какъ скучныя, неинтересныя или непонятныя для нихъ, тѣмъ болѣе, что безъ руководства со стороны учителя книги берутся учениками только, судя по внѣшности или заглавію, чѣмъ, впрочемъ, при выпискѣ книгъ часто руководствуются и сами библіотекари.

Какихъ-либо наблюденій за тѣмъ, какія книги охотнѣе читаются учащимися, какія книги производятъ наиболѣе сильное и благотворное впечатлѣніе на учащихся, какой получается результатъ отъ внѣкласснаго чтенія, педагогами не производится.

Между тѣмъ, душа молодыхъ людей очень воспріимчива къ прочитываемому ими. Всѣмъ извѣстны случаи бѣгства дѣтей въ преріи Америки подъ вліяніемъ соч. Майнъ-Рида или попытки ухода учащихся юношей въ босяки подъ впечатлѣніемъ чтенія сочиненій Горькаго. Съ какой-бы пользой для учащихся можно было пользоваться библіотекарю-педагогу такой впечатлительностью молодыхъ душъ, и сколько можно было-бы извлечь полезнаго изъ систематическихъ наблюденій за чтеніемъ учащихся!

Выборъ и выписка книгъ для ученической библіотеки производятся большею частью безъ всякой системы и носятъ чисто случайный характеръ. Составитъ библіотекарь или кто-нибудь изъ преподавателей списокъ книгъ, которыхъ по ихъ мнѣнію было-бы полезно пріобрѣсти для библіотеки, и представятъ въ педагогическій совѣтъ на разсмотрѣніе; совѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, выписку одобряетъ, такъ какъ книги выбираются изъ „допущенныхъ“ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, да и кромѣ того, списокъ представляется еще на утвержденіе попечителя округа, безъ представленія на благоусмотрѣніе котораго, какъ извѣстно, не обходится ни одно постановленіе совѣта, если оно даже сдѣлано на основаніи строго опредѣленныхъ указаній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Педагогическій совѣтъ обыкновенно сокращаетъ списокъ только въ томъ случаѣ, если иниціаторъ выписки книгъ предполагаетъ пріобрѣсти ихъ на болѣе или менѣе значительную сумму; это дѣлается въ видахъ экономіи: деньги можно-де употребить болѣе производительно.

Въ округѣ частенько бываютъ вычеркиванія изъ списка, предположенныхъ къ пріобрѣтенію въ ученическую библіотеку книгъ, на томъ, вѣроятно, основаніи, что и допущенныя Министерствомъ книги, не всегда признаются полезными для дѣтей, такъ какъ онѣ иногда попадаютъ въ списки дозволенныхъ въ дни случайныхъ „вѣяній", а слѣдовательно, не могутъ быть терпимы во всякое время. Такъ, напримѣръ, однимъ циркулярнымъ распоряженіемъ было велѣно изъять изъ ученическихъ библіотекъ сочиненія Добролюбова, а другой циркуляръ рекомендовалъ знакомить учениковъ съ сочиненіями этого писателя. Педагогическій совѣтъ Н—ой женской гимназіи постановилъ выписать въ ученическую библіотеку собраніе сочиненій этого автора, но г. попечитель учебнаго округа вычеркнулъ изъ списка собраніе сочиненій Добролюбова, какъ „изъятое" изъ числа дозволенныхъ. Учительскія или такъ называемыя фундаментальныя библіотеки поставлены болѣе „свободно", чѣмъ ученическія, хотя не безъ трогательныхъ заботъ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія и особенно со стороны учебно-окружного начальства, о соблюденіи чистоты мысли и благонравія гг. заслуженныхъ и незаслуженныхъ, но всегда патентованныхъ педагоговъ средней школы.

По правиламъ въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній позволяется пріобрѣтать всѣ книги, дозволенныя цензурой, но съ разрѣшенія г. попечителя учебнаго округа.

Когда и кѣмъ установлено, чтобы списки книгъ, предназначенныхъ къ выпискѣ въ фундаментальныя библіотеки, предварительно посылались для просмотра въ учебно-окружное управленіе, я не знаю, но „просмотръ" этихъ списковъ разнозначащъ большому ограниченію самостоятельности педагогическихъ совѣтовъ.

Прежде всего, въ принципѣ, воспрещается пріобрѣтать въ фундаментальную библіотеку общелитературные журналы, беллетристическія сочиненія (исключая классиковъ), публицистическія и т. п. Можно было-бы думать, что это распоряженіе сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы сохранить училищныя средства, необходимыя на пополненіе библіотеки научными и педагогическими сочиненіями, которыя должны служить пособіемъ преподавателямъ по ихъ спеціальностямъ. На самомъ дѣлѣ мотивъ оказывается не тотъ, потому что это ограниченіе простирается лишь на нѣкоторыя періодическія и иныя изданія, другія-же пріобрѣтать дозволяется и даже усиленно рекомендуется, напримѣръ, выписка „Русскаго Вѣстника", „Нивы", „Собранія сочиненій" Каткова и проч. Кромѣ того, по временамъ по распоряженію начальства производится „изъятіе" изъ библіотекъ прежде пріобрѣтенныхъ съ разрѣшенія учебно-окружного началь-

ства изданій, и эти изъятія въ общемъ касались значительнаго количества книгъ.

Мнѣ кажется, было бы не вредно дозволить педагогическому совѣту при выпискѣ книгъ быть посамостоятельнѣе, на томъ основаніи, что преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, во-первыхъ, получили высшее образованіе; во-вторыхъ, всѣ они безъ исключенія люди благонадежные; въ-третьихъ, выписка книгъ въ библіотеки производится по постановленію педагогическаго совѣта, а не по единоличному желанію; въ-четвертыхъ, запрещеніе пріобрѣтать книги, дозволенныя цензурой для всѣхъ гражданъ, является ограниченіемъ гражданскихъ правъ гг. педагоговъ; въ-пятыхъ, оно дѣлаетъ учителей людьми отсталыми, что едва-ли полезно для воспитательныхъ цѣлей, такъ какъ понижаетъ авторитетъ учащихъ въ глазахъ юношества; въ-шестыхъ, является актомъ недовѣрія къ людямъ, которымъ ввѣрено воспитаніе молодого поколѣнія. Можно было-бы сказать и въ-седьмыхъ и въ-восьмыхъ, но достаточно и этого.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ ограниченій фундаментальныя библіотеки средней школы не всегда отличаются удачнымъ подборомъ книгъ. Рядомъ съ солидными изданіями, преимущественно спеціально научнаго характера, есть много изданій, не имѣющихъ положительнаго значенія. Въ заключеніе нельзя не указать, что ученическія и фундаментальныя библіотеки тратятъ не мало денегъ на выписку книгъ, *обязательно* рекомендуемыхъ начальствомъ къ пріобрѣтенію въ библіотеки.

Конечно, отчего не обратить вниманія совѣтовъ на какую-нибудь вновь вышедшую книгу, если она обладаетъ цѣнными достоинствами, но не понимаю, почему иногда обязательно заставляютъ учебное заведеніе покупать книгу. Совѣтъ, вѣдь, не собраніе дѣтей и можетъ самъ рѣшить, нужна-ли училищу данная книга, или нѣтъ. Или ужъ наши педагоги, сіи патентованные птенцы россійской бюрократіи на столько безпомощны, что безъ опеки начальства и быть не могутъ?

Senex.

(*Продолженіе будетъ*).

Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища.

(*Продолженіе*).

III.

Въ настоящее время мы не располагаемъ, къ сожалѣнію, никакими почти свѣдѣніями о томъ, въ какой близости къ народу стояли составители положеній и программъ для нашихъ начальныхъ народныхъ училищъ, какъ они смотрѣли на этотъ народъ и какимъ его запросамъ считали необходимымъ удовлетворить путемъ созданія для начальныхъ народныхъ школъ извѣстныхъ учебно-образовательныхъ нормъ и требованій. Нѣкоторый ключъ къ разрѣшенію этого вопроса представляетъ теперь лишь самое содержаніе тѣхъ положеній и программъ, какими руководились и руководятся въ настоящее время наши начальныя народныя училища и церковно-приходскія школы, и это тѣмъ болѣе, что содержаніе этихъ учебно-образовательныхъ требованій и программъ, постепенно обновляясь и расширяясь, измѣнялось у насъ уже нѣсколько разъ и, слѣдовательно, какъ бы все болѣе и болѣе приспособлялось ко всѣмъ сторонамъ жизни народа и его требованіямъ.

Къ сожалѣнію, и этотъ совершенно доступный обслѣдованію матеріалъ не даетъ намъ такихъ указаній, какія въ отношеніи къ разсматриваемому нами предмету можно было бы признать вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ благопріятными. Нѣсколько болѣе соображеннымъ съ разнообразными условіями народнаго быта и положенія и съ тѣмъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія, на какомъ застигнутъ былъ простой народъ великой реформой 19 февраля 1861 года, можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года, а также и тѣ необыкновенно краткія и сжатыя программы, какія приложены были, въ качествѣ общаго руководства учителямъ и учительницамъ, къ экза-

меннымъ правиламъ 15 октября того же 1874 года. Здѣсь, правда, предлагались учащимъ лицамъ, какъ это мы уже и видѣли, одни лишь общія указанія на размѣры того, что должно быть достигаемо ими въ начальныхъ народныхъ училищахъ на пути ихъ школьныхъ съ дѣтьми занятій. Детальное же выясненіе, опредѣленіе и практическое выполненіе всѣхъ частностей и подробностей учебно-воспитательнаго дѣла предоставлялось Положеніемъ и экзаменными программами 1874 года уже ближайшимъ руководителямъ школъ, а также и самимъ учителямъ и учительницамъ. Но такая широкая сравнительно свобода въ выборѣ учебнаго для крестьянскихъ дѣтей матеріала и предоставляла учителямъ и учительницамъ полную возможность во всемъ сближать между собой школу и жизнь народную... И это, дѣйствительно, наблюдалось тогда на пути школьно-учебныхъ занятій, если и не во всѣхъ вообще начальныхъ народныхъ училищахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителя, учительницы и особенно всѣ ближайшіе руководители школъ достаточно правильно и широко понимали основной смыслъ предложенныхъ имъ въ руководство общихъ школьно образовательныхъ нормъ и требованій.

Менѣе счастливыми въ разсматриваемомъ отношеніи и, какъ намъ кажется, нѣсколько менѣе соображенными съ основными задачами и цѣлями начальнаго народнаго образованія были всѣ послѣдующія узаконенія и распоряженія правительства, относящіяся до начальныхъ народныхъ училищъ, хотя всѣ они и принимались въ свое время въ чисто практическихъ цѣляхъ расширенія, упроченія и болѣе опредѣленной постановки въ училищахъ и школахъ дѣла начальнаго народнаго образованія. Составленіемъ въ 1884 году особаго Положенія для церковно-приходскихъ школъ, изданіемъ для этихъ школъ особыхъ объяснительныхъ записокъ, правилъ и программъ, очень значительнымъ расширеніемъ въ 1881 и 1897 годахъ программъ для начальныхъ народныхъ училищъ, состоящихъ въ общемъ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и наконецъ изданіемъ въ 1903 году для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты новыхъ Положеній и программъ—всѣмъ этимъ имѣлось въ виду создать цѣлые разряды новыхъ народныхъ школъ, точнѣе опредѣлить для училищъ всѣхъ вообще типовъ и наименованій общіе размѣры того, что въ нихъ должно проходиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно полнѣе объединить учебно-воспитательныя задачи и цѣли ихъ дѣятельности.

Въ распоряженіяхъ по церковно-приходскимъ школамъ, въ программахъ для этихъ школъ и въ объяснительныхъ къ этимъ программамъ запискахъ еще точнѣе и опредѣленнѣе намѣчаются тѣ

специальныя цѣли, какія по преимуществу должны преслѣдоваться здѣсь и достигаться. Основной и почти единственной задачей этихъ школъ поставлялось и поставляется въ духовномъ вѣдомствѣ „воспитывать въ дѣтяхъ страхъ Божій, преподавать имъ знаніе вѣры, вселять въ сердца ихъ любовь къ святой церкви и преданность Царю и отечеству“. Въ виду этого и курсъ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ опредѣлялся и „опредѣляется направленіемъ религіозно воспитательнымъ и составомъ предметовъ по преимуществу священныхъ и церковно богослужебныхъ: наученіемъ дѣтей чтенію, чтеніемъ часослова и псалтири, пѣніемъ молитвъ и главнѣйшихъ, болѣе употребительныхъ, церковныхъ пѣснопѣній“. „Послушаніе матери Церкви, говорится, между прочимъ, въ объяснительной запискѣ объ устройствѣ церковно приходскихъ школъ, послушаніе искреннее, въ простотѣ сердца, какъ это свойственно дѣтямъ—вотъ незыблемая опора церковно-приходской школы и отличительный ея отъ всѣхъ иныхъ подобныхъ школъ характеръ“ *).

Тѣмъ не менѣе, ни созданіемъ новыхъ положеній и программъ для церковно-приходскихъ школъ, ни расширеніемъ программъ для начальныхъ училищъ, состоящихъ въ общемъ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, ни опредѣленнымъ указаніемъ на тѣ специальныя задачи и цѣли, къ достиженію которыхъ должны были по преимуществу стремиться церковно-приходскія училища, — всѣмъ этимъ не только не исчерпывались вполнѣ, но даже и не намѣчались съ достаточной опредѣленностію и полнотой всѣ тѣ образовательные запросы и требованія крестьянъ, для удовлетворенія которымъ создавались и должны были дѣйствовать наши начальныя народныя училища. Огромныя группы крестьянскаго населенія и вся крестьянская жизнь въ самыхъ типическихъ и существенныхъ своихъ проявленіяхъ не достаточно принимались во вниманіе при послѣдовательномъ устройствѣ начальныхъ народныхъ училищъ и школъ, не со всѣхъ сторонъ обхватывались этими школами и далеко не вполнѣ удовлетворялись. Дѣло начальнаго народнаго обученія создавалось и опредѣлялось въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ по готовымъ уже образцамъ школьнаго преподаванія, принятымъ въ учебныхъ заведеніяхъ средняго и низшаго типа, устраиваемыхъ для совершенно другихъ слоевъ общества, и учебныя программы первыхъ классовъ этихъ учебныхъ заведеній почти во всей полнотѣ своего содержанія переносились мало-по-малу и въ элементарныя программы начальныхъ народныхъ школъ по мѣрѣ того.

---

*) Правила и программы для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изданіе 1896 года. С.-Петербургъ. Стр. 10, 34 и 36.

какъ программы эти все болѣе и болѣе расширялись и точнѣе опредѣлялись въ своемъ содержаніи.

На выборъ учебнаго для начальныхъ народныхъ школъ матеріала и на внесеніе его въ издаваемые для этихъ школъ программы преподаванія очень вліяли также и готовые уже курсы тѣхъ предметовъ, какіе признавалось необходимымъ проходить и въ начальныхъ народныхъ училищахъ. И это было, конечно, очень естественно. Составленные въ свое время для училищъ совершенно другихъ типовъ и наименованій, курсы эти содержали, однако, въ себѣ много такого матеріала, безъ изученія котораго не могли, конечно, и не могутъ обойтись и наши начальныя народныя училища.

Но перенесеніе изъ общеобразовательныхъ учебныхъ курсовъ въ программу элементарно-школьнаго обученія самаго главнаго и существеннаго не обязывало, однако, составителей этихъ программъ всегда и со всею точностью держаться этихъ учебныхъ курсовъ и въ отношеніи ко всѣмъ послѣдующимъ ступенямъ элементарно-школьнаго обученія. За внесеніемъ въ программы начальныхъ народныхъ училищъ первыхъ элементовъ письма-чтенія, счета и т. п., безъ чего, конечно, нельзя обойтись при настоящихъ условіяхъ обученія ни въ какой школѣ, составителямъ школьныхъ положеній и программъ, въ интересахъ возможно большаго приноровленія ихъ содержанія къ жизни крестьянъ и къ ихъ потребностямъ, слѣдовало бы прежде всего и съ особеннымъ притомъ вниманіемъ остановиться на крайне низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія той народной среды, для которой создавались эти программы и положенія, принять во вниманіе чрезвычайную краткость курса начальнаго народнаго обученія, точнѣе опредѣлить размѣры того, что въ это непродолжительное время могло быть сдѣлано для крестьянскихъ дѣтей съ возможно большею для нихъ пользой, и, главное, какъ можно глубже всмотрѣться въ то, какимъ болѣе жизненнымъ нуждамъ и требованіямъ народа должна была помочь начальная народная школа, что она должна была освѣтить въ жизни крестьянскаго населенія, улучшить, измѣнить и какія новыя и болѣе чистыя теченія, она должна была въ ней намѣтить.

Къ сожалѣнію, самое подробное и самое внимательное разсмотрѣніе и изученіе нашихъ школьныхъ программъ не можетъ открыть въ ихъ содержаніи ничего почти такого, что ближайшимъ образомъ относилось бы къ простому народу, къ удовлетворенію всѣмъ умственнымъ, нравственнымъ и общественно-экономическимъ его нуждамъ и требованіямъ. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи имѣли представить собой однѣ только церковно-приходскія школы и школы грамоты. Но и этой группой школъ изъ всѣхъ разно-

образныхъ сторонъ и особенностей народной жизни взята была, какъ главная и почти единственная цѣль ихъ дѣятельности, одна только сторона,—это возможно полное и всестороннее развитіе и возвышеніе простого народа въ религіозно-нравственномъ отношеніи, къ достиженію каковой цѣли и направлены были, какъ мы уже и видѣли это, всѣ заботы руководящихъ этими школами лицъ и вся почти дѣятельность самихъ учащихъ. Но остановившись только на этомъ одномъ, они какъ бы съ намѣреніемъ не придали уже должнаго значенія всему остальному. Вслѣдствіе этого, на содержаніи программъ для школъ церковно-приходскаго типа не отразилась уже съ надлежащею полнотой ни бытовая, ни общественная, ни экономическая жизнь крестьянскаго населенія. Не отразилась на ней также и вся сумма тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ условій, въ какихъ простому народу приходится жить и дѣйствовать. Неизбѣжнымъ и совершенно естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что и главная задача церковно-приходскихъ школъ, направленная къ достиженію возможно полнаго развитія и возвышенія народа въ религіозно-нравственномъ отношеніи, не могла уже свободно и легко достигаться, какъ поставленная совершенно одиноко и не находившая уже для себя достаточно твердыхъ опоръ въ равномѣрномъ развитіи и возвышеніи всѣхъ другихъ сторонъ крестьянской жизни и дѣятельности.

Если же слѣды нѣкоторыхъ попытокъ примѣнить учебный матеріалъ къ жизни и потребностямъ крестьянскаго населенія могутъ быть усматриваемы въ той или другой мѣрѣ и въ программахъ для начальныхъ народныхъ училищъ, то это немногое съ большею или меньшею опредѣленностью можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго:

1) Въ объяснительной запискѣ къ преподаванію Закона Божія составителемъ ея совершенно основательно указывается на то, что „преподаватель закона Божія долженъ главнымъ образомъ заботиться не о суммѣ сообщаемыхъ имъ знаній, а о томъ, чтобы учащійся изъ каждаго его урока выносилъ мысль, чувство, стремленіе, способныя служить ему сѣменемъ жизни нравственно-религіозной“. Въ виду этого, въ запискѣ выражается также ея составителемъ очень вѣрное желаніе, „чтобы объясненіе дѣтямъ повседневныхъ молитвъ не имѣло даже вида урока, а было пастырской бесѣдой съ дѣтьми о душевныхъ ихъ нуждахъ, стремленіяхъ, вѣрованіяхъ, которыя находятъ въ молитвѣ самое естественное для себя выраженіе“.

2) Въ объяснительной запискѣ по предмету русскаго языка, въ совершенно практическихъ цѣляхъ сообщенія крестьянскимъ дѣтямъ нужныхъ и полезныхъ имъ въ жизни свѣдѣній, указывается въ об-

щихъ чертахъ на тотъ разнообразный матеріалъ, какой можетъ и долженъ быть предложенъ дѣтямъ на урокахъ чтенія. Кромѣ статей религіозно-нравственнаго содержанія и относящихся къ изящной словесности, сюда отнесены программой „статьи по исторіи и географіи Россіи, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ патріотизма и ознакомленію съ родиной, статьи по естествовѣдѣнію, имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, по гигіенѣ и другія дѣловыя статьи, помѣщенныя въ классной хрестоматіи“. Особенное значеніе при этомъ придается въ программѣ чтенію статей по отечественной исторіи и отечественной географіи.

3) Въ объяснительной запискѣ по предмету ариѳметики, въ интересахъ чисто практической жизни и дѣятельности крестьянъ, указывается на необходимость введенія въ курсъ начальной народной школы вычисленій съ долями, съ которыми и крестьянину приходится встрѣчаться въ жизни почти на каждомъ шагу; на обязательность ознакомленія учащихся дѣтей съ процентами, съ нахожденіемъ одного и нѣсколькихъ процентовъ данной суммы за мѣсяцъ, за годъ и за время большее года по найденной прибыли за годъ; на необходимость ознакомленія дѣтей со способами вычисленія площадей, поверхностей и объемовъ простѣйшихъ тѣлъ, на возможно большее упражненіе дѣтей въ умственномъ счисленіи, а также и въ сложеніи и вычитаніи на торговыхъ счетахъ, „такъ какъ подобныя вычисленія и развиваютъ пониманіе пріемовъ вычисленій и практически очень полезны“.

Но такихъ общихъ указаній и требованій практическаго характера въ программахъ для начальныхъ народныхъ школъ и въ объяснительныхъ къ этимъ программамъ запискахъ вообще очень немного, и они загромождены притомъ такой массой менѣе приложимаго къ жизни, иногда крайне отвлеченнаго и частью совершенно формальнаго матеріала, что на выполненіе болѣе практическихъ и жизненно болѣе цѣлесообразныхъ отдѣловъ курса элементарнаго обученія огромному большинству учащихъ лицъ уже совершенно не достаетъ ни силъ, ни времени. За многими частностями и подробностями учебныхъ программъ, вообще очень обширныхъ, преподаватель не видитъ иногда уже самаго главнаго и существеннаго. Учебный матеріалъ, не представляющій иногда по своему содержанію ничего особенно важнаго для крестьянъ и полезнаго, а иногда даже и совершенно формальный и пустой, сдавливаетъ и какъ бы совершенно закрываетъ собой все самое главное и существенное. И вотъ, поставленная въ эти условія, школа иногда какъ бы совсѣмъ уже забываетъ о томъ, что, какъ и для кого она должна сдѣлать, какіе полезные навыки и познанія должна провести въ народную среду и

какія должна подготовить въ ней, путемъ общаго развитія и перевоспитанія народа, улучшенія и измѣненія. Ее охватываетъ необыкновенная обширность и сложность подлежащаго изученію учебнаго матеріала, равномѣрная обязательность прохожденія этого матеріала съ учащимися въ школѣ дѣтьми, всѣ его частности, подробности, детали, всѣ мелочи внесенныхъ въ программу спеціально грамматическихъ и ореографическихъ требованій, и, благодаря этому, школа очень легко и, какъ бы сама того не замѣчая, очень скоро теряетъ главную и руководящую нить своего дѣла, легко сбивается съ своего правильнаго и прямого пути и совершенно уже неувѣренно и нетвердо идетъ къ своей главной и основной цѣли.

Между тѣмъ, для простого народа начальная народная школа всегда была и надолго еще останется единственнымъ пока источникомъ свѣта и знанія. Отъ нея долженъ получать народъ полезные для своей жизни познанія и навыки; въ ней онъ долженъ развивать и образовывать свой умъ, укрѣплять характеръ и воспитывать въ себѣ всѣ лучшія чувства и настроенія; изъ школы, наконецъ, долженъ выносить народъ и живую любовь къ книгѣ и чтенію,—къ этому единственному и самому вѣрному средству къ сохраненію и послѣдовательному развитію въ крестьянской средѣ тѣхъ немногихъ сѣмянъ знанія, съ какими выпускаетъ обыкновенно школа своихъ маленькихъ учениковъ въ ихъ практическую жизнь и дѣятельность. За дверями начальной народной школы для крестьянъ, дѣйствительно, оканчивается почти все то, что прямо и непосредственно ведетъ ихъ къ умственному и нравственному развитію. Поэтому уже само собой становится понятнымъ то, какъ дороги должны быть для крестьянъ всѣ познанія и навыки, пріобрѣтаемые ихъ дѣтьми за время ихъ школьнаго обученія, и какъ, слѣдовательно, правильны, ясны и опредѣленны должны быть тѣ задачи и требованія, какія, въ интересахъ всего крестьянскаго населенія, должны настойчиво преслѣдоваться въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ и какъ можно полнѣе и шире въ нихъ достигаться. Устроеніе начальной народной школы—это устроеніе всего будущаго нашей родной страны, и потому на созданіе самыхъ лучшихъ условій для жизни и дѣятельности школъ нужно нести весь жизненный и спеціально-педагогическій опытъ всей страны, чтобы ни одно зерно распространяемаго чрезъ школы знанія не могло остаться недостаточно полезнымъ для нашего народа и недостаточно для него производительнымъ.

IV.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что, на ряду съ программами всѣхъ вообще предметовъ элементарно-школьнаго обученія, и программы по предмету Закона Божія для начальныхъ народныхъ училищъ также составлялись въ свое время по готовымъ уже курсамъ этого предмета, предназначавшимся къ выполненію въ подготовительныхъ и первыхъ классахъ учебныхъ заведеній совершенно другихъ типовъ и наименованій. Это, нѣтъ сомнѣнія, очень облегчало составителямъ программъ по предмету Закона Божія выполненіе принятой ими на себя задачи и весьма благопріятно отразилось какъ на полнотѣ содержанія этихъ программъ, такъ и внѣшней стройности ихъ изложенія. Но, съ другой стороны, такое пользованіе готовыми уже образцами курсовъ по закону Божію не могло, конечно, и не помѣшать возможно полному и всестороннему приноровленію содержанія элементарно-школьныхъ программъ по Закону Божію къ особымъ условіямъ и требованіямъ той простонародной среды, для какой онѣ предназначались.

Изъ этихъ готовыхъ курсовъ Закона Божія почти полностью вошли въ программы для начальныхъ народныхъ училищъ и школъ всѣ болѣе необходимыя для вѣрующихъ повседневныя молитвы, всѣ почти главнѣйшія событія священно-библейской исторіи, краткое изложеніе основныхъ началъ вѣроученія и нравоученія православной церкви по символу вѣры и десяти заповѣдямъ ветхозавѣтнаго закона, краткое ученіе о таинствахъ, главнѣйшія свѣдѣнія о храмѣ и его принадлежностяхъ, объясненіе богослуженія православной церкви, именно всенощнаго бдѣнія и литургіи съ краткимъ ознакомленіемъ учащихся съ литургіями преждеосвященныхъ даровъ и Василія Великаго, а также и ученіе о важнѣйшихъ праздникахъ и о постахъ православной церкви. Все это, конечно, основной и очень существенный матеріалъ, изученіе котораго предствляетъ и должно представлять для всѣхъ вообще очень большую важность. Но въ курсѣ нашей начальной народной школы значеніе даже и этого не особенно обширнаго матеріала можетъ быть взвѣшиваемо и опредѣляемо не столько само по себѣ, не столько по внѣшней его полнотѣ и внутреннему содержанію, сколько по возможно большему соглашенію этого матеріала съ тѣми нравственно-воспитательными задачами и цѣлями, какія должны быть достигаемы этими школами, а также со степенью общаго умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей, для которыхъ онъ предназначается, и съ общими предѣлами необыкновенно сжатаго и краткаго курса начальнаго народнаго обученія.

Разсмотрѣніе учебно-школьнаго по Закону Божію матеріала именно съ этой стороны представляетъ вообще очень большія трудности и является дѣломъ нисколько почти не подготовленнымъ къ разрѣшенію какими-либо предварительными на этотъ предметъ работами. Этотъ существенно важный вопросъ остается, повидимому, недостаточно еще выясненнымъ даже и для ближайшихъ дѣятелей начальной народной школы, священниковъ-законоучителей. Почти въ полномъ своемъ составѣ они никогда, повидимому, не подвергали свои школьно-учебныя программы разсмотрѣнію именно съ этой стороны, считали включенный въ эти программы матеріалъ подлежащимъ изученію безъ какихъ-либо въ его содержаніи измѣненій и сокращеній, признавали данное положеніе школьно-законоучительскаго дѣла достаточно согласованнымъ съ общими задачами и цѣлями начальнаго народнаго образованія и вообще никогда даже и не останавливались на мысли о возможности и желательности болѣе полнаго и всесторонняго примѣненія своего учебнаго матеріала и своего законоучительскаго труда ко всѣмъ духовныхъ нуждамъ и потребностямъ крестьянскаго населенія и ко всѣмъ вообще областямъ его жизни и дѣятельности. То очень немногое, что мнѣ удалось слышать на этотъ предметъ отъ нѣкоторыхъ священниковъ-законоучителей, можетъ быть сведено здѣсь, между прочимъ, къ слѣдующему:

1) Въ дѣйствующихъ по Закону Божію программахъ они не находили и не находятъ достаточно точныхъ и опредѣленныхъ указаній на обязательность и на полную, по мнѣнію священниковъ-законоучителей, необходимость настойчиваго и возможно частаго примѣненія нравственно-назидательныхъ событій священно-библейской исторіи къ религіозно-нравственной жизни крестьянъ и ко всей ихъ дѣятельности.

2) Составъ подлежащихъ изученію повседневныхъ молитвъ нѣкоторые священники-законоучители не находятъ достаточно полнымъ и считаютъ возможнымъ и полезнымъ для дѣла изучать съ дѣтьми сверхъ указанныхъ въ программѣ, слѣдующія молитвы: утреннюю, вечернюю, предъ ученіемъ и послѣ ученія и молитву предъ принятіемъ пищи.

3) Священно-историческая часть начальнаго курса по Закону Божію также признается требующей нѣкотораго пополненія по отдѣлу новозавѣтной исторіи и преимущественно такими разсказами, въ которыхъ содержится ученіе Христа Спасителя. Къ числу такихъ разсказовъ отнесены нѣкоторыми священниками-законоучителями слѣдующіе: притчи о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, о талантахъ, о милосердомъ царѣ и безжалостномъ заимодавцѣ, ученіе Іисуса

Христа о страшномъ судѣ, о промыслѣ Божіемъ, о трудѣ, объ обязанности для всѣхъ вѣрующихъ воздавать Божіе Богови, а кесарево кесареви и т. п. Вообще, исторія новаго завѣта съ ученіемъ Спасителя, по мнѣнію большинства законоучителей, должна быть проходима въ школѣ какъ можно подробнѣе.

4) Нѣкоторые священники-законоучители высказываются далѣе за внесеніе небольшихъ измѣненій и въ самое расположеніе событій новозавѣтной исторіи. Они считаютъ болѣе удобнымъ для себя и болѣе полезнымъ для дѣла изучать ихъ въ такомъ общемъ порядкѣ: а) жизнь пресвятой Богородицы и жизнь Іисуса Христа до выступленія его на общественное служеніе; б) ученіе Іисуса Христа; в) чудеса Христовы и затѣмъ уже г) страданіе и смерть Іисуса Христа, погребеніе Его, воскресеніе, вознесеніе на небо и сошествіе Св. Духа на апостоловъ.

5) Изъ учебнаго матеріала, вошедшаго въ дѣйствующія программы по предмету Закона Божія, особенно затруднительнымъ для дѣтскаго пониманія признается нѣкоторыми священниками-законоучителями объясненіе всенощнаго бдѣнія, почему этотъ отдѣлъ курса могъ-бы быть, по ихъ мнѣнію, совсѣмъ исключенъ изъ программы Закона Божія, а также могли-бы быть нѣсколько сокращены и требуемыя программой объясненія о литургіи вѣрныхъ.

6) Далѣе, большинствомъ священниковъ - законоучителей признается необходимымъ быть какъ можно ближе къ учащимся, чаще бесѣдовать съ ними по вопросамъ вѣры и христіанской нравственности и вообще всѣми мѣрами заботиться не столько о томъ, чтобы пройти съ дѣтьми все положенное программой, сколько объ усвоеніи дѣтьми всего преподаннаго имъ по Закону Божію „умомъ и сердцемъ".

7) При существующихъ взглядахъ на дѣло и при настоящихъ способахъ наставленія въ Законѣ Божіемъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, священниками-законослужителями излагаются большею частью какъ въ школѣ, такъ и въ церкви одни лишь общія основанія христіанской вѣры и нравственности и притомъ всегда почти очень отвлеченно, строго догматически, безъ приложенія ихъ къ практической жизни крестьянъ и къ практической ихъ дѣятельности. Отъ этого, по словамъ одного священника-законоучителя, въ сознаніи простого народа вырабатывается взглядъ на евангеліе и на подвиги святыхъ, какъ на что-то совершенно недоступное для обыкновенныхъ людей, превышающее всѣ ихъ силы. Въ виду этого необходимо со школьной скамьи внушать дѣтямъ мысль, что евангеліе—слово жизни для каждаго изъ насъ и что каждый поступокъ нашъ долженъ быть оцѣниваемъ при свѣтѣ Евангелія. Въ этомъ

смыслѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ законоучителей, и долженъ бы преподаваться Законъ Божій.

8) Но успѣшному достиженію этой цѣли всегда мѣшали, по заключенію нѣкоторыхъ священниковъ-законоучителей и, можетъ быть долго еще будутъ мѣшать экзамены, низводящіе слово благовѣстія на степень обыкновеннаго учебнаго предмета. „Учебная программа по Закону Божію велика, а времени у законоучителя мало. Вотъ и боишься, пишетъ одинъ священникъ, дать волю своему вдохновенію и въ угоду будущему экзаменатору долбишь съ учениками— чей царь Саулъ, на какой горѣ остановился ковчегъ, какъ звали жену Авраама. И царитъ въ школѣ схоластика, а въ жизни язычество".

Вотъ тѣ немногія мысли и соображенія, какія высказаны были по вопросу объ элементарно-школьномъ преподаваніи Закона Божія нѣсколькими лучшими законоучителями начальныхъ народныхъ школъ Вятской губерніи. И нельзя сказать того, чтобы въ настоящемъ положеніи нашего народно-школьнаго законоучительства не представлялось вполнѣ достаточныхъ основаній къ признанію этихъ замѣчаній очень важными и существенными. Дѣйствительно, нѣкоторые отдѣлы нашихъ учебныхъ программъ по предмету Закона Божія представлялось бы возможнымъ, можетъ быть, совсѣмъ исключить изъ курса начальнаго обученія, другіе пополнить, третьи значительно видоизмѣнить, а все дѣйствительно полезное для дѣтей и подлежащее изученію сдѣлать на урокахъ Закона Божія предметомъ самой живой и самой дѣятельной разработки, при постоянномъ притомъ и самомъ настойчивомъ сближеніи этого учебнаго матеріала со всѣми сторонами народной жизни и дѣятельности.

И, конечно, раньше и прежде всего могли бы быть введены въ курсъ начальнаго народнаго обученія по Закону Божію тѣ немногія повседневныя молитвы, на которыя указано уже было здѣсь со словъ священниковъ-законоучителей, и изученіе которыхъ не могло представить никакихъ почти затрудненій ни для учащихъ лицъ, ни для самихъ учащихся. Молитвъ этихъ очень немного, онѣ очень не велики и по своему содержанію и изложенію вполнѣ для дѣтей доступны. Поэтому и для изученія текста этихъ молитвъ было бы вполнѣ достаточно одного лишь яснаго, внятнаго, отчетливаго и выразительнаго чтенія ихъ во время самой молитвы, съ поддержаніемъ на это время въ группѣ учащихся дѣтей возможно полнаго и сосредоточеннаго вниманія какъ къ тексту прочитываемыхъ молитвъ, такъ и къ внутреннему ихъ содержанію. Научить же дѣтей всегда слушать прочитываемыя въ классѣ молитвы, всегда вникать въ ихъ содержаніе и усваивать такимъ путемъ даже самый текстъ

этихъ молитвъ—это такое пріобрѣтеніе, которымъ не можетъ не дорожить каждая хорошо поставленная и правильно выполняющая свое назначеніе школа.

Въ интересахъ возможно полнаго развитія учащихся въ школѣ дѣтей въ религіозно-нравственномъ отношеніи, а также и въ цѣляхъ болѣе полнаго вліянія въ этомъ отношеніи начальной народной школы на весь составъ крестьянскаго населенія, на всѣ стороны его жизни и дѣятельности, было бы очень полезно и почти необходимо включить въ курсъ народныхъ училищъ по предмету Закона Божія и нѣсколько указанныхъ уже выше разсказовъ изъ новозавѣтной исторіи, школьному изученію которыхъ дѣтьми придаютъ такое важное значеніе и сами священники-законоучители начальныхъ народныхъ училищъ. Эти священно-историческіе разсказы, содержащіе въ себѣ возвышенное ученіе Христа Спасителя и полные самаго глубокаго для всѣхъ нравственно-назидательнаго смысла и поученія, должны производить на дѣтей, въ предѣлахъ ихъ возраста и пониманія, очень большое нравственно-воспитательное вліяніе, и должны, нѣтъ сомнѣнія, въ самомъ благопріятномъ смыслѣ возбуждать, развивать и направлять къ добру всѣ ихъ чувства и настроенія.

Изъ числа этихъ разсказовъ особенно поучительнымъ для дѣтей содержаніемъ обладаютъ такіе, какъ притчи о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, о талантахъ, о милосердномъ царѣ и безжалостномъ заимодавцѣ, ученіе Іисуса Христа о трудѣ и т. п. *). Въ виду этого, начальная народная школа могла бы очень много потерять на пути къ достиженію своихъ главныхъ задачъ и цѣлей, если бы этотъ прекрасный по назидательности матеріалъ остался не использованнымъ ею во всей его полнотѣ и законченности. И это, кажется, очень хорошо понято было въ свое время и совершенно правильно примѣнено къ дѣлу при составленіи прежнихъ программъ Закона Божія, изданныхъ въ 1881 году. Возвышенное ученіе Христа Спасителя занимало въ этихъ программахъ сравнительно очень видное мѣсто и въ составѣ цѣлыхъ одиннадцати ея пунктовъ проектировалось къ изложенію дѣтямъ въ совершенно достаточной для нихъ полнотѣ и опредѣленности.

Теперь положеніе этого дѣла представляется уже совершенно измѣнившимся. Въ дѣйствующихъ программахъ 1897 года на изложеніе ученія Христа Спасителя отдано уже гораздо меньше и мѣста

---

*) Послѣднія программы для школъ церковно-приходскаго типа (изд. 1903 года) пополнены уже притчами о мытарѣ и фарисеѣ и о блудномъ сынѣ.

и учебнаго времени, чѣмъ сколько отдавалось на это прежде, и изъ всего относящагося къ этой области очень обширнаго матеріала внесено въ программу для школьнаго изложенія дѣтямъ и для укрѣпленія ихъ въ правилахъ христіанской жизни и нравственности лишь слѣдующее: ученіе о путяхъ къ блаженству и три притчи: о сѣятелѣ, о милосердномъ самарянинѣ и о богатомъ Лазарѣ. Но, конечно, никогда и никѣмъ не можетъ быть признано благопріятнымъ то, что столько важный и столько существенный для религіозно-нравственнаго наставленія всего народа матеріалъ предполагается ему теперь, по дѣйствующимъ въ школѣ программамъ, въ такой неполнотѣ и незаконченности.

Далѣе, при совершенно простомъ, ясномъ и вполнѣ доступномъ для дѣтскаго пониманія изложеніи уроковъ Закона Божія, было бы также существенно необходимо сообщать учащимся мальчикамъ и дѣвочкамъ и нѣкоторыя дополнительныя по этому предмету свѣдѣнія, которыя только частью включены въ программу для церковно-приходскихъ школъ, а по начальнымъ народнымъ училищамъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія очень кратко указаны въ одной лишь объяснительной къ программѣ Закона Божія запискѣ. Сюда могутъ быть отнесены нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи особо чтимыхъ въ данной мѣстности святыхъ, по установленію храмовыхъ праздниковъ и крестныхъ ходовъ, по совершенію особыхъ на разные случаи христіанской жизни молитвословій и торжествъ, по выясненію для учащихся дѣтей значенія и смысла нѣкоторыхъ церковныхъ требъ и обрядностей, какъ, напримѣръ, наклоненій головы при молитвѣ, колѣнопреклоненій, возженія свѣчей, елея, моленій за живыхъ и умершихъ и т. п., по разъясненію учащимся разныхъ обычаевъ и грубыхъ повѣрій, сохраняющихся въ народной средѣ еще отъ временъ глубокой языческой старины и всегда почти и во всемъ омрачающихъ и извращающихъ здравый смыслъ народа, по установленію въ крестьянской средѣ болѣе правильнаго взгляда на чтимые церковью воскресные и праздничные дни и главнымъ образомъ на то, какъ и въ какихъ занятіяхъ долженъ проводить эти дни народъ, чтобы святость ихъ никогда и ничѣмъ не омрачалась. Вообще, все то, что такъ или иначе относится къ религіозно-нравственной жизни каждаго человѣка и съ чѣмъ въ то же время вѣрующему приходится встрѣчаться почти на каждомъ шагу, должно быть своевременно раскрываемо учащемуся, чтобы въ сознаніи его по вопросамъ религіозныхъ вѣрованій никогда уже не оставалось ничего смутнаго и неяснаго.

Еще болѣе важнымъ и существенно необходимымъ для жизни всего крестьянскаго населенія слѣдуетъ признать, далѣе, возможно

полное и широкое ознакомленіе учащихся дѣтей съ тѣмъ довольно сложнымъ и разнообразнымъ учебнымъ матеріаломъ, который, въ качествѣ религіознаго назиданія, будетъ предлагаться имъ потомъ на всѣхъ послѣдующихъ ступеняхъ ихъ жизни и дѣятельности, въ церковномъ богослуженіи и во всѣхъ общественныхъ и частныхъ молитвословіяхъ.

Изъ всѣхъ общественныхъ службъ православной церкви особенное значеніе для вѣрующихъ какъ по глубинѣ и важности своего содержанія, такъ и по большей сравнительно доступности его для всѣхъ молящихся имѣетъ несомнѣнно литургія. Богослуженіе это всегда и посѣщается притомъ сравнительно очень большимъ числомъ молящихся и вездѣ почти гораздо чаще, чѣмъ всѣ остальныя церковно-общественныя богослуженія. Поэтому и то религіозно-нравственное назиданіе, какое прошедшія школу дѣти должны будутъ получать потомъ и почти уже исключительно въ одной только своей церкви, во время богослуженія, будетъ восприниматься ими тѣмъ опредѣленнѣе, шире, полнѣе и глубже, чѣмъ полнѣе и всестороннѣе выяснены будутъ имъ въ свое время, на пути ихъ школьнаго обученія, содержаніе и смыслъ Божественной литургіи.

Если же это, дѣйствительно, можетъ быть признано положеніемъ, не вызывающимъ ни въ комъ и никакихъ уже болѣе возраженій, то школьному ученію о богослуженіи вообще и особенно о литургійномъ богослуженіи, какъ по преимуществу для всѣхъ важномъ и существенномъ, нужно придавать при обученіи дѣтей особенно важное значеніе и проходить съ ними этотъ отдѣлъ учебнаго курса съ такою полнотою и обстоятельностью, которыя не оставляли бы уже ничего неяснаго и неудобопонятнаго для дѣтей какъ въ общемъ содержаніи и смыслѣ этого богослуженія, такъ и во всѣхъ отдѣльныхъ его пѣснопѣніяхъ и молитвахъ. Поэтому, все содержаніе литургіи, за исключеніемъ развѣ одной только проскомидіи и нѣсколькихъ молитвъ, произносимыхъ священникомъ тайно, должно быть почти полностью передано ученикамъ по русски, должно быть очень хорошо понято ими, нѣсколько разъ повторено и усвоено затѣмъ во всѣхъ деталяхъ, путемъ возможно частаго сравненія на урокахъ Закона Божія русскаго перевода литургійныхъ пѣснопѣній, молитвословій и ектеній съ ихъ подлиннымъ славянскимъ текстомъ. Особенно тщательно, обстоятельно и подробно должны быть выяснены учащимся всѣ важнѣйшіе моменты этого богослуженія: молитвы за живыхъ и умершихъ при проскомидіи, малый входъ и чтеніе апостола и евангелія на литургіи оглашенныхъ, великій входъ на литургіи вѣрныхъ съ предшествующимъ и сопутствующимъ ему пѣніемъ Херувимской пѣсни; всѣ важнѣйшія священнодѣйствія,

пѣснопѣнія и возгласы при совершеніи таинства евхаристіи; самый моментъ совершенія этого таинства; значеніе исповѣданія символа вѣры предъ совершеніемъ таинства евхаристіи и пѣнія молитвы Господней послѣ совершенія этого таинства и т. п. Очень необходимо также довести до полнаго сознанія учащихся подробное содержаніе всѣхъ прошеній въ великой, малой и сугубой эктеніяхъ, произносимыхъ во время литургіи, и это тѣмъ болѣе, что эти эктеніи произносятся и на многихъ другихъ церковныхъ службахъ и, слѣдовательно, всегда почти служатъ для народа предметомъ его молитвенныхъ возношеній къ Богу и живымъ источникомъ глубокаго для него назиданія.

Съ тою же цѣлью религіозно-нравственнаго наставленія учащихся дѣтей на всю послѣдующую ихъ жизнь и дѣятельность представлялось бы очень важнымъ и существенно необходимымъ знакомить ихъ также съ общимъ смысломъ и содержаніемъ всенощнаго бдѣнія, хотя это и не раздѣляется нѣкоторыми священниками-законоучителями, а также и со всѣми важнѣйшими пѣснопѣніями этого богослуженія. Къ числу таковыхъ пѣснопѣній можно отнести предначинательный псаломъ — Благослови, душе моя, Господа; Блаженъ мужъ; Господи воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя; Свѣте тихій; Нынѣ отпущаеши; Богъ Господь и явися намъ; Хвалите имя Господне; Благословенъ еси Господи; Воскресеніе Христово видѣвше; Ирмосы какого либо гласа или праздника и Слава въ вышнихъ Богу".

Этотъ матеріалъ, конечно, очень обширенъ и нѣсколько труденъ для усвоенія его дѣтьми, находящимися въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ. Но онъ, во всякомъ случаѣ, легко преодолимъ, разъ только содержаніе этого матеріала предложено будетъ усваивать учащимся не путемъ буквальнаго лишь изученія ими славянскаго текста этихъ пѣснопѣній и молитвъ, а совершенно простымъ и вполнѣ доступнымъ для дѣтей раскрытіемъ и изложеніемъ ихъ содержанія на русскомъ языкѣ, не представляющемъ уже для дѣтей, въ отношеніи пониманія его, никакихъ почти затрудненій. Кромѣ того, всѣ молитвословія и пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія могутъ и должны быть изложены и объяснены дѣтямъ въ строгомъ примѣненіи ихъ къ тому общему историческому смыслу и содержанію, какой заключается какъ въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ и въ цѣломъ порядкѣ этого богослуженія. А такимъ способомъ изложенія также можетъ быть очень облегченъ и упрощенъ путь для усвоенія дѣтьми этого учебнаго матеріала.

Но и независимо отъ этого, въ сужденіи по настоящему вопросу нельзя не принимать во вниманіе также и того, что все, предпринимаемое въ живыхъ интересахъ всей послѣдующей жизни учащихся дѣтей и всего народа, никогда и никѣмъ не можетъ быть дости-

гнуто ни въ школѣ, ни въ жизни безъ значительныхъ трудовъ и усилій. Путь къ лучшему и свѣтлому будущему, къ чему мы всѣ стремимся, можетъ быть подготовленъ и открытъ для насъ не иначе, какъ только при живомъ и дѣятельномъ напряженіи всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ страны, направленныхъ къ широкимъ задачамъ и цѣлямъ ея умственнаго. нравственнаго и экономическаго развитія.

Но высказываясь такимъ образомъ за нѣкоторое пополненіе и расширеніе нашихъ школьныхъ программъ по Закону Божію указаннымъ выше учебнымъ матеріаломъ, какъ представляющимъ и для учащихся въ школѣ дѣтей и для всего народа особенную важность, мы не должны, однако, упускать изъ виду того, что и въ настоящемъ своемъ видѣ программы этого предмета сравнительно очень велики, и что, слѣдовательно, въ общемъ своемъ содержаніи онѣ скорѣе могли бы быть даже сокращены теперь, чѣмъ расширены. Продолжительность курса начальнаго народнаго обученія у насъ какъ извѣстно, очень не велика и для огромнаго большинства сельскихъ училищъ и школъ опредѣляется не болѣе, какъ только 6—7 мѣсяцами въ годъ, или 18—20 мѣсяцами на весь курсъ элементарно-школьнаго обученія. Притомъ же въ училища и школы съ такимъ непродолжительнымъ учебнымъ курсомъ наши крестьянскіе мальчики и дѣвочки поступаютъ обыкновенно въ возрастѣ отъ 8 до 9 лѣтъ, безъ всякой предварительной къ школьнымъ занятіямъ подготовки и безъ всякаго умственнаго развитія, хотя бы и самаго элементарнаго.

Такимъ дѣтямъ нужно давать, на пути школьныхъ съ ними занятій, лишь очень немногое, но только существенно важное для нихъ, полезное для всей послѣдующей ихъ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда уже не обременять ихъ такимъ учебнымъ матеріаломъ, который не можетъ имѣть для всего обихода крестьянской жизни и дѣятельности особенно важнаго и существеннаго значенія.

Если это послѣднее соображеніе можетъ быть признано совершенно правильнымъ, какъ основанное на живыхъ фактахъ нашей школьной дѣйствительности, то, въ такомъ случаѣ, въ существующихъ по Закону Божію программахъ, справедливо было бы допустить также и нѣкоторыя сокращенія и измѣненія, особенно же въ тѣхъ отдѣлахъ этихъ программъ, содержаніе которыхъ, не заключая въ себѣ особеннаго для дѣтей назиданія, представляетъ, тѣмъ не менѣе, учебный матеріалъ очень разнообразный, сложный и очень трудный для усвоенія его дѣтьми, находящимися еще въ первомъ

школьномъ возрастѣ. Такихъ разсказовъ можетъ найтись въ начальномъ курсѣ Закона Божія вообще очень немного. Сюда могутъ быть отнесены главнымъ образомъ тѣ событія священно-библейской исторіи ветхаго завѣта, которыя не входили въ содержаніе программы по Закону Божію, изданной для начальныхъ училищъ въ 1881 году, и которыя только впослѣдствіи уже внесены были сначала въ программы церковно-приходскихъ школъ, а затѣмъ и въ новую программу для начальныхъ народныхъ училищъ, предложенную Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ руководству и исполненію въ 1897 году. Къ составу такихъ священно-историческихъ разсказовъ могли бы быть отнесены, между прочимъ, слѣдующіе: изложеніе жизни еврейскаго народа подъ управленіемъ судей, исторія раздѣленія царствъ, исторія паденія царствъ іудейскаго и израильскаго, пророки, жившіе въ царствахъ іудейскомъ и израильскомъ, сообщеніе свѣдѣній о книгѣ пророка Іоны, исторія возвращенія іудеевъ изъ плѣна и построенія въ Іерусалимѣ второго храма и т. п. Изъ другихъ отдѣловъ курса по Закону Божію могли бы быть признаны не представляющими существенно важнаго значенія для учащихся въ школѣ дѣтей возможно подробныя и полныя сообщенія имъ о разныхъ священныхъ изображеніяхъ, помѣщаемыхъ на иконостасѣ, о второстепенныхъ предметахъ и вещахъ, употребляемыхъ при церковномъ богослуженіи о священныхъ облаченіяхъ, усвоенныхъ сану священника и діакона и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ и сообщеній представлялось бы возможнымъ, можетъ быть, совсѣмъ исключить изъ программы школьнаго преподаванія Закона Божія; другіе же, напротивъ, слѣдовало бы лишь излагать дѣтямъ въ возможно сжатомъ и краткомъ видѣ, чтобы съ одной стороны и не слишкомъ отвлекать дѣтей отъ усвоенія ими на урокахъ закона Божія болѣе важнаго и существеннаго, а съ другой,—чтобы сохранить для этихъ дѣтей и возможно большую полноту и послѣдовательность въ общемъ построеніи и изложеніи предлагаемаго имъ къ изученію матеріала.

Но, конечно, истинный успѣхъ школьнаго преподаванія Закона Божія можетъ и долженъ обусловливаться далеко не однимъ только расширеніемъ или сокращеніемъ школьныхъ программъ этого предмета, подлежащихъ выполненію въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Основная цѣль преподаванія Закона Божія какъ въ училищахъ всѣхъ вообще типовъ и наименованій, такъ особенно въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, только отчасти опредѣляется фактическимъ изученіемъ и усвоеніемъ дѣтьми всѣхъ частностей и подробностей этого предмета, или извѣстною суммой тѣхъ знаній, какія по предмету Закона Божія выносятъ съ собой изъ

школы въ жизнь ученики и ученицы нашихъ начальныхъ народныхъ училищъ. Все же болѣе важное и существенное въ дѣлѣ школьнаго преподаванія Закона Божія должно быть взвѣшиваемо и опредѣляемо уже тѣмъ внутреннимъ чувствомъ и настроеніемъ, съ какими изучаютъ и усваиваютъ дѣти предлагаемый имъ матеріалъ по Закону Божію, а также и той силой и полнотой религіозно-нравственнаго вліянія, какое можетъ и должно быть оказываемо на дѣтей всѣмъ содержаніемъ и изложеніемъ этого матеріала. Законъ Божій въ системѣ элементарно-школьнаго обученія—это не столько предметъ обычныхъ классныхъ занятій, сколько лучшее и самое вѣрное средство къ развитію, возвышенію и укорененію въ учащихся дѣтяхъ тѣхъ началъ доброй жизни и нравственности, какими они должны будутъ руководиться потомъ всю свою жизнь, на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности.

Поэтому, преподавателямъ Закона Божія необходимо всегда и какъ можно тверже помнить о томъ, что на нихъ по преимуществу лежитъ долгъ не только учить дѣтей, но и воспитывать ихъ въ правилахъ христіанской вѣры и нравственности, чтобы возможно твердое и неуклонное слѣдованіе этимъ правиламъ сдѣлалось потомъ совершенно естественной нормой для всѣхъ ихъ семейныхъ, частныхъ и общественныхъ отношеній, а также и для всѣхъ другихъ проявленій ихъ послѣдующей практической жизни и дѣятельности.

Задача эта очень глубока по своему внутреннему значенію, необыкновенно широка по объему и очень трудна по практическому ея выполненію. Поэтому, чтобы уроки Закона Божія могли оказывать на учащихся дѣтей то полное нравственно-воспитательное вліяніе, какое по преимуществу должно принадлежать этому важнѣйшему предмету школьнаго обученія, для этого на урокахъ Закона Божія необходимо всегда развивать въ учащихся дѣтяхъ и настойчиво поддерживать на извѣстной нравственной высотѣ всѣ ихъ чувства и настроенія, а весь подлежащій школьному изученію матеріалъ всегда разсматривать и изучать съ дѣтьми не иначе, какъ въ самомъ близкомъ и живомъ сопоставленіи его съ практическою жизнью крестьянъ, со всѣми темными и свѣтлыми ея сторонами.

Если же въ сужденіи по настоящему предмету полезно было бы обратиться къ разсмотрѣнію и нѣкоторыхъ частностей и подробностей этого дѣла, то въ такомъ случаѣ было бы очень неизлишне остановить вниманіе священниковъ-законоучителей на слѣдующихъ, между прочимъ, мысляхъ и соображеніяхъ, непосредственно относящихся къ предмету ихъ школьныхъ съ дѣтьми занятій.

1) На каждый урокъ Закона Божія священники-законоучители должны приходить въ училища не только съ достаточнымъ количе-

ствомъ вполнѣ продуманнаго и всесторонне разработаннаго ими учебнаго матеріала по Закону Божію, но и съ значительно повышеннымъ общимъ настроеніемъ, которое естественно и незамѣтно могло бы передаваться затѣмъ дѣтямъ и повышать ихъ собственныя чувства и настроенія.

2) Для возможно легкаго и успѣшнаго достиженія этой прекрасной цѣли, т. е. возвышенія общешкольнаго настроенія дѣтей, каждому священнику-законоучителю необходимо обращать особенное вниманіе на то, чтобы молитвы предъ началомъ уроковъ вообще и въ частности предъ уроками Закона Божія произносились всегда съ возможно большею ясностью, отчетливостью и выразительностью и при полномъ притомъ вниманіи всѣхъ находящихся въ школѣ дѣтей къ ихъ тексту и содержанію. Такое внятное и прочувствованное чтеніе молитвъ, возбуждая и развивая въ дѣтяхъ извѣстныя нравственныя чувства и настроенія, можетъ служить въ то же время и самымъ лучшимъ средствомъ къ совершенно правильному и разумному усвоенію дѣтьми текста этихъ молитвъ и внутренняго ихъ содержанія.

3) Совершенно ясные, простые и для всѣхъ безъ исключенія школьныхъ дѣтей очень назидательные разсказы священно-библейской исторіи о.о. законоучители должны передавать дѣтямъ во время своихъ занятій всегда съ такимъ чувствомъ и настроеніемъ и съ такимъ въ то же время отчетливымъ и живымъ выдѣленіемъ изъ общаго содержанія ихъ всего болѣе глубокаго и поучительнаго, чтобы рядъ заключающихся въ этихъ разсказахъ высокихъ нравственныхъ уроковъ и назиданій раскрывался для дѣтей какъ бы самъ собою и глубоко отпечатлѣвался потомъ въ ихъ сердцѣ и сознаніи. При этомъ, всѣ болѣе поучительныя событія священно-библейской исторіи и отдѣльныя черты изъ жизни священно-библейскихъ лицъ должны какъ можно чаще приводиться въ самое живое и близкое соотношеніе съ фактами и проявленіями дѣйствительной жизни и дѣятельности, взятыми по возможности изъ близкой дѣтямъ крестьянской среды и изъ живыхъ надъ нею наблюденій, доступныхъ даже дѣтскому возрасту и пониманію. И нельзя не указать здѣсь на то, что всѣ эти параллели и сопоставленія, хотя бы и самыя отдаленныя, всегда будутъ совершенно понятны для дѣтей и будутъ производить на нихъ очень сильное впечатлѣніе, какъ уроки живого религіозно-нравственнаго назиданія, цѣликомъ взятые для дѣтей не изъ книгъ, а изъ самой жизни.

4) При объясненіи дѣтямъ десяти заповѣдей ветхозавѣтнаго закона также необходимо входить, и всегда притомъ какъ можно ближе и непосредственнѣе, въ разсмотрѣніе всѣхъ сторонъ народной жизни и дѣятельности и въ особенности тѣхъ недостатковъ

и пороковъ крестьянской среды, которые, являясь прямымъ нарушенiемъ заповѣдей Божiихъ, ведутъ къ непоправимому общему разстройству всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ народа и всѣхъ его семейныхъ и общественныхъ отношенiй. Неправильное, неумѣстное и иногда совершенно кощунственное призыванiе крестьянами имени Божiя при самыхъ грубыхъ иногда ихъ поступкахъ и дѣйствiяхъ; праздное, пустое и большею частью совершенно грубое препровожденiе нѣкоторыми крестьянами праздничныхъ дней, съ допущенiемъ ими въ эти дни всякихъ непристойныхъ поступковъ и излишествъ; крайне неумѣренное употребленiе ими какъ въ праздничные, такъ и въ нѣкоторые другiе дни вина, вносящаго такiя глубокiя разстройства во всѣ взаимныя отношенiя крестьянъ и во всю ихъ семейную и общественную жизнь и дѣятельность; не всегда почтительное, а иногда даже и совершенно грубое и не приличное отношенiе младшихъ членовъ семьи и общества къ старшимъ; безразсудное и большею частью ничѣмъ совевшенно не вызываемое употребленiе крестьянами грубыхъ ругательныхъ словъ и выраженiй, позорящихъ доброе имя и честь не столько того, къ кому съ ними обращаются, сколько того, кто ихъ произноситъ; слишкомъ свободное и непринужденное отношенiе нѣкоторыхъ крестьянъ къ чужой собственности и особенно къ казенному и общественному имуществу, присвоенiе котораго считается иногда въ крестьянскомъ быту дѣломъ очень обыкновеннымъ и почти не предосудительнымъ; всюду проникающая и вездѣ почти усиливающаяся въ крестьянскомъ быту нравственная распущенность взаимныхъ отношенiй между лицами разнаго пола и проч., проч.,—все это можетъ и должно служить прекраснымъ матерiаломъ для разъясненiя того, какъ мы должны устраивать свою жизнь и чего не должны дѣлать, чтобы ни въ чемъ не нарушать воли Божiей. Вообще, при объясненiи и изученiи заповѣдей ветхозавѣтнаго закона слѣдуетъ заботиться не столько объ отвлеченно полномъ и всестороннемъ объясненiи дѣтямъ содержанiя ихъ, сколько о болѣе жизненномъ и совершенно наглядномъ выясненiи учащимся того, какъ могутъ и какъ должны быть согласованы съ общимъ смысломъ и содержанiемъ этихъ заповѣдей всѣ поступки и дѣйствiя людей, и какiя высокiя нравственныя настроенiя могутъ получиться при условiи исполненiя заповѣдей Божiихъ какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ. И все это можетъ быть представлено дѣтямъ на живыхъ и совершенно доступныхъ ихъ пониманiю примѣрахъ изъ окружающей ихъ среды, безъ указанiя, конечно, на имена и лица. Могутъ быть сообщены также дѣтямъ и нѣкоторыя отрицательныя въ жизни людей явленiя, съ тѣми неустранимыми и глубоко печальными послѣдствiями, къ какимъ они всегда и всѣхъ приводятъ.

5) Священно-библейскія событія ветхозавѣтной исторіи слѣдуетъ излагать учащимся въ основныхъ только чертахъ, всегда болѣе или менѣе сжато и кратко. Съ нѣсколько большею обстоятельностью и полнотой должны быть передаваемы дѣтямъ только тѣ ветхозавѣтныя событія, содержаніе которыхъ можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для религіозно-нравственнаго назиданія дѣтей, для возбужденія въ нихъ добрыхъ чувствъ и настроеній. Къ разряду такихъ разсказовъ могутъ быть отнесены, между прочимъ, слѣдующіе: грѣхопаденіе и наказаніе людей за грѣхи; всемірный потопъ, какъ проявленіе гнѣва Божія къ людямъ за грѣхи всего рода человѣческаго; жертвоприношеніе Исаака, какъ живой образъ непоколебимой преданности человѣка Богу, сыновняго повиновенія отцу и какъ прекрасный примѣръ для подражанія; исторія Іакова и Іосифа, представляющая такой простой и въ то же время необыкновенно увлекательный матеріалъ для разсмотрѣнія и оцѣнки разныхъ жизненныхъ отношеній, въ какія приходится становиться иногда членамъ и каждой крестьянской семьи, какъ бы просто и неприхотливо она ни была устроена. Но и въ этихъ взятыхъ для примѣра разсказахъ должна быть развиваема на урокахъ Закона Божія главнымъ образомъ моральная ихъ сторона, т. е. тѣ ихъ частности и подробности, изъ которыхъ сами собой могли бы вытекать для дѣтей уроки доброй жизни и нравственности.

6) Съ нѣсколько большей обстоятельностію и полнотой слѣдуетъ излагать на урокахъ Закона Божія событія новозавѣтной исторіи, какъ содержащія въ себѣ главныя основанія христіанской вѣры и нравственности. Но и здѣсь вся сущность дѣла должна заключаться не столько въ усвоеніи дѣтьми многихъ частностей и подробностей изучаемаго предмета, сколько въ томъ религіозно-нравственномъ поученіи, какое должно извлекаться для нихъ изъ этого матеріала и проводиться потомъ мало по малу въ ихъ послѣдующую практическую жизнь и дѣятельность. Въ виду этого, и изъ курса священной исторіи новаго завѣта съ особеннымъ вниманіемъ должно быть излагаемо дѣтямъ именно ученіе Христа Спасителя, какъ по преимуществу содержащее въ себѣ живой и неизсякаемый источникъ религіозно-нравственнаго для дѣтей руководства и назиданія. Нужно только, чтобы священники-законоучители какъ можно больше заботились о возможно близкомъ примѣненіи этого учебно-наставительнаго матеріала ко всѣмъ сторонамъ семейной и общественной жизни крестьянъ и ко всей ихъ дѣятельности; такъ какъ при такомъ только способѣ преподаванія сѣмя слова Божія будетъ легко западать въ сердца учащихся въ школѣ дѣтей, а затѣмъ будетъ уже очень широко и свободно въ нихъ развиваться.

7) При объясненіи дѣтямъ молитвы Господней и символа вѣры также не слѣдуетъ входить въ слишкомъ большія частности и подробности по разсмотрѣнію ихъ текста и содержанія, а тѣмъ болѣе въ отвлеченныя тонкости чисто догматическаго ученія о Второмъ Лицѣ Св. Троицы по второму члену символа вѣры. Не нужно также располагать дѣтей и къ изученію ими этого отдѣла курса Закона Божія по „Начаткамъ христіанскаго ученія“, митр. Филарета. Руководство это изложено, правда, очень сжатымъ, точнымъ и сильнымъ языкомъ, но, къ сожалѣнію, недостаточно удобопонятнымъ для дѣтей нашего перваго возраста. Поэтому для нихъ и для пользы самого дѣла было бы гораздо лучше и удобнѣе, если бы содержаніе символа вѣры и молитвы Господней всегда ясно, точно и совершенно отчетливо передавалось имъ на русскомъ языкѣ, съ краткимъ объясненіемъ, по мѣрѣ нужды, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ въ ихъ текстѣ словъ и выраженій, и если бы, притомъ, это русское изложеніе славянскаго текста, все болѣе и болѣе упрощаемое и приближаемое къ пониманію дѣтей, повторялось на урокахъ Закона Божія по нѣсколько разъ, до полнаго и обстоятельнаго усвоенія его всѣми учащимися. Тогда все содержаніе молитвы Господней и символа вѣры сдѣлалось бы уже для дѣтей совершенно яснымъ и понятнымъ, и они едва ли уже могли бы нуждаться потомъ въ какихъ-либо особенныхъ на этотъ предметъ объясненіяхъ и урокахъ. Въ дополненіе къ русскому изложенію молитвы Господней и символа вѣры оставалось бы только напоминать учащимся время отъ времени о нѣкоторыхъ событіяхъ священной исторіи новаго завѣта, очень близко относящихся по своему содержанію къ членамъ символа вѣры и потому могущихъ проливать очень большой свѣтъ на ихъ общій смыслъ и значеніе.

8) Ознакомленіе учащихся съ устройствомъ христіанскаго храма и съ принадлежностями нашего богослуженія должно быть предметомъ по преимуществу нагляднаго обученія дѣтей и должно происходить всегда въ храмѣ, на подлинныхъ предметахъ нашего религіознаго культа и почитанія.

Поэтому весь относящійся сюда учебный матеріалъ можетъ быть пройденъ и усвоенъ дѣтьми скоро и легко, безъ всякихъ для кого-либо затрудненій, какъ свободно и легко усваиваются ими обыкновенно и всѣ другія части ихъ общаго школьно-учебнаго курса, къ раскрытію и разъясненію которыхъ примѣняется учащими тотъ же пріемъ наглядности, одинаково для всѣхъ ясный и удобопонятный. Тѣмъ не менѣе, какъ бы легко ни усваивался дѣтьми этотъ учебный матеріалъ, размѣры его во всякомъ случаѣ не должны быть особенно обширны. Въ виду особаго качества этого матеріала, изъ

общей его суммы дѣтямъ должно быть преподано одно лишь самое важное и существенное.

9) Съ такимъ же полнымъ и широкимъ примѣненіемъ наглядности къ дѣлу школьнаго воспитанія и обученія дѣтей должны быть раскрыты учащимся общее содержаніе и общій смыслъ православнаго богослуженія, въ особенности литургіи, а также и ученіе о таинствахъ православной церкви. И въ этомъ отношеніи можетъ получиться очень хорошій результатъ, если наглядное ознакомленіе дѣтей съ порядкомъ и содержаніемъ общественнаго богослуженія и съ важнѣйшими священнодѣйствіями при совершеніи таинствъ будетъ всегда предшествовать и сопутствовать послѣдующему изложенію этого учебнаго матеріала священниками-законоучителями, на пути ихъ классныхъ съ дѣтьми занятій. При этомъ условіи и общее содержаніе относящихся къ этому предмету уроковъ законоучителя и каждая отдѣльная его мысль могутъ сдѣлаться для учениковъ болѣе ясными во всѣхъ отношеніяхъ и болѣе удобопонятными. Притомъ же и самое вниманіе учениковъ къ объясненію богослуженія православной церкви и ученія о таинствахъ будетъ тѣмъ сосредоточеннѣе и глубже, чѣмъ чаще будутъ касаться священники-законоучители на своихъ урокахъ того, что дѣтямъ приходилось уже видѣть и слышать въ своей церкви, во время богослуженія, и надъ чѣмъ нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось, можетъ быть, даже много и серьезно подумать.

10) Одинъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ отдѣловъ курса по Закону Божію, именно ученіе о православномъ богослуженіи вообще и особенно о литургіи, слѣдуетъ не столько истолковывать и объяснять учащимся, сколько въ самыхъ простыхъ и удобопонятныхъ выраженіяхъ излагать имъ по-русски то, что читается и поется на этомъ богослуженіи, съ самымъ краткимъ объясненіемъ для учащихся нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ этихъ церковно-богослужебныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ. Такой способъ изложенія этого учебнаго матеріала, задерживая все время вниманіе учащихъ и учащихся на самомъ текстѣ священныхъ пѣснопѣній и молитвъ, можетъ послужить лучшимъ средствомъ къ возможно легкому и непринужденному усвоенію дѣтьми по этому отдѣлу знанія всего болѣе важнаго и существеннаго и можетъ пріучить ихъ совершенно сознательно относиться къ тому, что читается, поется и вообще совершается въ нашемъ православномъ богослуженіи. Нужно заботиться только о томъ, чтобы излагаемый въ классѣ священниками-законоучителями русскій текстъ этихъ молитвъ и пѣснопѣній былъ немногословенъ, точенъ и простъ, и чтобы онъ предлагался притомъ дѣтямъ не въ одинъ только разъ, но отъ времени до времени для нихъ повторялся. Въ такомъ смыслѣ съ

очень большою для учащихся пользой могутъ быть пройдены на урокахъ Закона Божія всѣ литургійныя эктеніи, всѣ возгласы священника, всѣ умилительныя пѣснопѣнія этого богослуженія и вообще все то, что входитъ въ составъ литургіи и частью всенощнаго бдѣнія, и въ чемъ бывшимъ ученикамъ народной школы, по окончаніи ими курса школьнаго обученія, придется находить для себя единственный, можетъ быть, источникъ религіозно-нравственнаго назиданія и утѣшенія. Послѣ школы, призванной учить и воспитывать дѣтей,—учить и наставлять народъ должна прежде всего уже сама церковь въ своемъ богослуженіи и въ совершеніи своихъ таинствъ. Поэтому та предварительная подготовка къ пониманію церковнаго богослуженія, какую должны давать своимъ школьнымъ ученикамъ наши начальныя народныя училища, имѣетъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія и наставленія народа очень важное и очень существенное значеніе.

11) Но еще болѣе важную и существенную задачу школы по предмету Закона Божія составляетъ воспитаніе въ учащихся чувствъ истинной религіозности и вполнѣ благоговѣйнаго отношенія къ молитвѣ, къ церковному богослуженію. Въ виду этого, развивая въ дѣтяхъ на всемъ пути школьнаго преподаванія Закона Божія живую любовь, уваженіе и благоговѣйное отношеніе къ предмету своихъ занятій, священники-законоучители должны также заботливо развивать и дѣятельно поддерживать въ дѣтяхъ вниманіе къ слушанію молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній какъ въ школѣ и церкви, такъ и при всѣхъ вообще случаяхъ и положеніяхъ въ ихъ частной и общественной жизни.

На успѣшномъ достиженіи именно этой цѣли должны сосредоточить свое особенное вниманіе всѣ безъ исключенія священники-законоучители, такъ какъ не только не достаточное пониманіе смысла и содержанія молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, но, какъ естественное слѣдствіе этого, даже и полная разсѣянность при молитвѣ составляютъ едва ли не общій недостатокъ не только нашего простого народа, но и всего нашего общества. Поэтому отнять у народа этотъ недостатокъ и дать ему правильное пониманіе смысла и содержанія нашихъ священно-богослужебныхъ пѣснопѣній и повседневныхъ молитвъ — это значитъ привлечь его къ молитвѣ и къ тому живому источнику религіозно-нравственнаго назиданія, какое даетъ она каждому человѣку, умѣющему понимать слова нашихъ молитвъ и глубоко проникаться ихъ общимъ духомъ и настроеніемъ.

А. Красевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

О городскихъ училищахъ по Положенію 1872 года.

Сличая программы городскихъ училищъ съ программами гимназій, невольно приходишь къ мысли, что городскія училища при новыхъ измѣненіяхъ въ программахъ гимназій легко могли-бы замѣнить 4-хъ кл. прогимназіи, сохранивъ свою законченную стройную программу общаго образованія безъ всякой ломки. Въ печати, общей и педагогической, мнѣ не доводилось встрѣчать статей, гдѣ-бы указывалось на подобную роль городскихъ училищъ.

По Закону Божію программа городскихъ училищъ близко подходитъ къ программѣ шести классовъ гимназіи; по русскому языку—грамматика за 4 класса гимназіи; краткія свѣдѣнія по теоріи словесности и исторіи литературы, положенныя по программѣ городскихъ училищъ, въ четырехъ первыхъ классахъ гимназіи ученикамъ не сообщаются; не проходится въ этихъ классахъ и какой-либо курсъ по геометріи и физикѣ, что опять-таки имѣетъ мѣсто въ программѣ городскихъ училищъ. Программа по ариѳметикѣ и геометріи соотвѣтствуетъ четыремъ классамъ гимназій. Естествовѣдѣнію удѣлено въ городскихъ училищахъ болѣе вниманія, чѣмъ въ гимназіяхъ, гдѣ этотъ предметъ завоевалъ права гражданства недавно и, такъ сказать, находится пока на испытаніи.

Такимъ образомъ, курсъ городскихъ училищъ по Закону Божію, русскому яз., геометріи, физикѣ, естествовѣдѣнію и исторіи можетъ оказать незамѣнимую услугу для прохожденія курса по даннымъ предметамъ въ высшихъ классахъ гимназіи, какъ курсъ пропедевтическій, подготовительный; вмѣстѣ съ тѣмъ и курсъ гимназій могъ бы значительно повыситься въ своемъ качествѣ. Мнѣ лично пришлось слышать прекрасные отзывы начальства мѣстной гимназіи о всѣхъ ученикахъ, окончившихъ курсъ въ городскомъ училищѣ и продолжающихъ нынѣ образованіе въ ней.

Для выполненія своей новой роли городскимъ училищамъ недостаетъ лишь преподаванія въ нихъ иностранныхъ языковъ въ объемѣ, соотвѣтствующемъ четыремъ классамъ гимназій. Средствъ

для этого потребуется немного, лишь на содержанiе преподавателя иностранныхъ языковъ,—и ихъ должны дать, если не казна, то сами общества, такъ какъ съ обращенiемъ городскихъ училищъ въ прогимназiи, создается для способныхъ дѣтей всѣхъ гражданъ безъ различiя состоянiй новый путь, болѣе легкiй, цѣлесообразный, для движенiя къ высшему образованiю при незначительныхъ затратахъ со стороны мѣстныхъ обществъ.

Неужели не ужасно, что масса дѣтей способныхъ, талантливыхъ, можетъ быть, генiальныхъ, теряютъ нынѣ возможность попасть въ высшiя учебныя заведенiя потому только, что имѣли несчастiе закончить свое образованiе низшей школой, оторванной отъ средней школы незначительнымъ отличiемъ? И какъ часто бездарность, поддерживаемая постоянными репетиторами, протекцiей и другими средствами, пролѣзаетъ черезъ гимназiю въ храмъ науки, университетъ, добивается диплома, а съ нимъ и теплаго мѣстечка, занимая его часто безъ пользы государству и даже во вредъ ему. У насъ, въ провинцiи, къ этому послѣднему явленiю настолько приглядѣлись, что считаютъ его законнымъ, въ порядкѣ вещей. Долгъ общества—устранить этотъ порядокъ.

Открывая новый путь къ высшему образованiю вышеуказаннымъ способомъ, общество много выиграетъ и устранитъ много ненормальныхъ вещей. Выигрышъ скажется въ томъ, что удешевится содержанiе гимназiй въ ихъ новомъ 4-хъ классномъ составѣ (нынѣшнiе V, VI, VII и VIII к.); вслѣдствiе этого возникновенiе гимназiй и городскихъ училищъ съ курсомъ прогимназiй будетъ легче, доступнѣе для городскихъ обществъ; не будутъ пустовать высшiе классы гимназiй, для которыхъ ученики будутъ поставляться не гимназiей, а городскими училищами; первоначальное обученiе до гимназiи будетъ болѣе нормально, такъ какъ будетъ въ рукахъ подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности (въ учительскихъ институтахъ) лицъ, а не въ рукахъ преподавателей, хотя и съ университетской скамьи, но безъ всякой подготовки къ педагогической дѣятельности. Исчезнутъ, вѣроятно, жалобы родителей на недостатокъ мѣстъ въ гимназiяхъ за переполненiемъ младшихъ классовъ; исчезнетъ или значительно уменьшится вредное во всѣхъ отношенiяхъ репетиторство, т. е. натаскиванiе дѣтей на скорую руку невѣжественными педагогами,—гимназистами, гимназистками и прочей случайной братiей калѣчащихъ умъ и душу учащихся, такъ какъ по новому пути движенiе пойдетъ легче для учащихся, ровнѣе и безъ услугъ репетиторовъ; исчезнетъ несправедливая, вредная для здоровья и умственнаго развитiя дѣтей конкуренцiя при поступленiи въ 1 классъ гимназiи, исчезнетъ переполненiе млад-

шихъ классовъ; отъ болѣе нормальнаго хода обученія дѣтей ничтожный нынѣ процентъ и подготовка окончившихъ курсъ гимназій повысятся. Исчезнетъ печальное явленіе, создаваемое тѣмъ, что наскоро натасканные репетиторами дѣти, благодаря отсутствію въ послѣднихъ привычекъ къ самостоятельному труду, которыхъ не могутъ дать имъ гг. репетиторы, быстро начинаютъ хромать и, далеко не достигнувши желаннаго предѣла, аттестата зрѣлости, выходятъ изъ среднихъ классовъ гимназіи, дающихъ лишь обрывки знаній, ничтожное по цѣнности образованіе, даже не начальное, необходимое каждому человѣку въ наше время, полный, законченный, цѣльный курсъ котораго даютъ городскія училища. Значеніе послѣднихъ училищъ весьма велико и уяснится лишь тогда, когда имъ отведутъ подобающее мѣсто, мѣсто центра, откуда учащіеся направлялись-бы, сообразно выясненнымъ школой способностямъ ихъ, въ разныя спеціальныя среднія учебныя заведенія. При составленіи этого плана я руководился желаніемъ, какъ можно лучше приготовить ученика къ жизни, давъ ему возможность легче найти свою дорогу, свою школу, очищая путь его отъ всякихъ препятствій при примѣненіи имъ своихъ способностей; я стремился къ тому, чтобы уменьшить наше страшное зло — появленіе неудачниковъ, частыхъ разочарованій родителей въ способностяхъ своихъ дѣтей, появленіе запоздалаго сознанія взрослыхъ учащихся въ ошибочномъ избраніи ими пути, сознанія, отнимающаго энергію къ дальнѣйшей дѣятельности. Долженъ еще добавить, что я желалъ-бы, чтобы ничѣмъ не стѣснялся переходъ изъ одного средняго учебнаго заведенія въ другіе въ видахъ лучшаго примѣненія ученикомъ своихъ способностей, а для этого необходимо, чтобы въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ курсъ общеобразовательный былъ общимъ.

Опредѣливъ надлежащее мѣсто городскихъ училищъ, какъ подготовительной школы во всѣ среднія учебныя заведенія, мы можемъ теперь установить и болѣе правильную программу для нихъ. Къ тому курсу, какой нынѣ существуетъ въ городскихъ училищахъ, слѣдуетъ добавить новые языки въ объемѣ 4-хъ классовъ гимназій ручной трудъ въ первые два года и ремесленные классы въ послѣдніе четыре года, удѣляя въ осеннее и зимнее время на первое хоть по часу въ день, а на ремесло по два часа: слѣдуетъ ввести весеннія работы по цвѣтоводству, садоводству, травосѣянію и огородничеству; искусства—рисованіе, музыку и пѣніе необходимо поднять на должную высоту, поручивъ эти предметы педагогамъ-спеціалистамъ, и тогда, по моему мнѣнію, отъ такой школы требовать и ожидать лучшаго будетъ нечего. Въ такой школѣ успѣютъ съ достаточной опредѣленностью выясниться способности и наклонности

ученика; подготовка учениковъ будетъ вполнѣ удовлетворительной для успѣшнаго обученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ существующихъ типовъ: гимназій, реальныхъ училищъ, среднихъ техн., сельско-хоз. и художест. школъ и др. Вотъ то многое, чего можно ожидать отъ городскихъ училищъ при нормальной ихъ постановкѣ, при отведеніи имъ подлежащаго мѣста; а пока, не дожидаясь этого „журавля въ небѣ“, слѣдуетъ воспользоваться городскими училищами, какъ прогимназіями, въ которыхъ въ Россіи нужда огромная.

В. Остерниковъ.

Народная школа въ Финляндіи.

(Историческій очеркъ и современное положеніе).

Въ началѣ минувшаго столѣтія народное образованіе въ Финляндіи имѣло исключительно религіозный, церковный характеръ. Собственно народныхъ школъ въ то время совсѣмъ еще и не было: въ городахъ, въ воскресные и праздничные дни, послѣ утренней церковной службы, пасторъ въ продолженіе получаса объяснялъ ту или иную часть катехизиса и затѣмъ предлагалъ слушателямъ вопросы, содержаніе которыхъ имъ уже было извѣстно заранѣе. То же самое практиковалось и въ деревняхъ, только по еще болѣе сокращенной программѣ.

Этотъ порядокъ былъ унаслѣдованъ XIX вѣкомъ отъ болѣе ранняго времени: съ введеніемъ реформаціи въ Швеціи и Финляндіи обученіе дѣтей грамотѣ и Закону Божію сдѣлалось одною изъ главнѣйшихъ обязанностей пасторовъ, дѣятельность которыхъ время отъ времени провѣрялась епископскими „визитаціями“. Обученіемъ дѣтей въ домахъ занимались обыкновенно пономари, подъ наблюденіемъ пасторовъ, которымъ церковный уставъ 1686 г. предписывалъ „прилежно слѣдить, чтобы дѣти и рабочіе мужескаго и женскаго пола учились читать книги и видѣли бы собственными глазами то, что повелѣваетъ намъ Господь въ Своемъ Священномъ Писаніи“. Иногда,—конечно, только въ большихъ городахъ или селеніяхъ,—пономарь выбиралъ себѣ въ помощники особаго „учителя“ (skolemästare).

Преподаваніе, имѣя въ виду лишь церковныя цѣли, ограничивалось грамотой и краткимъ катехизисомъ; при этомъ упражненія въ чтеніи служили только средствомъ для сообщенія учащимся познаній въ Законѣ Божіемъ. Что касается общаго образованія, то еще въ 1768 г. одинъ пасторъ писалъ, что самое завѣтное его желаніе заключается въ томъ, чтобы каждый крестьянинъ умѣлъ подписать свое имя, а женщины—по крайней мѣрѣ, начальныя буквы своего имени и фамиліи. Видимо, и эта скромная цѣль далеко не дости-

галась, не взирая на распоряженіе духовнаго капитула не допускать неграмотныхъ къ церковнымъ таинствамъ и на неоднократно подтверждавшіяся, еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, королевскія повелѣнія о томъ, чтобы родители и опекуны непремѣнно учили своихъ дѣтей грамотѣ и Закону Божію, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, денежныхъ штрафовъ и другихъ взысканій. Лица и учрежденія, на обязанности которыхъ лежала забота о народномъ просвѣщеніи, какъ будто даже и не помышляли о томъ, что умѣнье читать можетъ быть полезно для другихъ культурныхъ надобностей,—для распространенія въ народѣ хотя бы нѣкотораго образованія и для улучшенія матеріальныхъ условій его быта. Это и не удивительно: въ этомъ отношеніи Швеція и Финляндія слѣдовали примѣру всѣхъ прочихъ протестантскихъ государствъ, гдѣ духовенство, въ рукахъ котораго находилось все дѣло народнаго просвѣщенія, заботилось исключительно о томъ, чтобы путемъ чтенія и изученія катехизиса сдѣлать источники вѣроученія доступными каждому вѣрующему (въ странахъ католическихъ народъ оставался совершенно неграмотнымъ). По этой же причинѣ обученіе, наряду съ чтеніемъ, также и письму считалось излишнимъ—или, по крайней мѣрѣ, не обязательнымъ, и количество умѣющихъ писать въ Финляндіи даже въ началѣ XIX вѣка было такъ ничтожно, что въ одномъ изъ офиціальныхъ документовъ 1810 г. выражается пожеланіе, чтобы въ приходскіе школьные учителя выбирались „преимущественно“ люди, писать умѣющіе.

Все сказанное относится исключительно къ „народному“ образованію въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. къ обученію дѣтей простого народа. Для городскихъ жителей въ XVIII вѣкѣ существовали особыя учебныя заведенія, — такъ наз. „тривіальныя“ школы (отъ trivium), въ которыхъ, кромѣ чтенія и Закона Божія, преподавались: письмо, начальная ариѳметика, географія и пѣніе; но о состояніи этихъ школъ въ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка имѣются свѣдѣнія крайне неутѣшительныя: во многихъ изъ нихъ ученики даже послѣ 3—4 лѣтъ обученія оказывались совсѣмъ неграмотными, а въ иныхъ школахъ по цѣлымъ семестрамъ не бывало ни одного ученика, вслѣдствіе чего и учителя разбѣгались, куда попало. Въ народѣ большинство держалось того мнѣнія, что „чтеніе книгъ и нѣкоторое познаніе духовныхъ предметовъ потребно христіанину только ради церковныхъ его отношеній,—для допущенія къ конфирмаціи, вступленія въ бракъ и т. п.“ Поэтому даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ Финляндіи, гдѣ существовали тривіальныя и такъ наз. „гражданскія“ школы, преподаваніе, кромѣ чтенія, письма и катехизиса, ограничивалось, въ большинствѣ случаевъ, только четырьмя

ариѳметическими дѣйствіями на цѣлыхъ числахъ. Неудивительно, что элементарное образованіе не только простого народа, но и болѣе состоятельныхъ классовъ финляндскаго населенія находилось въ самомъ жалкомъ положеніи.

Въ самомъ началѣ XIX столѣтія въ этой области въ Швеціи и Финляндіи повѣяло новымъ духомъ: народное образованіе поставлено было подъ наблюденіе только что созданнаго особаго высшаго правительственнаго учрежденія, — такъ наз. Канцлерскаго Приказа (Kanslersgillet), который тотчасъ же занялся пересмотромъ дѣйствующихъ постановленій о народныхъ школахъ и выработкою для нихъ новаго положенія, болѣе отвѣчавшаго потребностямъ того времени. Канцлерскій Приказъ просуществовалъ недолго,—всего восемь лѣтъ; но и въ этотъ короткій промежутокъ времени его дѣятельность успѣла принести нѣкоторые положительные результаты. Такъ, между прочимъ, по его почину въ университетахъ Лундскомъ, Упсальскомъ и Абоскомъ открыты были публичные курсы педагогики и дидактики; затѣмъ учреждено было нѣсколько семинарій для подготовки школьныхъ и домашнихъ учителей. Одна изъ такихъ семинарій открыта была въ 1807 г. въ Або; ея курсъ былъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ, кто готовился къ учительству.

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности Канцлерскій Приказъ призналъ необходимымъ узнать мнѣніе общества по вопросамъ народнаго образованія. Отвѣтомъ на его циркуляръ по этому предмету, между прочимъ, было предложеніе Финскаго сельскохозяйственнаго общества, которое энергично высказалось за необходимость обратить особенное вниманіе на школы для простонародья. Нѣсколько такихъ народныхъ школъ было учреждено обществомъ на капиталъ, пожертвованный по завѣщанію одного изъ его членовъ, ассесора Альмана, „на распространеніе въ Финляндіи народнаго образованія и на устройство школъ для бѣдныхъ дѣтей въ приходахъ, расположенныхъ по близости къ Таммерфорсу“. Это были, въ сущности, тѣ же катехизическія школы, но съ добавленіемъ первоначальныхъ свѣдѣній изъ ариѳметики и сельскаго хозяйства. Наряду съ этими постоянными школами заведено было также нѣсколько передвижныхъ, для элементарнаго обученія крестьянскихъ дѣтей чтенію и письму; въ этихъ передвижныхъ школахъ преподавали не педагоги по профессіи, а просто грамотные люди, — отставные солдаты, ремесленники, вдовы и пр.

Въ своихъ заботахъ о распространеніи грамотности въ народѣ, Финское сельскохозяйственное общество объявило конкурсъ на проектъ наилучшаго устройства народныхъ школъ и составленіе для нихъ учебнаго плана. На конкурсъ было представлено нѣсколько

сочиненій, изъ которыхъ лучшимъ было признано разсужденіе профессора богословія Тенгстрёма, автора первыхъ въ Финляндіи дѣтскихъ книгъ на финскомъ и шведскомъ языкахъ. Тенгстрёмъ признавалъ необходимымъ требовать отъ поступающихъ въ школу нѣкоторой домашней подготовки, — хотя бы простого умѣнья читать; школа должна была, по его мысли, давать учащимся умѣнье толково выражать свои мысли на письмѣ, знаніе четырехъ правилъ ариѳметики,—по крайней мѣрѣ на цѣлыхъ числахъ, а также — и тройного правила, и умѣнье вести домашнія приходо-расходныя книги. Что касается свѣдѣній по сельскому хозяйству, то они, по мнѣнію Тенгстрёма, должны были служить предметомъ преподаванія въ особыхъ земледѣльческихъ училищахъ. Учителями народныхъ начальныхъ школъ должны быть непремѣнно „академическіе граждане" безукоризненнаго поведенія, не моложе 21 года, хорошо знающіе финскій языкъ и знакомые съ мѣстными нравами и обычаями. Для своихъ педагогическихъ занятій они должны получать особую подготовку, теоретическую и практическую, и держать спеціальный экзаменъ.

Несмотря, однако, на всѣ старанія Сельскохозяйственнаго общества поставить альмановскія школы на должную высоту, достигнутые этими учрежденіями результаты оказались очень жалкими: ученики лишь съ грѣхомъ пополамъ научались читать, а письмо и счетъ давались только немногимъ „избраннымъ". Начиная съ 1816 года, идутъ постоянныя жалобы на крайне плохое состояніе этихъ школъ, и частныя мѣры, принимаемыя для ихъ улучшенія, остаются безплодными. Въ 1839 г. Общество рѣшилось, наконецъ, произвести въ этомъ дѣлѣ коренную реформу и, по соглашенію съ абоскимъ каѳедральнымъ капитуломъ, выработало новое положеніе о народныхъ училищахъ имени Альмана. Согласно этому положенію, въ альмановскихъ безплатныхъ училищахъ должны были обучаться дѣти бѣднѣйшихъ крестьянъ соотвѣтствующихъ приходовъ; предметами преподаванія были: чтеніе, чистописаніе, Законъ Божій, финскій языкъ и четыре ариѳметическія дѣйствія съ цѣлыми числами. Въ каждомъ училищѣ полагался учитель и помощникъ. Въ школы принимались дѣти обоего пола,—мальчики въ возрастѣ отъ 6 до 16, а дѣвочки—отъ 6 до 14 лѣтъ; пребываніе въ школахъ дѣтей старше указаннаго возраста не дозволялось. Ближайшій надзоръ за школами возложенъ былъ на мѣстное духовенство.

Сущность произведеннаго Обществомъ преобразованія альмановскихъ училищъ заключалась въ томъ, что изъ передвижныхъ они были обращены въ постоянные, и изъ курса преподаванія исключено было сельское хозяйство. На первое время число этихъ училищъ ограничено было тремя, и они, повидимому, стали пользоваться до-

вѣріемъ въ народѣ, такъ какъ число учащихся стало быстро рости. Но не прошло и десяти лѣтъ со времени преобразованія, какъ снова послышались прежнія жалобы на то, что альмановскія училища „далеко не во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчаютъ своей цѣли и желаніямъ учредителей“, и что лишь немногіе ученики научаются въ нихъ какъ слѣдуетъ читать и писать, а еще меньше такихъ, которые пріобрѣтаютъ сносный почеркъ и нѣкоторое знаніе ариѳметики. Тогда Сельскохозяйственное общество рѣшило въ послѣдній разъ вновь преобразовать эти школы и, прежде всего, подвергнуть ихъ самой обстоятельной ревизіи. Результатомъ послѣдней была передача альмановскихъ училищъ и фонда, назначеннаго на ихъ устройство и содержаніе, въ вѣдѣніе общаго для всей Финляндіи Управленія училищнаго вѣдомства.

Въ исторіи народнаго образованія въ Финляндіи альмановскія училища имѣютъ значеніе не сами по себѣ, и не какъ педагогическій опытъ, а главнымъ образомъ—потому, что ихъ устройство и судьба вызвали въ литературѣ и обществѣ интересъ къ вопросу объ элементарномъ народномъ обученіи и дали толчекъ къ обсужденію этого вопроса въ широкихъ размѣрахъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Другимъ важнымъ фактомъ въ развитіи финляндской народной школы было начавшееся въ 20-хъ годахъ движеніе въ пользу такъ называемыхъ школъ взаимнаго обученія по системѣ Белля и Ланкастера. Это движеніе въ ту пору охватило почти всю Европу и пустило особенно глубокіе корни въ скандинавскихъ странахъ. Источникомъ его была Англія. Въ 1797 г. вернувшійся изъ Индіи Белль, въ своемъ сочиненіи „An Experiment in education“, опубликовалъ результаты своей педагогической дѣятельности въ Мадрасѣ; въ слѣдующемъ году Ланкастеръ открылъ въ Лондонѣ свою школу, основанную на принципахъ Белля, а въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ двухъ десятилѣтій эти „ланкастерскія школы взаимнаго обученія“ повсюду пріобрѣли огромную популярность. Въ Финляндію эта новая идея проникла одновременно съ запада—изъ Швеціи, и съ востока—изъ Россіи, стараніями основавшагося въ 1818 г. въ Петербургѣ общества для распространенія ланкастерскихъ школъ. Первая такая школа въ Финляндіи открыта была въ Або, въ 1820 г., аптекаремъ Юлинымъ, съ субсидіей отъ правительства въ 1.500 руб. асс.; обученіе въ этой школѣ было безплатное, велось на финскомъ языкѣ и обнимало чтеніе, письмо и ариѳметику; но количество учениковъ первоначально было очень невелико, и только черезъ 15 лѣтъ достигло 340. Эта абосская ланкастерская школа долго была единственною въ своемъ родѣ во всей Финляндіи: только въ началѣ

30-хъ г.г. были открыты двѣ подобныя школы—для мальчиковъ и дѣвочекъ—въ Гельсингфорсѣ, на средства, отчасти ассигнованныя городскимъ управленіемъ, отчасти—пожертвованныя г-жей Демидовой, урожд. Шернваль. Затѣмъ кое-гдѣ открыто было и еще нѣсколько такихъ же школъ.

Но ланкастерскія школы удовлетворяли потребностямъ исключительно городского населенія; что же касается обученія собственно крестьянскихъ дѣтей, то оно по-прежнему находилось въ тѣхъ же плачевныхъ условіяхъ, въ какихъ было и въ XVIII вѣкѣ. Финскіе крестьяне сами считали образованіе дѣломъ совершенно излишнимъ и ненужнымъ для „простыхъ людей“, и умѣющіе писать и считать составляли между ними лишь рѣдкое исключеніе. Попытки духовныхъ властей заводить по деревнямъ школы,—хотя бы амбулаторныя,—встрѣчали только недовѣріе и глухое противодѣйствіе. Крестьяне упорно повторяли, что они, по своей бѣдности, не имѣютъ ни времени, ни возможности посылать дѣтей въ школы; мало того,—большинство высказывало даже убѣжденіе въ совершенномъ вредѣ школьнаго ученья, такъ какъ „опытъ показываетъ, что всѣ крестьянскія дѣти, научившіяся писать, сдѣлались никуда негодными людьми“. Финскій крестьянинъ вообще отличается крайнимъ консерватизмомъ во всѣхъ отношеніяхъ; неудивительно, что увѣщанія пасторовъ съ церковной каѳедры оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а „образованіе“ дѣтей народа ограничивалось, какъ и за сто лѣтъ передъ тѣмъ, умѣньемъ кое-какъ, по складамъ, читать катехизисъ и знаніемъ наизусть нѣсколькихъ молитвъ. Образованное общество не могло оказать сколько-нибудь энергичнаго воздѣйствія на народную массу, какъ въ силу своей отчужденности отъ нея, доходившей даже до презрѣнія къ народному языку и замѣны его чужимъ—шведскимъ, такъ и потому, что въ самомъ этомъ обществѣ еще не выработалось яснаго представленія о задачахъ народной школы. Только въ 40-хъ годахъ появляются признаки болѣе разумнаго отношенія „руководящихъ“ классовъ финляндскаго общества къ этому дѣлу. Въ печати все чаще и чаще начинаютъ раздаваться голоса убѣжденныхъ сторонниковъ народной школы, доказывающихъ необходимость серьезныхъ мѣропріятій для борьбы съ невѣжествомъ, и мало-по-малу общимъ достояніемъ становится мысль о томъ, что школы для дѣтей простого народа могутъ и должны имѣть другую цѣль, кромѣ сообщенія учащимся сомнительнаго умѣнья читать и знанія необходимѣйшихъ молитвъ; что онѣ должны, по крайней мѣрѣ, наиболѣе даровитымъ ученикамъ давать такія знанія, которыя были бы полезны для улучшенія матеріальныхъ условій крестьянскаго быта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывать извѣстное воздѣйствіе на ум-

ственное и нравственное развитіе учащихся; что необходимо обратить серьезное вниманіе также и на образованіе будущихъ матерей и пр. Всѣ эти истины, въ наше время совершенно азбучныя, въ Финляндіи начала 40-хъ гг. были еще большою новостью даже для очень образованныхъ людей, какими несомнѣнно были многіе представители духовенства: еще въ 1842 г. абосскій духовный капитулъ рѣшительно высказывалъ, что для крестьянъ вполнѣ достаточно одного чисто-церковнаго обученія, и ни о какомъ иномъ не должно быть и рѣчи...

Начало 40-хъ годовъ въ Финляндіи ознаменовалось общей реформой учебнаго дѣла. Въ моментъ присоединенія Великаго Княжества къ Россіи Канцлерскій Приказъ былъ занятъ вопросомъ о пересмотрѣ „временнаго“ учрежденія училищъ, благополучно дѣйствовавшаго въ Швеціи и Финляндіи съ 1724 года. Указомъ императора Александра I отъ 26 августа 1814 г. учреждена была особая коммиссія по устройству учебнаго дѣла въ Выборгской губерніи. Въ 1819 г. этой же коммиссіи было поручено разработать планъ устройства учебной части въ Финляндіи вообще. Въ 1825 г. эта коммиссія, ничего не совершивъ, была упразднена, и на мѣсто ея учреждена новая; но только въ ноябрѣ 1843 г. издано было, наконецъ, новое положеніе объ училищахъ въ Великомъ Княжествѣ, вступившее въ силу съ начала 1844 г. Такимъ образомъ, старое шведское устройство учебной части просуществовало цѣлыхъ 120 лѣтъ почти безъ всякихъ перемѣнъ. По новому уставу прежнія „тривіальныя“ школы замѣнены были гимназіями, и въ первый разъ учреждены женскія учебныя заведенія—„для дочерей образованныхъ родителей“, а также—ремесленныя школы и воскресные курсы для рабочихъ. Лѣтъ за десять передъ тѣмъ возникли въ Финляндіи первые педагогическіе журналы, которые, въ числѣ другихъ вопросовъ воспитанія и обученія, мало-по-малу выдвинули на первый планъ вопросъ о народной школѣ. Какъ разъ въ эту же пору въ скандинавскихъ государствахъ началось сильное движеніе въ пользу народнаго образованія, конечно, отразившееся и въ сосѣдней Финляндіи. Среди самого финскаго народа, который ранѣе, какъ мы видѣли, относился къ школьному дѣлу, если не враждебно, то, во всякомъ случаѣ, съ тупымъ равнодушіемъ, повѣяло въ 40-хъ годахъ новымъ духомъ, стали проявляться новыя вѣянія—религіозныя и національныя. Распространеніе піетизма вызывало въ народной массѣ интересъ къ духовной жизни вообще, а слѣдовательно—и интересъ къ чтенію и образованію; гораздо болѣе сильное и рѣшительное вліяніе въ вопросѣ народной школы имѣло національное движеніе въ пользу финскаго языка и литературы, встрѣченное въ народѣ съ восторженнымъ сочувствіемъ.

Основываются доступныя простому человѣку финскія газеты; появляются на финскомъ языкѣ дешевыя изданія по разнымъ отраслямъ знанія и литературы; выступаютъ въ печати самобытные поэты-крестьяне, которые въ своихъ безыскусственныхъ пѣсняхъ горячо ратуютъ за право финскаго народа участвовать въ общемъ культурномъ движеніи, и пр. Крестьянская масса, дотолѣ инертная, начинаетъ пробуждаться, и въ ней прежде всего проявляется стремленіе къ образованію; финскій народъ все громче и настойчивѣе требуетъ школъ. Школьный вопросъ въ теченіе 40-хъ годовъ становится предметомъ первостепеннаго значенія: онъ обсуждается всесторонне и въ спеціальныхъ изданіяхъ, и въ газетахъ, и въ собраніяхъ различныхъ ученыхъ обществъ, и даже въ сферахъ правительственныхъ; оппозиція этому новому движенію мало-по-малу ослабѣваетъ... Но реакція въ нашей внутренней политикѣ, особенно усилившаяся въ концѣ 40-хъ гг. и приведшая въ Финляндіи даже къ запрещенію печатать на народномъ языкѣ какія бы то ни было книги, за исключеніемъ богослужебныхъ и сельскохозяйственныхъ, опять надолго затормозила правильное рѣшеніе школьнаго вопроса. Въ силу обстоятельствъ, первый шагъ, сдѣланный правительствомъ для организаціи различныхъ учебныхъ заведеній края, оказался шагомъ реакціоннымъ. По почину тогдашняго финляндскаго генерала-губернатора кн. Меньшикова, въ декабрѣ 1851 г. учрежденъ былъ особый комитетъ „для усиленія въ Финляндіи религіознаго просвѣщенія народа“. Комитетъ этотъ, членами котораго назначены были представители церковной и гражданской администраціи, долженъ былъ, по выраженію офиціальнаго документа объ его учрежденіи, имѣть особое попеченіе о благоустройствѣ бѣднѣйшаго населенія Финляндіи и всего болѣе—объ укрѣпленіи въ этомъ населеніи „должнаго порядка“; съ этою цѣлью важнѣйшимъ предметомъ его заботъ должно было служить религіозное воспитаніе подростающихъ поколѣній, для противодѣйствія „обнаруживающемуся нынѣ повсюду въ западной Европѣ превратному направленію умовъ“. Такимъ образомъ, на обязанность комитета возложено было изысканіе мѣръ для предотвращенія той опасности, какою угрожало финскому населенію западное вліяніе. Соотвѣтственно этому комитетъ видѣлъ свою задачу не въ содѣйствіи распространенію образованія, а только въ томъ, чтобы поставить народную школу въ условія, препятствующія распространенію идей, которыя въ ту пору признавались особенно вредными для низшихъ классовъ населенія. Указывая на то, что совершенная неграмотность и невѣдѣніе основныхъ положеній христіанскаго вѣроученія встрѣчаются среди простонародья „лишь въ исключительныхъ случаяхъ“, и выражая увѣренность въ томъ, что „непоколебимая честность, всегда замѣчавшаяся среди

финскаго сельскаго населенія и не уменьшившаяся даже при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, по всей вѣроятности, всегда будетъ служить достаточнымъ оплотомъ противъ тѣхъ заблужденій, какія проявились въ послѣднее время во многихъ другихъ странахъ Европы", комитетъ, съ другой стороны, нашелъ необходимымъ высказать, что „не только факты, почерпаемые изъ уголовной статистики края, но и вообще грубость нравовъ, нерѣдко наблюдаемая среди низшихъ классовъ населенія, указываютъ на необходимость извѣстныхъ мѣропріятій въ видахъ болѣе дѣйствительнаго развитія и укрѣпленія вѣрноподданнической любви къ отечеству, составляющей одну изъ важнѣйшихъ основъ христіанскаго образа жизни". Лучшимъ средствомъ для достиженія указанной цѣли, по мнѣнію комитета, было устройство церковныхъ школъ, въ которыхъ, какъ это уже и практиковалось въ XVIII столѣтіи преподавателями были бы пономари, а предметы преподаванія ограничивались чтеніемъ, библейской исторіей и катехизисомъ. Всякое иное образованіе было бы, по мнѣнію комитета, для народа не только излишне, но даже вредно. Нѣкоторые члены, впрочемъ, великодушно соглашались допустить въ народную школу обученіе письму и начаткамъ ариѳметики,—но только тамъ, гдѣ къ этому „представится возможность", слѣдовательно—не въ видѣ общаго правила, а лишь въ видѣ исключенія.

Изложенное выше мнѣніе комитета было мнѣніемъ большинства его членовъ, а именно—представителей духовенства, къ которымъ всецѣло присоединился очень вліятельный въ то время выборгскій губернаторъ, баронъ Котенъ; предсѣдатель комитета—вице-президентъ хозяйственнаго департамента сената баронъ Гартманъ, съ двумя или тремя другими членами, остался въ меньшинствѣ, не одобряя исключительно-церковнаго характера народной школы и находя своевременнымъ и желательнымъ установить для нея нѣсколько болѣе широкую программу. Это разномысліе въ средѣ комитета и было причиною того, что окончаніе его работъ затянулось до января 1853 г. Выработанное комитетомъ новое „положеніе о народномъ образованіи въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ" было, однако же, задержано кн. Меншиковымъ,—какъ полагаютъ, не безъ вліянія со стороны бар. Котена, недовольнаго тѣмъ, что въ окончательной редакціи положенія пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки меньшинству,—и не получило движенія. Въ мартѣ 1855 г. кн. Меншиковъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора; его преемникъ, графъ Бергъ, не имѣлъ возможности тотчасъ же заняться разсмотрѣніемъ комитетскаго проекта: время было военное, вниманіе правительства было отвлечено совсѣмъ въ другую сторону. А по заключеніи мира обнаружилось въ правительственныхъ

сферахъ совершенно иное направленіе, которому комитетскій проектъ уже не соотвѣтствовалъ,—и новый генералъ-губернаторъ, баронъ Рокасовскій, могъ съ спокойнымъ сердцемъ сдать все это дѣло въ архивъ... Такимъ образомъ, благопріятное для финскаго народа стеченіе обстоятельствъ избавило его отъ дѣйствительной опасности—получить школьную организацію, которая была признана непригодною уже въ XVIII вѣкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что идеи, которыми руководился комитетъ 1851 г., были внушены руководителями шведской партіи,—„свекоманами", которые, почуявъ умственное пробужденіе финскаго народа, стали употреблять самыя ожесточенныя усилія для того, чтобы помѣшать развитію въ этомъ народѣ національнаго самосознанія. Угрожая правительству призракомъ небывалаго финскаго сепаратизма, свекоманы побуждали его подозрительно смотрѣть на самыя невинныя проявленія финской національности, запрещать печатаніе книгъ и газетъ на финскомъ яз., отказывать этому языку въ правахъ литературнаго и академическаго гражданства и т. д. Если бы этой сильной партіи удалось осуществить свою идею и окончательно убѣдить правительство въ томъ, что народъ не нуждается ни въ какомъ иномъ образованіи, кромѣ умѣнья читать церковныя книги и знанія необходимѣйшихъ молитвъ,—если бы проектъ меншиковскаго комитета получилъ законодательную санкцію, то, конечно, національное движеніе среди финскаго народа было бы задушено въ зародышѣ, и умственное развитіе этого народа было бы задержано еще на много десятилѣтій: невѣжественный народъ финскій надолго бы остался безотвѣтнымъ „быдломъ" подъ властью образованнаго шведскаго меньшинства, гордаго своей „исторической культурой", и это меньшинство удержало бы за собою положеніе почти безконтрольнаго хозяина цѣлаго края. Къ счастью для финскаго народа, составляющаго $^9/_{10}$ всего населенія Великаго Княжества, съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра II дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ, и свекоманамъ, несмотря на всѣ ихъ усилія, не удалось задержать стремленія этого народа къ свѣту и самостоятельности.

Годы реакціи не ослабили въ финскомъ образованномъ обществѣ интереса къ народной школѣ. Наоборотъ, этотъ интересъ постоянно поддерживался извѣстіями о быстромъ прогрессѣ народнаго образованія въ скандинавскихъ государствахъ, гдѣ въ ту пору слѣдовали другъ за другомъ очень удачные педагогическіе опыты. Такимъ образомъ, теоретическое обсужденіе этого предмета, можно сказать, не прекращалось. Финское сельскохозяйственное общество, которое, какъ мы уже видѣли, включало въ кругъ своихъ занятій также и заботу о развитіи народнаго просвѣщенія, въ 1856 г. премировало

разсужденіе г. Меурмана о наилучшей организаціи народныхъ школъ, служившее отвѣтомъ на предложенный Обществомъ вопросъ. Въ томъ же году богословскій и историко-филологическій факультеты Александровскаго университета предложили студентамъ и магистрантамъ соотвѣтственныя темы на соисканіе наградъ. При такихъ обстоятельствахъ, рѣшительный шагъ, сдѣланный новымъ государемъ къ упорядоченію народнаго образованія въ Финляндіи, является не только слѣдствіемъ его личныхъ гуманныхъ воззрѣній, но и дѣломъ государственной мудрости, принимающей во вниманіе духъ времени и законныя стремленія народа.

За недѣлю до подписанія парижскаго трактата, въ первый день Пасхи, 11 марта 1856 г., императоръ Александръ II прибылъ въ Гельсингфорсъ, и на слѣдующій же день, въ чрезвычайномъ засѣданіи финляндскаго сената, предложилъ послѣднему, въ числѣ прочихъ соображеній, которыя должны были быть представлены на Высочайшее воззрѣніе, „выработать проектъ мѣропріятій для облегченія сельскимъ обществамъ учрежденія начальныхъ училищъ для крестьянскихъ дѣтей“. Вслѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія, духовная экспедиція сената немедленно потребовала отъ всѣхъ церковныхъ капитуловъ края подробныхъ заключеній по указанному вопросу. Заключенія эти, доставленныя сенату въ концѣ октября того же года, замѣчательны въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, всѣ они почти дословно совпадаютъ одно съ другимъ,—что было, разумѣется, результатомъ предварительнаго соглашенія между руководящими лицами, и, во вторыхъ, всѣ они, по существу, очень близко подходятъ къ проекту, выработанному въ свое время меншиковскимъ комитетомъ: высшіе представители духовнаго сословія въ Финляндіи и на этотъ разъ оставались вѣрны себѣ и не нашли возможнымъ предложить ничего другого, кромѣ все тѣхъ же „пономарей“, поручая имъ, впрочемъ, обученіе не одному только чтенію да катехизису, но также и письму, и начальной ариѳметикѣ. Только въ этомъ отношеніи и допущена была капитулами нѣкоторая уступка новымъ вѣяніямъ...

Сенатъ, разсмотрѣвъ присланныя заключенія, рѣшилъ, въ виду особой важности возбужденнаго вопроса, отпечатать ихъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, на шведскомъ и финскомъ языкахъ и разослать по всѣмъ приходамъ, приглашая заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ присылать свои мнѣнія въ экспедицію духовныхъ дѣлъ. Срокомъ для подачи этихъ заявленій назначенъ былъ конецъ августа 1857 г. Къ этому сроку въ духовную экспедицію поступило всего 19 письменныхъ мнѣній отъ разныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ преобладали пасторы, но находились также и

нѣсколько учителей среднихъ учебныхъ заведеній и профессоръ русской словесности въ Александровскомъ университетѣ Барановскій, начальникъ медицинскаго управленія Гартманъ и одинъ крестьянинъ, Густавъ Патури,—единственный, написавшій свое мнѣніе на финскомъ языкѣ. Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ этихъ документовъ является мнѣніе пастора петербургской финской церкви Уно *Цигнеуса*, человѣка, знаменитаго въ исторіи просвѣщенія финскаго народа и заслужившаго названіе „отца финской народной школы". Просвѣщенный народолюбецъ и педагогъ, превосходно усвоившій руководящіе принципы Песталоцци, Дистервега Фребеля и другихъ свѣтилъ нѣмецкой педагогіи и уже много лѣтъ лично руководившій занятіями въ петербургской приходской школѣ, Цигнеусъ явился горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ широкой постановки дѣла народнаго образованія. Онъ убѣдительно доказывалъ необходимость организаціи финской народной школы по европейскому образцу и прежде всего—необходимость спеціальной подготовки народныхъ учителей и учрежденія съ этою цѣлью учительской семинаріи, проектъ которой и былъ имъ разработанъ во всѣхъ подробностяхъ. Основныя положенія, высказанныя Цигнеусомъ, были одобрены и сенатомъ при окончательномъ обсужденіи вопроса въ общемъ собраніи, въ ноябрѣ 1857 г. По представленію сената послѣдовало, 19 апрѣля 1858 г., „Высочайшее объявленіе объ основаніяхъ устройства народнаго образованія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ". Согласно этому объявленію, первоначальное обученіе чтенію должно быть предметомъ занятій въ семьѣ и въ воскресныхъ школахъ грамотности, объ устройствѣ которыхъ, по мѣрѣ нужды, должны заботиться сами сельскія общества; для сообщенія же учащимся дальнѣйшихъ познаній, необходимыхъ для каждаго, должны быть учреждены особыя постоянныя народныя школы, на счетъ соотвѣтствующаго общества, съ пособіемъ отъ казны, размѣръ котораго опредѣляется, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, хозяйственнымъ департаментомъ сената. Въ этихъ школахъ (отъ поступающихъ въ нихъ должно требоваться безошибочное чтеніе на родномъ языкѣ и умѣнье пересказать содержаніе прочитаннаго) Законъ Божій долженъ преподаваться духовными лицами, а остальные предметы—свѣтскими учителями, по особой программѣ, которая ближайшимъ образомъ будетъ опредѣлена впослѣдствіи; сверхъ того, учащимся, въ случаѣ ихъ желанія и если позволятъ обстоятельства, должна быть предоставлена возможность заниматься практическими упражненіями въ полезномъ ручномъ трудѣ и ремеслахъ, или въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ. Ближайшій надзоръ за школами, равно какъ и хозяйственное управленіе ими, поручается совѣту,

состоящему изъ лицъ, избираемыхъ самимъ обществомъ; высшее же наблюденіе за всѣми вообще народными училищами возлагается на главное управленіе училищнаго вѣдомства. Для подготовки школьныхъ учителей, которые, чтобы не потерять интереса къ своему занятію и вполнѣ освоиться съ своимъ положеніемъ, должны какъ по образу жизни, такъ и въ другихъ отношеніяхъ стоять возможно ближе къ своимъ ученикамъ, признается необходимымъ учредить на счетъ казны учительскую семинарію, съ женскимъ отдѣленіемъ, въ удобномъ для сего мѣстѣ внутри страны; относительно же организаціи этого учебнаго заведенія должны быть выработаны ближайшія указанія. Наконецъ, для того, чтобы названныя учебныя заведенія и вообще все учебное дѣло въ краѣ могли получить такое устройство, при которомъ предположенная для нихъ цѣль могла бы быть наилучшимъ образомъ достигнута, сенату предоставляется избрать лицо, обладающее потребными для народнаго учителя знаніями и способностями, и, при соотвѣтственномъ пособіи изъ казны, поручить ему, во-первыхъ, путемъ личнаго объѣзда всей Финляндіи привести въ ясность современное положеніе народнаго образованія и собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія по этой части, и, во-вторыхъ, посѣтить тѣ страны, въ которыхъ народное образованіе поставлено наиболѣе цѣлесообразно, и затѣмъ представить главному управленію училищъ свое подробное заключеніе по всѣмъ вопросамъ, касающимся организаціи этого важнаго дѣла; сенату же, послѣ обсужденія всѣхъ относящихся къ этому предмету вопросовъ, войти съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ объ окончательномъ устройствѣ народнаго обученія въ краѣ.

Исполнителемъ указаннаго порученія явился все тотъ же пасторъ Цигнеусъ, который взялся за это дѣло съ горячею, юношескою энергіею, въ полномъ сознаніи великой важности его для всего края. Въ 1858—59 гг. онъ совершилъ продожительное путешествіе сначала по Финляндіи, потомъ—за-границею. Общее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ обзора народныхъ училищъ своей родины, было очень безотрадно: онъ нашелъ, что умѣнье читать, дѣйствительно, довольно распространено повсюду, такъ что совсѣмъ безграмотные составляютъ исключеніе, но за то въ большинствѣ случаевъ это умѣнье читать оказывается совершенно механическимъ: люди читаютъ, вовсе не понимая прочитаннаго, точно такъ же, какъ, заучивая наизусть формулы катехизиса, не въ состояніи ихъ объяснить. Въ Швеціи народная школа оказалась также далеко не на высотѣ своего призванія, —главнымъ образомъ, по недостатку спеціально подготовленныхъ учителей и по отсутствію педагогическаго контроля. Самъ будучи пасторомъ, Цигнеусъ, однако же, не постѣс-

нился откровенно заявить, что пока народная школа не будетъ освобождена отъ подавляющаго вліянія духовенства, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться на сколько-нибудь существенное улучшеніе народнаго образованія. Гораздо болѣе удовлетворила его организація народно-учебнаго дѣла въ Германіи и Австріи, особенно же—въ Швейцаріи, гдѣ онъ нашелъ и превосходныя учительскія семинаріи, и періодическіе съѣзды учителей, и дѣятельный, живой интересъ къ народной школѣ въ широкомъ кругу общества. Въ февралѣ 1860 г., возвратившись въ Финляндію, Цигнеусъ представилъ сенату подробный отчетъ о своей поѣздкѣ, и ему тотчасъ же поручено было выработать подробный планъ организаціи всего народно-школьнаго дѣла въ краѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сенатъ ходатайствовалъ о назначеніи Цигнеуса главнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ Финляндіи и директоромъ учительской семинаріи, когда послѣдняя будетъ учреждена, а также—объ учрежденіи восьми стипендій, по 750 р. каждая, для шести учителей и двухъ учительницъ, съ тѣмъ, чтобы эти стипендіаты могли, въ теченіе года, посѣтить лучшія заграничныя семинаріи и практически ознакомиться съ характеромъ и методами преподаванія въ народныхъ школахъ. Это ходатайство сената было удовлетворено Высочайшимъ рескриптомъ 17—29 января 1861 г. Вслѣдъ затѣмъ сенатомъ образована была особая коммиссія для окончательной редакціи законопроекта о народныхъ училищахъ. Заключенія этой коммиссіи, въ составъ которой вошли профессора университета, преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній и представители церковныхъ капитуловъ, были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе для того, чтобы заинтересованныя лица имѣли возможность сообщить сенату свои замѣчанія. Только въ октябрѣ 1865 г. окончательно составленный законопроектъ вновь поступилъ на разсмотрѣніе сената; еще раньше въ гор. Ювэскюлэ была учреждена первая въ Финляндіи учительская семинарія. Наконецъ, 11 мая 1866 г. „Положеніе объ устройствѣ народнаго преподаванія въ В. Кн. Финляндскомъ“ получило Высочайшее утвержденіе. Предположенія Цигнеуса, почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ формулировалъ ихъ энергичный радѣтель финскаго просвѣщенія, стали дѣйствующимъ закономъ.

Основныя начала этого законодательнаго акта, такъ настойчиво проведенныя въ жизнь усиліями Цигнеуса, обнаруживаютъ въ „отцѣ финской народной школы“ убѣжденнаго приверженца педагогическихъ идеаловъ Песталоцци и Дистервега. Эти идеалы, въ примѣненіи къ народному просвѣщенію, слагались изъ трехъ главныхъ элементовъ. Исходя изъ филантропической точки зрѣнія и болѣе всего увлекаемый своею самоотверженною любовью къ человѣчеству, Песталоцци

главною цѣлью дѣятельности народнаго учителя считалъ стремленіе поднять умственный и нравственный уровень народа, пробудить его духовныя силы и улучшить его матеріальное положеніе. Народная школа, по мысли Песталоцци, всецѣло усвоенной Цигнеусомъ, должна была быть учрежденіемъ прежде всего воспитательнымъ, а затѣмъ уже — образовательнымъ. Далѣе, преподаваніе въ народной школѣ должно было основываться на психологическихъ началахъ, руководствуясь которыми воспитатель долженъ былъ внимательно слѣдить за душевнымъ пробужденіемъ воспитанника и гармонически развивать его физическія и умственныя силы. Эта психологическая основа давала несравненно болѣе широкое поле для педагогическаго воздѣйствія, нежели какая бы то ни было опредѣленная программа преподаванія; въ ней-то именно и видѣлъ Песталоцци ключъ къ правильному рѣшенію поставленной имъ задачи — поднять, путемъ школы, уровень народной культуры какъ духовной, такъ и матеріальной. Современныя ему обстоятельства еще болѣе углубили эту задачу, выдвинувъ вопросъ о національномъ развитіи народа, освободившагося отъ тяготѣвшей надъ нимъ феодальной опеки. Дѣятельность народнаго учителя должна быть направлена къ тому, чтобы постепенно довести подростающія поколѣнія до той степени политической зрѣлости, при которой народъ могъ бы самъ осуществлять на практикѣ свои интересы. Эти три основные элемента—филантропическій, психологическій и политическій—съ самаго начала придали песталоцціевской народной школѣ особый отпечатокъ. Съ теченіемъ времени филантропическія стремленія мало-по-малу отступили на второй планъ, ограничиваясь кругомъ спеціальныхъ школъ для бѣдныхъ, увѣчныхъ и т. п. дѣтей; элементъ психологическій долгое время оставался преобладающимъ, особенно благодаря образцовой въ этомъ отношеніи дѣятельности Дистервега. Что касается политическаго элемента, то онъ началъ мало-по малу выдвигаться на первое мѣсто лишь въ позднѣйшее премя, въ силу тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, которыя способствовали пробужденію національнаго чувства и стремленія къ самодѣятельности у разныхъ народовъ Европы, причемъ, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, въ разныхъ странахъ проявлялся весьма различно.

Указанные три элемента, изъ которыхъ слагался идеалъ песталоцціевской народной школы, положены были въ основу педагоги ческой системы Цигнеуса. Цѣлью народной школы, по мысли финскаго педагога, должно было служить *гражданское воспитаніе* народа; средствомъ для достиженія этой цѣли являлось психологически обоснованное обученіе („гармоническое развитіе физическихъ и духовныхъ силъ“) отдѣльной личности, направленное къ тому, чтобы

сдѣлать эту личность дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества. А такъ какъ физическая и психологическая сторона дѣла составляетъ „общечеловѣческій матеріалъ", то и школа народная должна быть общею для всѣхъ, безъ различія индивидуальныхъ условій. Другими словами, начальная народная школа, по своему характеру и программѣ, должна быть обязательнымъ для лицъ всякаго званія первымъ шагомъ на пути къ знанію; дальнѣйшіе шаги могутъ быть сдѣланы, въ зависимости отъ способностей, матеріальныхъ средствъ, общественнаго положенія и т. д., въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, общихъ и спеціальныхъ, но всѣ эти заведенія должны быть только вѣтвями того „древа познанія", корнемъ котораго служитъ начальная народная школа. Такимъ образомъ устанавливался весьма важный принципъ *органической связи* между всѣми учебными учрежденіями края, образующими, въ своей совокупности, цѣльную и стройную систему, отъ народной школы до университета и высшихъ спеціальныхъ училищъ. Послѣдовательное проведеніе этого существенно важнаго основного начала составило задачу дальнѣйшаго устройства учебной части въ Финляндіи.

Что касается, наконецъ, элемента политическаго, то въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что финская народная школа, организованная по мысли Цигнеуса, возникла именно въ то время, когда только что началось національное пробужденіе финскаго народа,— когда этотъ народъ, такъ долго угнетаемый своими шведскими господами, началъ оживленную и дѣятельную борьбу за свое право на самостоятельное и преобладающее значеніе и вліяніе въ общественной и политической жизни своей родины. Успѣхомъ въ этой борьбѣ финскій народъ существенно обязанъ именно своей школѣ: можно смѣло сказать, что финскій народный учитель, въ концѣ концовъ, одолѣлъ шведскаго чиновника... *)

П. Морозовъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Главными пособіями при составленіи этого историческаго очерка служили сочиненія г. Густава *Lönnbeck'a:* „Folkskoleidéns utveckling i Finland" (H: fors 1887) и „Uno Cygnaeus, Suomen kansakoulun isä „(H: ssa 1890), а также—рядъ статей разныхъ авторовъ въ журналѣ „Tidskrift för folkskolan och folkhögskolan".

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1904 г.

(*Продолженіе* *).

(Курская, и Орловская губерніи).

Придерживаясь прежней системы, вслѣдъ за южными земскими губерніями, мы приступимъ къ обзору дѣятельности земствъ Курской губерніи, расположенныхъ на границѣ между югомъ и сѣверомъ.

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ мы отмѣчали, что курское губернское земство, въ заботахъ о поднятіи культурнаго уровня населенія, занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди другихъ земствъ.

Увы!—О 1904 годѣ мы не только не можемъ констатировать этого факта, но, къ прискорбію, должны сообщить совершенно обратное: въ названномъ году совершилась, можно сказать, гибель курскаго губернскаго земства.

Реакціонная крѣпостническая партія съ княземъ Касаткинымъ-Ростовскимъ во главѣ давно уже точила зубы на „либераловъ", но въ теченіе почти десяти лѣтъ послѣдніе составляли настолько крупную силу, что самимъ по себѣ темнымъ силамъ ничего нельзя было подѣлать.

Но вотъ на сценѣ появился лидеръ реакціи, знаменитый покойный фонъ-Плеве, поднявшій всю черную рать на мыслящую Россію, и курскіе крѣпостники получили поддержку.

Почти спеціально съ этою цѣлью въ Курскую губернію былъ присланъ г. Зиновьевъ. Онъ, такъ сказать, вдунулъ жизнь въ омертвѣвшую было реакцію, и она воспрянула и ожила.

Въ это же время князь Касаткинъ-Ростовскій породнился съ бѣл-

*) См. II и III №№ „*Русской Школы*" за 1905 г.

городскими крѣпостниками, давно уже стремившимися придушить прогрессивныя стремленія курскаго губернскаго земства.

Организовавшись, они дали губернскому земству, въ качествѣ гласныхъ отъ Бѣлгородскаго уѣзда, такихъ лицъ, какъ Говоруха-Отрокъ и Графъ Дорреръ, отъ Фатежскаго уѣзда—такого убѣжденнаго рабовладѣльца, какъ Батезатулъ, автора брошюры „*Китай или мы*“ *) и т. д., и т. п.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если бы выборы въ курской губерніи произошли послѣ смерти Плеве, конечно, ни одно изъ этихъ лицъ не попало бы въ гласные, но, къ несчастью, избирательная сессія случилась именно въ разгаръ владычества реакціоннаго министра, и на мѣстахъ, при поддержкѣ администраціи, было сдѣлано все, чтобы не прошли представители истинныхъ нуждъ народа.

По странной случайности, почти какъ разъ ко времени открытія очередного курскаго губернскаго земскаго собранія князь Святополкъ-Мирскій реабилитировалъ извѣстнаго земскаго и общественнаго дѣятеля князя Долгорукова.

Суджанцы тотчасъ же избрали своего любимаго земца, и, къ ужасу крѣпостниковъ, ненавистный имъ князь Долгоруковъ, какъ тѣнь Наполеона, появился на земскомъ собраніи.

Нужно-ли говорить, что курская публика, въ громадномъ количествѣ собравшаяся въ земскомъ залѣ, радостными и шумными рукоплесканіями встрѣтила князя Долгорукова, которымъ, совершенно основательно, гордится.

Принуждены были рукоплескать и реакціонеры, но уже на другой день они постарались умалить общественное сочувствіе. Оказазалось, что секретарь изъ крайней правой партіи записалъ, что, при появленіи кн. Долгорукова, „нѣкоторые гласные“ рукоплескали. И вотъ, въ присутствіи виновника торжества, поднимается споръ, результатомъ котораго было занесеніе въ журналъ, что князя Долгорукова привѣтствовало *собраніе*. И это, кажется, была единственная на собраніи „побѣда“ либераловъ: во всемъ остальномъ въ 1904 году они потерпѣли фіаско.

Мы позволимъ себѣ привести выдержки изъ интересной статьи Е. З., напечатанной въ № „Саратовской Недѣли“ за 1905 г.: „Изгнаніе третьяго элемента изъ коммиссій Курскаго губернскаго земства“. Изъ нея выяснится вся суть „работы“ курскихъ реакціонеровъ.

„Курское губернское земство,—говоритъ Е. З.,—за послѣдніе 8—

---

*) См. объ этомъ, между прочимъ, нашу статью въ „*Образованіи*“ № 8, 1904 г.

10 лѣтъ, по нѣкоторымъ отраслямъ земскаго хозяйства стало впереди своихъ сосѣдей; между тѣмъ не было никакихъ внѣшнихъ причинъ, которыя особенно благопріятствовали бы развитію дѣятельности Курскаго губернскаго земства: ни финансовыя условія, ни экономическое состояніе населенія, ни административныя условія, ничто, казалось, не ставило именно Курское земство въ особую исключительную обстановку. Въ числѣ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ развитію его дѣятельности, была одна черта во внутренней жизни Курскаго земства, особенно оказавшая существенную услугу для положительной созидательной работы. Эта черта, почти общая лучшимъ земствамъ и лучшимъ эпохамъ въ 40 лѣтней жизни всѣхъ земскихъ учрежденій, заключается въ привлеченіи къ обсужденію теоретическихъ и практическихъ вопросовъ земской жизни по возможности большаго числа земскихъ гласныхъ и земскихъ служащихъ, т. е. такъ называемаго третьяго элемента и, наконецъ, лицъ постороннихъ, свѣдущихъ въ томъ или другомъ кругѣ вопросовъ. Дѣятельное сотрудничество лицъ названныхъ категорій осуществляется, между прочимъ, обыкновенно путемъ организаціи разнаго рода совѣщательныхъ коммиссій, вспомогательныхъ совѣтовъ или совѣщаній. Такимъ путемъ пользуются для земской работы культурныя силы, формально не связанныя съ текущей дѣятельностью земства и съ исполнительными земскими органами—управами; такимъ путемъ создается, до извѣстной, конечно, степени, доступность земской работы; послѣдняя становится въ нѣкоторой мѣрѣ работой общественной. На этотъ же путь привлеченія сотрудниковъ вступило и Курское губернское земство лѣтъ 8—10 тому назадъ, организовавъ при губернской управѣ постоянную коммиссію народнаго образованія и экономическій совѣтъ. Помимо губернскихъ гласныхъ, избранныхъ губернскимъ и уѣздными земскими собраніями, въ названныя совѣщательныя коммиссіи входили на правахъ членовъ много интеллигентныхъ служащихъ земства и вообще лица изъ мѣстнаго общества, заинтересованныя и свѣдущія въ вопросахъ экономическихъ или народнаго образованія. Съ теченіемъ времени составъ этихъ коммиссій все увеличивался, и къ концу 1903 года въ коммиссіи губернскаго земства по народному образованію считалось около 90 лицъ. Въ значительной степени благодаря такому именно порядку Курское губернское земство въ области народнаго образованія за немногіе послѣдніе годы сдѣлало гораздо больше, чѣмъ за нѣсколько предшествовавшихъ десятилѣтій.

„Той части губернскихъ земскихъ гласныхъ которая не сочувствовала усиленной культурной работѣ губернскаго земства, былъ ненавистенъ установившійся порядокъ; и какъ только сторонники

застоя начали получать перевѣсъ въ губернскомъ собраніи, они, естественно, должны были постараться опрокинуть этотъ порядокъ составленія и дѣятельности вспомогательныхъ коммиссій; они должны были какъ-либо или уничтожить самыя коммиссіи или выжить изъ нихъ не-губернскихъ гласныхъ, объявивъ ихъ элементомъ постороннимъ земству, элементомъ чуждымъ интересамъ земли и мѣстнаго населенія. Изъ двухъ способовъ они избрали послѣдній, возбудивъ вопросъ о томъ, можно-ли этому „третьему элементу" предоставлять право голосованія въ коммиссіяхъ, имѣютъ-ли послѣднія право безъ губернскаго собранія усиливать свой составъ новыми членами, не опасно-ли оказывать довѣріе постороннимъ лицамъ. Губернскому собранію сессіи 1904 года отъ губернской управы былъ представленъ докладъ съ предложеніемъ возстановить прежній порядокъ дѣятельности коммиссіи, оставивъ право голосованія для третьяго элемента *). Пренія, возбужденныя этимъ докладомъ, настолько интересны, а рѣшеніе, принятое Курскимъ губернскимъ собраніемъ, настолько характерно, что мы здѣсь остановимся на нихъ подробнѣе.

„Нужно замѣтить, что какъ противники участія третьяго элемента, такъ и губернская управа въ своемъ докладѣ, изъ всѣхъ коммиссій имѣли больше всего въ виду коммиссію по народному образованію (существующую въ курскомъ земствѣ 10 лѣтъ). Защищая давно установившійся порядокъ дѣятельности и состава коммиссіи, губернская управа въ докладѣ, между прочимъ, писала: „Губернская управа глубоко убѣждена, что коммиссія, состоящая только изъ земскихъ гласныхъ, при всемъ желаніи правильно рѣшить хотя бы нѣкоторые подлежащіе ея вѣдѣнію вопросы, совершенно не въ состояніи этого сдѣлать безъ помощи специалистовъ. На это могутъ возразить, что, приглашая спеціалистовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, коммиссія будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи обладателей тѣхъ знаній, которыя ей необходимы. Зачѣмъ же имъ давать еще право рѣшающаго голоса? Имѣя въ виду такое возраженіе, губернская управа должна замѣтить слѣдующее.

„Сорокалѣтняя земская практика, въ основѣ которой лежитъ начало коллегіальное, прямо противоположное бюрократическому, выработала для своихъ цѣлей вполнѣ опредѣленный типъ земскаго работника, представителемъ какой бы спеціальности онъ ни являлся,—будь то врачъ, ветеринаръ, учитель, статистикъ или агро-

---

*) Какъ мы уже сообщали въ обзорѣ дѣятельности земствъ за 1903 г., еще тогда крѣпостники добились выжить третій элементъ изъ коммиссіи однаго образованія.

номъ. Отличительной чертой земскаго работника является прежде всего общественный интересъ къ своему дѣлу и своей спеціальности: это не люди 20 числа—съ одной стороны, съ другой—это не узкіе спеціалисты, работающіе въ тѣсныхъ рамкахъ своей спеціальности и отгороженные отъ практической жизни какой-нибудь непроницаемой стѣной. Земскій работникъ, оставаясь спеціалистомъ, является прежде всего общественнымъ дѣятелемъ и, какъ таковой, живо интересуется результатами, какіе его дѣятельность приноситъ данному населенію. Нужно ли прибавлять, что это—лучшій видъ интеллигентнаго работника, и что земство, нисколько не умаляя своего историческаго значенія, должно къ такому работнику отнестись съ полнымъ признаніемъ; мало того, оно, по справедливости, можетъ гордиться, что сумѣло создать такихъ полезныхъ обществу членовъ. А если это такъ, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такіе земскіе работники никогда не согласятся принимать участіе въ обсужденіи наиболѣе близкихъ и дорогихъ имъ вопросовъ съ правомъ только совѣщательнаго голоса; они не могутъ являться простыми экспертами, которые не интересуются, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ результатовъ ихъ экспертизы; имъ необходимо знать, что въ томъ собраніи лицъ, въ которое они приглашены, какъ свѣдующіе люди, ихъ мнѣніе, опирающееся на данныя спеціальной науки и чисто логическіе доводы, не пропадетъ безслѣдно или, если не будетъ принято, то на какомъ основаніи. Отсюда ясно, что лишеніе ихъ права рѣшающаго голоса въ коммиссіи по народному образованію приведетъ къ полному устраненію ихъ отъ участія въ коммиссіи. Какой вредъ это принесетъ самому дѣлу народнаго образованія, ясно изъ всего вышеизложеннаго. Но управа не можетъ не отмѣтить еще одного очень важнаго обстоятельства. Выше было указано, что земская практика, благодаря принципу коллегіальности, выработала наиболѣе желательный типъ интеллигентнаго работника, характеризующійся общественнымъ интересомъ къ своей спеціальности. Благодаря той же коллегіальности, земскіе работники—представители различныхъ спеціальныхъ знаній, принимая участіе въ разныхъ коммиссіяхъ, находятся въ постоянномъ общеніи, что даетъ каждому изъ нихъ возможность знакомиться съ мѣстной жизнью и мѣстными особенностьми во всей ихъ полнотѣ, и тѣмъ самымъ ставитъ работу каждаго изъ нихъ въ наиболѣе жизненныя рамки, т. е. въ такія условія, при которыхъ наука можетъ принести наибольшее благо населенію. Кромѣ того, нужно имѣть еще въ виду, что—за отсутствіемъ общеземскаго органа, изъ котораго земскіе гласные черпали бы свѣдѣнія о состояніи разныхъ отраслей земскаго хозяйства, о тѣхъ или иныхъ мѣро-

пріятіяхъ, какія имѣли мѣсто въ другихъ губерніяхъ,—приходится затрачивать не мало времени и труда для ознакомленія съ положеніемъ того или иного дѣла въ другихъ земствахъ. Громадное большинство гласныхъ не имѣетъ такихъ свѣдѣній. Спеціалисты же, каждый въ своей отрасли, ex officio знакомятся съ постановкой даннаго дѣла въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, собранные въ какую-нибудь коммиссію, эти спеціалисты приносятъ съ собой на засѣданіе не только свои спеціально научныя, но и чисто практическія знанія. Ясно, что, уничтожая принципъ коллегіальности, мы только понизимъ типъ земскаго работника, слѣдовательно, уменьшимъ благо того населенія, о пользахъ и нуждахъ котораго мы призваны заботиться. Итакъ, управа полагаетъ, что лишеніе спеціалистовъ права рѣшающаго голоса въ коммиссіи по народному образованію приведетъ къ совершенному устраненію ихъ отъ участія въ коммиссіи, что, въ свою очередь, принесетъ вредъ не только дѣлу народнаго образованія, но и другимъ отраслямъ земской дѣятельности, такъ какъ понизится качество самого земскаго работника.

„Обращаясь теперь къ доводамъ противниковъ современнаго способа рѣшенія вопросовъ въ коммиссіи по народному образованію, управа должна указать, что какъ избранные въ нее г.г. губернскіе гласные, такъ и другіе землевладѣльцы, вообще лица, связанныя съ земствомъ въ качествѣ плательщиковъ, принимаютъ въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ активное участіе и къ каждому мнѣнію, отъ кого бы оно ни исходило, относятся строго критически. Въ частности, рѣшеніе вопросовъ чисто финансовыхъ, коммиссія всегда отодвигаетъ къ тому моменту, когда на засѣданіе можетъ явиться большинство гласныхъ и вообще земскихъ плательщиковъ; кромѣ того, эти вопросы передаются еще для заключенія въ смѣтную коммиссію. Такимъ образомъ, о подавленіи послѣднихъ, такъ называемыми, посторонними людьми и рѣчи быть не можетъ. Далѣе. Какое бы постановленіе коммиссія ни сдѣлала, оно является не окончательнымъ рѣшеніемъ, которое должно быть обязательно осуществлено, а только мнѣніемъ опредѣленной группы свѣдущихъ лицъ, къ которому опять-таки вполнѣ критически относится прежде всего управа, а затѣмъ и земское собраніе. Словомъ, сама коммиссія въ цѣломъ имѣетъ характеръ только совѣщательнаго органа при губернскомъ земствѣ и не больше. Утверждаютъ, что коммиссія до того многолюдна, что передача ей для предварительной разработки нѣкоторыхъ вопросовъ земскимъ собраніемъ не достигаетъ практической цѣли. Вся работа, выполненная до сихъ поръ нашей коммиссіей, служитъ достаточно вѣскимъ фактическимъ возраженіемъ

противъ такого неподкрѣпленнаго никакими фактическими данными утвержденія".

По поводу этого доклада въ земскомъ собраніи полились горячія рѣчи со страстной защитой правъ земскихъ гласныхъ противъ мнимаго нападенія 3-го элемента, интересы котораго будто бы представлялъ докладъ. Первую страстную рѣчь сказалъ Н. Е. Марковъ. Ссылаясь на свою неопытность (онъ губернскій гласный—первый годъ), онъ проситъ у собранія извиненія за охватившее его волненіе и говоритъ: „Постановленіе прошлаго собранія не вполнѣ выяснило этотъ вопросъ, а между тѣмъ вопросъ острый и громадной важности, и потому я, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ управы, хочу ясности; но моя ясность будетъ, вѣроятно, другая, чѣмъ ясность г. предсѣдателя. Докладъ стремится убѣдить насъ, что хорошо будетъ, если въ коммиссіяхъ будутъ вершить дѣла лица, попавшія туда по усмотрѣнію управы, а не по выбору земли. Мы вполнѣ вѣримъ управѣ, что, хотя эти люди, эти спеціалисты прекрасны, но лишь тогда они хороши будутъ тамъ, когда они будутъ хозяевами, а не работниками. Впрочемъ, гг. этихъ спеціалистовъ-хозяевъ въ коммиссіяхъ намъ бояться нечего: управа успокаиваетъ насъ, что эти хозяева-спеціалисты милостиво откладываютъ вопросы для нашего земскаго разрѣшенія: мы, гг., конечно можемъ быть спокойны при такихъ условіяхъ! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы только платимъ, а за что, про что—про то вѣдаетъ интеллигентный работникъ! Но, гг., зачѣмъ же тогда весь этотъ маскарадъ выборныхъ?! Впрочемъ, конечно, вѣдь мы не посвящены, мы не знаемъ этихъ таинствъ ариѳметики, географіи и т. д.! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, это узурпація съ нашей стороны! Подлинно, имѣемъ-ли мы право засѣдать здѣсь и рѣшать наши дѣла? Едва-ли, гг.! Нѣтъ! Идемте же въ публику, тамъ наше мѣсто, а сюда пусть придетъ и сядетъ г. интеллигентный работникъ! Но прежде чѣмъ уйти отсюда, мнѣ остается только удивиться, почему сама управа остается здѣсь. Вѣдь она тоже выборная. Она тоже не является компетентной въ рѣшеніи нашихъ дѣлъ и должна уступить свое мѣсто по праву гг. интеллигентнымъ работникамъ."

„Но довольно: я думаю, что сама управа не будетъ настаивать на своемъ предложеніи. *Мы* здѣсь хозяева, и мы *сами* хотимъ дѣлать *свое* дѣло! Мы не хотимъ хѣрить сами себя и сѣчь на манеръ Гоголевской вдовы!"

Вторую, дополнительную свою рѣчь гл. Марковъ окончилъ не менѣе патетически: „Итакъ, я—за крестьянъ и помѣщиковъ, я за хозяевъ, а не за интеллигентовъ, хотя бы и въ генеральскихъ чинахъ!!"

Другой противникъ третьяго элемента, давно уже, но довольно безуспѣшно боровшійся противъ прогрессивныхъ теченій въ Курскомъ земствѣ, кн. Касаткинъ-Ростовскій произнесъ вслѣдъ за г. Марковымъ длинную рѣчь, гдѣ указывалъ, что коммиссія по народному образованію въ ея настоящемъ видѣ существуетъ вовсе не 40 лѣтъ, какъ сказано въ докладѣ управы, а всего лишь 2—3 послѣднихъ года. Въ настоящее время земскій элементъ изъ коммиссіи совершенно вытѣсняется. Разумѣется, коммиссія не имѣетъ права ничего рѣшать, а рѣшаетъ собраніе, но вѣдь рѣшаетъ-то оно по докладу коммиссіи, которая предполагается земской. А между тѣмъ въ этой якобы земской коммиссіи засѣдаютъ 30 завѣдующихъ отдѣлами по народному образованію и нѣсколько дамъ. Насколько всѣ они учены, князь, конечно, не знаетъ, но ходить туда совершенно незачѣмъ, такъ какъ эта коммиссія многолюднѣй самого собранія и земскій элементъ тамъ совершенно теряется. Говорятъ о великой пользѣ этой коммиссіи. Князь же полагалъ, что она принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы, и во всякомъ случаѣ сдѣланныя благодаря этой коммиссіи громадныя затраты земскихъ средствъ далеко не окупились достигнутыми результатами. Ассигновки зачастую дѣлались непроизводительно и не соображаясь съ земскимъ карманомъ. Вопросъ о томъ, какъ-же собраніе идетъ на такія ассигновки по предложенію коммиссіи, разрѣшается очень просто: при окончаніи сессіи, когда всѣ уже спѣшатъ покончить свои занятія, кн. П. Д. Долгоруковъ читаетъ своимъ пріятнымъ голоскомъ длинную ектенію докладовъ коммиссіи, а мы, не разбирая дѣла, ассигнуемъ все, что требуется въ этой ектеніи. Иногда, впрочемъ, князь что-нибудь замѣтитъ и урветъ. А прослушалъ онъ, и все требуемое получено. Мудро поступило прошлогоднее собраніе, введя эту коммиссію въ должныя границы...

Надо отдать справедливость противникамъ третьяго элемента,— они въ своихъ нападкахъ иногда были изобрѣтательны.

Всѣхъ изобрѣтательнѣе въ мотивахъ къ выживанію третьяго элемента изъ коммиссій оказался гр. Дорреръ.

Меня, какъ члена собранія, говорилъ между прочимъ графъ, совершенно не интересуетъ вопросъ, какъ голосовалъ тотъ или другой спеціалистъ—мнѣ важно, какъ голосуютъ наши земскіе избранники.

Мы знаемъ, что и въ другихъ губернскихъ собраніяхъ изрѣдка поднимались разговоры объ излишнемъ вліяніи представителей безземельной интеллигенціи на земскую жизнь; но нигдѣ эти разговоры не отличались такою откровенностью и страстностью, нигдѣ, какъ въ Курскѣ, они не доходили до открытаго призыва къ само-

защитѣ отъ интеллигенціи, обращеннаго къ гласнымъ-землевладѣльцамъ. Основные мотивы этого призыва очень просты: мы—землевладѣльцы, мы и только мы должны рѣшать и обсуждать всѣ вопросы мѣстнаго самоуправленія; интеллигенты не имѣютъ земли, налоговъ земельныхъ не платятъ, стало быть, не имѣютъ и основанія участвовать ни въ рѣшеніи, ни въ дѣятельномъ обсужденіи вопросовъ земскаго хозяйства; но фактически эта интеллигенція имѣетъ значительное вліяніе на управу и на дѣятельность гласныхъ; это—иго, тяготѣющее надъ гласными-землевладѣльцами, не отличающимися работоспособностью; нужно это иго свергнуть, хотя бы цѣною лишенія главныхъ рабочихъ силъ земства.

Рѣшительность происшедшаго разрыва подчеркивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ защиту участія третьяго элемента говорило нѣсколько губернскихъ гласныхъ, но почти всѣ они склонны были объяснить нападки на третій элементъ однимъ недоразумѣніемъ: никто изъ нихъ не хотѣлъ взглянуть на поднятую борьбу противъ интеллигенціи съ общей точки зрѣнія, освѣтить ее принципіально; всю силу своихъ доводовъ они направили на опроверженіе подробностей въ аргументаціи противниковъ и оставляли безъ возраженій главное: противоположеніе интересовъ и взглядовъ представителей земли интересамъ и взглядамъ наемной интеллигенціи. Только одинъ гласный М. Д. Исаковъ попытался въ своей рѣчи подойти къ вопросу съ болѣе или менѣе общей точки зрѣнія, коснувшись самой организаціи современнаго земства; онъ говорилъ: „Никакого вреда дѣятельность интеллигенціи намъ не принесла,—а какъ разъ наоборотъ — дѣятельность Курскаго земства по народному образованію стяжала себѣ всеобщія похвалы и стала образцомъ для подражанія, и этимъ результатомъ земство много обязано работѣ интеллигентныхъ силъ въ своей коммиссіи по народному образованію. Управа совершенно права, говоря, что ихъ нельзя поставить въ положеніе простыхъ экспертовъ: люди эти не приглашены по чьему-либо усмотрѣнію, они избраны закрытой баллотировкой, и при прежнемъ положеніи они несли въ наши коммиссіи не только свои знанія, но и преданность дѣлу. Они знали, что ихъ мнѣніе не пропадетъ даромъ, что оно дойдетъ до губернскаго земскаго собранія, и это побуждало ихъ къ работѣ, давало энергію. При другихъ условіяхъ, безъ этой увѣренности, они уйдутъ отъ насъ."

„*Самое несовершенство организаціи земскаго правительства* побуждаетъ приглашать интеллигентныхъ работниковъ: вѣдь не тайна, что часто у насъ на выборы съѣзжается меньше избирателей, чѣмъ нужно избранниковъ. Я говорю, конечно, о нашемъ представительствѣ землевладѣльцевъ, а не крестьянскомъ, гдѣ избираются только

кандидаты и изъ нихъ назначаются гласные. Вотъ это-то несовершенство нашего представительства и заставляетъ насъ пополнять наши ряды интеллигентными силами, и отъ этого происходитъ только великая общественная польза и никакого вреда. По крайней мѣрѣ, никто опредѣленно намъ его не укажетъ. Вотъ почему, закончилъ гласный, я полагаю докладъ управы надо принять".

Другіе же ораторы — защитники третьяго элемента, совсѣмъ обходили молчаніемъ какъ самыя условія, вызвавшія необходимость наемной интеллигенціи въ современномъ земствѣ, такъ и характеръ ихъ дѣятельности.

Все сказанное не оставляетъ никакого сомнѣнія, что на три года Курское губернское земство погибло. Одна надежда, что за этотъ періодъ, быть можетъ, настолько обновится государственный строй Россіи, что въ земство уже никакимъ образомъ не проникнутъ такіе реакціонеры, какъ Марковы, Говорухи-Отроки, Дорреры, Дембицкіе, Касаткины-Ростовскіе, Батезатулы, и т. п.

Но, покуда что, намъ все же необходимо познакомиться съ тѣмъ, что дѣлалось въ Курской губерніи въ 1904 году.

Начнемъ хотя бы съ того, что Курскому губернскому земству воспрещено было устройство педагогическихъ курсовъ, которые своею прекрасною постановкою обратили вниманіе всей земской Россіи. Да не только въ Курскѣ, представители учебнаго вѣдомства въ союзѣ съ курскою администраціею не дозволили организовать курсы даже въ уѣздныхъ городахъ: Дмитріевѣ и Старомъ-Осколѣ.

Директора и инспектора народныхъ училищъ словно ставятъ своею задачею поселять мракъ среди населенія.

Нужно удивляться, какъ при такихъ условіяхъ старая губернская управа рѣшалась кое-что дѣлать.

Такъ, она, между прочимъ, составила докладъ „о пересмотрѣ закона 1874 года о народномъ образованіи."

Губернская управа высказала взглядъ, что

1) начальное народное образованіе слѣдуетъ признать государственною потребностью, для удовлетворенія которой казна должна придти на помощь земству гораздо большими ассигнованіями, чѣмъ это было до сихъ поръ.

2) земству и частнымъ лицамъ слѣдуетъ предоставить полную свободу въ насажденіи начальныхъ школъ и въ устройствѣ внѣшкольныхъ просвѣтительныхъ учрежденій;

3) Земству и частнымъ лицамъ слѣдуетъ представить полную свободу въ учрежденіи для народныхъ учителей всякаго рода курсовъ, лекцій и педагогическихъ съѣздовъ;

4) во всѣ народныя библіотеки и читальни слѣдуетъ допустить всѣ книги и періодическія изданія на общемъ основаніи, какое существуетъ для общественныхъ библіотекъ;

5) программы преподаванія должны быть приспособлены къ программамъ средней школы;

6) въ программахъ средней школы слѣдуетъ развить реалистическій элементъ на счетъ схоластическаго, въ частности увеличить курсъ естественныхъ наукъ, русской литературы и ввести изученіе классической западно-европейской литературы, и

7) по аналогіи съ училищными совѣтами слѣдуетъ учредить попечительство съ преобладаніемъ земскаго элемента для большей связи средней школы съ обществомъ.

Справочно-педагогическое бюро губернскаго земства собрало интересныя данныя о томъ, сколько и какія періодическія изданія выписываются народными учителями. Данныя относятся къ 1904 году.

Оказывается, что изъ 810 учителей, отвѣтившихъ на запросъ бюро, 430 или 53% не выписываютъ ничего,—ни журналовъ, ни газетъ. Но изъ этихъ 430 учителей 170 человѣкъ, по крайней мѣрѣ, достаютъ кое-какъ газеты и журналы у мѣстныхъ священниковъ, помѣщиковъ и другихъ сосѣдей; но 260 народныхъ учителей не пользуются совершенно періодическими органами,—не выписываютъ сами и не достаютъ безплатно. Учителя, затрачивающіе деньги на пріобрѣтеніе періодическихъ изданій, предпочитаютъ журналы (ежемѣсячные и недѣльные) газетамъ: 380 народныхъ учителей выписываютъ 426 журналовъ и 182 газеты, всего на 3.436 рублей. Изъ газетъ наиболѣе распространены среди учителей слѣдующія: „Биржевыя Вѣдомости" (100 экз.), „Свѣтъ" (22 экз.) и „Русское Слово" (22 экз.); изъ еженедѣльныхъ изданій предпочитаются „Нива" (100 экз.) „Родина" (17 экз.) и „Сѣверъ" (13 экз.); изъ ежемѣсячныхъ органовъ преимущественно выписываются „Журналъ для всѣхъ" (42 экз.) и „Образованіе" (30 экз.). Сравнительно въ большомъ количествѣ выписывается „Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія" (71 экз.). Повидимому, при выборѣ изданія рѣшающее значеніе имѣетъ подписная цѣна. Изъ спеціально-педагогическихъ журналовъ чаще всего выписываются „Русскій Начальный учитель" и „Педагогическій Листокъ" (по 16-ти экз.). Книжный складъ курскаго губернскаго земства за послѣднее время распространяетъ очень много наглядныхъ пособій въ различные концы Россіи.

Развитію этой стороны дѣятельности книжнаго склада значительно содѣйствуетъ небольшая мастерская учебныхъ пособій, основанная курскимъ земствомъ въ 1902 году при учебномъ музеѣ. Мастерская изготовляетъ пособія примѣнительно къ нуждамъ народной школы

и до настоящаго времемени выпустила въ продажу около 70-ти нумеровъ пособій по географіи, ариѳметикѣ,—физикѣ и другимъ предметамъ. Къ нѣкоторымъ изготовляемымъ пособіямъ мастерская прилагаетъ брошюры и листки съ объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ завѣдующимъ музеемъ, А. Я. Минаевымъ, и сотрудниками музея гг. Поповымъ и Никольскимъ. Такъ, музеемъ изданъ прекрасно составленный объяснительный текстъ къ „школьному біологическому гербарію", къ коллекціямъ „изъ чего и какъ добывается сахаръ", „конопля и что изъ нея дѣлается", къ приборамъ, демонстрирующимъ разложеніе воды, добываніе кислорода, расширеніе тѣлъ, теплопроводность тѣлъ, къ моделямъ телеграфа, электродвигателя, воздушнаго насоса и пр.

Дешевизна учебныхъ пособій курской мастерской и снабженіе ихъ объяснительнымъ текстомъ заставляютъ и другія губерніи обращаться къ услугамъ книжнаго курскаго склада; за послѣдній годъ складъ продалъ однихъ наглядныхъ учебныхъ пособій (не считая книгъ, учебниковъ и письменныхъ принадлежностей) на сумму до 25.000 рублей.

Въ то время, какъ земство доказываетъ необходимость широкаго просвѣщенія, вырабатываетъ планы, проекты для скорѣйшаго осуществленія всеобщаго обученія, министерство дѣлаетъ безконечные „запросы". Въ 1904 году въ губернской земской управѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія черезъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ полученъ запросъ о доступности народной школы въ губерніи.

Запрошены: а) свѣдѣнія о наличности образовательныхъ средствъ и источниковъ содержанія учебныхъ заведеній, служащихъ цѣлямъ начальнаго народнаго образованія, къ 1-му января 1904 года, поуѣздно; б) основанныя на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ предположенія о числѣ училищъ, подлежащихъ открытію въ видахъ достиженія общедоступности начальнаго образованія, поуѣздно, и в) соображенія о срокахъ, въ какія предположенныя къ открытію училища могли бы быть дѣйствительно открыты, и о средствахъ, которыя потребовались бы для осуществленія предположеннаго, единовременныхъ и постоянныхъ, съ примѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ по отдѣльнымъ источникамъ. Запросъ этихъ свѣдѣній и соображеній вызванъ обсужденіемъ въ министерствѣ извѣстной работы статсъ-секретаря А. Н. Куломзина по вопросу о введеніи общедоступнаго обученія въ Россіи. Въ своей работѣ А. Н. Куломзинъ приходитъ къ заключенію, что Курская губернія въ числѣ 14-ти губерній въ имперіи въ теченіе 15-ти лѣтъ (?!) могутъ достигнуть полной доступности школы собственными мѣстными средствами, не нуждаясь въ правительственной

помощи (помимо обезпеченія казною открытія и содержанія прироста школъ, обусловливаемыхъ приростомъ населенія).

Затѣмъ губернское земство получило чрезъ губернатора уже „сообщеніе“, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ настоящее время пересматриваются правила 15-го мая 1890 года о народныхъ библіотекахъ-читальняхъ и разрабатывается проектъ новыхъ правилъ.

Собщеніе это вызвано ходатайствомъ курскаго губернскаго земскаго собранія сессіи 1897 года о разрѣшеніи быть наблюдателями народныхъ библіотекъ не однимъ чинамъ духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, какъ того требуетъ § 3-й правилъ 1890 года, а также земскимъ начальникамъ, земскимъ гласнымъ, попечителямъ школъ и вообще мѣстнымъ жителямъ, благонадежность которыхъ будетъ удостовѣрена въ установленномъ порядкѣ. Ходатайство это возбуждено было въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи за отказомъ священниковъ отъ надзора за библіотеками послѣднія фактически не могли быть учреждены несмотря на имѣющіяся средства. Указанное затрудненіе съ теченіемъ времени еще болѣе стало ощущаться, когда губернская администрація стала требовать отъ учредителей, чтобы и лица, завѣдующія библіотеками, были непремѣнно изъ духовнаго или учебнаго вѣдомствъ, а епархіальное начальство перестало священниковъ, даже изъявлявшихъ свое согласіе быть наблюдателями, утверждать въ этой должности въ виду многочисленности прямыхъ ихъ обязанностей. Въ силу этихъ обстоятельствъ не могъ быть учрежденъ цѣлый рядъ народныхъ библіотекъ-читаленъ въ губерніи, а потому исходъ ходатайства губернскаго земства имѣетъ существенное значеніе для развитія внѣшкольнаго образованія населенія. Черезъ четыре года послѣ возбужденія ходатайства, въ концѣ 1901 года, министерство внутреннихъ дѣлъ, согласно отзыву оберъ-прокурора святѣйшаго синода, предложило губернскому земству такой порядокъ открытія библіотекъ, чтобы въ случаѣ затрудненій въ прiисканіи наблюдателей надзоръ за библіотеками возлагался на уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ. На такое разрѣшеніе своего ходатайства губернское собраніе не согласилось и въ особомъ ходатайствѣ въ 1902 году настаивало на расширеніи круга лицъ, которымъ можетъ поручаться надзоръ за народными чатальнями. Теперь, черезъ два года послѣ этого второго ходатайства, и полученъ на него отвѣтъ, что въ министерствѣ предпринятъ общій пересмотръ правилъ 1890 года о народныхъ библіотекахъ. Конечно, земству прекрасно извѣстно, что изъ всѣхъ этихъ „запросовъ“ и „сообщеній“ ничего не выйдетъ, и тратится лишь время на „отписки“.

Характернымъ образчикомъ дѣятельности бюрократіи могутъ служить нижеслѣдующіе факты.

Губернскою земскою управою по уполномочію губернскаго земскаго собранія принесена была въ правительствующій сенатъ жалоба на губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, *которое отмѣнило постановленіе земскаго собранія* о выраженіи бывшему губернскому гласному и предсѣдателю губернской коммиссіи по народному образованію кн. П. Д. Долгорукову благодарности губернскаго земства за оказанныя услуги.

Опираясь на невоспрещеніе земскимъ учрежденіямъ закономъ заявлять о своей признательности лицамъ, особенно потрудившимся въ земствѣ, и руководствуясь указомъ сената по дѣлу бывшаго московскаго профес. Ѳ. Ѳ. Эрисмана, губернская управа ходатайствовала передъ сенатомъ о признаніи за курскимъ земствомъ права принести благодарность кн. П. Д. Долгорукову. Изложенная жалоба является 17-ой жалобой губернскаго земства въ сенатъ за послѣднее десятилѣтіе!! Изъ 16-ти предыдущихъ жалобъ 15 уже разсмотрѣны правительствующимъ сенатомъ; при этомъ оказывается, что въ девяти случаяхъ земскія жалобы были уважены сенатомъ; одна жалоба по формальнымъ основаніямъ признана сенатомъ неподлежащей сужденію сената; въ одномъ случаѣ жалоба разрѣшена не въ пользу земства въ виду изданія новаго закона въ промежутокъ между подачей жалобы и ея разсмотрѣніемъ; по одной жалобѣ полученъ сенатскій указъ, хотя и не отмѣняющій распоряженія администраціи, но вполнѣ удовлетворившій земство своимъ разъясненіемъ (по вопросу о библіотечныхъ попечительствахъ); въ трехъ случаяхъ (изъ 15-ти) сенатъ призналъ земскія жалобы неосновательными. Одна жалоба (16-я),—на неразрѣшеніе земству открыть книжный складъ на общихъ основаніяхъ Устава о печати,—до сихъ поръ съ 1899 г. остается безъ отвѣта. Изъ 16-ти жалобъ, поданныхъ курскимъ губернскимъ земствомъ за послѣдніе 10 лѣтъ, 7 жалобъ связаны съ вопросами и мѣропріятіями по народному просвѣщенію и 4 жалобы— съ вопросами земскаго страхованія и страхового капитала.

Закончимъ наши свѣдѣнія о Курскомъ губернскомъ земствѣ ознакомленіемъ съ дѣятельностью мѣстнаго общества содѣйствіе начальному народному образованію, субсидируемаго земствомъ и близко соприкасающагося съ послѣднимъ въ своихъ работахъ.

Въ общемъ собраніи этого Общества, 16-го октября, въ связи съ обсужденіемъ отчета о дѣятельности Общества, выяснился цѣлый рядъ внѣшнихъ препятствій, тормозящихъ открытіе просвѣтительныхъ учрежденій — народныхъ библіотекъ, воскресныхъ школъ, общедоступныхъ лекцій и пр.

Особенно интересна справка о судьбѣ ходатайства общества передъ мѣстнымъ губернаторомъ о разрѣшеніи книжныхъ складовъ. Прошеніе о разрѣшеніи Обществу книжнаго склада въ г. Курскѣ подано въ ноябрѣ 1898 года, т. е. шесть лѣтъ тому назадъ, причемъ лицомъ, отвѣтственнымъ по складу, указанъ членъ Общества, имѣвшій тогда и имѣющій теперь частный книжный магазинъ въ томъ же Курскѣ. Въ февралѣ 1899 года было подано губернатору новое прошеніе объ открытіи книжнаго склада въ уѣздномъ городѣ Бѣлгородѣ, причемъ въ качествѣ отвѣтственнаго лица былъ представленъ преподаватель мѣстнаго учительскаго института. Истекаетъ шестой годъ, но до сихъ поръ у Общества нѣтъ книжнаго склада ни въ Курскѣ, ни въ Бѣлгородѣ, и до сихъ поръ даже нѣтъ никакого отвѣта ни на первое, ни на второе прошеніе Общества. Прибавимъ еще, что незадолго передъ тѣмъ такая же судьба постигла прошеніе мѣстнаго губернскаго земства о разрѣшеніи книжной торговли; на ея неразрѣшеніе губернаторомъ въ 1897 году земство принесло въ 1899 году жалобу въ правительствующій сенатъ; однако и губернское земство до сихъ поръ не получило отъ сената отвѣта на свою жалобу. Такимъ образомъ, въ теченіе семи лѣтъ ни губернское земство, ни просвѣтительное Общество не могутъ добиться дозволенія книжной торговли на общихъ основаніяхъ Цензурнаго Устава, т. е. добиться того, что безпрепятственно дается частнымъ торговцамъ! Такова „дѣятельность“ бюрократіи!

По словамъ отчета общества содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи, открытіе народныхъ библіотекъ-читаленъ почти повсемѣстно встрѣчается населеніемъ съ радостнымъ сочувствіемъ. Ростущій съ каждымъ годомъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи сельскій читатель вездѣ выражалъ устроителямъ библіотекъ искреннюю благодарность. Такіе факты свидѣтельствуютъ, что учрежденіе библіотекъ идетъ навстрѣчу несомнѣнной живой потребности населенія. О размѣрахъ же этой потребности говорятъ слѣдующія цыфры: на 1-е января 1904 года всего въ Курской губерніи было открыто земствомъ, частными лицами, комитетомъ трезвости и обществомъ содѣйствія начальному образованію 160 библіотекъ, другими словами, на каждыя сто селеній приходится лишь двѣ библіотеки. При такихъ условіяхъ казалось бы, что всякое усиліе, всякая инициатива, направленныя къ удовлетворенію насущной потребности въ библіотекѣ, должны были находить себѣ сочувствіе и поддержку. На самомъ дѣлѣ—какъ разъ наоборотъ: дѣйствующей системой разрѣшеній дѣло открытія народныхъ библіотекъ поставлено въ такія условія, которыя чрезвычайно тормозятъ дѣло, а иногда создаютъ для него и неодолимыя затрудненія. Отчетъ съ

горечью отмѣчаетъ нѣкоторыя изъ этихъ затрудненій и препятствій. Стремясь къ уничтоженію препятствій въ своей полезной дѣятельности, курское Общество содѣйствія начальному народному образованію въ 1904 году сдѣлало такія постановленія:

1) Отмѣнить всѣ списки книгъ, запрещенныхъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ, хотя и разрѣшенныхъ общей цензурой. 2) возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ относительно открытія всѣхъ публичныхъ, городскихъ и сельскихъ библіотекъ безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи, т. е. явочнымъ способомъ, и 3) отмѣнить исключительныя правила, регулирующія дѣятельность и книжный составъ безплатныхъ и дешевыхъ библіотекъ (правила 15-го мая 1890 г.).

4) Установить явочный порядокъ открытія всякихъ просвѣтительныхъ обществъ, союзовъ и учрежденій; 5) отмѣнить административный порядокъ закрытія просвѣтительныхъ обществъ; 6) установить личную отвѣтственность членовъ просвѣтительныхъ обществъ за нарушеніе общихъ законовъ; 7) требовать: а) неприкосновенности личности, гарантированной гласнымъ судомъ присяжныхъ; б) полной свободы печатнаго слова; и в) свободы устнаго слова и свободы собраній.

Администрація забила тревогу и, вѣроятно, не сдобровать бы Обществу, если бы тутъ не повѣяло „весною“.

Когда же весна прошла, курская администрація, чтобы наверстать потерянное, стала буквально громить учителей Курска, начавъ съ знаменитаго „избіенія младенцевъ“...

Ничего веселаго не было въ 1904 году и въ уѣздахъ Курской губерніи. Такъ, напримѣръ, при посѣщеніи министромъ народнаго просвѣщенія бѣлгородскаго учительскаго института одинъ изъ учащихся отъ лица всѣхъ воспитанниковъ обратился къ нему съ рѣчью, въ которой нарисовалъ въ яркихъ краскахъ крайне печальное положеніе забытыхъ и захудалыхъ учительскихъ институтовъ, въ которыхъ воспитанники не готовятся къ педагогической дѣятельности, а получаютъ вслѣдствіе устарѣлости программы и неудовлетворительности педагогическаго персонала одни лишь элементарныя отрывочныя свѣдѣнія изъ педагогики, методики и другихъ предметовъ. Въ заключеніе воспитанники просили министра о коренной реформѣ учительскихъ институтовъ, о расширеніи программы, о введеніи лекціоннаго способа преподаванія, объ уничтоженіи при институтѣ интерната въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, и т. д. Въ отвѣтной рѣчи министръ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Мнѣ кажется, вы, господа, сгустили многое; во всякомъ случаѣ я этого не ожидалъ. Хорошо, я согласенъ съ вами, что институтъ нуждается

въ реформѣ. Въ настоящее время этотъ вопросъ стоитъ въ министерствѣ на очереди. Съ преобразованіемъ городскихъ училищъ институты само собою будутъ преобразованы, но учительскіе институты пользуются большою популярностью въ обществѣ, и вы напрасно говорите, что они забытые, захудалые".

Такъ какъ рѣчь была произнесена по инициіативѣ воспитанниковъ и безъ надлежащаго разрѣшенія со стороны администраціи института, то воспитанники института по отъѣздѣ г. министра получили выговоръ, а ораторъ подвергся строгому внушенію съ предупрежденіемъ, что повтореніе подобнаго проступка поведетъ къ немедленному исключенію изъ института...

Въ *Обоянскомъ* уѣздѣ рѣшено, что замужнія учительницы не могутъ быть терпимы въ школѣ.

Вопросъ этотъ рѣшенъ совершенно неожиданно. Учительница пселецкой школы (обоянскаго у.) г жа Грибова вышла замужъ въ въ началѣ прошлаго учебнаго года. Учительствовала она благополучно цѣлый годъ, отдохнула за лѣто дома и собирается ѣхать опять въ свою школу, но получила извѣщеніе, что по случаю выхода ея замужъ, препятствующаго надлежащимъ образомъ исполнять обязанности, училищный совѣтъ, въ засѣданіи 27-го августа сего года, постановилъ считать ее съ 1-го сентября уволенной, согласно прошенію, отъ занимаемой должности. Никакого прошенія г-жа Грибова не подавала. Трудно представить болѣе безобразное отношеніе къ учительскому персоналу. Мало-мальски порядочный человѣкъ не позволитъ себѣ такимъ способомъ разсчитать прислугу.

А вотъ и картинка изъ отношеній къ учащимъ. На повѣсткѣ, приглашающей народныхъ учителей на общее собраніе старооскольскаго отдѣленія курскаго учительскаго общества, послѣ перечня вопросовъ, возбуждаемыхъ правленіемъ, приглашаемые члены предупредительно оповѣщаются, что „другіе вопросы могутъ подниматься только съ разрѣшенія предсѣдателя собранія и могущихъ лично присутствовать на этомъ собраніи г.г. исправника и инспектора народныхъ училищъ, какъ члена по назначенію учебнаго начальства".

Эта оговорка прекрасно характеризуетъ условія, при которыхъ приходится работать нашимъ учительскимъ обществамъ.

Корочанское земство, преимущественно крестьянское, субсидируя мѣстную мужскую классическую гимназію 11.000 рублей ежегодно, уже четвертый годъ опредѣляетъ стипендіатами въ гимназію крестьянскихъ дѣтей, изъ успѣшно окончившихъ земскую школу. И вотъ уже четвертый годъ во время экзаменовъ въ гимназіи можно наблюдать такую картину.

Среди экзаменующихся особнякомъ выдѣляется робкая группа дѣ-

тей въ лаптяхъ; дѣти—обстриженныя въ скобку, въ портахъ и сорочкахъ изъ грубаго домашняго холста; у нѣкоторыхъ на поясѣ болтается привязанный гребень. По словамъ экзаменующихъ, эта группа — лучшая по подготовкѣ къ поступленію въ гимназію. Въ этомъ году принято шестеро крестьянскихъ дѣтей, а всѣхъ такихъ земскихъ стипендіатовъ теперь больше 20-ти. Корочанское земство беретъ на себя обязательство содержать ихъ до окончанія курса гимназіи, что обходится около 160 рублей въ годъ на каждаго. Были случаи, когда крестьяне опредѣляли въ гимназію своихъ сыновей на собственныя средства, такъ какъ ихъ дѣти, хотя и выдержали экзамены, но не могли поступить въ качествѣ земскихъ стипендіатовъ.

Въ концѣ концовъ отмѣтимъ по Курской губерніи знаменательный фактъ. Кн. Долгоруковъ былъ лишенъ правъ, но суджанцы стойко стояли за своего предсѣдателя управы, и, когда онъ былъ изгнанъ, они не захотѣли избирать другого и дождались таки „весны“. давшей имъ возможность опять избрать кн. Долгорукова. Вотъ какъ было описано это событіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ.“

19 декабря состоялось экстренное уѣздное земское собраніе, въ которомъ вновь избранный предсѣдатель уѣздной управы князь П. Д. Долгоруковъ, сдѣлалъ между прочимъ, нижеслѣдующее заявленіе:

„Утвержденіе новаго состава управы было получено 19-го ноября, слѣдовательно, черезъ мѣсяцъ и 17 дней послѣ ея выбора земскимъ собраніемъ. Это обстоятельство не позволило управѣ окончательно разобраться во всѣхъ текущихъ дѣлахъ, а столь продолжительное междуцарствіе не могло не отозваться крайне вредно на нашемъ сложномъ хозяйствѣ, уже и безъ того пострадавшемъ отъ ненормальныхъ условій, въ которыхъ находилось земское дѣло въ истекающемъ году, о чемъ прежняя управа подробно докладывала очередному земскому собранію. Положеніе осложнилось тѣмъ еще, что минувшей осенью въ Суджанскомъ уѣздѣ была произведена мобилизація запасныхъ нижнихъ чиновъ, послѣ которой на обязанности земства осталась помощь ихъ семьямъ. Управа до сихъ поръ не имѣла возможности произвести требуемаго обслѣдованія матеріальнаго положенія этихъ семей, а между тѣмъ цѣлыя толпы оставшихся женъ запасныхъ съ дѣтьми ежедневно осаждаютъ управу съ заявленіями о помощи, сопровождаемыми плачемъ, а иногда и угрозами. Подаваемая при такихъ условіяхъ помощь неминуемо ведетъ къ неправильному ея распредѣленію и кромѣ того къ лишнему расходованію земскихъ денегъ, которыхъ и безъ того такъ много придется расходовать на нужды, связанныя съ войной, отрывая ихъ отъ удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ и производительныхъ расходовъ.“

Прежде чѣмъ приступить къ докладу о распредѣленіи занятій между наличнымъ составомъ управы, князь П. Д. Долгоруковъ объяснилъ собранію, почему ему, какъ предсѣдателю управы, пришлось взять сравнительно мало отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства въ свое непосредственное завѣдываніе.

„Дѣло въ томъ, что я,—говорилъ кн. Долгоруковъ, — не разсчитывая, что мнѣ въ этомъ году можно будетъ вернуться къ земской дѣятельности, взялъ на себя на предстоящее время много обязательствъ какъ частнаго, такъ и общественнаго характера, которыя отнимутъ у меня не мало времени и потребуютъ немало отлучекъ изъ уѣзда. Мнѣ даже было бы добросовѣстнѣе отказаться отъ должности предсѣдателя управы; но во-первыхъ, это является для меня единственнымъ путемъ къ участію въ уѣздномъ и губернскомъ земскихъ собраніяхъ, чѣмъ я очень дорожу, такъ какъ я не могъ истекшимъ лѣтомъ подвергаться избранію въ земскіе гласные, и въ настоящее время никакая власть не могла бы сдѣлать меня до слѣдующаго трехлѣтія гласнымъ; во-вторыхъ же и независимо отъ этого я счелъ необходимымъ подвергнуться вашему избранію, такъ какъ оно доказало, что связь между мной и уѣздомъ не порвалась и земское собраніе выборомъ меня въ предсѣдатели управы одобрило мое поведеніе. Пользуюсь случаемъ, чтобы принести собранію мою глубокую благодарность за оказанную мнѣ этимъ нравственную поддержку. Какъ извѣстно гг. гласнымъ, я, будучи за границей, на телеграфный запросъ собранія отвѣтилъ телеграфнымъ же согласіемъ. Въ то время мнѣ не былъ извѣстенъ текстъ реабилитирующаго меня акта. По моемъ пріѣздѣ я узналъ, что возвращеніе мое къ общественной дѣятельности мотивировано рожденіемъ Государя Наслѣдника Цесаревича, предстательствомъ за меня курскаго дворянства и тѣмъ, что земская жизнь Суджанскаго уѣзда пришла въ нормальный порядокъ. При грядущихъ сложныхъ задачахъ общественной жизни въ Россіи не время останавливаться теперь на минувшихъ недоразумѣніяхъ и оспаривать отдѣльныя выраженія. Напротивъ, я долженъ относиться съ глубокой благодарностью ко всѣмъ,— и раньше всего къ теперешнему министру внутреннихъ дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому,—способствовавшимъ возстановленію истины передъ Государемъ. Но тѣмъ не менѣе моя общественная дѣятельность только и можетъ быть плодотворна, если она будетъ основываться на полной моей откровенности и на довѣріи ко мнѣ моихъ избирателей и населенія. Мои убѣжденія и характеръ моей дѣятельности для васъ, господа, теперь еще яснѣе послѣ моего участія въ частномъ совѣщаніи земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ, съ результатами коего я уже имѣлъ случай большинство изъ васъ позна-

комить и къ которымъ вамъ угодно было присоединиться. Что же касается до данной мнѣ возможности возвращенія къ земской дѣятельности, то въ виду могущихъ возникнуть кривотолковъ вслѣдствіе нѣкоторой неясности редакціи вышеупомянутаго акта я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ земскимъ собраніемъ, что я смотрю на него какъ на возстановленіе въ моихъ правахъ, а не какъ на актъ помилованія, такъ какъ мнѣ никакой вины объявлено не было и я таковой за собою не знаю. Оспариваемое же губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ право мое доложить земскому собранію о моихъ дѣйствіяхъ въ бывшемъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности разрѣшено, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, правительствующимъ сенатомъ въ утвердительномъ для меня смыслѣ. А посему считаю нужнымъ дословно повторить сказанною мною два года тому назадъ бывшему товарищу министра внутреннихъ дѣлъ ген. фонъ-Валю, пріѣзжавшему въ Суджу post factum для разслѣдованія моего дѣла, а именно: „Послѣ зрѣлаго размышленія по поводу каждаго сказаннаго мною слова и каждаго сдѣланнаго мною шага по участію моему въ суджанскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности я пришелъ къ убѣжденію, что я ничѣмъ не провинился ни передъ своею совѣстью, ни передъ населеніемъ, ни передъ Царемъ, а потому заявляю вамъ и прошу васъ передать пославшимъ васъ, что, повторись вновь тѣ же обстоятельства, я ни въ чемъ не отступилъ бы отъ моего прежняго образа дѣйствій“.

Земское собраніе, выслушавъ это заявленіе кн. П. Д. Долгорукова, единодушно выразило ему свое привѣтствіе по случаю возвращенія его на службу суджанскаго земства. Постановленіе это и гласными, и многочисленною находившеюся въ залѣ публикой было встрѣчено дружными, долго несмолкавшими, дважды повторенными апплодисментами.

Сосѣдняя съ Курскою *Орловская* губернія никогда не отличалась особенною дѣятельностью въ сферѣ народнаго образованія. И губернское, и уѣздное земство Орловской губерніи, за исключеніемъ, впрочемъ, Елецкаго уѣзда, въ этой области дѣйствовали или „умѣренно“ и „аккуратно“, или и того меньше. При этомъ Орловское губернское земство никогда не выступало въ роли объединителя уѣздовъ въ дѣлѣ народнаго образованія; поэтому въ Орловской губерніи уѣзды работали, какъ говорится, „кто въ лѣсъ, кто по дрова“. Вообще, Орловскія земства мало занимаются „широкими“ вопросами, а вращаются въ сферѣ узкихъ, чисто хозяйственныхъ интересовъ, выбирая и соотвѣтственныхъ земскихъ дѣятелей. На разныхъ земскихъ съѣздахъ, совѣщаніяхъ, организаціяхъ орловцы почти не встрѣ-

чаются, и, насколько намъ извѣстно, только два орловскихъ земца появляются,—да и то, „отъ себя", — въ „большомъ свѣтѣ", если можно такъ выразиться. Это именно: Ф. Ц. Татариновъ и А. А. Стаховичъ *). Если ко всему этому прибавить административные тормазы даже въ скромной земской работѣ, то результаты получатся довольно неутѣшительные.

За 1904 годъ, напримѣръ, намъ по Орловской губерніи встрѣтились лишь три отрицательныхъ факта.

Первый изъ нихъ касается Орловскаго губернскаго земства, а два другіе Елецкаго уѣзда.

Выработанный орловскимъ губернскимъ земствомъ при содѣйствіи представителей педагогическаго персонала всѣхъ уѣздовъ губерніи проектъ устава Общества взаимопомощи учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ примѣнительно къ нормальному уставу дважды представлялся на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1903 году проектъ былъ возвращенъ съ рядомъ измѣненій, сдѣланныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Обсудивъ внесенныя въ проектъ устава измѣненія, губернская управа нашла, что изъ этихъ измѣненій существенное значеніе имѣетъ лишь исключеніе права открытія Обществомъ филіальныхъ отдѣленій. Практика другихъ обществъ взаимопощи показала положительную необходимость открытія филіальныхъ отдѣленій, такъ какъ обще-губернскія Общества взаимопомощи безъ организаціи въ отдаленныхъ уѣздахъ этихъ отдѣленій являются скорѣе обществами, кругъ дѣятельности которыхъ, главнымъ образомъ, распространяется на ближайшіе къ губернскому городу уѣзды. Лишеніе права открытія филіальныхъ отдѣленій уже сказывается и въ настоящее время. Оно побудило елецкое земство отказаться отъ участія въ проектированномъ обществѣ. Въ виду этого губернское земское собраніе въ сессію 1903 года постановило вновь ходатайствовать о предоставленіи обществу права открытія филіальныхъ отдѣленій, согласившись на прочія измѣненія въ уставѣ. Въ 1904 г. ходатайство это было отклонено.

Въ *Елецкомъ* уѣздѣ очередное земское собраніе учредило совѣщательный при управѣ совѣтъ по дѣламъ народнаго образованія изъ семи гласныхъ и семи учащихъ.

Первое совѣщаніе созывалось управой на 3-е февраля. Наканунѣ инспекторъ народныхъ училищъ сообщилъ всѣмъ семи учащимъ, получившимъ повѣстки, что удалитъ ихъ отъ должности, если

*) Слѣдуетъ еще замѣтить, что А. А. Стаховичъ былъ предводителемъ дворянства, такъ что земецъ оказывается лишь *одинъ*.

они явятся на совѣщаніе. Предсѣдатель управы, узнавъ о томъ, просилъ учащихъ не приходить на засѣданіе, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ихъ риску потерять свои мѣста и, въ лучшемъ случаѣ, испытать на себѣ гоненія своего ближайшаго начальства. Собравшееся совѣщаніе рѣшило не приступать къ своимъ занятіямъ въ виду доложеннаго ему распоряженія инспектора, вслѣдствіе котораго половина и притомъ наиболѣе освѣдомленныхъ въ дѣлѣ его членовъ не могли по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ принять участіе въ работахъ коммиссіи.

Второй образчикъ безцеремоннаго произвола бюрократіи таковъ.

Бывшій городской голова М. Н. Валуйскій болѣе 20-ти лѣтъ состоялъ членомъ елецкаго училищнаго совѣта отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1904 г. вдругъ въ „Губерн. Вѣдом." сообщается, что М. Н. Валуйскій „освобождается" отъ должности члена училищнаго совѣта и на его мѣсто назначается чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Н. Н. Хрипуновъ. М. Н. Валуйскій за свое столь продолжительное служеніе дѣлу народнаго просвѣщенія отличался беззавѣтною ему преданностью. Несмотря на свой довольно преклонный возрастъ М. Н. Валуйскій аккуратнѣе всѣхъ другихъ членовъ посѣщалъ засѣданія училищнаго совѣта, въ которыхъ всегда отстаивалъ свои просвѣщенные взгляды и убѣжденія и горячо боролся съ рутиной и бюрократическимъ отношеніемъ къ этому живому дѣлу. Вотъ эти то качества въ глазахъ бюрократіи являются наиболѣе „преступными". Но не только бюрократія защищаетъ рутину. Поклонникомъ ея является и елецкое дворянство, „провалившее" въ 1904 году А. А Стаховича, конечно, не безъ содѣйствія бюрократіи.

И. П. Бѣлоконскій.

(*Продолженіе будетъ*).

Необходимый элементъ въ изученіи русскаго языка.

(Къ ожидаемому пересмотру программъ городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

Нѣмецкій филологъ Рудольфъ Гильдебрандъ недавно писалъ: „Черныя черточки на бумагѣ составляютъ для нашего времени самую существенную сторону слова; знакъ сталъ для насъ самимъ предметомъ; оболочка принимается за содержаніе. Слово живетъ въ нашемъ зрѣніи... Жизнь языка перешла въ его оболочку, въ начертаніе, въ орѳографію, совершенно такъ-же, какъ у дряхлаго дерева жизнь держится еще нѣкоторое время на внѣшнихъ слояхъ, между тѣмъ какъ сердцевина уже начала гнить. Для свѣжаго будущаго необходимъ рѣшительный поворотъ"...

Потеря пульса жизни въ языкѣ, можетъ быть, еще и не достигла той ступени, когда „сердцевина уже начала гнить"; тѣмъ не менѣе, приведенныя слова даровитаго ученаго не теряютъ своего общаго значенія. Никто не станетъ думать, что мнѣніе, выраженное этими словами, являясь результатомъ наблюденій въ средѣ нѣмецкой школьной жизни, справедливо лишь по отношенію къ послѣдней. И нашъ еще молодой языкъ давно уже сталъ испытывать на себѣ мертвящее вліяніе формализма и буквоѣдства.

Для насъ, представителей русской школы, слова Гильдебранда важны, впрочемъ, лишь какъ напоминаніе со стороны.

Уже вскорѣ послѣ принятія у насъ классической системы образованія, когда выяснились ея отрицательныя стороны, въ литературѣ начали раздаваться голоса, требовавшіе внесенія живой струи въ дѣло обученія, желавшіе замѣнить механическую работу памяти продуктивной дѣятельностью мысли...

И русскій языкъ также всегда имѣлъ у насъ вѣрныхъ своихъ хранителей.

Ушинскій прекрасно понималъ важность изученія родного языка, если это изученіе касалось внутренней сущности рѣчи, а не ея оболочки. Вѣру свою Ушинскій выражалъ словами: „Изучая родной

языкъ, дитя пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова; онъ объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ни одинъ естествоиспытатель; онъ знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ людей, съ ихъ стремленіями, онъ вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ бы ввести ни одинъ эстетикъ; онъ, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ"...

Такое освѣщеніе результатовъ, вѣнчающихъ изученіе родного языка, не всѣмъ удавалось; оно не могло, понятно, не вызвать у многихъ желанія достигнуть практически этихъ результатовъ, а не любоваться лишь ими въ идеѣ Ушинскаго.

Но несомнѣнная трудность такой задачи и методическая неразработанность предмета имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что идея Ушинскаго не получила того широкаго примѣненія въ практикѣ школьной жизни, какого заслуживала по существу, тогда какъ другія воззрѣнія названнаго педагога до того прочно укоренились, что дальнѣйшее видоизмѣненіе и развитіе ихъ, сообразно съ требованіями духа времени, является дѣломъ не легкимъ. Къ таковымъ, между прочимъ, надо отнести идеи Ушинскаго, легшія въ основу устройства нашихъ учительскихъ семинарій. Какъ извѣстно, Ушинскій полагалъ, что народному учителю не нужна обширность свѣдѣній, многосторонняя и серьезная научная подготовка; будущій учитель долженъ пріобрѣсти только тѣ познанія и навыки, какіе пригодятся ему въ сравнительно узкомъ кругу по практической дѣятельности.

Эти воззрѣнія находятся въ явномъ противорѣчіи съ приведенными выше объ обширности результатовъ, раскрывающихся при изученіи родного языка. Какія-же, въ самомъ дѣлѣ, „логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ", можетъ дать своимъ питомцамъ учитель, самъ проходящій въ семинаріи учебникъ Кирпичникова? Если Ушинскій, ясно видѣвшій, чего можно достигнуть путемъ изученія отечественнаго языка, остановился на полдорогѣ, то отъ иныхъ и требовать ничего нельзя.

Въ 70-е г.г. въ публику начали проникать свѣдѣнія о результатахъ, добытыхъ сравнительнымъ языкознаніемъ и разработкой общей науки о языкѣ. Да и сама эта отрасль человѣческаго знанія освободилась къ этому времени отъ тѣсныхъ рамокъ формальнаго, безплоднаго буквоѣдства, сдѣлалась живой наукой, не теряя своей точности.

Пользуясь пріемами научнаго изслѣдованія, филологи открыли

изумленному міру, что древнѣйшая исторія человѣческаго развитія таится прежде всего въ языкѣ, что въ немъ, какъ въ естественной оболочкѣ человѣческой мысли, сохранилось все: и слѣды пережитыхъ ею первоначальныхъ процессовъ, и вся душа народа и его геній. Въ языкѣ увидѣли богатую сокровищницу, великую ткань, соединяющую людей и между собою и съ природой. Какъ въ плодахъ выражается качественность дерева, такъ въ словахъ обнаруживается человѣкъ, который говоритъ потому, что у него есть разумъ. Разумно изучающій міръ слова черезъ это самое проникаетъ въ царство разума, въ міръ идей. Изученіе языка, такимъ образомъ, открываетъ изучающему величайшее изъ твореній.

Все, что теперь имѣетъ въ языкѣ лишь формальное значеніе, раньше имѣло матеріальное, самостоятельное значеніе. Предметы назывались по ихъ свойствамъ и дѣйствіямъ, или, говоря точнѣе, по впечатлѣніямъ, произведеннымъ свойствами и дѣйствіями на человѣка *). Чѣмъ яснѣе и осязательнѣе живое впечатлѣніе, лежащее въ основѣ слова, тѣмъ понятнѣе слово само по себѣ. „Въ началѣ своемъ языкъ бываетъ простъ, устроенъ органически, не разслабленъ лишними приростами. Разныя приращенія появляются уже тогда, когда забывается первоначальный смыслъ органически устроенныхъ словъ, и когда надбавками рѣшаются восполнить утраченную силу“ (Павскій. Филолог. Наблюд. т. 2, стр. 11).

Да, раньше въ языкѣ не было ничего пустого, мертваго, какъ фактически и теперь нѣтъ ничего, что прежде не было бы полно, живо и матеріально; въ основѣ слова лежалъ конкретный образъ, наполненный живымъ впечатлѣніемъ предмета на душу человѣка. Такъ называемые суффиксы нынѣшнихъ словъ, т. е. надбавки, съ помощью которыхъ развивается корень слова для образованія изъ него разныхъ частей рѣчи, помимо склоненій и спряженій были, по большей части, самостоятельными словами—существительными, глаголами и мѣстоименіями.

Уже Локкъ высказывалъ мысль, что слова, выражающія отвлеченныя понятія, происходятъ отъ словъ, обозначавшихъ первоначально общія понятія о матеріальныхъ предметахъ. Сравнительное языкознаніе вполнѣ подтвердило эту мысль, указавъ, что всѣ корни словъ, т. е. первоначальные элементы человѣческой рѣчи, не что иное,

---

*) Такъ, слово *земля* имѣетъ тотъ-же признакъ, что и *жена*—рождающая (отъ санскр. *ган*—рождать); быкъ (бугай) названъ по впечатлѣнію производимому звукомъ его голоса на слухъ человѣка; книга (первонач г-нига)—свернутый со-гнутый пергаментъ; также и *губ-ы*—из-гиб-ы рта комната названа свѣтлицей, потому что освѣщена окнами и т. п.

какъ голосовые знаки для выраженія однихъ только чувственныхъ впечатлѣній. Человѣкъ устремляетъ свою дѣятельность прежде всего на внѣшній міръ, и лишь впослѣдствіи онъ обращается внутрь себя и, ощущая потребность выразить общія понятія о явленіяхъ своего внутренняго міра, по аналогіи пріурочивалъ къ этимъ явленіямъ тѣ знаки, которыми онъ уже владѣлъ. Аналогія явилась закономъ развивавшагося языка, а проистекшая отсюда метафора, переносившая слово отъ одного значенія къ другому, была однимъ изъ могущественныхъ двигателей языка.

Отвлеченныя понятія выростаютъ, такимъ образомъ, на основѣ конкретныхъ.

Языкъ продолжалъ развиваться, и началась его литературная обработка.

Но какъ живой организмъ, литературный языкъ постоянно нуждался въ питаніи, въ обновляющихъ его сокахъ. Необходимую пищу онъ могъ бы получить лишь изъ той почвы, на которой выросъ: изъ народныхъ нарѣчій (перво-нарѣчій). Удаленный отъ родной почвы, языкъ останавливается въ своемъ развитіи и естественномъ ростѣ. Такъ, по свидѣтельству ученыхъ, нарѣчіе, занесенное на Исландію выходцами изъ Норвегіи, въ теченіе семи вѣковъ оставалось одинокимъ, тогда какъ на родной своей землѣ, окруженное мѣстными нарѣчіями, оно разрослось въ два отдѣльныхъ языка—шведскій и датскій. (Коршъ).

Выясняя значеніе языка въ исторіи литературы, языкознаніе пролило новый свѣтъ и на объясненіе миѳовъ. Максъ Мюллеръ, какъ извѣстно, видѣлъ въ основаніи миѳа поэтическую метафору, которая понималась первоначально не больше, какъ таковая. Языкъ былъ бѣденъ отвлеченными понятіями, и потому послѣднія замѣнялись поэтическими оборотами, соотвѣтствовавшими силѣ воображенія дѣвственнаго народа. На миѳы перестали смотрѣть, какъ на безсмысленныя созданія дикой фантазіи.

Много еще и другихъ важныхъ результатовъ было добыто языкознаніемъ. Всѣ они составляютъ теперь достояніе большинства. Я остановился на нѣкоторыхъ изъ нихъ лишь потому, что они оказываютъ и оказали у насъ вліяніе на разработку вопроса о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ изученіемъ отечественнаго языка.

Дѣйствительно, въ 80-е г.г. начали появляться въ „Филологическихъ Запискахъ“ статьи, въ которыхъ педагоги (Гр. Линникъ, Соломоновскій) настаивали на томъ, чтобы языкъ и его грамматика перестали быть школьнымъ дѣломъ механическаго заучиванья формъ и безсодержательнаго упражненія въ ихъ измѣненіяхъ.

Преимущественная важность была придана задачамъ словопро-

изводства (анализъ слова, опредѣленіе корня и объясненіе этого корня черезъ сравненіе словъ однокоренныхъ), цѣлью которыхъ было ввести учащихся въ ту область языка, которая составляетъ его душу, и дать имъ возможность углубиться во внутреннее существо слова, въ тотъ смыслъ, который одушевляетъ слово и даетъ ему жизнь, чуждую простымъ, безсодержательнымъ звукамъ.

Упражненіями въ словопроизводствѣ могли быть разработаны слѣдующіе пункты: *)

1. Выясненіе отличительнаго признака слова (точнѣе—выражаемаго словомъ понятія), признака, произведшаго особенное впечатлѣніе на человѣка; слово хранитъ этотъ признакъ въ своемъ корнѣ, почему и выясненіе послѣдняго можетъ намъ объяснить впечатлѣніе первобытнаго человѣка и его воззрѣніе на природу. **)

2. Разъясненіе синонимовъ (работа, трудъ, дѣятельность) и сознательное ихъ употребленіе.

3. Объединеніе противоположныхъ терминовъ. Напр., изъ корня У (въ цсл. юсъ большой) : в-он-ъ и благо-у-ханіе; изъ корня *богъ*—бог-атство и у-бож-ество, конецъ-начало и т. п.

4. Аналогія въ образованіи понятій, которая можетъ быть выяснена также путемъ словопроизводства. Напр., изъ корня *гар*, съ признакомъ горѣнія, образовались отвлеченныя понятія: горе, горесть, грусть—выражающія душевное состояніе человѣка. Такое образованіе аналогично образованію изъ корня *пек*, въ значеніи печь, палить,

---

*) См. брошюру Гр. Линника: „Образованіе словъ въ языкѣ и задачи словопроизводства". Воронежъ. 1888 г. (Отдѣльн. оттискъ изъ „Филол. Зап.")

**) У Гр. Линника находимъ слѣдующее поясненіе къ этому:

„Разборъ словъ греческаго „космосъ" и славянскаго „міръ", какъ названій вселенной, могутъ замѣнить цѣлыя страницы описаній характеровъ міровоззрѣнія грековъ и славянъ. Первое слово („космосъ" значитъ порядокъ, красота; отсюда—косметическія принадлежности, косметическій магазинъ,—какъ и русское по-ряд-окъ и на-ряд-ъ—украшеніе) указываетъ на народъ, который, въ полной мѣрѣ наслаждаясь жизнью, предпочитая быть послѣднимъ дровосѣкомъ въ здѣшней жизни, чѣмъ царемъ въ Аидѣ, развилъ до высшей степени чувство изящнаго и смотрѣлъ на природу, какъ на прекраснѣйшее созданіе боговъ; второе слово указываетъ на народъ мирный, который въ природѣ видѣлъ царство мира и также порядка. Какъ то, такъ и другое слово, обозначая одинъ только признакъ, служатъ для насъ символомъ понятія, имѣющаго такую массу признаковъ, которые нельзя исчислить; для названія того-же предмета въ русскомъ языкѣ существуетъ еще, между прочимъ, и слово „вселенная", потому что міръ обитаемъ, населенъ живыми существами; также и „свѣтъ", какъ видимое, извѣстное, въ отличіе отъ тьмы и мрака, гдѣ кончается предѣлъ сущаго и ожидаетъ человѣка неизвѣстность и т. д.

(„Образованіе словъ въ языкѣ". Стр. 6.).

жечь, отвлеченнаго понятія—печаль, выражающаго душевное состояніе, сходное съ горемъ, грустью и др. этого корня.

Наконецъ, путемъ словопроизводства и корнесловія можетъ быть достигнутъ важный результатъ—воспроизведеніе поэтическихъ образовъ и картинъ народнаго міровоззрѣнія и даже выясненіе вопросовъ отвлеченныхъ, стоящихъ въ уровень съ современной философіей.

Вотъ важнѣйшіе результаты, къ достиженію которыхъ должно приближаться одною изъ своихъ сторонъ изученіе отечественнаго языка. Большинство современныхъ педагоговъ также считаетъ словопроизводство и корнесловіе существеннымъ и необходимымъ элементомъ въ изученіи русскаго языка.

Есть и думающіе иначе *).

Но все, что писалось и говорилось по этому поводу, было относимо лишь къ одной средней школѣ. Низшая же, во главѣ съ „забытыми" городскими, по Полож. 31 мая 1872 г., училищами, стояла, по обыкновенію, въ сторонѣ. Въ названныхъ „забытыхъ" училищахъ, въ силу существующихъ программъ, и до сихъ поръ на урокахъ русскаго языка (исключая уроки объяснительнаго чтенія) вучитъ игра въ склоненія и спряженія, разнообразящаяся грамматическими разборами, да диктовками.

Съ 1-го отдѣленія ученикъ знаетъ слово, какъ сочетаніе звуковъ: о-с-а, р-а-м-а, у-х-о;

Во 2-мъ отдѣленіи онъ учится называть слова по именамъ: подлежащее, сказуемое и объяснительныя слова; въ 3-мъ отдѣленіи этихъ именъ ему сообщаютъ больше: имя существительное, имя

*) Къ таковымъ, между проч., надо отнести М. А. Тростникова, который въ послѣдней своей статьѣ („Введеніе въ методику русск. яз., какъ учебнаго предмета", „Русск. Шк." Январь, 1904 г.) приходитъ къ выводу, что учитель родного языка почти не нуженъ въ школѣ, такъ какъ „имѣетъ гораздо меньше возможности учить ему, чѣмъ каждый изъ учителей матеріально образовывающихъ предметовъ". Это тѣмъ болѣе странно (чего не отрицаетъ и самъ М. А. Тростниковъ), что названный педагогъ больше работаетъ въ области элементарныхъ вопросовъ обученія языку. (См. его статьи: „Обученіе чтенію", „Обученію письму", „Обученіе грамматикѣ", „Правда о диктовкѣ", „Русск. Шк." 1900—1903 г.г.). Кому же, въ самомъ дѣлѣ, умѣстнѣе всего заняться этимъ элементарнымъ обученіемъ—научить чтенію, грамматикѣ, орѳографическому письму? Конечно, это не есть еще изученіе языка, а только его низшія ступени; но и высшія ступени обученія—фонетика, словопроизводство и корнесловіе, чтеніе литературныхъ произведеній и самостоятельное изложеніе мыслей также ближе всего касаются учителя русскаго яз. Только двѣ послѣднія задачи и могутъ быть раздѣлены между всѣми преподавателями, какъ того хочетъ М. А. Тростниковъ по отношенію къ цѣлому предмету.

прилагательное, числительное, глаголъ и т. д.; тутъ же онъ узнаетъ, что такое опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство. Въ 4-мъ отдѣленіи то же, съ небольшими добавленіями, вродѣ знакомства съ прямымъ дополненіемъ, приложеніемъ, придаточными предложеніями и проч. Въ 5 отдѣленіи части рѣчи проходятся возможно полнѣе со всѣми „мелкими шрифтами"; кромѣ этого—отдѣлъ „о словообразованіи".

Въ 6-мъ отдѣленіи—синтаксисъ и повтореніе этимологіи. Здѣсь же предполагается знакомство съ основными понятіями изъ теоріи словесности; ученикъ уже знаетъ слово не только какъ опредѣленіе или имя существительное, но и какъ эпитетъ, метафору, варваризмъ и проч.; можетъ дать названіе и цѣлому произведенію: басня, баллада, идиллія и т. п. Въ такомъ же духѣ ведется и изученіе церк.-слав. языка: заучиваются склоненія, времена, спряженія и примѣчанія къ нимъ. Вездѣ на первомъ планѣ буква, названіе, форма.

Все это, безспорно, необходимо, но въ должной мѣрѣ; и неужели нужно для этого употребить цѣлыхъ 6 лѣтъ?

Впрочемъ, въ томъ же 6-мъ отдѣленіи положено еще пройти 12 біографій образцовыхъ русскихъ писателей; произведенія же ихъ, за исключеніемъ стихотвореній и нѣкоторыхъ отрывковъ, остаются ученикамъ неизвѣстны, такъ какъ послѣдніе не имѣли раньше ни времени, ни возможности (вслѣдствіе недостаточнаго развитія) самостоятельно ознакомиться съ ними. Къ чему же тогда біографическія свѣдѣнія: годъ, мѣсто рожденія и воспитанія, перечень нечитанныхъ произведеній и проч.?

Могутъ возразить, что, изучая біографію писателя, ученикъ видитъ передъ собой великій образецъ человѣка, которому долженъ подражать. Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать о всѣхъ писателяхъ. Согласенъ, что созерцаніе великихъ образцовъ человѣческой души было бы лучшей воспитательной школой; но тогда раціональнѣе было бы ввести въ курсъ училища знакомство съ жизнью такихъ личностей, какъ Генрихъ Песталоцци (другъ дѣтей), Даміанъ де-Вестеръ (другъ прокаженныхъ), Иванъ Гусъ, Будда (Свѣтъ Азіи) и пр. Для изученія же поэта важны прежде всего его произведенія, та завѣтная лира, въ которой скрыта душа поэта, переживающая его прахъ и убѣгающая тлѣнья.

Уже изъ сказаннаго о постановкѣ русскаго языка въ городскихъ училищахъ видно, что она никакъ не можетъ способствовать выработкѣ живыхъ людей мысли (А надо помнить, что городскія училища имѣютъ цѣлью дать хотя и низшее, но законченное образованіе). Изученіе касается больше внѣшней, формальной стороны

рѣчи и не затрагиваетъ животрепещущаго внутренняго содержанія ея. Въ такомъ духѣ составлены и существующія программы. Упущенъ важный элементъ изученія всякаго языка—словопроизводство и корнесловіе, и учащійся не имѣетъ возможности проникнуть во внутренній смыслъ словъ, чтобы выяснить тѣ впечатлѣнія на душу человѣка, которыя положены въ основу всѣхъ словъ. Разъ эти впечатлѣнія не выяснены, то слова являются для учащагося чисто абстрактными символами, большею частью не удовлетворяющими ни воображенію, ни мышленію. Отсюда—темнота и сбивчивость въ мірѣ дѣтскихъ понятій; отсюда неточность въ выборѣ ихъ для выраженія мыслей въ устной и письменной рѣчи, отчего послѣдняя является безцвѣтной и почти безъ всякаго содержанія; отсюда, наконецъ (если взглянуть шире), вообще истощеніе живыхъ родниковъ нашего литературнаго языка, то гніеніе сердцевины, о которомъ говоритъ Гильдебрандъ. Неумѣніе найти въ русской рѣчи слова для выраженія тѣхъ или иныхъ понятій заставляетъ и нашихъ писателей брать готовыя иностранныя слова, которыя не всегда прививаются на чуждой имъ почвѣ. Здоровые народные элементы замираютъ, такъ какъ заглушаются чужими словами, въ которыхъ не было никакой надобности.

Путаница въ области понятій и цѣлыхъ сужденій увеличивается. Наши поэты стиль-модернъ давно возмущаютъ всѣхъ своей „голубой тоской", „непонятнымъ огнемъ любви никогда не бывалой", „безграннымъ одиночествомъ" и прочими перлами декадентства. Поворота въ сторону здравой мысли у нихъ не замѣтно, и само гнѣздо „скорпіоновъ" разростается.

Упражненія въ словопроизводствѣ (т. е. объясненіе вещественнаго значенія корня и другихъ морфемъ, доказательство родства понятій, выражаемыхъ словами одного корня, выясненіе послѣдовательности развитія одного понятія изъ другого) являются, такимъ образомъ, весьма желательными и въ курсѣ русскаго языка городскихъ училищъ, конечно, въ степени, сообразной съ условіями, въ которыхъ находятся эти учебныя заведенія. Для этого необходимо предварительное знаніе фонетики; но главнѣйшія положенія ея и теперь проходятся, частью изъ отдѣла „словообразованіе", а частью изъ курса грамматики церк.-слав. языка; остаются только они пока безъ всякаго примѣненія. Упражненія эти, клонящіяся къ тому, чтобы учащійся могъ познать живую ткань языка, погружаясь въ словесную стихію, будутъ для него гораздо интереснѣе надоѣвшихъ и забравшихъ такъ много времени спряженій страдательнаго залога и производства причастій съ дѣепричастіями. Говорю это на основаніи личнаго опыта, какъ видѣвшій то оживленіе и ту сосредоточенную работу

мысли, какія овладѣвали учениками, когда мнѣ удавалось направить вниманіе ихъ на ту сторону слова, о которой я сказалъ выше.

Изъ корнь я (дцсл. юсъ малый)—я-ти—легко удавалось мнѣ выводить цѣлую семью понятій: взять, выемка, яма, принять, пріемъ, снять, объемъ, занятіе, вниманіе, понятіе, пріятность, воспріимчивость, переимчивость и др.

Отъ корня бр (бр-ать): соборъ, сборникъ, отборный, браковать, бракъ, убранство, сбруя, сбрить, бритва и др.

Отъ корня влекъ (влек у)—волокъ, развлеченіе, увлечь, облако, облаченіе, разоблачить, волокно и др.

Также безъ труда раскрывается и внутреннее содержаніе отдѣльныхъ словъ, какъ, напр.: *бояринъ*, (прежде *боліаринъ*, отъ болій), *ворожба* (узнаваніе будущаго при посредствѣ *враждебныхъ* силъ) *намедни* (на+межъ+дней=на+между+днями=на дняхъ) и т. п.

Объясненіе вещественнаго значенія нѣкоторыхъ морфемъ потребуетъ введенія сравнительнаго элемента изъ другихъ языковъ, но и тутъ можно помочь горю, такъ какъ въ большинствѣ городскихъ училищъ введено теперь изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ.

Разъ вещественное значеніе слова выяснено, говорящій начинаетъ болѣе свободно и болѣе сознательно пользоваться имъ, онъ даетъ ему сообразное съ смысломъ употребленіе потому, что слово тѣмъ понятнѣе, чѣмъ яснѣе и осязательнѣе живое впечатлѣніе, лежащее въ его основѣ. Особенно это важно для понятій отвлеченныхъ. Изученіе языка, не идущее дальше орѳографіи и разборовъ,—это кощунство надъ его священными сокровищами, и трудно сказать, чего больше приноситъ оно: пользы или вреда. Нѣтъ ничего безотраднѣе, какъ видѣть человѣка (ребенка или взрослаго), автоматически произносящаго слова и не мыслящаго въ нихъ никакого содержанія. Упражненія же въ словопроизводствѣ способствуютъ ясности и гибкости ума, развиваютъ силу діалектики и дѣлаютъ языкъ живымъ предметомъ, раскрывающимъ тайны историческихъ и до-историческихъ судебъ человѣчества.

М. А. Самойленко.

Къ 1905—1906 учебному году.

(О программахъ русской литературы въ среднихъ школахъ).

„Коренная“ и „немедленная“ реформа средней школы, неожиданно провозглашенная въ 1901 г., неожиданно же была пріостановлена въ самомъ началѣ ея осуществленія. Съ тѣхъ поръ „школьный возъ“ и донынѣ остается почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ застрялъ въ 1902—1903 учебномъ году. Исторія съ этимъ „возомъ“ чрезвычайно любопытна: она фактически подтвердила мысль, которая въ управленіи покойнаго П. С. Ванновскаго, высказывалась крайне малочисленной группой проницательныхъ людей, мысль, что предпринимаемая реформа такъ или иначе потерпитъ крушеніе, потому что никакая прогрессивная реформа въ частной области жизни не можетъ у насъ удержаться, если вся организація общественно-политической жизни остается неизмѣнной. Теперь эта мысль стала азбучной истиной въ общественномъ мнѣніи, и „коренная“ реформа средней школы естественно откладывается до той поры, когда въ русской жизни создадутся общія условія для ея проведенія.

Но если „коренная“ реформа оказывается пока безпочвенной, то изъ этого не слѣдуетъ, что невозможны въ школьной жизни *частныя* измѣненія, не требующія ломки нынѣшняго строя и неспособныя вызвать ожесточенное противодѣйствіе враговъ просвѣщенія. И надо удивляться, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ рукахъ котораго есть же хоть немного власти, не обнаруживаетъ ни малѣйшей иниціативы и энергіи въ практическомъ осуществленіи такихъ частичныхъ реформъ, которыя могли бы внести хоть нѣкоторый свѣтъ въ нашу полуразвалившуюся школу. Одной изъ такихъ частичныхъ, но весьма важныхъ реформъ явилась бы замѣна *изученія теоріи словесности, какъ особаго предмета, изученіемъ исторіи русской литературы второй половины XIX-го вѣка.* Такая замѣна съ педагогической точки зрѣнія была бы въ высшей степени раціональна, техника же ея реализаціи крайне проста, особенно для мужскихъ гимназій. Разсмотримъ сначала, насколько такая замѣна раціональна.

1) *Что теряетъ средняя школа* (гимназіи мужскія и женскія, реальныя училища) *съ упраздненіемъ теоріи словесности, какъ отдѣльнаго предмета?*

На этотъ вопросъ лучше всего отвѣчаетъ разсмотрѣніе теоріи словесности со стороны ея содержанія. Что такое теорія словесности? Теорія словесности—очень оригинальный учебный предметъ, въ параллель къ которому едва ли можно подыскать другой. Всѣ безъ исключенія другіе предметы, проходимые въ средней школѣ, суть не что иное, какъ учебныя приспособленія извѣстныхъ наукъ къ обиходу средней щколы: исторія, всеобщая или русская, представляетъ въ большей или меньшей степени учебное отраженіе весьма важной науки, разрабатываемой тысячами спеціалистовъ ученыхъ на всемъ земномъ шарѣ и у насъ; то же самое можно сказать о всѣхъ прочихъ предметахъ; даже Законъ Божій имѣетъ прочные корни въ наукѣ, называемой богословіемъ и также разрабатываемой учеными спеціалистами.

Если отъ этихъ учебныхъ предметовъ мы обратимся къ теоріи словесности и поищемъ ту науку, изъ которой этотъ предметъ почерпаетъ свой матеріалъ и которая разрабатывалась бы сотнями ученыхъ спеціалистовъ, то окажемся въ большомъ затрудненіи: науки, извѣстной подъ именемъ „теоріи словесности", совершенно не имѣется. Есть наука, или, лучше сказать, жалкая претензія на науку, называемая „поэтикой", которая до первой половины прошлаго столѣтія составляла часть другой науки—„эстетики", причемъ послѣдняя, въ свою очередь, была частью еще болѣе широкой науки—философіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ грандіозныя философскія системы оказались зданіями, построенными на пескѣ, вопросы эстетики, а съ нею и поэтики, перешли въ область положительной науки, которая пока производитъ обширныя частныя изслѣдованія и еще не имѣетъ возможности создать стройную научную эстетику, а слѣдовательно, и поэтику. Поэтика, или теорія поэзіи, еще въ зародышѣ, и, пока она превратится въ стройную науку съ тщательно установленнымъ содержаніемъ, пройдетъ не мало десятковъ лѣтъ. Чтобы представитть себѣ хотя бы въ общихъ чертахъ, сколько потребуется предварительной работы для созданія научной поэтики, достаточно имѣть въ виду слѣдующее. Научная поэтика требуетъ предварительной разработки поэтики *исторической*, т. е. такой поэтики, въ которой тщательно установлены основные моменты въ эволюціи всякаго вида, рода, разряда, всякой формы и т. д. поэтическихъ произведеній на всемъ земномъ шарѣ, у всѣхъ народовъ; эта колоссальная работа находится пока въ самомъ началѣ, и мы видимъ, что даже человѣкъ съ такой огромной эрудиціей, какъ академикъ

Александръ Веселовскій, опубликовалъ пока только три главы изъ исторической поэтики. Предположимъ однако, что совокупными усиліями ученыхъ зданіе исторической поэтики возведено: можно, значитъ, оттуда почерпать богатѣйшій матеріалъ для созданія теоріи поэзіи, для поэтики вообще. Но этого матеріала еще недостаточно для построенія поэтики, такъ какъ въ немъ нѣтъ обобщающихъ началъ. Поэзія въ ея основныхъ чертахъ не можетъ быть уяснена изъ нея самой: поэзія только одна изъ отраслей искусства; на ряду съ ней существуютъ живопись, скульптура, архитектура, музыка; отличительныя черты поэзіи могутъ уясниться только при сравненіи поэзіи съ прочими художественными искусствами, а это, въ свою очередь, возможно въ томъ случаѣ, если въ параллель съ исторической поэтикой существуютъ аналогичныя науки въ отношеніи къ живописи, скульптурѣ и т. д. И на этомъ еще не оканчивается предварительная работа, необходимая для построенія теоріи поэзіи; но, какъ читатель пойметъ, и этой работы достаточно, чтобы занять собою лѣтъ 50—100, по прошествіи которыхъ мы будемъ имѣть, наконецъ, научную поэтику, изъ которой смѣло сможетъ почерпать и та часть теоріи словесности, которая называется теоріей поэзіи.

Если для теоріи поэзіи въ современныхъ учебникахъ по теоріи словесности нѣтъ соотвѣтствующей разработанной уже науки, то спрашивается, откуда составители учебниковъ почерпаютъ соотвѣтствующій матеріалъ? На это отвѣчаю: изъ старыхъ піитикъ русскихъ, обработанныхъ на основаніи піитикъ ложно-классическихъ, которыя сами выработались изъ піитикъ римскихъ и греческихъ. Извѣстно, какова была цѣль этихъ піитикъ—дать правила, усвоеніе которыхъ помогло бы всякому желающему—создавать поэтическія произведенія въ любомъ родѣ. Претензія, какъ видите, грандіозная. Отсюда не трудно представить себѣ, какова цѣнность этихъ пресловутыхъ правилъ. Если прибавить къ этому, что правила эти извлечены были изъ литературъ только двухъ народовъ—греческаго и римскаго (матеріалъ—ничтожный сравнительно съ современной всемірной литературой) съ присоединеніемъ литературы ложноклассической, что методы извлеченія этихъ правилъ крайне были несовершенны и далеки отъ современныхъ научныхъ методовъ, то цѣнность старыхъ піитикъ еще болѣе уменьшится. Однако именно эти правила послужили основаніемъ для учебной теоріи словесности. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ исчезла вѣра въ возможность сдѣлаться поэтомъ при помощи усвоенія „правилъ“ поэтическаго творчества, поклонники старой піитики, не долго думая, превратили старые правила въ теоретическія опредѣленія, будто бы, родовъ

видовъ, разрядовъ и т. д. поэтическихъ произведеній; и эти опредѣленія изъ года въ годъ вызубриваются нашими учениками, удивляющимися ихъ несуразности и несоотвѣтствію характеру и свойствамъ произведеній русской поэзіи. На страницахъ „Русской Школы“ я не разъ отмѣчалъ цѣлые ряды такихъ нелѣпостей и считаю лишнимъ приводить примѣры въ этой замѣткѣ.

До сихъ поръ я говорилъ о теоріи поэзіи, а вѣдь въ теоріи словесности есть еще стилистика и теорія прозы. Это что еще за науки? Здѣсь дѣло еще яснѣе, чѣмъ относительно теоріи поэзіи: теоріи прозы, какъ особой науки, совершенно не существуетъ, такъ же, какъ и науки, называемой стилистикой. Школьные же теоретики словесности почерпаютъ соотвѣтствующій матеріалъ изъ старинной „реторики“, столь же допотопной „науки“, какъ и „піитика“. Реторика представляла изъ себя совокупность правилъ, усвоеніе которыхъ помогло бы сдѣлаться стилистомъ въ произведеніяхъ поэтическихъ и прозаическихъ—претензія тоже не малая. Съ утратой довѣрія къ такой претензіи реторика превратилась въ стилистику и теорію прозы, „науки“, излагающія существенныя свойства стиля, разрядовъ и видовъ прозаическихъ произведеній. Несуразностей въ этихъ частяхъ теоріи словесности не менѣе, чѣмъ въ теоріи поэзіи. Эти несуразности нерѣдко порождаютъ среди учащихся во внѣклассное время веселое остроуміе и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляютъ въ нихъ презрѣніе къ школьной премудрости. Противъ веселаго остроумія нельзя ничего возразить, но едва ли школа можетъ игнорировать ростъ презрѣнія къ ней. Изъ всего того, что выше изложено, ясно, въ какой степени это презрѣніе должно порождаться неизбѣжно. Единственный выходъ изъ этого—отмѣна преподаванія теоріи словесности, какъ особаго предмета. Съ отмѣной этого предмета не только ничего не теряется, но многое выигрывается: устраняется возможность нелѣпѣйшихъ насилій надъ мыслительными способностями учениковъ, надъ ихъ здравымъ смысломъ, и соотвѣтственно этому возростаетъ уваженіе къ школѣ учениковъ; кромѣ того, для русской литературы освобождается цѣлый учебный годъ, который можетъ быть употребленъ съ большей пользой.

2) *Что выигрывается отъ замѣны изученія теоріи словесности, какъ особаго предмета, изученіемъ исторіи русской литературы?*

Освободившійся учебный годъ можетъ быть употребленъ на прохожденіе исторіи русской литературы. Въ настоящее время курсъ исторіи русской литературы обрывается на Гоголѣ и Кольцовѣ. Вто-

рая половина XIX-го вѣка, сверкающая такими именами, какъ Писемскій, Островскій, Щедринъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій и др., еще не входитъ въ программы русской литературы, преподаваемой въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, въ реальныхъ училищахъ, и многочисленная русская молодежь, удостоиваемая аттестатовъ зрѣлости, свидѣтельствъ объ окончаніи курса, или обречена на полное невѣжество въ этой области, или вынуждена самостоятельно знакомиться съ нею, если остается свободное отъ занятій время. Замѣна теоріи словесности исторіей литературы дала бы возможность ввести въ школьный обиходъ исторію русской литературы второй половины XIX-го в. Такимъ образомъ, первый выигрышъ отъ проектируемой мною замѣны состоялъ бы въ томъ, что учащіеся могли бы пройти *цѣльный* курсъ исторіи русской литературы.

Второй выигрышъ еще болѣе важенъ. Исторія русской литературы излагаетъ основные моменты въ постепенномъ развитіи, ростѣ литературы; а такъ какъ литература есть не что иное, какъ отраженіе въ образахъ или понятіяхъ жизни даннаго народа, его стремленій и идеаловъ, то исторія литературы даетъ картину постепеннаго развитія, роста, самоопредѣленія этой жизни, этихъ стремленій и идеаловъ. Исторія русской литературы (учебная) даетъ въ сжатомъ очеркѣ схему того жизненнаго опыта, который пережитъ русскимъ народомъ въ его наиболѣе чуткихъ представителяхъ. Усвоить эту схему, облечь ее въ плоть и кровь путемъ тщательнаго изученія произведеній русской литературы—это значитъ усвоить предшествующій народный опытъ, это значитъ поставить себя на твердую почву, созданную народомъ, это значитъ уяснить себѣ современность и самого себя, это значитъ разобраться въ своихъ собственныхъ стремленіяхъ и идеалахъ, это значитъ, наконецъ, выработать себѣ опредѣленныя убѣжденія и подготовить себя къ правильной, осмысленной, согласной съ историческимъ прошлымъ народа, практической дѣятельности. Я спрашиваю, имѣетъ ли право средняя школа лишать своихъ питомцевъ такихъ великихъ благъ, и думаю, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ.

Третій выигрышъ—наиболѣе неожиданный. Знакомясь съ русской литературой въ ея наиболѣе разнообразныхъ и богатыхъ формахъ, именно съ литературой XIX-го в., учащійся пріобрѣтаетъ огромный матеріалъ для сравненія родовъ, видовъ, разрядовъ и пр. словесныхъ произведеній. На ряду съ вопросами историко-литературнаго порядка невольно будутъ возникать и вопросы теоретическіе, вопросы о различіи между поэзіей и прозой, о стилѣ образ-

номъ и отвлеченномъ, объ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ и т. д.; и вотъ тутъ именно и умѣстно въ живыхъ бесѣдахъ съ учениками выработать отвѣты на эти вопросы, да не по затхлымъ схоластическимъ учебникамъ, а на основанiи тѣхъ соображенiй научнаго характера, которыми располагаетъ образованный преподаватель-словесникъ. Такъ съ упраздненiемъ „теорiи словесности", какъ особаго предмета, выигрываютъ даже теоретическiе вопросы по словесности.

Таковы главные доводы, которые могутъ быть приведены противъ изученiя теорiи словесности, какъ особаго предмета, и въ пользу замѣны ея исторiей русской литературы второй половины XIX-го в.

Что касается техники этой реформы, то, какъ я уже сказалъ, она легка и для разныхъ учебныхъ заведенiй могла бы быть осуществлена такимъ образомъ:

А) *Для женскихъ гимназiй*:

1) Съ 1905—1906 учебнаго года въ V кл. вмѣсто теорiи словесности проходится исторiя русской литературы съ ея возникновенiя и до XIX-го вѣка (исключительно).

2) Съ 1906—1907 учебнаго года въ VI кл. проходится исторiя русской литературы первой половины XIX-го в.

3) Съ 1907—1908 учебнаго года проходится исторiя русской литературы второй половины XIX-го в.—Программа выпускного экзамена въ этомъ учебномъ году обнимаетъ только исторiю русской литературы всего XIX-го в.

Б) *Для реальныхъ училищъ*:

1) Съ 1905—1906 учебнаго года въ V кл. вмѣсто теорiи словесности проходится исторiя русской литературы съ ея возникновенiя и до XIX-го в. (исключительно).

2) Въ 1906—1907 учебномъ году программы трехъ старшихъ классовъ остаются такими же, какъ и въ 1905 — 1906 учебномъ году.

3) Съ 1907—1908 учебнаго года въ VII кл. проходится исторiя русской литературы второй половины XIX-го в.

В) *Для мужскихъ гимназiй*:

Съ 1905—1906 учебнаго года въ VIII кл. вмѣсто теорiи словесности проходится исторiя русской литературы второй половины XIX-го в.—Экзаменацiонная программа, сравнительно съ нынѣ дѣйствующей, измѣняется такимъ образомъ: а) матерiалъ, который теперь распредѣляется по рубрикамъ теорiи словесности, долженъ

группироваться по рубрикамъ исторіи литературы, съ исключеніемъ всего второстепеннаго; б) старый матеріалъ дополняется новымъ, пройденнымъ по курсу исторіи русской литературы второй половины XIX-го в.

Такова одна изъ возможныхъ частичныхъ реформъ, осуществленіе которой, не требуя никакихъ крупныхъ измѣненій, никакой ломки, внесло бы въ нашу сѣрую, мертвенную школу крупный интересъ и хоть до нѣкоторой степени смягчило бы ту вражду, съ которой относятся къ ней учащіеся. По своей технической легкости она могла бы осуществиться безъ долгихъ сборовъ, особыхъ коммиссій и пр., въ силу простого распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Я убѣжденъ, что къ такой реформѣ съ одинаковымъ сочувствіемъ отнесутся и педагоги-словесники, и общество, и, что важнѣе всего, учащіеся...

В. Келтуяла.

Письмо въ редакцію.

(По поводу нѣкоторыхъ редакторскихъ пріемовъ).

Позвольте отнять у вашихъ читателей на нѣсколько минутъ вниманіе по лично меня касающемуся дѣлу, не лишенному однако, нѣкоторой поучительности.

Съ годъ тому назадъ Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ обратилась ко всѣмъ университетамъ, приглашая профессоровъ принять участіе въ составленіи брошюръ для народа, предполагаемыхъ къ изданію Экспедиціей. Такъ какъ въ проспектѣ Экспедиціи естествознаніе отсутствовало, то я, заинтересовавшись этимъ благимъ дѣломъ, составилъ списокъ желательныхъ темъ и, по соглашенію съ редакторомъ народныхъ изданій Экспедиціи С. А. Панчулидзевымъ, пригласилъ къ участію кое-кого изъ своихъ коллегъ и учениковъ, оставивъ себѣ, между прочимъ, наиболѣе трудную для популяризаціи тему: паразиты человѣка и животныхъ.

Насколько я успѣлъ въ преодолѣніи трудностей темы — публика получитъ возможность судить по напечатаніи моей статьи, каковое состоится, однако, не въ изданіяхъ Экспедиціи. Причиной послѣдняго обстоятельства является требованіе г. Панчулидзева „серьезной переработки“ моей статейки. Хотя я еще въ юности участвовалъ въ народныхъ чтеніяхъ и изданіяхъ при Московскомъ Политехническомъ Музеѣ и былъ всегда не чуждъ популярной литературы, и хотя черезъ мои руки, какъ члена Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, ежегодно проходитъ значительное число естественно-научныхъ брошюрокъ для народа, а самъ г. Пончулидзевъ, повидимому, получилъ исключительно военное образованіе и ни къ какой литературѣ, кажется, не причисленъ, тѣмъ не менѣе я весьма внимательно отнесся къ его замѣчаніямъ, ища въ нихъ полезныхъ указаній человѣка практической жизни. Но, къ удивленію своему, нашелъ въ этихъ замѣчаніяхъ совсѣмъ другое.

Г. Панчулидзевъ считаетъ, повидимому, себя призваннымъ судить не только о степени удобопонятности для народа того или другого

мѣста въ статьѣ, но и о многомъ другомъ, въ чемъ компетентность его болѣе, чѣмъ сомнительна.

Когда мнѣ понадобилось объяснить слова: „паразитъ", „гермафродитъ" и др., то я, не довѣряя своимъ филологическимъ познаніямъ, обратился къ моимъ коллегамъ-филологамъ (проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскому и И. И. Холодняку) и воспользовался, насколько это оказалось удобныхъ, тѣмъ, что они мнѣ сказали. Г. Панчулидзевъ поступилъ иначе. Я перевожу „паразитъ"—„*нахлѣбникъ*" (*para*—на и *sitos*—пища), а г. Панчулидзевъ поправляетъ: „*живущій около*", можетъ быть, смѣшавъ греческій *sitos* съ французскимъ *situation*. Впрочемъ, и французская филологія почтеннаго редактора тоже хромаетъ: къ слову солитеръ онъ дѣлаетъ выноску: „*солитеръ значитъ по-французски отшельникъ*". *Конечно*, названіе свое солитеръ получилъ (какъ и крупные брилліанты) потому, что *solitaire*, *solitarius* значитъ прежде всего одиночный, одинокій, единственный, ибо солитеръ обыкновенно встрѣчается поодиночкѣ. Если, напр., я пишу: „объ этомъ мы поговоримъ *послѣ*", г. Панчулидзевъ дѣлаетъ мнѣ на поляхъ отповѣдь, что-де каждая брошюрка должна представлять собой нѣчто вполнѣ законченное, не обративъ вниманія на то, что это „*послѣ*" относится къ послѣдующимъ страницамъ той же статьи. Но встрѣчаются еще лучше эпизоды, которые показываютъ, что г. Панчулидзевъ не находитъ возможнымъ довѣрять и моимъ зоологическимъ познаніямъ: я говорю, что паразиты, подобно всѣмъ другимъ животнымъ, происходятъ отъ себѣ подобныхъ, а онъ дѣлаетъ совсѣмъ странное (чтобы не сказать больше) замѣчаніе: „*нѣтъ, не подобныхъ, ибо бываетъ безполое размноженіе, о которомъ и говорится ниже*". Я привожу статистическія свѣдѣнія о встрѣчаемости нѣкоторыхъ паразитовъ за-границей, ибо для Россіи не всегда такія свѣдѣнія имѣются, и говорю о нѣкоторыхъ падежахъ, вызванныхъ паразитами въ Англіи, ибо въ Россіи, по счастью, такихъ падежей не было, или, можетъ быть, они остались неизвѣстными въ литературѣ, а г. Панчулидзевъ дѣлаетъ замѣчаніе: „*статистическія свѣдѣнія иностранныхъ государствъ для нашего читателя мало убѣдительны*".

Я говорю, какими признаками солитеръ свиной отличается отъ бычьяго, поскольку это нужно для пониманія прилагаемыхъ рисунковъ, и редакторъ додумывается до такого замѣчанія: „*если надо обращаться ко врачу, что мы и должны настоятельнѣйше рекомендовать, то, давая эти подробности, мы вводимъ въ искушеніе обходиться безъ врача*". Смѣю убѣдить г. Панчулидзева, что подробности эти безъ микроскопа и лабораторіи, а равно безъ умѣнія дѣлать препараты никто различить не въ состояніи. Такъ какъ во многихъ популярныхъ книжкахъ попадаются указанія на чудовищ-

ную длину солитеровъ, то я счелъ необходимымъ отмѣтить, что подобныя цыфры основаны на ошибкахъ прежнихъ врачей, измѣрившихъ длину выходившихъ изъ больного въ разное время кусковъ солитеровъ и складывавшихъ эти цыфры для опредѣленія общей длины, а теперь мы знаемъ, что солитеръ ростетъ и что такой счетъ невѣренъ. Редакторъ вычеркиваетъ это и въ личномъ объясненіи говоритъ, что *подобное подрываніе авторитета врачей въ виду приближающагося холернаго времени недопустимо.*

Выходитъ, что нельзя говорить народу, напр., такихъ вещей: данную болѣзнь врачи прежде считали заразительной, а теперь не считаютъ; данную болѣзнь прежде лѣчили операціей, а теперь лѣкарствами или наоборотъ. Выходитъ также, что по минованіи холеры объ этомъ можно говорить. Курьезно, что около фразы, гласящей о томъ, что длина солитера бываетъ отъ 2 до 5 саженъ, а иногда и болѣе, стоитъ грозный, но одному г. Панчулидзеву понятный окрикъ: *„какая же длина считается научно установленной?"*

Вообще представленія г. редактора о томъ, что надо сообщать народу и что не надо, отличаются нѣкоторой странностью: нельзя говорить, что глистъ можно выгонять лѣкарствами, напр., настоемъ папоротника, изъ опасенія, что крестьяне начнутъ сами лѣчиться; не надо говорить о тѣхъ паразитахъ, которые въ Россіи не встрѣчаются, ибо это неудобно; нельзя упоминать имени ученыхъ, ибо это лишній балластъ. Лично я думаю обо всемъ этомъ иначе, полагая, напр., что народъ надо пріучать не только къ звуку именъ чужихъ и своихъ ученыхъ, но и къ извѣстному отношенію къ нимъ.

Поэтому я счелъ безусловно желательнымъ сказать, что для изученія паразитовъ много поработали не только заграничные ученые, но и наши, какъ, напр , Мечниковъ.

Еслн-бы замѣчанія г. Панчулидзева касались степени ясности изложенія, то я былъ бы за нихъ только благодаренъ, но приведенныхъ примѣровъ, исчерпывающихъ главнѣйшія изъ сдѣланныхъ замѣчаній, достаточно, чтобы показать, куда идутъ претензіи г. Панчулидзева. Долженъ добавить, что г. Панчулидзевъ предлагалъ мнѣ по этому поводу третейскій судъ. Принципіально противъ такого суда я ровно ничего не имѣю; но думаю, что если изъ за каждой моей брошюрки мнѣ придется имѣть дѣло съ третейскимъ судомъ, то не будетъ-ли для меня проще вовсе не писать никакихъ брошюрокъ для Экспедиціи? Поучительность же всего описаннаго двояка. Во первыхъ, лица, которыя будутъ писать для Экспедиціи, должны знать, какого рода редактированіе ожидаетъ ихъ статьи. Одинъ изъ моихъ коллегъ-натуралистовъ, наученный случаемъ со мной, сообщилъ мнѣ, что онъ передалъ рукопись г. Панчулидзеву

при условіи, что тотъ не будетъ вносить поправокъ, а г. Панчулидзевъ утверждаетъ, что означенное лицо само просило его объ исправленіи своей статьи. Кто правъ, я незнаю, но думаю, что по отношенію къ лицамъ, считаемымъ Экспедиціей болѣе или менѣе компетентными, надо избѣгать всякаго редакторскаго хозяйничанія. У автора могутъ быть свои пріемы изложенія, свой стиль, и, наконецъ, имѣется и самолюбіе.

На брошюркѣ будетъ стоять имя автора, а не г. Панчулидзев не говоря уже о томъ, что подобные пріемы редактированія какъ будто даже и оскорбительны. Во-вторыхъ, поучителенъ этотъ случай и въ томъ отношеніи, что во главѣ живого и достойнаго всяческой поддержки дѣла, задуманнаго Экспедиціей, оказалось лицо, которое, судя по приведеннымъ выше поправкамъ, не обладаетъ ни умѣлостью, ни знаніями, ни тактомъ, и которое способно только испортить и погубить начатое дѣло.

Сначала меня весь этотъ эпизодъ поразилъ своей нелѣпостью, а теперь, пораздумавъ, я считаю его глубоко печальнымъ и весьма характернымъ, какъ печальны и характерны тысячи подобныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ слагается наша повседневная жизнь и среди которыхъ приходится намъ работать.

Проф. **В. Шимкевичъ.**

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Проф. И. А. Сикорскій. Всеобщая психологія съ физіогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи. Съ 21 таблицами въ краскахъ и 285 фигурами въ текстѣ. Кіевъ. 1905. 574+VII стр. Цѣна 5 руб.

Признавая исконную связь психологіи съ философіей, нельзя въ настоящее время не признать связи ея и съ естествознаніемъ и физикой, а равно съ медициной, физіологіей и психіатріей. Съ другой стороны, „психологія должна искать сближенія съ областью поэтическаго и художественнаго творчества, въ нѣдрахъ котораго содержатся родники высшей психической жизни". Явленія душевныя, такимъ образомъ, могутъ быть изучаемы и съ физической, и съ психической стороны. Въ виду такого всесторонняго изслѣдованія душевныхъ явленій и придано авторомъ своему труду названіе Всеобщей или Энциклопедической психологіи.

Въ сочиненіи этомъ, кромѣ того, въ качествѣ аналитическаго пріема для изученія и описанія конкретныхъ психическихъ явленій, примѣнены и данныя физіономическаго изслѣдованія. Авторомъ дѣлается попытка реставрировать этотъ пріемъ для цѣлей психологическаго анализа, пріемъ не столько старый, сколько несправедливо забытый въ ущербъ дѣлу психологіи.

Трудъ автора распадается на пять отдѣловъ: I *отдѣлъ энциклопедическихъ данныхъ*, т. е. 1) данныхъ изъ исторіи мірозданія и физики (данныхъ эволюціонной теоріи); 2) данныхъ изъ біологіи (живая и мертвая матерія, наслѣдственность, вырожденіе); 3) данныхъ изъ антропологіи (происхожденіе человѣка, физическіе, физіологическіе и психологическіе признаки расъ) и 4) данныхъ изъ анатоміи, физіологіи и патологіи нервной системы (мозговой коры, органовъ внѣшнихъ чувствъ); *II отдѣлъ психологіи* (умъ и познаніе, чувство, воля, личность); *III отдѣлъ: душа ребенка* (въ возрастѣ перваго и втораго дѣтства); *IV отдѣлъ: душа животныхъ* и *V отдѣлъ: физіогномика.*

Главное вниманіе обращено авторомъ на V отдѣлъ (болѣе $^{2}/_{5}$ частей книги) и на отдѣлы I и II-й (на оба около $^{1}/_{2}$ книги). III отдѣлъ представляетъ перепечатку статьи „Душа ребенка" изъ Энциклопедіи семейнаго вос-

питанія (№№ XXX—XXXII), съ незначительными дополненіями, IV-й же отдѣлъ есть рядъ замѣтокъ по психологіи нѣскольких видовъ животныхъ.

Авторъ, какъ біологъ, остается вѣрнымъ точкѣ зрѣнія эволюціонной гипотезы Герб. Спенсера. „Какъ сама эволюція“, говоритъ онъ, „является частнымъ случаемъ или одною изъ фазъ въ ряду безконечнаго множества другихъ перемѣнъ во вселенной, такъ въ свою очередь жизнь представляетъ собою одно изъ частныхъ дѣйствій или проявленій эволюціи. Спенсеръ осуществилъ колоссальную задачу, прослѣдивъ эволюцію не только во вселенной, но, въ частности,—въ явленіяхъ органической природы, въ жизни растительной и животной, и, наконецъ, изучивъ эволюцію и въ области психическихъ явленій!“

„Объединеніе душевныхъ и тѣлесныхъ явленій (сознанія и матеріи) представляетъ неразрѣшимую проблему“. Ученый Лоджъ одинъ пытается освѣтить бездну, раздѣляющую психическое отъ физическаго, настаивая, что „основные законы физики, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, нисколько не исключаютъ мысли о возможности направленія движенія жизнью, духомъ, или инымъ неизвѣстнымъ дѣятелемъ“. Приходится, во всякомъ случаѣ, остановиться на томъ положеніи современной психологіи, что всякому психологическому акту соотвѣтствуетъ физіологическій процессъ, что они неразъединимы, и, какъ показываютъ наблюденія врачей и психологовъ, строго, повидимому, обусловливаютъ другъ друга. Подтвержденіе этому находимъ мы въ особенности у психіатровъ, и въ сочиненіи нашего автора не трудно прослѣдить такое же направленіе, главнымъ образомъ, въ отдѣлѣ по физіогномикѣ.

Авторъ обладаетъ несомнѣннымъ описательнымъ талантомъ; поэтому понятно, что, при обиліи матеріала, при глубокой эрудиціи и богатомъ опытѣ автора, разбираемое сочиненіе читается съ величайшимъ интересомъ и оказывается поучительнымъ, какъ для любого образованнаго читателя, такъ и для психолога, врача, педагога, юриста и т. д.

Въ I отдѣлѣ вниманія заслуживаютъ глава о психопатической наслѣдственности и въ особенности глава о вырожденіи, разработанная довольно подробно и представляющая весьма много данныхъ изъ наблюденій самого автора. Тутъ, между прочимъ, весьма любопытнымъ представляется сопоставленіе и даже отождествленіе извѣстныхъ типовъ Мефистофеля и Демона съ характернымъ типомъ дегенеранта. „Холодный умъ, злоба, злорадство, безсердечность одинаково присущи *Мефистофелю* художниковъ, *Демону* поэтовъ и *Дегенеранту* психіатровъ. Но такъ какъ поэтическое и художественное творчество черпаютъ свой матеріалъ изъ реальнаго міра, то весьма правдоподобно, что классъ дегенерантовъ и является той моделью, которой пользовалось творчество въ своихъ созданіяхъ“. Это мнѣніе автора очень характерно и выясняетъ особенно многое въ современной декадентской литературѣ.

Въ главѣ о наслѣдственности, говоря о кровныхъ бракахъ, авторъ сна-

чала приводитъ цѣлый рядъ данныхъ въ его пользу, однако въ концѣ концовъ не находитъ ихъ цѣлесообразными. „Если сравнить“, говоритъ онъ, „наслѣдственность здоровую и патологическую, то послѣдняя сильно наростаетъ путемъ кровныхъ браковъ. Законы противъ этихъ браковъ (поэтому) можно признать мѣрой благоразумной, имѣющей значеніе предосторожности“. Едва-ли можно, впрочемъ, съ этимъ согласиться. Браки между близкими родственниками у разныхъ сектантовъ, въ особенности же у евреевъ, отнюдь не считаются опасными; что же касается кровныхъ браковъ у христіанъ, то не объясняется ли вредъ ихъ для потомства болѣзненной или ненормальной вообще организацією бракосочетающихся, а не кровосмѣшеніемъ или иной причиной, лежащей въ самомъ родствѣ? На это и наводятъ насъ именно слѣдующія соображенія. Въ корректной роднѣ юныя поколѣнія мужское и женское относятся обыкновенно другъ къ другу тепло, спокойно, болѣе или менѣе серьезно, безъ всякой половой тенденціи, пожалуй, въ родѣ того, какъ относятся другъ къ другу мальчики и дѣвочки въ совмѣстной школѣ; въ семействахъ же нравственно-распущенныхъ между юными молодыми людьми и дѣвушками легко всплываетъ наружу половой инстинктъ, омрачающій умъ и волю и овладѣвающій чувствомъ. Въ такихъ семействахъ молодые люди весьма часто бываютъ тронуты и въ нравственномъ, и въ тѣлесномъ отношеніи, слѣдовательно, отъ супружества такихъ индивидуумовъ долженъ быть и приплодъ неудовлетворительный. Означенную причину вреда кровныхъ браковъ далеко не трудно и прослѣдить въ великосвѣтской, вообще современной культурной средѣ.

Въ главѣ о вырожденіи находимъ мы весьма цѣнное мнѣніе автора по отношенію къ особенностямъ патологическихъ характеровъ, мнѣніе, имѣющее не только теоретическое, но и практическое значеніе. Авторъ говоритъ: „Ясная мысль, сильная воля и глубокое настроеніе идутъ параллельно чистотѣ крови и соковъ организма, и стоятъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ ними“. Это то, что можно выразить проще словами: mens sana in corpore sano. До настоящаго времени, надо замѣтить, всѣ нервно-психическія явленія дѣлились на нормальныя и патологическія, между тѣмъ какъ наблюденія показываютъ, что имѣются таковыя явленія средняго или смѣшаннаго типа. „То, что относится къ психологіи“, говоритъ авторъ, „такъ же рѣдко въ дѣйствительности, какъ рѣдкостны истинное здоровье, истинная красота или умственная талантливость. Столь же малочисленна и область психопатическихъ явленій, но громадна срединная область, содержащая въ себѣ нормальныя душевныя явленія, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ, лишающимъ ихъ печати безукоризненнаго идеальнаго душевнаго совершенства“. Поэтому психологамъ невольно приходится считаться и съ данными психопатологіи. „Художественная психологія, а въ послѣднее время также поэтическое и литературное творчество обратились на тотъ же путь (въ художественномъ реализмѣ, импрессіонизмѣ и другихъ направленіяхъ)“. Вообще, „изученіе психологіи въ

связи съ біологіей и въ частности съ психопатологіей способно точнѣе дифференцировать факты, чѣмъ раздѣльныя научныя усилія". Говоря языкомъ болѣе доступнымъ, замѣтимъ, что для изученія темпераментовъ и характеровъ людей недостаточно знанія одной психологіи, но необходимо и знаніе патологіи, такъ какъ въ каждомъ почти человѣкѣ встрѣчаются черты или особенности ненормальныя, болѣзненныя, и въ большинствѣ случаевъ приходится имѣть дѣло съ личностями, которыхъ авторъ причисляетъ къ смѣшаннымъ или сложнымъ, среднимъ типамъ.

„Физическія свойства современнаго человѣка", читаемъ мы, „распадаются на три группы: первая содержитъ тѣ особенности, которыя свойственны отдаленнымъ предкамъ человѣка—приматамъ, другія пріобрѣтены имъ уже въ человѣческій періодъ его существованія и, наконецъ, третьи возникаютъ и формируются въ настоящее время. Такимъ образомъ, напримѣръ, чрезмѣрная длина рукъ и австралійцевъ и негровъ можетъ быть отнесена къ первой группѣ разбираемыхъ явленій: въ настоящее время такая длина замѣчается у новорожденныхъ, какъ переходный филогенетическій знакъ, и у идіотовъ, какъ постоянный знакъ, т. е. какъ знакъ вырожденія..."

Все это показываетъ, что многія особенности тѣлесной организиціи имѣютъ значеніе недоразвитія, но не упадка, и указываютъ на низшія формы жизни, но не на разложеніе или разрушеніе ея.

Нормальное, физіологическое устройство тѣла указывается какъ анатомами, такъ равно и скульпторами и художниками. Описаніе идеальныхъ формъ человѣческаго тѣла мы находимъ уже въ древнегреческомъ канонѣ, намѣчающемъ пропорціи, соотвѣтствующія идеалу формъ въ творческомъ воспроизведеніи великихъ художниковъ. Если бы къ этому мы прибавили, что правильность и красота формъ тѣла отвѣчаютъ въ общемъ и требованіямъ санитарнымъ (гигieническимъ) организма (на что особенно увѣренно указывалъ проф. Брюкке), то станетъ понятнымъ, что для ознакомленія съ человѣческимъ существомъ оказываются одинаково важными и анатомія, и физіологія, и психологія, и гигіена. Гигіенической стороны вопроса авторъ впрочемъ почти не касается.

Въ разбираемой книгѣ мы встрѣчаемъ весьма характерное описаніе основныхъ трехъ расъ человѣческаго рода—черной, желтой и бѣлой, въ частности же націй русской, англійской, германской, французской и еврейской. Описаніе это представляетъ одно изъ лучшихъ, талантливо изложенныхъ мѣстъ сочиненія.

Изложеніе строенія и отправленія нервной системы не отличается общедоступностью, описаніе же нѣкоторыхъ подробностей, напримѣръ, причинъ умственнаго утомленія едва ли удовлетворили бы и врача.

Касаясь вопроса о теоріи познанія, авторъ говоритъ, что старыя ученія идеалистовъ и сенсуалистовъ должны уступить мѣсто ученію эволюціонной теоріи. Первыя двѣ страдаютъ одинаково крайней односторонностью. „Идеа-

лизмъ не придастъ значенія внѣшнимъ воздѣйствіямъ и связанному съ нимъ наблюденію и опыту, но не менѣе претитъ и сенсуализмъ своимъ отрицаніемъ врожденнаго начала и прирожденныхъ свойствъ нервно-психической организаціи. Вѣковой споръ этихъ школъ нашелъ примиреніе въ эволюціонизмѣ. Эволюціонизмъ установилъ фактъ строгаго соотношенія между физическими и психическими явленіями. Имъ выясняется, съ одной стороны, великая важность прирожденнаго начала, а съ другой не меньшая важность придается и внѣшнимъ впечатлѣніямъ, получаемымъ черезъ органы внѣшнихъ чувствъ... Чувствительная нервная организація и внѣшнія впечатлѣнія, своей обоюдной измѣнчивостью, объясняютъ то безконечное разнообразіе, въ которомъ проявляются въ природѣ жизнь и духъ". (152, 153).

„Ученіе Спенсера объ эволюціи въ природѣ, въ жизни и въ самой душѣ оказало вліяніе на умы выдающихся мыслителей и физіологовъ. Дондерсъ, Гельмгольцъ, Вундтъ и др. принялись за экспериментальное изслѣдованіе душевныхъ явленій; съ другой же стороны, въ наукѣ устанавливается потребность изучать эти явленія въ связи съ изученіемъ мозга и нервной системы, чтобы такимъ путемъ вѣрнѣе подойти къ душѣ со стороны тѣла и приблизиться къ вѣковой проблемѣ человѣческаго духа—познать самого себя".

„Во всѣхъ явленіяхъ жизни скрытъ одинъ и тотъ же принципъ, общій всей природѣ, и между простѣйшимъ живымъ существомъ и человѣкомъ нѣтъ иного различія, кромѣ количественнаго. Такимъ образомъ, психическіе процессы представляютъ лишь высшую форму физіологическихъ".

„Высшіе психическіе процессы Флехсигъ назвалъ процессами духовными или ассоціативными и указалъ для нихъ мѣсто въ открытыхъ имъ переднемъ и заднемъ ассоціативныхъ центрахъ мозговой коры и въ открытомъ уже раньше центрѣ рѣчи. Эти три центра и являются анатомическимъ органомъ или матеріальнымъ субстратомъ духовной или высшей психической жизни".

„Важнѣйшее качество ассоціативныхъ центровъ состоитъ въ объединеніи и сочетаніи физіологической работы, такъ что этотъ органъ является объединителемъ въ полномъ значеніи этого слова,—что зависитъ отъ его анатомическаго устройства и способа возбужденія. Главнѣйшая особенность ассоціативныхъ аппаратовъ состоитъ въ томъ, что они не соединены непосредственно съ органами чувствъ, и потому къ нимъ ничто не можетъ непосредственно приходить изъ внѣшняго міра. Такимъ образомъ, они находятся въ условіяхъ относительнаго покоя и отдыха, и въ силу этого могутъ быть физіологически живѣе и отзывчивѣе, чѣмъ области чувственнаго воспріятія, безпрерывно тревожимыя со стороны внѣшняго міра. Другая особенность ассоціативныхъ центровъ заключается въ ихъ расположеніи между чувственными областями и въ нахожденіи въ нихъ центральныхъ нейроновъ или спеціальныхъ нервныхъ клѣточекъ, которыя могутъ не только получать отъ центровъ возбужденія, но и сами являться исходнымъ пунктомъ возникновенія возвратныхъ импульсовъ на тѣ же области. Такимъ образомъ объяснилось бы, на-

примѣръ, возбужденіе зрительной сферы или слуховой изъ центральнаго нейрона или обѣихъ сферъ заразъ изъ того же нейрона. Громадное число такихъ нейроновъ въ мозгу можетъ объяснить могучее развитіе ассоціативной дѣятельности у человѣка“.

Изъ трехъ ассоціативныхъ центровъ задній (затылочно-темянной) назначенъ для переработки впечатлѣній, получаемыхъ отъ органовъ зрѣнія, слуха и обонянія; съ нимъ связано познаніе внѣшняго міра—объективное воспріятіе и пониманіе внѣшняго міра. Передній (лобный) центръ назначенъ для переработки впечатлѣній, получаемыхъ отъ собственнаго тѣла (кожа, слизистыя оболочки, внутренніе органы, мышцы); съ нимъ связано самосознаніе и воля и вообще субъективность (самочувствіе). Наконецъ, средній центръ служитъ для функцій рѣчи. Кстати, надо замѣтить, что передній ассоціативный центръ есть органъ произвольнаго вниманія, а задній—вниманія непроизвольнаго.

Такова, по описанію автора, анатомо-физіологическая основа душевной жизни человѣка.

„Если человѣческое мышленіе“, говоритъ авторъ, „состоитъ изъ чередованія представленій предметныхъ или воспроизведенныхъ, или,—говоря языкомъ мозговыхъ локализацій,—если мышленіе является плодомъ дѣятельности или чувственныхъ, по преимуществу, или ассоціативныхъ центровъ, то возможно было бы пытаться установить детальную локализацію мыслительнаго процесса, насколько, по крайней мѣрѣ, такой процессъ отражается въ словесной передачѣ самонаблюдателя. Среди людей наиболѣе тонкими наблюдателями въ этомъ смыслѣ могутъ быть признаны поэты. И если мы обратимся къ творческимъ произведеніямъ, то не трудно видѣть, что, чѣмъ талантливѣе поэтъ, тѣмъ свободнѣй и полнѣе онъ беретъ свои образцы изъ всѣхъ, по возможности, чувственныхъ сферъ, не пропускаетъ ни одного уголка мозга, вводя такимъ образомъ въ работу весь органъ и всѣ его части последовательно. Въ этомъ состоитъ образность рѣчи“.

Весьма наглядно авторъ излагаетъ явленія мышленія и тщательно входитъ въ подробности мышленія конкретнаго, абстрактнаго, внѣ чувственнаго (символическаго) и высшаго (трансцендентальнаго).

Имѣются, впрочемъ, и недочеты. Такъ, на страницѣ 121 мы узнаемъ, что „свободное вдыханіе облегчаетъ нашу мысль“, потому что при вдыханіи ускоряется опорожненіе венной системы, и что „дыхательная гимнастика составляетъ лучшее средство для регулированія умственной работы вниманія“. благодаря тому, что работа сердца увеличиваетъ притокъ къ мозгу артеріальной крови, а дыхательныя движенія увеличиваютъ оттокъ отъ нея крови венной. Потомъ говорится о вліяніи состоянія малокровія на пониженіе возбудимости мозговой коры. Что же происходитъ съ функціями кровообращенія, дыханія, питанія и пр. во время процесса мышленія или усиленной дѣятельности мозга,—объ этомъ свѣдѣній не имѣется.

Говоря о воспріятіяхъ (зрительныхъ, слуховыхъ и пр.) обращается вни-

маніе менѣе на анатомо-физіологическія, болѣе же на физіономическія подробности.

Нѣчто подобное можно было бы сказать и относительно главъ, касающихся чувствъ и воли.

Чувства или эмоціи, по своему психологическому составу, могутъ быть представлены, по автору, въ видѣ трехъ градацій, соотвѣтствующихъ подобнымъ же градаціямъ познавательнаго или мыслительнаго процесса, а именно:

Чувство.	*Познаніе.*
1) Простыя физическія чувства (атомы чувства)	Ощущенія (атомы представленія);
2) Сложныя физическія чувства;	Представленія;
3) Высшія чувства (эстетическія, интеллектуальныя и нравственныя).	Сложныя представленія.

Въ физіологическомъ отношеніи чувства различаются какъ стеническія (гнѣвъ, радость) и астеническія (страхъ, зависть, печаль). Въ первыхъ произвольная мускулатура напряжена, а гладкая мускулатура расслаблена, дѣятельность сердца, выдѣлительныхъ органовъ, питанія и дыханія усилена, между тѣмъ какъ въ астеническихъ наблюдаются противоположныя явленія.

Странно, что авторъ совсѣмъ не говоритъ о гангліозной (симпатической) нервной системѣ, тогда какъ въ эмоціональной жизни она играетъ, можно сказать, первенствующую роль.

Какъ извѣстно, физическая сторона эмоцій заключается въ измѣненіи напряженія сосудистой системы нашего тѣла, подъ вліяніемъ симпатическаго нерва. Нервная энергія гангліозныхъ клѣточекъ послѣдняго освобождается (разряжается) при дѣйствіи стимуловъ, получаемыхъ органами внѣшнихъ чувствъ, слѣдствіемъ чего оказывается расширеніе или суживаніе просвѣта внутреннихъ и периферическихъ кровеносныхъ сосудовъ (сутерландъ). Возбуждающія (пріятныя), стеническія эмоціи возникаютъ отъ повышеннаго притока крови къ мозгу и мышцамъ, угнетающія (астеническія) же эмоціи отъ отлива крови отъ этихъ органовъ.

Симпатическая система принимаетъ тутъ живѣйшее участіе. Все это не выясняется въ разбираемомъ сочиненіи, хотя въ главѣ о вліяніи чувства на мысль и волю авторъ знакомитъ читателя съ теоріей развитія чувствъ Мейнерта, косвенно указывающей и на роль въ послѣднихъ кровообращенія.

О темпераментахъ авторъ сообщаетъ лишь краткія свѣдѣнія и не выясняетъ ихъ значенія. Дѣленіе темперантовъ по Гефдингу онъ считаетъ наиболѣе соотвѣтствующимъ физіологической точкѣ зрѣнія. Гефдингъ принимаетъ за основу дѣленія три противоположности: удовольствіе—неудовольствіе, силу—слабость, быстроту—медленность въ самомъ процессѣ душевныхъ актовъ, и

допускаетъ восемь видовъ темперамента. Такъ, холерическому темпераменту Гиппократа отвѣчаетъ у Гефдинга мрачный, сильный, быстрый темпераментъ, меланхолическому—мрачный, сильный, медленный, сангвиническому—веселый, слабый, быстрый, и флегматическому—веселый, слабый, медленный.

Ученіе о темпераментахъ, по словамъ автора, должно быть дополнено, по крайней мѣрѣ, для психіатра и педагога, другими данными касательно тѣхъ различій характера, въ происхожденіи которыхъ участвуютъ и нѣкоторые другіе факторы, въ особенности, способъ упражненія душевныхъ силъ. Такія различія называются душевными типами. Наблюденія Бинэ надъ учащимися дали возможность раздѣлить ихъ на четыре типа: описательный, наблюдательный, эмоціональный и формальный. Типы эти указываютъ, какъ относится учащійся къ наблюдаемымъ имъ предметамъ и явленіямъ: первый останавливается на внѣшней ихъ сторонѣ, второй вникаетъ въ ихъ смыслъ и значеніе, третій отличается субъективностью, лиризмомъ и четвертый увлекается фразой.

Въ главѣ „о душѣ въ связи съ возрастомъ и поломъ" авторъ отлично описываетъ особенности юности, зрѣлаго возраста и старости. Авторъ является тутъ, можно сказать, скорѣе художникомъ, нежели ученымъ, и даже нечуждымъ, пожалуй, нѣкотораго увлеченія. Такъ, старость, наряду со слабыми сторонами, представляетъ, по его мнѣнію, такія достоинства, что въ общемъ превосходитъ всѣ возрасты и оказывается идеально-совершенной. „Въ старости", говоритъ авторъ, „мы далеко не встрѣчаемся съ тѣми явленіями нервно-психическаго упадка, которыя мы замѣчаемъ въ старѣющемся животномъ, и не видимъ того процесса отмиранія и разрушенія, какой наблюдаемъ въ старомъ деревѣ. Причина этого кроется въ широкомъ перевѣсѣ высшей нервной жизни надъ низшей... Съ одной стороны, въ старости гипертрофируется сердце и своею сильною дѣятельностью компенсируетъ недочеты питанія, обусловленные склерозомъ артерій, въ томъ числѣ и мозговыхъ; въ силу этого мозгъ, дѣятельно работающій, мало или вовсе не атрофируется съ возрастомъ. Съ другой стороны, продолжительное упражненіе мозга въ теченіе долгой жизни способно въ такой степени расширить, ускорить и облегчить ассоціаціи, что этимъ компенсируются недочеты функцій, вызываемые возможными анатомическими измѣненіями психическаго органа: страдая анатомически въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и участкахъ, мозгъ старика въ физіологическомъ смыслѣ можетъ явиться болѣе усовершенствованнымъ орудіемъ".

Да, все это прекрасно, но только—надо прибавить—подъ условіемъ крайней осторожности со стороны старика въ соблюденіи всѣхъ правилъ гигіены, такъ какъ малѣйшее нарушеніе ихъ по пути повышенія или пониженія дѣятельности любой изъ функцій организма грозитъ уже опаснымъ замедленіемъ или же пріостановкой нормальнаго хода жизни, т. е. страданіемъ или смертью. Вѣчный страхъ за все и за вся, вѣчное memento mori старика едва ли представляетъ состояніе, завидное въ какомъ бы то ни было отношеніи...

Характеренъ, оригиналенъ взглядъ автора на природу женщины. „По самому складу своей разносторонней (?) души“, пишетъ авторъ, „женщина остается на всю жизнь чуждой всякаго рода психической спеціализаціи. Благодаря болѣе полному развитію чувства, женщина навсегда сохраняетъ въ своей душѣ больше идеализма и широты, нежели мужчина. До глубокой старости въ сердцѣ женщины и въ ея душѣ остаются свѣжими черты идеальной юности и невиннаго дѣтства. Поэтому женщина болѣе, нежели мужчина, проникнута пониманіемъ юной, зрѣющей жизни и является естественнымъ соединительнымъ звеномъ поколѣній, объединенныхъ въ семьѣ. Служба женщины на стражѣ широкаго теченія психической жизни и универсальныя (?) способности женщинъ въ пониманіи назрѣвающихъ душъ такъ цѣнны для успѣховъ психическаго развитія людей, что жизнь навсегда сохранитъ за женщиной ея высокое положеніе нравственнаго старшинства“.

„Ошибки психическаго развитія, наиболѣе свойственныя зрѣлому возрасту, состоятъ въ недоразвитой слабой волѣ у мужчинъ, въ отсутствіи такта и тонкаго развитія чувствъ у женщинъ. При такихъ условіяхъ, мужчина становится мало дѣятельнымъ и непостояннымъ, а женщинѣ угрожаетъ опасность нравственнаго подчиненія средѣ и рутинѣ, съ утратой ея возвышенной чистоты и нравственной проницательности“.

Несмотря на довольно полное, хотя и нѣсколько туманное описаніе основныхъ чертъ женщины, авторъ, по нашему мнѣнію, далеко не дорисовываетъ всей картины ея психическихъ особенностей и во всякомъ случаѣ умаляетъ роль ея въ умственной жизни человѣчества. Наконецъ, положеніе автора, что мужчинѣ могутъ угрожать къ старости ослабленіе дѣятельности и непостоянство, а женщинѣ нравственное подчиненіе средѣ и рутинѣ, едва ли выдерживаетъ критику, такъ какъ указанные недостатки, повидимому, одинаково свойственны лицамъ и мужского и женскаго пола.

Отдѣлъ пятый сочиненія посвященъ физіономикѣ. Если къ нему присоединить все, что относится къ физіономикѣ въ другихъ отдѣлахъ, напримѣръ, въ главѣ о воспріятіяхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ (130—147) и въ главѣ о чувствахъ (216—246), то вопросу о физіономикѣ принадлежитъ около половины всего сочиненія.

Физіономика извѣстна была издревле и достигла высокой степени развитія въ лицѣ знаменитаго Лафатера (1835 г.); затѣмъ временно интересъ къ ней ослабѣлъ, пока не появились работы по ея части Дюшена, Ч. Белля Граціолэ, Пидерита и др. Распознаваніе душевныхъ качествъ практиковалось какъ по чертамъ лица, такъ и по формѣ другихъ частей тѣла, по движеніямъ ихъ (мимика и жесты). Наукѣ этой придаютъ большое значеніе. Возможно, что она болѣе другихъ наукъ въ состояніи будетъ связать и объединить и столь разнообразный психологическій матеріалъ, какъ тотъ, который дается поэзіей, изобразительнымъ творчествомъ, физіологіей, біологіей, пси-

хіатріей. Уже по одному этому физіономика должна завоевать себѣ мѣсто и положеніе составной части психологіи.

Литература по физіономикѣ и мимикѣ весьма обширна. Заслуга проф. Сикорскаго состоитъ въ томъ, что онъ свелъ воедино данныя этой науки, доставленныя разнообразными представителями науки и искусства, изложилъ наглядно предметъ и сдѣлалъ его доступнымъ для большинства, для образованнаго читателя.

Авторъ обстоятельно излагаетъ какъ антропологическія, такъ и психологическія данныя физіономики. Въ ряду первыхъ стоятъ: лицевая мимика (физіономика лица), физіономика возрастовъ и половъ, здоровья, красоты, темпераментовъ,. мимика патологическая (субъектовъ вырождающихся); въ ряду вторыхъ: физіономики умственныхъ актовъ, воли, чувствъ и смежныхъ высшихъ душевныхъ состояній, физіономика профессій (нормальные и порочные типы).

Самое описаніе весьма интересно, а если прибавить къ тому, что оно сопровождается иллюстраціями снимковъ извѣстныхъ картинъ лучшихъ художниковъ и фотографій, то понятно, что книга должна найти благосклонный пріемъ и въ большой публикѣ. Даже тѣ вопросы, бесѣда о коихъ напоминаетъ блужданія между рифами тревожнаго пловца, разрѣшаются авторомъ легко и непринужденно. Такъ, о молитвѣ пишетъ онъ слѣдующее: „Молитва есть видъ идеальнаго приближенія къ Высшему Существу и общенія съ нимъ (Мартинсенъ). Въ новѣйшее время она, наравнѣ съ другими душевными состояніями, сдѣлалась предметомъ психологическаго анализа, и на нее новѣйшіе авторы смотрятъ, какъ на потребность нервно-психическаго аппарата и какъ на явленіе біологическое, вытекающее изъ необходимости упражнять и видоизмѣнять душевную возбудимость. Непрямымъ и невѣрнымъ путемъ иные стараются достигнуть психическаго возбужденія посредствомъ употребленія алкоголя, табака, опіатовъ, и въ частности фармакотерапіей. Такимъ образомъ, молитва, мольба, просьба являются естественнымъ актомъ и представляютъ собой одинъ изъ пріемовъ общенія или отношенія двухъ существъ". „Всѣ поэты писали молитвы... Очевидно, на молитву и мольбу слѣдуетъ смотрѣть, какъ на явленіе естественное, а на внѣшнія проявленія молитвы — какъ на рядъ физіономическихъ чертъ. Безъ сомнѣнія, мы здѣсь говоримъ о психологическомъ, а не религіозномъ значеніи молитвы... Молитва, мольба есть особый видъ душевнаго напряженія или душевной работы, которая даетъ человѣку возможность достигать благопріятныхъ перемѣнъ въ нервно-психическомъ потенціалѣ, подобно тому, какъ путемъ гимнастики и физическаго напряженія достигаются благопріятныя механическія послѣдствія. Молитву можно приравнять къ заготовленію волевого напряженія или высшаго волевого усилія—въ однихъ случаяхъ, и къ перестройкѣ или преобразованію сложнѣйшей иннерваціи—въ другихъ Отъ думы, отъ мысли молитва отличается тѣмъ, что тамъ идетъ лишь мыслительное напряженіе, между тѣмъ какъ въ молитвѣ не

только напрягается мысль, но возникаютъ возвышенныя чувства и напрягается воля для цѣлей тонкой художественной перестройки всей души".

Субъективность воззрѣній автора обнаруживается далеко не рѣдко. Кромѣ только что приведеннаго примѣра возьмемъ еще и слѣдующее, весьма характерное. „Самообладаніе Мадонны (сикстинской)," говоритъ онъ, „съ особенной ясностью выражается въ удивительномъ спокойствіи, написанномъ не только на лицѣ, но и на всей фигурѣ. Между тѣмъ всѣ мускулы какъ лица, такъ и тѣла напряжены. Это указываетъ на ту высшую степень воли, которая доведена до совершенной готовности, и которая въ то же время находится подъ полнымъ контролемъ ясныхъ идей. Только такая воля обезпечиваетъ успѣхъ великой миссіи великаго человѣка. Такую волю изобразилъ Рафаэль въ Сикстинской Мадоннѣ"...

Болѣе удачнымъ оказывается авторъ въ роли нравоописателя, нежели въ роли физіономиста. Возьмемъ одинъ примѣръ: описаніе „босяковъ".

„Сущность босячества и хулиганства состоитъ въ нравственномъ огрубѣніи, т. е. въ ослабленіи эстетическаго и нравственнаго чувства, но также и въ ослабленіи воли съ наклонностью къ насилію, къ грубости въ обращеніи и въ рѣчахъ. Въ этомъ смыслѣ разбираемое явленіе сходно съ тѣми перемѣнами характера, которыя связаны съ хроническимъ неумѣреннымъ употребленіемъ алкоголя. Весьма вѣроятно, что въ основѣ нравственнаго босячества и хулиганства лежитъ значительная доля алкогольныхъ вліяній—пріобрѣтеннаго и наслѣдственнаго происхожденія; но также несомнѣнно, что существуютъ и другія причины, напримѣръ, отсутствіе образованія, пониженіе достоинства прессы, въ особенности газетной, всеобщій упадокъ общественнаго приличія и т. д.".

Въ коротенькомъ заключеніи (отдѣлъ VII) авторъ останавливается на вопросѣ о попыткахъ разрѣшенія сущности души, понятій о вѣчности, о пространственной безконечности, о цѣли жизни, о Высшемъ существѣ и пр.; сѣтуетъ на то, что „нашимъ познавательнымъ орудіемъ, нашими пятью органами чувствъ захватывается лишь ничтожная крупица существующихъ въ мірѣ явленій", и приходитъ къ тому, что только въ эволюціонизмѣ можно искать отвѣта на вопросы психологіи.

„Эволюціонной гипотезой установлено, что самое орудіе познанія подчинено законамъ эволюціи и становится съ каждымъ моментомъ вѣчности все совершеннѣе. Въ этомъ фактѣ содержится одна изъ гарантій полнаго или болѣе полнаго познанія истины въ будущемъ". Не забываетъ авторъ и роль чувства. „Если умъ и познаніе", говоритъ онъ, „не даютъ намъ въ настоящее время отвѣта на многіе вопросы жизни и духа, то чувство, охватывающее насъ, обладаетъ нами: мы отдаемся ему и, руководясь имъ, вѣримъ, надѣемся, исполняемъ долгъ и, вмѣстѣ съ человѣчествомъ и всей природой, неудержимо идемъ впередъ, какъ-будто мы знаемъ цѣль нашего бытія и путь нашего движенія!"

Что касается самого изданія книги, то нельзя не замѣтить, что внѣшность ея, съ перваго взгляда, подкупаетъ хорошей бумагой, чистотою шрифта, а главное, множествомъ рисунковъ и таблицъ, въ большинствѣ, отчетливыхъ и красивыхъ, превосходно иллюстрирующихъ описаніе. Къ сожалѣнію только, съ гигіенической точки зрѣнія, величина буквъ ($1^1/_2$ миллиметра вышины) и строкъ (болѣе 12 сантиметровъ длины) должна быть признана неудовлетворительной: тягостной для глаза. Недостатокъ этотъ, правда, частью вознаграждается приличнымъ междустрочіемъ (3 мм.), однако не настолько, чтобы искупить его вполнѣ.

Итакъ, разсмотрѣнное сочиненіе профессора Сикорскаго представляетъ цѣнный трудъ въ русской психологической и педагогической литературѣ, трудъ, какъ бы намѣренно преподнесенный авторомъ именно русскимъ родителямъ и воспитателямъ на пользу ихъ дѣтей и питомцевъ.

А. Виреніусъ.

Педагогическая библіотека подъ редакціей А. П. Нечаева. Вып. III. Педагогика и педологія. Спб. 1904 г. Стр. 111. Ц. 40 к.

Книжка очень небольшая, заглавіе ея очень широкое. Въ книжкѣ содержатся собственно двѣ статьи: А. П. Нечаева—Основатель педологіи Ст. Холлъ и проф. Мейманъ—Возникновеніе и цѣли экспериментальной педагогики. Обѣ статьи были уже напечатаны въ русскихъ педагогическихъ журналахъ и здѣсь только перепечатываются. Затѣмъ въ книжкѣ есть сообщенія объ открытіи педагогическаго отдѣла при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, программы предположенныхъ лекцій по педологіи и коротенькій списокъ педологическихъ обществъ и періодическихъ изданій по педологіи. Самая важная и интересная статья въ разсматриваемой книжкѣ—переводная статья проф. Меймана, имѣющая цѣлью ознакомить съ задачами и главнѣйшими достигнутыми результатами въ экспериментальной педагогикѣ. Въ небольшой по объему статьѣ, проф. Мейману удалось сообщить и сказать весьма многое. Къ сожалѣнію, его статья напечатана въ подлинникѣ еще въ 1900 году и, слѣдовательно, въ настоящее время не вполнѣ выражаетъ современное состояніе педологіи. Но во всякомъ случаѣ въ ней сообщаются интересныя и серьезныя данныя.

Основная идея разсматриваемаго выпуска „Педагогической Библіотеки" весьма симпатична и цѣлесообразна. Было бы весьма желательно періодическое появленіе подобныхъ книжекъ, въ которыхъ давался бы обстоятельный отчетъ, что за извѣстный періодъ сдѣлано важнаго въ области педологіи. Самое лучшее, если бы ежегодно появлялся сборникъ статей, посвященныхъ педологіи, въ которомъ изображалось бы общее развитіе педологіи и представлялись бы болѣе подробныя изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ.

П. Каптеревъ.

Privatunterricht und Privatlehranstalten. Ein Beitrag zur Frage des Privatunterrichts in den höheren Lehrfächern von I. H. Schutz in Köln. 1904.

Авторъ этой небольшой брошюры ведетъ рѣчь о приватномъ обученіи, подъ которымъ онъ разумѣетъ домашнее обученіе и частные уроки. Такое приватное обученіе онъ считаетъ весьма *полезнымъ* для дѣтей, поступившихъ въ среднюю школу съ нѣкоторыми пробѣлами въ знаніяхъ, *необходимымъ* онъ считаетъ его для дѣтей слабо одаренныхъ и для дѣтей, которыя въ довольно позднемъ возрастѣ надумаютъ пойти по дорогѣ къ высшему образованію. Подходящихъ учителей для такого обученія онъ видитъ въ духовныхъ лицахъ, въ учителяхъ средней школы съ тѣмъ однако непремѣннымъ требованіемъ, чтобы они не занимались съ учениками своего же класса, и въ тѣхъ, которымъ по разнымъ причинамъ не удалось окончить высшаго образованія, и въ народныхъ учителяхъ. Ученики старшихъ классовъ не рекомендуются, а студенты вовсе не упоминаются. Послѣднее очень интересно, такъ какъ діаметрально противоположно нашему порядку вещей. Въ главѣ четвертой Шютцъ рекомендуетъ кружки ученическіе для взаимнаго репетированія. Въ концѣ книги ратуется за устройство частныхъ школъ, въ виду переполненія казенныхъ училищъ. Таково содержаніе книги. Оно очень не сложно, вполнѣ здраво, но зато и не даетъ ничего новаго, оригинальнаго, глубокаго. Авторъ даже не отмѣтилъ большую возможность индивидуализаціи при домашнемъ обученіи; ему и въ голову не пришло указать на то, что, при косности и неподвижности казенныхъ учебныхъ заведеній, частныя школы могли бы вырабатывать новые типы, новые методы.

Интересное объявленіе на обложкѣ книжки: авторъ ея „Rektor“ и „Oberlehrer“ даетъ на дому отъ 12 до 1 ч. совѣты родителямъ и опекунамъ. Это ново!

Г. Зоргенфрей.

Евг. Шпитальскій, студентъ Московскаго Университета. Образовательное значеніе ариѳметическихъ задачъ въ связи съ аналитическимъ пріемомъ и графическимъ способомъ ихъ рѣшенія. Докладъ, читанный 12 марта 1904 г. въ Математическомъ Отдѣленіи Педагогическаго Общества при Московскомъ Университетѣ. (Приложеніе къ Циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемымъ подъ редакціей Вл. Исаенкова).

Книжка г. Шпитальскаго, не открывая ни особенно широкихъ новыхъ горизонтовъ, ни новыхъ путей, тѣмъ не менѣе можетъ считаться достаточно цѣннымъ вкладомъ въ педагогическую литературу. Попытка автора графическими схемами облегчить учащимся пріобрѣтеніе навыка въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, конечно, не можетъ быть возведена въ законъ или непреложную систему, но несомнѣнно заслуживаетъ вниманія какъ преподавателей, такъ и родителей, которымъ—и тѣмъ и другимъ—нерѣдко прихо-

дится имѣть дѣло съ дѣтьми, математическое мышленіе которыхъ либо вялое вслѣдствіе естественныхъ причинъ, либо задержано внѣшними неблагопріятными условіями.

Весьма цѣнными приложеніемъ къ брошюркѣ было бы краткое резюме тѣхъ преній, которыя чтеніе доклада несомнѣнно должно было возбудить среди членовъ Математическаго Отдѣленія Педагогическаго Общества.

Знакомство преподавателей съ книжкою г. Е. Шпитальскаго считаемъ желательнымъ.

Ѳ. П.

Профес. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть I. Москва 1904 г. Ц. 2 руб. 50 к.

Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ цѣнныхъ научныхъ трудовъ Московскаго профессора В. О. Ключевскаго, среди читающей публики обращались его же литографированныя лекціи, составляемыя и издаваемыя студентами. Кто изъ учащихъ и учащихся за послѣднюю чуть не четверть вѣка не зналъ этихъ глубоко назидательныхъ и интересныхъ чтеній московскаго историка, кто не зачитывался и не увлекался мастерскимъ изложеніемъ, разсказомъ и характеристиками талантливаго лектора? Нѣсколько лѣтъ назадъ появилось конспективное изложеніе этихъ лекцій подъ заглавіемъ: „Краткое пособіе по русской исторіи“, частное изд. для слушателей автора и сряду выдержало нѣсколько изданій. Понятенъ поэтому тотъ живой интересъ, какой возбудило появленіе въ печати курса русской исторіи В. О. Ключевскаго, пока только первой его части—до московскаго періода. Самъ авторъ говоритъ, что издаваемый имъ курсъ составился изъ многолѣтнихъ чтеній по русской исторіи. По измѣнявшимся для него условіямъ преподаванія, а также по движенію русско-исторической литературы ему приходилось въ прошломъ излагать отдѣльныя лекціи и цѣлые отдѣлы изъ года въ годъ неодинаково, сокращая одно, расширяя другое. Такъ составилось нѣсколько редакцій курса (это и есть прежде упомянутыя литографированныя изданія его лекцій разныхъ годовъ), которыя предстояло въ настоящемъ случаѣ лектору объединить, свести въ нѣчто цѣльное. Этимъ объясняются размѣры нѣкоторыхъ лекцій, не соотвѣтствующіе обычному академическому часу. Въ недостаткѣ, что бы не сказать—отсутствіи, доступныхъ публикѣ университетскихъ курсовъ русской исторіи лекторъ видитъ оправданіе своей рѣшимости, а въ близости конца преподавательской работы единственное побужденіе начать изданіе курса, безспорно нуждающагося въ обработкѣ.

Кромѣ широкихъ, разностороннихъ знаній, блестящаго изложенія, поразительнаго научнаго остроумія въ сближеніяхъ и объясненіяхъ, живой, ясной, какъ-бы прозрачной, но не теряющей научнаго достоинства рѣчи, талантъ В. О. Ключевскаго особенно сказывается въ необыкновенно стройной схематизаціи матеріала и строгой логичности и полнотѣ выводовъ и построеній

мысли, въ толкованіяхъ фактовъ и данныхъ прошлой судьбы русскаго народа. Курсъ его въ первой части выполненъ по строго начертанному, цѣльному и стройному плану. Первыя двѣ лекціи носятъ общій характеръ,—это разъясненіе вопросовъ о научной задачѣ изученія мѣстной исторіи и изложеніе основныхъ точекъ зрѣнія на русскую исторію въ связи съ планомъ его курса. Главная задача изученія мѣстной исторіи съ истсрико-соціологической точки зрѣнія есть познаніе природы и дѣйствія историческихъ силъ и элементовъ общежитія, какъ они проявляются въ различныхъ сочетаніяхъ, ими образуемыхъ (стр. 23), и выражающихся въ историческомъ прошломъ каждаго даннаго народа. Съ этой точки зрѣнія „исторія Россіи представляетъ нѣкоторыя методологическія удобства для отдѣльнаго ея изученія. Эти удобства состоятъ: 1) въ сравнительной простотѣ господствующихъ въ ней процессовъ, помогающей достаточно отчетливо разглядѣть работу историческихъ силъ, дѣйствіе и значеніе различныхъ пружинъ, входившихъ въ сравнительно-несложный составъ нашего общежитія; 2) въ своеобразномъ сочетаніи дѣйствовавшихъ въ нашей исторіи условій народной жизни. Сравнительная простота строя нашей исторической жизни не мѣшала своеобразности ея строенія. Въ ней наблюдаемъ дѣйствіе тѣхъ же историческихъ силъ и элементовъ общежитія, что и въ другихъ европейскихъ обществахъ, но у насъ эти силы дѣйствуютъ съ неодинаковой напряженностью, эти элементы являются въ иномъ подборѣ, принимаютъ иные размѣры, обнаруживаютъ свойства, незамѣтныя въ другихъ странахъ". По мнѣнію автора, переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стояли всѣ другіе ея факты. Періоды русской исторіи, какъ ихъ устанавливаетъ проф. Ключевскій, это—этапы, послѣдовательно пройденные нашимъ народомъ въ занятіи и разработкѣ доставшейся ему страны; рядъ этихъ періодовъ—это рядъ приваловъ или стоянокъ, которыми прерывалось движеніе русскаго народа по равнинѣ, и на каждой изъ которыхъ наше общежитіе устраивалось иначе, чѣмъ оно было устроено на прежней стоянкѣ. Для каждаго изъ этихъ періодовъ авторъ намѣчаетъ себѣ задачи—обозначить ту область восточной равнины, на которой въ данный моментъ сосредоточивалась главная масса русскаго населенія, „дѣлавшая его исторію", и указать въ каждомъ изъ нихъ господствующіе факты—одинъ политическій, другой экономическій. Съ VIII по XIII вв. масса русскаго населенія сосредоточилась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и съ его историческимъ воднымъ продолженіемъ—линіей Ловати—Волхова. Во все это время Русь политически разбита на отдѣльныя болѣе или менѣе обособленныя области, въ каждой изъ которыхъ политическимъ и хозяйственнымъ центромъ является большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель ея политическаго быта, потомъ встрѣтившій соперника въ пришломъ князѣ, но и при немъ не терявшій важнаго значенія. Господствующій политическій фактъ періода—политическое дробленіе земли подъ руководствомъ

городовъ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни въ этотъ періодъ является внѣшняя торговля съ вызванными ею лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и бортничествомъ (лѣснымъ пчеловодствомъ). Это Русь—*Днѣпровская, городовая, торговая.* Съ XIII до средины XV в., приблизительно, среди общаго разброда и разрыва народности, главная масса русскаго населенія является на верхней Волгѣ съ ея притоками. Эта масса остается раздробленной политически, но не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы.

Удѣлъ—это совсѣмъ другая форма политическаго быта. Господствующій политическій фактъ періода—удѣльное дробленіе Верхневолжской Руси подъ властью князей. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является сельско-хозяйственная, т. е. земледѣльческая эксплоатація алаунскаго суглинка посредствомъ вольнаго крестьянскаго труда. Это Русь Верхневолжская, удѣльно-княжеская, вольно-земледѣльческая. Съ половины XV до втораго десятилѣтія XVII в. главная масса русскаго населенія изъ области верхней Волги, растекается на югъ и востокъ по донскому и средне-волжскому чернозему, образуя особую вѣтвь народа—Великороссію, которая вмѣстѣ съ населеніемъ расширяется за предѣлы верхняго Поволжья. Господствующій политическій фактъ этого періода—государственное объединеніе Великороссіи. Господствующимъ фактомъ жизни экономической остается сельско-хозяйственная разработка стараго верхне-волжскаго суглинка и новозанятаго средневолжскаго и донскаго чернозема посредствомъ вольнаго крестьянскаго труда; но его воля начинаетъ уже стѣсняться по мѣрѣ сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ служилаго сословія, военнаго класса, вербуемаго государствомъ для внѣшней обороны. Это Русь *Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладѣльческая.* Съ начала XVII в. до половины XIX в., русскій народъ распространяется по всей восточной равнинѣ до и за крайними ея предѣлами. Политически всѣ почти части русской народности соединяются подъ одной властью. Но эта собирающая всероссійская власть дѣйствуетъ уже съ помощью не боярской аристократіи, а военно-служилаго класса, сформированнаго государствомъ въ предшествующій періодъ дворянства. Это политическое собираніе и объединеніе частей русской земли и есть господствующій политическій фактъ періода. Основнымъ фактомъ экономической жизни остается земледѣльческій трудъ, окончательно ставшій крѣпостнымъ, къ которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская. Это періодъ *всероссійскій, императорско-дворянскій,* періодъ крѣпостного хозяйства, земледѣльческаго и фабрично-заводскаго. Таковы пережитые нами періоды нашей исторіи, въ которыхъ отразилась смѣна исторически вырабатывавшихся у насъ складовъ общежитія (стр. 24—28). Первому изъ этихъ четырехъ періодовъ и посвящена вышедшая нынѣ часть „Курса русской исторіи".

Откуда же появились наши предки, и каковы были первые древнѣйшіе

моменты ихъ исторической жизни? На этотъ еще мало разработанный вопросъ В. О. Ключевскій даетъ отвѣтъ послѣ того, какъ въ третьей и четвертой лекціяхъ обстоятельно подвергъ пересмотру вопросы о формахъ поверхности Европейской Россіи и о вліяніи природы страны на исторію народа, а въ слѣдующихъ двухъ опредѣлилъ значеніе начальной лѣтописи, какъ основного источника для изученія перваго періода нашей исторіи и представилъ историко-критическій разборъ начальной лѣтописи. Прежде чѣмъ восточные славяне съ Дуная попали на Днѣпръ, говоритъ профессоръ, они долго оставались на карпатскихъ склонахъ; здѣсь была промежуточная стоянка ихъ со II по VII вв. Въ VI в. у восточныхъ славянъ на Карпатахъ существовалъ большой военный союзъ подъ предводительствомъ одной народности и ихъ князя,—дулѣбовъ. Этотъ военный союзъ и есть фактъ, который можно поставить въ самомъ началѣ нашей исторіи. Отсюда, съ этихъ склоновъ Карпатъ, восточные славяне въ VII в. постепенно разселились по равнинѣ; это разселеніе совпадаетъ по времени съ аварскимъ нашествіемъ на восточныхъ славянъ, въ которомъ можно видѣть его причину. Авары дали толчокъ движенію карпатскихъ славянъ въ разныя стороны. Въ V и VI вв. въ средней и восточной Европѣ очистилось много мѣстъ, покинутыхъ германскими племенами, которыхъ гуннское нашествіе двинуло на югъ и западъ въ римскія провинціи. Аварское нашествіе оказало подобное же дѣйствіе на славянскія племена, двинувъ ихъ на опустѣлыя мѣста, гдѣ ихъ и застаетъ наша лѣтопись, описывая разселеніе славянскихъ племенъ въ IX вѣкѣ. Фактъ славянскаго передвиженія на востокъ и сѣверо-востокъ и разселенія по Днѣпру, водному пути „изъ Варягъ въ Греки", и на востокъ и западъ отъ него сопровождался для нихъ разнообразными послѣдствіями, какъ юридическими, такъ экономическими и политическими. Ходъ историческаго процесса и его послѣдствія представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ VII и VIII вв. мы застаемъ восточныхъ славянъ въ походѣ, въ состояніи все усиливающагося общественнаго разложенія. Образовавшійся между ними на Карпатахъ военный союзъ распался на составляющія его племена, племена разложились на роды, даже роды начали дробиться на мелкіе дворы или семейныя хозяйства, какими эти славяне стали жить на днѣпровскомъ новосельѣ. Но здѣсь, подъ дѣйствіемъ новыхъ условій, завязался среди нихъ обратный процессъ постепеннаго взаимнаго сцѣпленія; только связующимъ элементомъ въ новыхъ общественныхъ построеніяхъ служило уже чувство не кровнаго родства, а экономическій интересъ, вызванный къ дѣйствію свойствами страны и внѣшними обстоятельствами. Южныя рѣки равнины и наложенное со стороны иго (хозарское) втянуло восточныхъ славянъ въ оживленную внѣшнюю торговлю. Эта торговля стянула разбросанные одинокіе дворы въ сельскія торговыя сосредоточія, погосты, потомъ въ большіе торговые города съ ихъ областями. Новыя внѣшнія опасности (со стороны печенѣговъ и др.) съ начала IX в. вызвали новый рядъ переворотовъ. Торговые города перевооружились; тогда

они изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ торговли превратились въ политическіе центры, а ихъ торговые округа стали ихъ государственными территоріями, городовыми областями; нѣкоторыя изъ этихъ областей сдѣлались варяжскими княжествами, а изъ соединенія тѣхъ и другихъ образовалось великое княжество Кіевское, древнѣйшая форма кіевскаго государства. Такова связь экономическихъ и политическихъ фактовъ въ нашей начальной исторіи. экономическіе интересы послѣдовательно превращались въ общественныя связи, изъ которыхъ выростали политическіе союзы (стр. 175—176). Признавая призваніе князей изъ племени варяговъ-русь за фактъ, В. О. Ключевскій, даетъ ему объясненіе: около половины IX в. дружина балтійскихъ варяговъ, говоритъ онъ, проникла Финскимъ заливомъ и Волховымъ къ Ильменю и стала брать дань съ сѣверныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ. Туземцы, собравшись съ силами, прогнали пришельцевъ, и для обороны отъ ихъ дальнѣйшихъ нападеній наняли партію другихъ варяговъ, которыхъ звали Русью. Укрѣпившись въ обороняемой странѣ, нарубивъ себѣ „городовъ", укрѣпленныхъ стоянокъ, наемные сторожа повели себя завоевателями. Вотъ все, что случилось. Фактъ состоялъ изъ двухъ моментовъ: изъ наемнаго договора съ иноземцами о внѣшней оборонѣ и изъ насильственнаго захвата власти надъ туземцами. Лѣтописное сказаніе о призваніи князей поставило въ тѣни второй моментъ и изъяснительно изложило первый, какъ актъ добровольной передачи власти иноземцамъ туземцами, т. е. внесло идею правомѣрной власти въ эту легенду. Идея этой власти перенесена изъ втораго момента, изъ почвы силы, въ первый—на основу права, и вышла очень недурно скомбинированная юридическая постройка начала русскаго государства. Такимъ образомъ, „сказаніе о призваніи князей, какъ оно изложено въ Повѣсти,—совсѣмъ не народное преданіе, не носитъ на себѣ его обычныхъ признаковъ: это—схематическая притча о происхожденіи государства, приспособленная къ пониманію дѣтей школьнаго возраста".

Итакъ, приблизительно въ половинѣ IX в. внѣшнія и внутреннія отношенія въ торгово-промышленномъ мірѣ русскихъ городовъ сложились въ такую комбинацію, въ силу которыхъ охрана границъ страны и ея внѣшней торговли стала ихъ общимъ интересомъ, подчинившимъ ихъ князю кіевскому и сдѣлавшимъ Кіевское варяжское княжество зерномъ русскаго государства. Кіевъ занималъ особое положеніе,—онъ не могъ остаться, какъ другіе восточно-славянскіе города, стольнымъ городомъ одного изъ *мѣстныхъ* варяжскихъ княжествъ: „онъ имѣлъ общерусское значеніе, какъ узловой пунктъ торгово-промышленнаго движенія, и потому сталъ центромъ политическаго объединенія всей земли". Какъ же владѣли князья и ихъ потомки, особенно послѣ Ярослава, русской землей? Владѣли они по *очередному* порядку, господствовавшему въ XI и XII вв., который надо отличать отъ послѣдующаго порядка *удѣльнаго*, установившагося въ XIII и XIV вв. Основаній въ этомъ порядкѣ было два: 1) верховная власть была собира-

тельная, принадлежала всему княжескому роду; 2) отдѣльные князья временно владѣли тѣми или другими частями земли. Они перемѣщались по старшинству (сперва дяди, потомъ племянники), а не по нисходящей линіи, и занимали послѣдовательно (хотя эта прямая послѣдовательность часто и нарушалась) сообразно важности земель, зависящихъ прежде всего отъ ихъ доходности (Черниговская, Кіевская, Переяславская, Смоленская и т. д.). Таковой очередной порядокъ владѣнія русской землей привелъ къ двойственному результату: во 1-хъ, разрушилъ политическую цѣльность, государственное единство русской земли, надъ которымъ, повидимому, съ такимъ успѣхомъ трудились первые русскіе князья, и во 2-хъ, содѣйствовало пробужденію въ русскомъ обществѣ чувства земскаго единства, зарожденію русской народности. Въ этомъ второмъ результатѣ, кажется, надобно искать разгадки своеобразнаго отношенія къ старой Кіевской Руси со стороны нашего народа. Онъ до сихъ поръ относится къ этой Руси съ особеннымъ сочувствіемъ, которое кажется неожиданнымъ при томъ хаотическомъ впечатлѣніи, какое выносится изъ изученія того періода.... Народъ доселѣ помнитъ и знаетъ старый Кіевъ съ его князьями и богатырями, съ его св. Софіей и Печерской Лаврой, непритворно любитъ и чтитъ его, какъ не любилъ и не чтилъ онъ ни одной изъ столицъ, его смѣнившихъ,—ни Владиміра на Клязьмѣ, ни Москвы, ни Петербурга. О Владимірѣ онъ забылъ, да и въ свое время мало зналъ его; Москва была тяжела народу: онъ ее немножко уважалъ и побаивался, но не любилъ искренно; Петербурга онъ не любитъ, не уважаетъ и даже не боится... (Стр. 242—243).

Для характеристики внутренней исторіи и русскаго гражданскаго общества въ XI и XII вв. В. О. Ключевскій пользуется преимущественно тѣмъ, что даетъ содержаніе „Русской правды" и церковныхъ уставовъ первыхъ князей. Мы отсылаемъ читателей къ этимъ мастерски написаннымъ страницамъ, къ блестящему и остроумному анализу профессоромъ этихъ русскихъ древнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ (стр. 247—329). А сами перейдемъ къ дальнѣйшему обзору книги. По мнѣнію автора, къ половинѣ XII ст. становится уже замѣтно дѣйствіе условій, разрушавшихъ общественный порядокъ и экономическое благосостояніе Кіевской Руси. Если судить объ этой Руси по быту высшихъ классовъ, можно предполагать въ ней значительные успѣхи матеріальнаго довольства, гражданственности, просвѣщенія. Въ большихъ городахъ въ XI и XII вв. въ рукахъ князей и бояръ замѣтно присутствіе значительныхъ денежныхъ средствъ, большихъ капиталовъ. Это экономическое благостояніе держалось преимущественно на рабовладѣніи, достигшемъ тамъ громадныхъ размѣровъ. Широкое распространеніе обычая „сажать" на земляхъ свою „челядь" превращало и самое землевладѣніе въ рабовладѣніе. Купленная цѣною порабощенія низшихъ классовъ привольная жизнь общественныхъ вершинъ держалась на юридическомъ приниженіи массъ простого народа, но оно же колебало и общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси. Княжескія

усобицы, превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки (особенно послѣ упадка Днѣпровской торговли съ XI в.), сопровождавшуюся уменьшеніемъ свободнаго населенія, еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ. Третье условіе, наиболѣе гибельно дѣйствовавшее на общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси, было сосѣдство степи со своимъ кочевымъ населеніемъ. Подъ давленіемъ этихъ трехъ неблагопріятныхъ условій съ половины XII ст. становятся замѣтны признаки запустѣнія Приднѣпровья. Отливъ населенія отсюда шелъ въ двухъ направленіяхъ. Одна струя его направлялась на Западъ, за Западный Бугъ, въ область верхняго Днѣстра и верхней Вислы, въ глубь Галиціи и Польши (стр. 346 и выше). Въ связи съ отливомъ населенія на западъ В. О. Ключевскій ставитъ одно важное явленіе въ русской этнографіи, именно образованіе малороссійскаго племени. „Запустѣніе днѣпровской Руси, начавшееся въ XII в., было завершено въ XIII в. татарскимъ погромомъ 1239—1240. Съ той поры старинныя области этой Руси, нѣкогда столь густо заселенныя, *надолго превратились въ пустыню* со скуднымъ остаткомъ прежняго населенія... Въ такомъ запустѣніи Кіевская, Переяславская и частью Черниговская области оставались едва-ли не до половины XV в... когда начался новый усиленный отливъ русскаго крестьянскаго населенія изъ Галиціи и изъ внутреннихъ областей Польши на юго-восточную Приднѣпровскую окраину Польскаго государства“. Это то пришлое новое населеніе и было потомкомъ малорусскаго народа. Таковое объясненіе происхожденія его—не вѣрно, что объясняется у профессора отчасти игнорированіемъ свѣдѣній, хотя бы и скудныхъ о Приднѣпровьѣ и Кіевѣ въ XIV и XV в., а преимущественно слишкомъ большимъ увлеченіемъ стройностью своей схематизаціи въ изложеніи, планомѣрностью и законченностью общей картины исторіи сѣверной и южной Руси: Въ XII и XIII в. отливаютъ двѣ волны населенія,—на западъ и на сѣверъ; на сѣверѣ судьба его такова – слѣдуетъ схема; на югѣ такова—слѣдуетъ схема. Къ сожалѣнію, для законченности красивой схемы и общей картины автору приходится иногда прибѣгать и къ искусственному расположенію матеріала, и даже къ замалчиванію и неточной оцѣнкѣ значенія самихъ историческихъ фактовъ *). Такъ случилось и съ вопросомъ о происхожденіи малорусскаго на-

*) Въ курсѣ В. О. Ключевскаго подобный случай далеко не единичный. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что, съ одной стороны, по степени старшинства князь былъ въ правѣ получить болѣе или менѣе *доходную* волость (*прямо* пропорціально старшинству), съ другой стороны—доходность областей была *обратно* пропорціональна ихъ безопасности: чѣмъ ближе лежала область къ степи, т. е. къ морю, тѣмъ она была доходнѣе, тѣмъ открытѣе для внѣшнихъ нападеній. Князья по старшинству переходили изъ менѣе доходной и менѣе угрожаемой волости въ болѣе доходную и болѣе угрожаемую (стр. 213) Схема красива, но какъ согласовать факты: порядокъ старшинства княжествъ послѣ смерти Ярослава былъ таковъ,—Кіевское, Черниговское, Переяславское, Смоленское и Волынское, т. е. надо предположить для согла-

рода. Во-первыхъ, авторъ ничѣмъ не доказываетъ фактовъ усиленной колонизаціи населенія съ Поднѣпровья въ до-татарскую эпоху на Западъ въ Галицію и Польшу (что у него достаточно обосновано для вопроса о колонизаціи на сѣверъ въ XII и XIII вв.), а во-вторыхъ, онъ только утверждаетъ, *что Днѣпровскій край совершенно запустѣлъ послѣ татарскаго нашествія.* Этимъ его утвержденія приближаются къ теоріи происхожденія великорусскаго и малорусскаго племени, выдвинутой еще полвѣка назадъ Погодинымъ. Не такъ было въ дѣйствительности. Противъ этой и подобныхъ теорій выступалъ рядъ ученыхъ историковъ и филологовъ, какъ проф. Максимовичъ, Котляревскій, Антоновичъ, Дашкевичъ, Владимірскій-Будановъ, Грушевскій, Житецкій, академикъ Ягичъ, и они доказали, что представленіе объ опустошеніи Кіевской земли въ XIII вѣкѣ было крайне преувеличено. Населеніе Поднѣпровья быстро возстановилось послѣ Батыева нашествія. Главный этнографическій составъ новаго населенія тамъ былъ тотъ же, какой и прежде, такъ какъ оно главнымъ образомъ пополнялось изъ бѣглецовъ, спасшихся отъ погромовъ. Если и возможно предположить, то развѣ нѣкоторую перестановку этнографическихъ группъ въ послѣ-татарскій періодъ и передвиженіе части лѣвобережныхъ южноруссовъ за Днѣпръ, даже въ Волынь и Галицію. Впрочемъ, самъ В. О. Ключевскій оговариваетъ позже, что онъ рѣшается утверждать только то, что „въ образованіи малорусскаго племени, какъ вѣтви русскаго народа, *принимало участіе* обнаружившееся или усилившееся съ XV в. обратное движеніе къ Днѣпру русскаго населенія, отодвинувшееся оттуда на западъ въ XII и XIII вв.“ „Принимало участіе“—это другое дѣло, но во всякомъ случаѣ не въ этомъ обратномъ движеніи населенія въ XV в. рѣшеніе вопроса о происхожденіи малорусскаго племени.

Обращаясь къ вопросу о происхожденіи великорусскаго племени и судьбахъ сѣверной Руси съ конца XII в. по XIV-й в., авторъ говоритъ, что другая струя колонизаціи направлялась въ противоположный первому уголъ Русской земли, на сѣверо-востокъ за р. Угру, въ междурѣчье Оки и Верхней Волги. Основная точка зрѣнія Ключевскаго на образованіе новаго типа русской жизни на сѣверѣ, какъ результата колонизаціоннаго движенія, опредѣ-

---

сованія со схемой, что княжества лежали *ближе* къ степи, Черниговское,—Переяславскаго, а Смоленское—Волынскаго. Очень остроумно построена авторомъ теорія о смѣнѣ роли хозаръ варяжской дружиной на югѣ Россіи и замѣчательно легко укладывается въ рамки „варяжскій вопросъ“, напримѣръ: хозары овладѣли еще до IX вѣка, Приднѣпровьемъ, взяли подъ свою защиту торговое движеніе и подчинили себѣ торговые округа Поднѣпровья. Печенѣги и Узы-Торки въ началѣ IX в. отрѣзали Поднѣпровье отъ хозаръ и разрушили ихъ власть. На смѣну хозаръ и въ ихъ роли противъ новыхъ ордъ явились варяги. Очень просто, но прежде всего вся характеристика хозарскаго благодѣтельнаго владычества ни на какихъ серьезныхъ данныхъ не основана и т. п.

ляется слѣдующими положеніями: великорусское племя вышло не изъ продолжавшагося развитія старыхъ областныхъ особенностей кіевскаго историческаго періода, но было дѣломъ новыхъ разнообразныхъ вліяній, начавшихъ дѣйствовать послѣ разрыва народности, притомъ въ краю, который лежалъ внѣ старой коренной Руси и въ XII в. былъ болѣе инородческимъ, чѣмъ русскимъ краемъ. Инородцы, съ которыми встрѣтились въ междурѣчьи русскіе переселенцы, были финскія племена.

Обѣ стороны оказали другъ на друга большое вліяніе, но въ значительной степени русское племя поглотило и впитало въ себя финскія племена. Изъ этой встрѣчи вышла тройная смѣсь: 1) религіозная, которая легла въ основаніе миѳологическаго міросозерцанія великороссовъ, 2) племенная, изъ которой выработался антропологическій типъ великоросса, 3) соціальная, которая въ составѣ верхне-волжскаго населенія дала рѣшительный перевѣсъ сельскимъ классамъ. Здѣсь, въ новомъ краю, подъ вліяніемъ иной природы страны создались и отличительныя особенности великорусскаго хозяйства: это 1) разбросанность населенія, господство мелкихъ поселковъ, деревень, 2) незначительность крестьянской запашки, мелкость подворныхъ пахотныхъ участковъ, 3) подвижной характеръ хлѣбопашества, господство переноснаго или переложнаго земледѣлія и 4) развитіе мелкихъ сельскихъ промысловъ, усиленная разработка лѣсныхъ, рѣчныхъ и др. угодій (стр. 378, 381). Во главѣ правящей власти стояли и здѣсь князья Рюриковскаго поколѣнія, но они были уже князьями новаго типа—вотчинниками, наслѣдственными осѣдлыми землевладѣльцами, смѣнившими своихъ южныхъ предковъ, князей-родичей, подвижныхъ очередныхъ соправителей русской земли. Сѣверный періодъ русской исторіи Ключевскій характеризуетъ съ политической точки зрѣнія опредѣленіемъ—удѣльный. Въ основѣ удѣльнаго порядка лежала идея личнаго и наслѣдственнаго княжескаго владѣнія. Держался онъ на двухъ основаніяхъ—географическомъ и политическомъ, будучи созданъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ природы страны и ея колонизаціи. Во 1-хъ, при содѣйствіи физическихъ особенностей верхне-волжской Руси колонизація выводила здѣсь мелкіе рѣчные округа, уединенные другъ отъ друга, которые и служили основаніемъ политическаго дѣленія страны, т. е. удѣльнаго ея дробленія. Мелкіе верхневолжскіе удѣлы XIII и XIV вв.—это рѣчные бассейны. Во 2-хъ, подъ вліяніемъ колонизаціи страны первый князь удѣла привыкалъ видѣть въ своемъ владѣніи не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую онъ заселялъ и устроялъ въ общество. Отсюда—понятіе о князѣ, какъ личномъ собственникѣ удѣла (стр. 431). Дальнѣйшій ходъ исторіи сѣверной удѣльной Руси авторъ намѣчаетъ такими краткими опредѣленными чертами: подъ дѣйствіемъ удѣльнаго порядка сѣверная Русь политически дробилась все мельче, теряя и прежнія слабыя связи политическаго единства; вслѣдствіе этого дробленія князья все болѣе бѣднѣли; бѣднѣя, замыкались въ своихъ вотчинахъ, отчуждались другъ отъ друга; отчуждаясь, превращались

по своимъ понятіямъ и интересамъ въ частныхъ сельскихъ хозяевъ теряли значеніе блюстителей общаго блага, а съ этой потерей падало въ нихъ и земское сознаніе. Всѣ эти послѣдствія имѣли важное значеніе въ дальнѣйшей политической исторіи сѣверной Руси: они подготовляли благопріятныя условія для ея политическаго объединенія. Когда изъ среды обѣднѣвшихъ и измельчавшихъ удѣльныхъ князей поднялся одинъ сильный владѣлецъ, онъ, во 1-хъ, не встрѣтилъ со стороны удѣльныхъ сосѣдей дружнаго отпора своимъ объединительнымъ стремленіямъ, боролся съ ними одинъ на одинъ, пользуясь ихъ взаимнымъ отчужденіемъ, непривычкой дѣйствовать сообща; во 2-хъ, этотъ князь-объединитель встрѣтилъ и въ мѣстныхъ удѣльныхъ обществахъ полное равнодушіе къ своимъ измельчавшимъ и одичавшимъ властителямъ, съ которыми они были связаны столь слабыми нитями, и убирая ихъ одного за другимъ, не вызвалъ въ этихъ обществахъ дружнаго возстанія въ пользу удѣльныхъ князей. Всѣмъ этимъ опредѣляется значеніе удѣльнаго порядка въ нашей политической исторіи: онъ своими послѣдствіями облегчилъ собственное разрушеніе. Старая Кіевская Русь не устроила прочнаго политическаго единства, но завязала прочныя связи единства земскаго. Въ удѣльной Руси эти связи окрѣпли; перемѣшанныя колонизаціей мѣстныя особенности слились въ плотное великорусское племя; зато окончательно разрушилось политическое единство. Но удѣльный порядокъ, разрушившій это единство, по характеру своему гораздо менѣе способенъ былъ защищать самъ себя, чѣмъ предшествовавшій ему порядокъ очередной, и его легче было разрушить, чтобы на развалинахъ его возстановить единство государственное. Поэтому удѣльный порядокъ сталъ переходной политической формой, посредствомъ которой русская земля отъ единства національнаго перешла къ единству политическому. Исторія этого перехода есть исторія одного изъ удѣльныхъ княжествъ—Московскаго.—Такова схема изложенія и основныя положенія древней русской исторіи московскаго профессора, бѣглый обзоръ которыхъ мы представили вниманію читателей на предыдущихъ страницахъ.

Въ заключеніе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привесть хотя бы небольшой отрывокъ блестящей характеристики В. О. Ключевскимъ великорусскаго племени преимущественно въ зависимости отъ природы занятой имъ страны (глава XVII). Природа верхняго Поволжья создавала невозможность разсчитать напередъ, заранѣе сообразить планъ дѣйствій (русское „авось") и прямо идти къ намѣченной цѣли, что замѣтно и отразилось на складѣ ума великоросса, на манерѣ его мышленія. „Житейскія неровности и случайности пріучили его обсуждать пройденный путь, чѣмъ соображать дальнѣйшій, больше оглядываться назадъ, чѣмъ заглядывать впередъ. Въ борьбѣ съ нежданными метелями и оттепелями, съ непредвидимыми августовскими морозами и январьской слякотью онъ сталъ больше осмотрителенъ, чѣмъ предусмотрителенъ, выучился больше замѣчать слѣдствія, чѣмъ ставить цѣли, воспиталъ въ себѣ умѣнье подводить итоги насчетъ искусства составлять смѣты. Это умѣнье и

есть то, что мы называемъ *заднимъ умомъ*. Поговорка: *русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ* вполнѣ принадлежитъ великороссу. Но задній умъ не то же, что *задняя мысль*. Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великороссъ часто производитъ впечатлѣніе непрямоты, неискренности. Великороссъ часто думаетъ надвое, и это кажется двоедушіемъ. Онъ всегда идетъ къ прямой цѣли, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идетъ, оглядываясь по сторонамъ, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь, и только вороны прямо летаютъ, говорятъ русскія пословицы. Природа и судьба вели великоросса такъ, что пріучили его выходить *на прямую дорогу окольными путями*. Великороссъ мыслитъ и дѣйствуетъ, какъ ходитъ. Кажется, что можно придумать кривѣе и извилистѣе *великорусскаго проселка*? Точно змѣя проползла. А попробуйте пройти прямѣе: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу"...

Въ какой московскій „тупикъ" привели русскую жизнь эти окольныя пути, извилистыя тропы и великорусскій проселокъ, разскажетъ намъ проф. Ключевскій въ слѣдующихъ частяхъ своего труда. Но выбралась ли окончательно русская жизнь и русская исторія и послѣ Петра Великаго, и послѣ двухвѣковаго общенія съ западно-европейской, общечеловѣческой цивилизаціей, вышла ли, наконецъ, на прямую дорогу—это еще до сихъ поръ вопросъ открытый.

И. Житецкій.

Проф. К. Верманъ, директоръ Дрезденской галереи. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова, старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа. Томъ I. Спб. 1902—1904.

Капитальное сочиненіе нѣмецкаго историка искусства выходитъ въ русскомъ переводѣ отдѣльными выпусками (всѣхъ будетъ 60, и каждый стоитъ по 40 к.) и издается фирмой „Просвѣщеніе".

Первый томъ обнимаетъ искусство дохристіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ и состоитъ изъ семи книгъ. Не будемъ останавливаться на обозрѣніи всего содержанія огромной книги, написанной нѣсколько сухо, но въ то же время доступно, богато иллюстрированной сотнями снимковъ и хорошо напечатанной. Смѣло рекомендуя ее для пріобрѣтенія учебными заведеніями, мы остановимся на общемъ вопросѣ—о тѣхъ требованіяхъ къ отдѣльнымъ произведеніямъ искусства и задачамъ его вообще, которыя обыкновенно предъявляются критиками.

А. И. Сомовъ думаетъ, что тѣ „Исторіи искусства", которыя освѣщаютъ свой предметъ съ тѣхъ или иныхъ философскихъ воззрѣній, не выполняютъ своего главнаго назначенія, но не указываетъ мотивовъ для такого заключенія. Едва ли многіе согласятся съ такимъ взглядомъ.

Описывать одни произведенія или ихъ группы и не ставить въ связь съ опредѣленной философской системой—невозможно. При этомъ условіи историкъ-критикъ превратился бы въ простого фотографа, а это положительно немыслимо. Въ чемъ же заключаются, въ такомъ случаѣ, задачи всякой критики? Мы мало ошибемся, если назовемъ искусствомъ и критику. Критикъ въ области искусства прежде всего долженъ быть проникновеннымъ художникомъ, чуткимъ артистомъ, свободнымъ творцомъ, человѣкомъ съ ярко очерченной физіономіей—„вѣрующимъ“ или „невѣрующимъ“. Поэтому тотъ же принципъ, который примѣняется къ свободному творчеству, долженъ быть примѣненъ и къ самой критикѣ. И она является такимъ же индивидуальнымъ шедевромъ самого художника, какъ и всякое произведеніе истиннаго искусства.

При такой постановкѣ вопроса весь колоссальный трудъ Вермана долженъ разсматриваться, какъ стройное художественное произведеніе, проникнутое индивидуальнымъ духомъ, притомъ—съ высоко художественнымъ исполненіемъ. Не забудемъ также, что его книга—одинъ изъ первыхъ опытовъ прагматической исторіи искусства „всѣхъ временъ и народовъ“.. До сихъ поръ мы имѣли хорошія и плохія біографіи отдѣльныхъ художниковъ, внѣшнее описаніе картинъ, статуй, зданій, иногда общіе обзоры цѣлыхъ націй, эпохъ или школъ. Исторіи *всего искусства* мы не имѣли. Но если мы станемъ признавать за Верманомъ какія-нибудь рѣшающія постановленія о судьбахъ искусства и его отдѣльныхъ дѣятеляхъ, то впадемъ въ крайнюю ошибку: всякій опытъ требуетъ снисхожденія.

Въ исторіи художественной критики насчитывается нѣсколько школъ и множество теорій. Каждая изъ нихъ исключаетъ предшествующую; каждая думаетъ, что именно ей принадлежитъ разрѣшеніе трудной задачи. Напрасно мы будемъ взывать къ истинѣ. Все, высказанное въ печати до сихъ поръ, было слишкомъ условно. Игра индивидуальнаго духа руководила суровыми и безпощадными приговорами, какъ будто даже безъ права на апелляцію. Отчасти Лессингъ и въ особенности Винкельманъ не признавали въ искусствѣ ничего, кромѣ классицизма. Понадобились усилія цѣлаго поколѣнія романтиковъ, наиболѣе ярко выраженныхъ въ Теофилѣ Готье, чтобы нанести послѣдній ударъ этому затхлому и заплѣсневѣлому взгляду „староверовъ“. Но и новымъ теоріямъ грозитъ переворотъ, такъ какъ догматы художественныхъ вѣроученій далеко не долговѣчны. Кто выйдетъ побѣдителемъ изъ долгой борьбы стараго съ новымъ? Тѣ ли, которые стремятся подчинить искусство какимъ бы то ни было опредѣленнымъ теоретическимъ законамъ, или тѣ, что предоставляютъ творцу полную свободу, не признавая никакихъ художественныхъ сектъ, никакихъ философскихъ системъ?

Правда принадлежала бы послѣднимъ только въ томъ случаѣ, если бы проповѣдуемая ими „свобода“ не была только кажущейся. Въ самомъ дѣлѣ, оглянемся назадъ, на судьбы хотя бы нашего художественнаго развитія за сто лѣтъ. Долгое время у насъ царилъ академизмъ съ его схоластикой и

ложно-классическими требованіями. Протестомъ противъ него явились „передвижники“. Это была стройная артель убѣжденныхъ сторонниковъ идейной національной, пожалуй, даже „содержательной“ живописи. Своимъ взглядамъ они подчинили все русское искусство, которое вскорѣ стало „направленскимъ“. Въ теченіе четырехъ десятилѣтій они властвовали надъ художественными идеалами всего почти русскаго общества. Но одряхлѣли и они, лишились лучшихъ своихъ представителей,—и мы переживаемъ „новый“ періодъ въ искусствѣ. Если онъ и отличается чѣмъ-нибудь отъ прежнихъ направленій, то прежде всего—еще большею нетерпимостью. Представители его мечутъ громы противъ всего „стараго“. Они говорятъ, что самыя художественныя училища имѣли пагубное вліяніе на ходъ искусства. Гдѣ же тутъ „свобода“?

Стоитъ только взглянуть на прежнія школы въ исторіи критики искусства, —и мы убѣдимся, что никогда не было вѣрной оцѣнки ни прошлаго, ни современнаго искусства. Сужденія мѣнялись сообразно времени, доходя иногда до крайностей, потому что оцѣнка всякаго художественнаго произведенія—дѣло, повторяемъ, въ сущности очень условное. Критикъ долженъ принадлежать какой-нибудь эпохѣ или народности, имѣть свои личные идеалы, симпатіи и антипатіи. Онъ не можетъ стоять „внѣ зависимости отъ какой бы то ни было философской системы“. Критики-хамелеоны не должны существовать, такъ какъ они отвратительны. Въ прежнее время не представлялось затрудненій для критики, такъ какъ характерной особенностью всѣхъ прежнихъ эпохъ въ искусствѣ была цѣльность направленія, опредѣленность взглядовъ. Но въ силу одного этого критика и давила свободнаго художника, давая ему лишь условный просторъ.

Теперь настала единственная въ своемъ родѣ эпоха, когда исчезло не только всякое внѣшнее насиліе надъ вкусами и желаніями художника, но сталъ замѣтенъ какой-то индифферентизмъ. Чрезмѣрная свобода—то же рабство, и прежде всего мы видимъ это на „новыхъ“ критикахъ. Они неправы уже по одному тому, что такъ рѣзко и несправедливо нападаютъ на все прошлое въ искусствѣ, хотя бы на живопись 60-хъ годовъ, которая сблизила съ художниками все русское общество и впервые показала, что искусство можетъ вдохновляться той же дѣйствительностью, среди которой всѣ мы живемъ и дѣйствуемъ, которая вдохновляла и литераторовъ, и лучшихъ людей того времени.

„Были у насъ художественные критики“,—писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Н. Ге,—„но они занимались по преимуществу не самымъ существомъ художественнаго творчества, а распространеніемъ въ публикѣ идей и впечатлѣній, выраженныхъ тѣмъ или инымъ художественнымъ произведеніемъ. Они пытались анализировать и объяснить себѣ и читателю, какого рода впечатлѣнія навели художника на данное направленіе въ искусствѣ, какія идеи, составляющія пониманіе жизни художника, лежатъ въ основаніи его творчества Эту первоначальную и самую важную часть художественной критики

Русское общество до послѣдняго времени брало прямо изъ западной литературы. Русскіе художественные критики чувствовали, что русское искусство въ такой малой степени захватываетъ вниманіе публики, что заниматься подобнаго рода вопросами рано, и они хлопотали исключительно о судьбѣ во мнѣніи публики тѣхъ отдѣльныхъ художественныхъ произведеній, которыя имъ нравились, въ которыхъ они находили выраженіе идей, имъ близкихъ. При этомъ критики часто задавались цѣлью проводить идеи, стоящія внѣ спеціальной сферы даннаго искусства, и пользовались художественными произведеніями только какъ средствомъ... Русская критика до сихъ поръ занималась исключительно объясненіемъ художественной дѣятельности русскихъ художниковъ въ примѣненіи ея къ разработкѣ общественныхъ вопросовъ". („Жизнь", 1898, кн. VIII). То же самое можно сказать и о западныхъ художественныхъ критикахъ. Въ отзывахъ о книгахъ Рихарда Мутера мы каждый разъ останавливались на его увлеченіяхъ и въ этомъ именно находимъ главную его ошибку.

Теперь передъ нами не менѣе почтенный трудъ Вермана, но и онъ не свободенъ отъ нареканій, правда, въ обратную сторону. При чтеніи его насъ поражаетъ холодность и непріятная осторожность нѣмецкаго историка-археолога. Онъ не „студенъ и не горячъ", а только „тепло-хладенъ", и эта черта съ первыхъ же страницъ передается читателю. Достигается ли этимъ та объективность, съ которой неразрывно связано представленіе о строгой научности? И на этотъ вопросъ мы отвѣтили бы отрицательно: книга останется только хорошимъ матеріаломъ, но не „исторіею".

А. И. Яцимирскій.

Географическій атласъ Товарищества „Просвѣщеніе", подъ редакціею магистра геологіи С. Н. Никитина. Вып. I. Цѣна 40 коп.

Товарищество „Просвѣщеніе" намѣрено издать 84 листа географическихъ картъ и 16 плановъ важнѣйшихъ городовъ въ 15 выпускахъ съ прибавленіемъ словаря въ 100 тысячъ географическихъ названій. Предназначается этотъ атласъ, какъ сказано въ предисловіи къ 1-му выпуску,—„для потребностей русскихъ практическихъ дѣятелей, читателей и учащейся молодежи". Дѣйствительно, практическимъ дѣятелямъ въ банкахъ, конторахъ, торговыхъ, транспортныхъ, страховыхъ и др. учрежденіяхъ зачастую приходится справляться съ географическимъ положеніемъ того или другого населеннаго пункта. Министерское изданіе „Россія въ дорожномъ отношеніи" въ трехъ томахъ можетъ удовлетворять практическимъ нуждамъ въ очень слабой степени, такъ какъ, хотя въ немъ и находятся чертежи всѣхъ губерній со списками вокзаловъ, почтовыхъ станцій, пристаней, главнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ и т. п., но общаго алфавитнаго указателя поселеній при немъ нѣтъ; поэтому, если справляющемуся нужно узнать положеніе какого-либо населеннаго пункта, котораго

онъ не знаетъ или забылъ, то приходится долгое время употребить на пересмотръ нѣсколькихъ губерній, пока случайно наскочишь на отыскиваемое имя. Съ другой стороны нужды и требованія нашихъ „практическихъ дѣятелей“ съ каждымъ годомъ расширяются: имъ недостаточно уже знать географію одной Европейской Россіи, такъ какъ приходится справляться очень часто относительно положенія населенныхъ мѣстъ Сибири, Средней Азіи, Персіи, всей Азіи, Европы и даже Америки, а возрастающей требовательности ихъ уже не могутъ удовлетворить изданія картографическаго заведенія Ильина, указателей желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Насколько удовлетворитъ практическихъ дѣятелей списокъ поселеній въ 100.000 географическихъ именъ,—мы не беремся судить; а остановимся больше на нуждахъ учащейся молодежи, для которой также предназначается атласъ Т-ва „Просвѣщеніе“. Много говорилось уже о томъ, какъ портятъ зрѣніе учащихся пестрыя карты съ мелкимъ шрифтомъ. Т-во „Просвѣщеніе“ поступило въ этомъ отношеніи вполнѣ похвально, что для гравированія и печатанія картъ обратилось къ выдающемуся „по изяществу, четкости и полнотѣ техники“ Картографическому Институту Мейера, который, какъ говорится въ предисловіи къ первому выпуску, „не требуетъ съ нашей стороны никакой рекламы“. Но этотъ Институтъ практикуетъ разные способы изображенія на картѣ топографическихъ особенностей, и нужно пожалѣть, что въ интересахъ учащихся редакція изданія не остановилась на томъ способѣ, въ результатѣ котораго получается карта, пріятная для глаза. Такъ, въ первомъ выпускѣ мы встрѣчаемъ и прекрасныя въ этомъ отношеніи для учащихся карты всего земного шара (въ проекціи Меркатора) и Альпійской горной системы, гдѣ болѣе и менѣе возвышенныя мѣстности обозначены разными цвѣтами красокъ, и такія карты, какъ Австрійская имперія, а особенно Кавказъ и Китай, гдѣ горы вычерчены слишкомъ пестрою штриховкой. Болѣе рѣдкая штриховка съ наложеніемъ тѣней коричневой краски, какая, напр., употреблена въ „Учебномъ географическомъ атласѣ“ Э. Ю. Петри изд. Маркса, болѣе удобопонятна, вразумительна и не столь отяготительна для глазъ учащихся. Такимъ образомъ можно предполагать, что болѣе подробныя карты атласа „Просвѣщенія“ предназначаются уже не для учащихся, а для практическихъ дѣятелей, которые успѣли въ школѣ настолько испортить зрѣніе, что безъ очковъ читать не могутъ.

Нельзя не упрекнуть издателей съ другой стороны въ небрежности по отношенію къ корректурѣ картъ, предназначенныхъ уже только для учащихся, а никакъ не для практическихъ дѣятелей. Институтъ Мейера, конечно, не нуждается въ рекламѣ, но служащіе въ немъ картографы не знаютъ русскаго языка; поэтому на картѣ всей „земли въ проекціи Меркатора“ (№ 1), къ которой никогда не обратится взрослый дѣловой человѣкъ за справкою, а потому и не замѣтитъ непростительной ошибки, учащійся встрѣтитъ что-то непонятное: въ сигнатурѣ къ этой картѣ онъ найдетъ прежде всего странныя

для русскаго уха выраженія: „глубины выше 6000“ и „высоты выше 8000“; затѣмъ изучая по этой картѣ поверхность земного шара, онъ найдетъ наибольшую глубину въ Тибетѣ, довольно значительныя высоты—на болѣе глубокихъ мѣстахъ океана, а наибольшей высоты (?) или глубины (выше 8000 метровъ)—не найдетъ нигдѣ; такія же опечатки, какъ *Австраiiя*, могутъ породить у него сомнѣніе въ томъ, правильно ли это слово напечатано въ учебникѣ, по которому онъ учитъ географію; правильнѣе ли произносить *Мехика* или *Мексика*,—онъ также знать не будетъ.

Если мы обратимся къ планамъ городовъ, которые предназначены только для практическихъ дѣятелей, а не для учащихся, то увидимъ, что и первые могутъ очутиться въ затрудненіи при пользованіи атласомъ. По правиламъ картографіи слова, напечатанныя на картѣ однимъ шрифтомъ, обозначаютъ однородные предметы; при этомъ на французскихъ картахъ на маронелѣ указываютъ иногда, что именно обозначаетъ данный шрифтъ: названія ли провинцій, горъ, большихъ или малыхъ городовъ, или деревень и т. п. На планѣ Парижа въ разсматриваемомъ атласѣ мы встрѣчаемъ разные шрифты и при томъ на 2-хъ языкахъ: русскомъ и французскомъ, напр.: ВИЛЬЖУИФЪ и ССО (послѣднее—неизвѣстно—по русски или по французски), Ст. Уань и St. Maudé, Нотръ-Дамъ, де-ла-Гаръ и P-te d'Italie, ЛЕ РУА и Colombes и т. п. И на другихъ картахъ встрѣчается смѣшеніе языковъ. Напр., на 33 картѣ (Австрійская Имперія) одинъ изъ славянскихъ городовъ (Любляна) названъ Лайбахъ, а другой—Загребъ (а не Аграмъ).

Нѣсколько страннымъ представляется въ атласѣ для учащихся утвержденіе, встрѣчаемое въ предисловіи, что карты метеорологическія, астрономическія, геологическія, по географіи растеній и животныхъ и пр. помѣщаются въ атласахъ только „по традиціи“ и составляютъ поэтому, какъ безполезныя, излишній балластъ, почему они будутъ исключены изъ изданія. Намъ кажется, напротивъ,—распространеніе по земной поверхности растеній и животныхъ, геологическія, астрономическія и метеорологическія понятія лучше всего усваиваются учащимися, если они при объясненіяхъ учителя будутъ имѣть толково составленныя карты и чертежи. Устраненіе нѣкоторыхъ картъ изъ атласа безъ объясненія причинъ (какія указаны въ предисловіи для только что названныхъ картъ) представляется иногда страннымъ. Изъ перечня всѣхъ 100 картъ и плановъ, какія составятъ атласъ Т-ва „Просвѣщеніе“, напр., видно, что въ немъ будетъ помѣщена кромѣ Западной части Австрійской имперіи еще и карта Венгріи, но не будетъ карты Восточной части Цислейтаніи, заселенной родственными намъ поляками и малороссами.

Въ общемъ объ этомъ атласѣ можно сказать, что его придется давать въ руки учащихся съ большою осторожностью. Причиною же для такой осторожности будетъ то обстоятельство, что издатели предназначили свой атласъ для удовлетворенія разныхъ потребностей—и читателей, и учащихся, и практическихъ дѣльцовъ.

А. Р.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Экскурсіи въ русскую грамматику. М. 1904. Стр. 63. Цѣна 20 коп.

4 статейки по грамматикѣ извѣстнаго покойнаго публициста Н. П. Гилярова-Платонова, напечатанныя въ издававшемся имъ журналѣ „Радуга“ въ 1884 г. и перепечатанныя въ настоящей книжкѣ, свидѣтельствуютъ гораздо больше о его краснорѣчіи, чѣмъ о знаніи и пониманіи того предмета, о которомъ онъ взялся разсуждать. Въ то время, когда главные вопросы нашей грамматики были выяснены замѣчательными трудами Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Грота, Потебни, когда у насъ было два серьезныхъ журнала, посвященныхъ русской филологіи, покойный публицистъ смѣло взялся писать о русскомъ языкѣ, нисколько не считаясь съ научной литературой этого предмета.

Зная языкъ поверхностно, не ознакомясь хорошо съ его теоретическими основами, можно писать о немъ много въ какомъ угодно смыслѣ: порицать или превозносить до небесъ. Поэту Батюшкову казалось, что русскій языкъ „пахнетъ татарщиной“. Но тогда нашъ языкъ былъ мало обработанъ, и мнѣніе Батюшкова высказано имъ въ молодые годы. Нашъ публицистъ находилъ, что съ будущей исторіей русскаго языка „ни одна исторія ни одного языка не смѣетъ равняться“ (63 с.). Это мнѣніе, конечно, очень патріотично, но въ наше время многіе пожелаютъ знать, на чемъ оно основано. Тутъ и скажется слабая сторона подобныхъ сужденій. Въ старое время не всегда дѣлали выводы изъ фактовъ, но часто брали произвольно нѣкоторыя общія положенія и на нихъ воздвигали красивыя легкія теоретическія постройки. Опорой для нихъ служили немногіе факты, которые старательно выставлялись на видъ и пространно комментировались. Факты, не оправдывающіе теоріи, совсѣмъ оставлялись въ сторонѣ, какъ будто бы ихъ и не было. Да и вообще изученіе фактовъ считалось дѣломъ мелочнымъ, недостойнымъ вниманія серьезнаго ума. Тогда хотѣли одной счастливо выдуманной идеей объяснить всѣ явленія языка. Одни строили свои теоріи на положеніи: „языкъ есть живой организмъ“; другіе исходили изъ основанія: „всякій языкъ является наиболѣе совершеннымъ въ первобытныя времена“ и т. п.

На подобныхъ положеніяхъ построены сужденія, которыя высказываются въ данныхъ статейкахъ. Нѣкоторыя же мнѣнія выражаютъ только субъективные взгляды и личные вкусы автора.

Вотъ, напримѣръ, образецъ того, какъ увѣренность въ исключительныхъ высокихъ достоинствахъ своего языка приводитъ къ совершенно ошибочнымъ сужденіямъ о другихъ языкахъ: „Когда говаривали мнѣ“, пишетъ нашъ публицистъ, „объ одиночномъ заключеніи и безвыходномъ ужасѣ его для людей мыслящихъ и образованныхъ, при отсутствіи книгъ для чтенія и для письма, мнѣ приходило не разъ въ голову: „при мыслящемъ умѣ, русскій человѣкъ, даже въ полномъ одиночествѣ не будетъ одинокъ; съ нимъ останется его языкъ“. И въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ англичанина и даже фран-

цуза съ его языкомъ—и русскаго. Французъ и англичанинъ имѣютъ въ своемъ языкѣ матеріалъ для мышленія. Могутъ мыслить о чемъ угодно, но не о самомъ языкѣ,—этомъ разорванномъ приборѣ, гдѣ рѣдкая часть сказываетъ о другой, гдѣ лексическій матеріалъ случаенъ и безсвязенъ, а грамматическій строй за своимъ объясненіемъ принуждаетъ обращаться къ книгамъ, къ чужимъ языкамъ, къ отдаленной исторіи, требуетъ не только внимательности, но и эрудиціи. Русскій же языкъ однимъ сличеніемъ себя съ собою же, и притомъ помимо всякихъ книгъ, однимъ составомъ своей живой рѣчи дастъ пищи для наблюденій и выводовъ на цѣлые десятки лѣтъ" (20 стр.). Итакъ, русскому языку ставится въ достоинство даже то, что онъ недостаточно изслѣдованъ, а въ числѣ пріемовъ его изслѣдованій допускается крайне оригинальный, который производится „помимо всякихъ книгъ". Мы уже замѣчали о патріотическомъ характерѣ филологическихъ взглядовъ автора, но это не тотъ истинный патріотизмъ, который привлекаетъ людей безпристрастныхъ и логически мыслящихъ, а тотъ фальшивый, который не страшится необдуманности и хвастовства и который давно и мѣтко опредѣленъ названіемъ: „квасной патріотизмъ".

Весьма странно смотрѣлъ авторъ и на вопросы нашего правописанія. „Поистинѣ достойно сожалѣнія", говоритъ онъ, „что правописаніе наше утратило *юсы*. Представьте, что юсъ сохраненъ: Читатель тогда безъ затрудненія узнаетъ, и даже не узнаетъ, а просто читаетъ въ польскомъ *жондъ*—*рядъ*, въ *вензелъ*—*узелъ*, безъ затрудненія понимаетъ сербскій творительный падежъ существительныхъ женскаго рода; гимназистъ легче освоивается съ третьимъ лицомъ множественнаго латинскихъ глаголовъ. Цѣлый новый горизонтъ раскрывается и отъ чего?—Отъ какого-нибудь одного, ничтожнаго значка, для рѣчи несущественнаго" (стр. 30). При патріотическихъ взглядахъ это даже и непослѣдовательно: приносить интересы русскаго языка въ жертву интересамъ польскаго, сербскаго, латинскаго.—Вотъ другой, говорящій самъ за себя образчикъ сужденій автора объ орѳографіи: „Вѣроятно, вамъ случалось знавать людей, которые, напримѣръ, изгоняютъ изъ своего правописанія твердый знакъ „ъ", или усвоиваютъ другое подобное новшество? Для меня такая привычка, если я ее вижу, служитъ уже одна свидѣтельствомъ объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ пишущаго: это непремѣнно умъ ограниченный, самонадѣянный, съ мелочными претензіями и неспособный ни къ творчеству, ни къ благороднымъ порывамъ, а серьезная мысль въ немъ и не зачиналась. Это шестилѣтній мальчишка, корчащій большого, взявшій папиросу въ зубы и важно расхаживающій, заложа руки за спину" и т. п. (стр. 31—32). Это покойный публицистъ писалъ въ то время, когда твердый знакъ былъ признанъ излишнею буквою Ломоносовымъ, Востоковымъ, Срезневскимъ, Гротомъ; когда уже не первый годъ издавался безъ *еровъ* „Русскій Филологическій Вѣстникъ", привлекшій въ число своихъ сотрудниковъ самыя лучшія лингвистическія силы.

Много подобныхъ разсужденій находится въ этой маленькой книжкѣ,—въ рецензіи невозможно ихъ выписать всѣ. Нельзя не пожалѣть только, что съ такою неосторожностью вошелъ въ чужую ему сферу знанія человѣкъ образованный, талантливый, умѣющій прекрасно писать—что, впрочемъ, въ данномъ случаѣ ему сослужило плохую службу, потому что завлекло слишкомъ далеко. И странное дѣло! Никто не станетъ писать о вопросахъ техническихъ, о сельскомъ хозяйствѣ, не познакомившись съ ними хорошенько, а какъ дойдетъ дѣло до языка, то публицистъ, овладѣвшій хорошимъ стилемъ, думаетъ, что ему ничего не стоитъ рѣшить какой угодно лингвистическій и филологическій вопросъ. Тутъ будетъ открыта и „совѣсть въ русскомъ языкѣ" (стр. 38, 46 и др.)—явленіе „единственное въ исторіи", и „творящая этимологія" (стр. 50 и дал.)—качество, принадлежащее изъ новѣйшихъ языковъ одному русскому, и другія подобныя вещи. А дѣло очень простое: то, что кажется пишущему открытіемъ или свойствомъ одного русскаго языка, оказывается явленіемъ извѣстнымъ, хорошо обслѣдованнымъ и имѣющимъ въ наукѣ спеціальный терминъ. Такъ, принципъ, по которому народъ передѣлываетъ непонятную ему нѣмецкую фамилію *Левенштейна* въ *Левшова*, а слово *троттуаръ* въ *плитуаръ* (сближая его съ словомъ плита), извѣстный подъ именемъ „народной этимологіи", хорошо выясненъ въ элементарныхъ, вполнѣ доступныхъ лингвистическихъ книгахъ и статьяхъ и указанъ какъ общее свойство разныхъ языковъ. Творчества тутъ нѣтъ, а есть дѣятельность мысли, классификація, распредѣленіе словъ по разрядамъ. Въ сознаніи говорящихъ большая часть словъ связана въ группы по значеніямъ, которыя опредѣляются одинаковыми корнями или основами: писать—письмо—писарь—писатель и подобн. При этомъ въ памяти вмѣстѣ съ однимъ вызываются и другія. Когда въ языкъ входитъ новое слово, то говорящіе естественно стремятся помѣстить его въ одну изъ старыхъ группъ, хотя бы оно и не подходило иногда къ нимъ по значенію. При этомъ слово слегка измѣняется, особенно, если въ немъ есть сочетанія звуковъ, необычныя для даннаго языка. Такъ, *керосинъ* передѣлывается въ *карасинъ*, по сближенію съ большой группой словъ, начинающихся на *кара*:—караулъ, корабль, караванъ карась и др.

Не будь этого увлеченія „философіей языка", не основанной на знаніи языка, авторъ разсматриваемыхъ статеекъ съ его наблюдательностью, живымъ умомъ, непосредственнымъ знаніемъ языка, литературнымъ опытомъ могъ бы сказать много дѣльнаго, если бы ограничивался вопросами болѣе частными и выводами изъ фактовъ, которые ему хорошо извѣстны.

Такъ, напримѣръ, несмотря на устарѣлость своихъ грамматическихъ взглядовъ, онъ очень вѣрно замѣчалъ, что „мы не усвоили даже правописанія твердаго и осмысленнаго" (18 стр.). Особенно дѣльной является мысль покойнаго публициста, которую онъ предлагалъ на обсужденіе Общества Любителей Россійской Словесности при самомъ его возобновленіи въ 1858 году:

снарядить экспедицію для путешествія вокругъ Москвы съ цѣлью изученія московскаго акающаго нарѣчія (стр. 15—16).

В. Чернышевъ.

К. Апинъ. Русская азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія, составленная по натуральному (разговорному) методу для инородцевъ. Съ 297 рисунками. 115 страницъ. Рига. Изданіе Эрнста Платеса. Цѣна безъ переплета 30 коп.

Педагогическая наука давно уже установила принципъ первоначальнаго обученія на родномъ языкѣ обучаемаго, такъ какъ только при этомъ условіи возможно достиженіе наибольшихъ практическихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ какъ со стороны учащихся, токъ и учащихъ. Къ сожалѣнію, практика жизни все еще слишкомъ далека отъ осуществленія этого желательнаго идеала, и элементарное обученіе сплошь и рядомъ приходится вести не на родномъ языкѣ учащихся, а на языкѣ, признанномъ „государственнымъ“ для данной страны въ извѣстный періодъ ея исторической жизни. Хотя отъ такой постановки дѣла несомнѣнно страдаютъ интересы первоначальнаго обученія подростающихъ поколѣній, но разъ дѣло такъ поставлено, съ этимъ явленіемъ приходится считаться, какъ съ неизбѣжнымъ фактомъ, не только у насъ—въ Россіи, но и во всякой другой странѣ со смѣшаннымъ населеніемъ. Счастливое исключеніе въ данномъ отношеніи представляютъ лишь страны съ этнографически-однороднымъ составомъ своего населенія, дающимъ возможность вести элементарное обученіе на родномъ языкѣ, который является въ то же время и языкомъ государственнымъ (напр., во Франціи). При другихъ же условіяхъ, приходится volens-nolens лишь „приспособляться“ къ требованіямъ даннаго историческаго момента, стараясь по возможности сгладить шероховатости, неизбѣжно проистекающія при столкновеніи извѣстной теоріи съ практикой жизни, обусловливаемой тѣми или иными обстоятельствами.

Къ числу такихъ „приспособленій“ надо несомнѣнно отнести и тотъ „натуральный“ методъ, который признается въ настоящее время лучшимъ средствомъ для усвоенія инородцами разговорной русской рѣчи. Долголѣтняя практика въ инородческой школѣ убѣдила г. Анина въ томъ, что по общепринятымъ азбукамъ нельзя вести обученіе инородцевъ русскому языку по натуральному методу вполнѣ успѣшно, такъ какъ въ этихъ азбукахъ съ первыхъ же страницъ встрѣчаются слова и предложенія, выражающія такія понятія, которыя съ трудомъ поддаются объясненію по натуральному методу. Желая по возможности облегчить усвоеніе инородцами живой русской рѣчи, г. Апинъ и составилъ настоящую азбуку, расположивъ вошедшій въ нее матеріалъ „по разговорному методу“,—какъ онъ выражается, т. е. выбравъ матеріаломъ для чтенія предметы, ихъ дѣйствія и качества изъ окружающей ученика жизни. При этомъ, всѣ эти предметы не изображены на рисункахъ,

потому что, разъ эти предметы находятся вокругъ,—гораздо цѣлесообразнѣе показать учащимся самый предметъ, чѣмъ его изображеніе. Въ началѣ азбуки помѣщены, какъ это обыкновенно дѣлается, таблицы съ изображеніями простѣйшихъ предметовъ для рисованія и съ элементами буквъ,—для развитія ловкости въ рукѣ при письмѣ, а въ концѣ азбуки приложены 40 письменныхъ упражненій для занятія учениковъ въ то время, когда учитель бываетъ занятъ съ другими отдѣленіями класса.

Особымъ отдѣломъ ученаго комитета Министерства Нар. Просв. азбука г. Апина допущена къ классному употребленію въ начальныхъ инородческихъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа. Желая развить подробнѣе основанія, принятыя при составленіи азбуки, г. Апинъ приложилъ къ ней особую „объяснительную записку", въ которой преподаватель можетъ найти нѣкоторыя полезныя практическія указанія относительно того, какъ пользоваться азбукой. Какъ видно изъ этой „записки", большую услугу оказали г. Апину, при составленіи азбуки, изданныя директоромъ народныхъ училищъ Лифляндской губерніи г. А. Вильевымъ „Методическія указанія по представленію предметовъ курса волостныхъ и другихъ начальныхъ народныхъ школъ Рижскаго учебнаго округа". Не имѣя въ настоящее время указанной книжки г. Вильева подъ руками, мы затрудняемся точно опредѣлить, насколько велико и существенно вліяніе, оказанное ею на содержаніе азбуки г. Апина. Исходя изъ убѣжденія, что наглядное обученіе—лучшее средство для обученія русскому языку учащихся инородцевъ, которые при поступленіи въ школу не умѣютъ говорить по-русски, составитель азбуки обратилъ особенное вниманіе на содержаніе заключающихся въ ней рисунковъ. Рисунки въ первыхъ 29 статьяхъ изображаютъ только отдѣльные предметы, всѣ же послѣдующіе—и различныя дѣйствія, не выходящія, впрочемъ, изъ круга знакомой дѣтямъ окружающей жизни. Письменныхъ работъ, касающихся правописанія и грамматики, не помѣщено въ азбукѣ, такъ какъ предполагается, что такого рода работы легко найти въ другихъ книжкахъ, имѣющихся во всякой школѣ.

Въ заключеніе своей „объяснительной записки" г. Апинъ выражаетъ надежду, что его азбука принесетъ ту пользу, какой отъ нея ожидаетъ. Но авторская скромность заставляетъ его все-таки признать, что „такъ какъ азбука представляетъ собой трудъ, не провѣренный на практикѣ, то въ ней могутъ оказаться и недостатки, касающіеся какъ подобраннаго матеріала, такъ и внѣшности". Поэтому, г. Апинъ проситъ всѣхъ лицъ, замѣтившихъ въ книжкѣ какіе-либо недостатки, сообщить ему надлежащія указанія по приложенному къ „запискѣ" адресу.

Ив. Пор—нъ.

Иванъ Штефманъ. „Запятая“, синтаксическая сказка (полезно для изучающихъ и изучавшихъ синтаксисъ). Одесса. 1904. Ц. 20 коп.

Неистощима изобрѣтательность дешевенькихъ поставщиковъ грошоваго товара для одесскаго книжнаго рынка. Доказательствомъ служитъ книжечка въ 23 страницы съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что, кажется, не столько меркантильное, сколько болѣе возвышенное побужденіе руководило авторомъ при созданіи своей книжечки. Авторъ довѣрчиво открываетъ передъ читателемъ свою душу и позволяетъ, такъ сказать, подмѣтить въ ней таинственный источникъ, самый зародышъ той идеи, которой суждено было потомъ облечься въ образъ синтаксической сказки. Онъ говоритъ: „Почему такъ глубоко и уютно гнѣздится въ нашей памяти нами прочитанное какое-либо поэтическое произведеніе? Не разъ я задавалъ себѣ подобный вопросъ, держа въ рукахъ синтаксисъ. Но почему этотъ учебникъ, сколько ни зубришь, все равно впослѣдствіи не помнишь ничего?“ И прислушиваясь къ „голосу правды“, авторъ самъ же и рѣшаетъ этотъ вопросъ: „очень просто“—говоритъ—„въ первомъ (т. е. въ поэтическомъ произведеніи) мы встрѣчаемъ и картины, и діалоги, и психологію; это-то насъ и переноситъ, точно на крыльяхъ, въ житейское море, что и приковываетъ наше впечатлѣніе и вниманіе къ прочитанному. Во второмъ же (т. е. въ синтаксисѣ) ужъ не то: тамъ вѣетъ какой-то мертвенностью“ и т. д. При такомъ сопоставленіи жизненности и мертвенности авторъ естественно отдался весь первому элементу, т. е. жизненности, и пожелалъ вдохнуть въ сухую матерію синтаксиса сколь возможно болѣе картинности, драматичности и тонкой психологіи, чтобы, такимъ образомъ, обезпечить своему созданію полный успѣхъ, чтобы, другими словами, и синтаксическая сказка могла глубоко и уютно угнѣздиться въ памяти не только изучающихъ синтаксисъ, т. е. школьниковъ, но также и въ памяти изучавшихъ синтаксисъ, т. е. людей, сравнительно болѣе способныхъ почувствовать прелесть творчества Ивана Штефмана. Съ похвальной откровенностью авторъ заявляетъ, что именно изъ этого побужденія онъ впервые предпринялъ „написать синтаксисъ въ сказкѣ, т. е. въ эпическомъ произведеніи“. Онъ поставилъ себѣ цѣлью—соединить пріятное съ полезнымъ. Надо полагать, что подъ полезнымъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть усвоеніе правилъ постановки запятой, а подъ пріятнымъ—все остальное, что развязная фантазія автора внесла въ изложеніе: дѣйствующія лица, т. е. прочіе знаки препинанія, взаимныя ихъ отношенія, досады, зависти, раздоры, столкновенія и даже схватки рукопашныя, какъ взрывъ страстей, приправленныя то нѣжностями и поцѣлуями, то крайне откровенной, низкопробной руганью („кочерга жалкая“—„наплевать я хотѣла на васъ всѣхъ“—„подлиза“—„шарлатаны, мошенники“—„ахъ ты, Ять коренная“—„ахъ ты, Ижица негодная“ и проч.).

Основному плану автора—развернуть передъ читателемъ, во всемъ объемѣ замысла и во всей прелести исполненія, свое „эпическое произведе-

ніе“—помѣшало одно обстоятельство, котораго самъ авторъ былъ не въ силахъ устранить, а именно: самая задача сочиненія, т. е. изложеніе правилъ постановки запятой. При всей свободѣ творчества, при всемъ богатствѣ воображенія, онъ долженъ былъ слѣдить и дѣйствительно „слѣдилъ за синтаксическими правилами, которыя курсивомъ разсѣялъ по діалогамъ и описаніямъ, дабы оживить и освѣжить ихъ“. Задача дѣйствительно трудная: оживить и освѣжить діалоги курсивными напоминаніями правилъ о постановкѣ запятой! Въ послѣдней части своей сказки авторъ даже, кажется, убѣдился въ невозможности опоэтизировать свой предметъ. По крайней мѣрѣ, пришлось рѣшить дѣло такъ: послѣ цѣлаго ряда то безплодныхъ объясненій правилъ препинанія, то потасовокъ между Двоеточіемъ и Запятою, авторъ придумалъ „другія мѣры принимать“ (стр. 16). Въ общемъ собраніи Судей-Синтаксисовъ, непокорной Запятой, послѣ надлежащаго и строгаго внушенія, просто-на-просто преподаны правила постановки запятой и вмѣнено въ обязанность почаще заглядывать въ синтаксисъ Козьмина, либо Смирновскаго и, наоборотъ, избѣгать Говорова и Кирпичникова. Такимъ образомъ, первоначально задуманный авторомъ планъ вызвать своимъ „эпическимъ произведеніемъ“ восторгъ читателя пришлось оставить и взамѣнъ его довольствоваться сухою прозой повторенія правилъ препинанія.

Сомнительно, чтобы эти quasi-поэтическія потуги Ивана Штефмана могли упрочить синтаксической сказкѣ „глубокое и уютное гнѣздышко“ въ душѣ читателя. А вымысла на установку діалоговъ, потасовокъ, разбирательствъ имъ потрачено не мало. Можетъ статься, именно этимъ излишнимъ напряженіемъ творчества слѣдуетъ объяснить довольно частыя, по всему тексту разсѣянныя, этимологическія и синтаксическія ошибки и, кромѣ того, какіе-то особенно изысканные нелады русской рѣчи, именно такіе нелады, которыми обличается иностранецъ, не усвоившій себѣ сполна духа русской рѣчи. Приводимъ нѣкоторыя мѣста въ подлинникѣ.

1) О хрестоматіи Галахова, лежавшей на окнѣ, авторъ замѣчаетъ: „вѣтерокъ изрѣдка врывался въ открытое окно и игриво перелистывалъ ее, *по строкамъ которой* отъ Двоеточія удирала запятая, бойко *перешагивая* черезъ однородныя слова“.

2) „И за что меня оскорбляютъ“, голосила Запятая.—„*Не задавайся*“, перебило ее Двоеточіе.

3) „Замѣтила Запятая, *вытерая* слезы“. „Запятая совсѣмъ пріуныла. Ей чудилось, что *совѣсть отгрызла языкъ ея*“.

4) Подлежащее говоритъ Судьѣ: „Запятая *ужъ больно заносилась, что изъ рукъ вонъ*“. „Изъ-за нея страдаютъ всѣ, *чуть ли ни я*“!

5) Двоеточіе заставляетъ запятую „перечислить *участвующихъ* въ безпорядкѣ“.

6) „И другимъ знакамъ Судьи дѣлали различныя *натаціи*“.

7) „Запятая иногда и *вспыхала*, но потомъ краснѣла и любезнѣе становилась“.

Впрочемъ—стоитъ ли подчеркивать ошибки? Все это quasi - эпическое произведеніе есть не болѣе какъ сплошная ошибка, или, выражаясь учтивѣе,—безцеремонное недоразумѣніе, хотя авторъ и сказалъ въ предисловіи къ нему: „конечно, сія сказка полезна“.

П. В. Евстафіевъ.

Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. Труды коммиссіи по устройству чтеній для учащихся. I Изд. Педагогическаго общества при Московскомъ университетѣ. М. 1904 г.

Педагогическое общество при Московскомъ университетѣ рѣшительно выдѣляется среди другихъ подобныхъ учрежденій своею широкою, устойчивою, энергичною дѣятельностью. Остальнымъ нашимъ просвѣтительнымъ союзамъ съ видимо совпадающими задачами приходится пока, главнымъ образомъ, еще только мечтать о подъемѣ на желательную высоту, о расширеніи своей вліятельности. „Предлагаемый сборникъ представляетъ серію чтеній, устроенныхъ Педагогическимъ Общ., состоящ. при Импер. Моск. унив., въ 1901—1902 учебномъ году для учащихся“.

Въ вышеназванной книгѣ читатель встрѣчается и съ многочисленными, подчасъ весьма изящно, тщательно отпечатанными иллюстраціями, и съ разнообразными статьями—содержательными, интересными, живо написанными. Въ составъ сборника вошелъ рядъ нижеслѣдующихъ очерковъ:

„М. П. Глинка“ г. А. Грузинскаго, „Растенія скалъ и песковъ“ г. А. Баркова, „Землетрясенія“ проф. А. Павлова, „Рембрандтъ“ г. Н. Романова, „В. А. Жуковскій и его значеніе въ исторіи русской литературы“ г. А. Бѣльскаго, „Иванъ Федоровъ и начало книгопечатанія на Руси“ г. А. Кизеветтера, „Нѣмецкіе гуманисты и обскуранты въ XVI в.“ г. С. Моравскаго и „Горѣніе“ г. А. Реформатскаго. Привѣтствуя починъ москов. коммиссіи (на обложкѣ сборникъ отмѣченъ цифрой I), мы позволимъ себѣ немногія возраженія. Воодушевленно изложенное, богатое матеріаломъ чтеніе г. Романова нѣсколько пестритъ условными обозначеніями, которыя едва-ли внятны—„учащемуся“, не спеціалисту. Г. Бѣльскій слишкомъ безоговорочно выставляетъ Жуковскаго представителемъ. новоромантизма, движенія, какъ извѣстно, весьма многограннаго и разно толкуемаго. У г. Моравскаго намъ показались не достаточо вразумительными для аудиторіи очерчиванія Эразма—путемъ сравненія Гопы у Лемана и у Юрскихъ горъ, и Гуттена тяжкими условіями его жизни. Съ сжатыми обобщеніями должно обращаться особливо осторожно—именно въ чтеніяхъ для учащихся.

А. Налимовъ.

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ I и II. Изданіе Н. Глаголева. СПБ. 1904 г. 284 стр.+280 стр. Цѣна по 1 руб. за томъ.

Всѣ сочиненія г. Тана выйдутъ въ свѣтъ въ 7 томахъ. Теперь пока вышло только два тома. Но на нихъ необходимо остановиться, такъ какъ въ этихъ двухъ томахъ помѣщены наиболѣе интересныя произведенія талантливаго писателя.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ очерки и разсказы. „Изъ хроники города Пропадинска" („На каникулахъ", „Рыбаки", „На красномъ камнѣ", „Елка", „На растительной пищѣ", „Ожилъ", „Возвращеніе") и разсказъ „Пашенькина смерть".

Всѣ эти разсказы и очерки въ свое время были напечатаны въ толстыхъ журналахъ и по достоинству оцѣнены журнальной критикой. „Хроника" города Пропадинска представляетъ особый интересъ. Кромѣ Сѣрошевскаго и Діонео изъ нашихъ беллетристовъ почти никто не описывалъ въ художественной формѣ жизнь интеллигентовъ, невольно заброшенныхъ въ Якутскую область. Г-нъ Танъ очень ярко рисуетъ картины тамошней жизни: суровую и холодную природу полярной страны, нравы, обычаи, вѣрованія, вообще образъ жизни сибирскихъ инородцевъ и положеніе невольнаго интеллигентнаго колониста. Тяжело жить въ этомъ суровомъ краѣ. Въ разсказѣ „Возвращеніе" авторъ такъ описываетъ тотъ далекій край, гдѣ онъ провелъ свою молодость: „Странникъ возвращался на родину. Онъ провелъ свою молодость въ фантастическомъ уединеніи, въ краю, который отрѣзанъ отъ всего земного шара неодолимыми преградами и почти неизмѣримыми разстояніями и который напоминаетъ скорѣе какую-то отдаленную планету, глыбу льда, повисшую въ пространствѣ и соединенную съ землею узами, похожими на узы космическаго тяготѣнія, въ краю, который составляетъ особый міръ, замкнутый въ самомъ себѣ и ничего не знающій объ остальныхъ мірахъ, а жителямъ земли извѣстенъ такъ мало, какъ луна. Надъ этимъ краемъ виситъ вѣчная тьма. Только самые слабые лучи того свѣта и тепла, которымъ живетъ земное человѣчество, проникаютъ туда, смутные прозрачные отблески, похожіе на таинственный ореолъ сіяній, которые иногда мерцаютъ на тѣхъ мрачныхъ небесахъ, но источникъ которыхъ никому неизвѣстенъ"...

Второй томъ „Очерковъ и разсказовъ" носитъ названіе „По бѣлу свѣту". Авторъ описываетъ въ немъ свое кругосвѣтное путешествіе. Въ 1900 году онъ былъ приглашенъ Нью-Іоркскимъ естественно-научнымъ музеемъ принять участіе въ научной экспедиціи для изслѣдованія инородцевъ, живущихъ по берегамъ Берингового моря и пролива. Г-нъ Танъ (Богоразъ) начинаетъ описаніе своего путешествія съ того момента, когда онъ подъѣзжаетъ къ „Новому Свѣту" на кораблѣ. Затѣмъ разсказываетъ о своемъ проѣздѣ въ поѣздѣ отъ Нью-Іорка до С.-Франциска и о дальнѣйшемъ путешествіи къ Беринговому морю и Чукотскому полуострову, къ мысу Чайлина, къ острову Св. Лаврентія и о возвращеніи экспедиціи „домой" по „Манчжурской дорогѣ".

Попутно г. Танъ заѣзжалъ въ Японію, относительно которой авторъ помѣстилъ три очерка подъ заглавіемъ „Въ Японіи“ (I Хакодате; II Нійгата; III „Праздникъ въ Нанау“). Въ этихъ очеркахъ читатель найдетъ весьма интересное описаніе бытовой и общественной жизни японцевъ, данныя о народномъ образованіи въ Японіи и т. д. Г-нъ Танъ въ одномъ изъ очерковъ описываетъ свое посѣщеніе гимназіи. Между прочимъ, сопровождавшій автора при посѣщеніи гимназіи учитель англійскаго языка ознакомилъ его съ изученіемъ японскихъ классиковъ. Послѣдніе изучаются по подлинникамъ и хрестоматіямъ. Г-нъ Танъ попросилъ преподавателя перевести, по его выбору, отрывокъ изъ хрестоматіи. Учитель выбралъ статью о патріотизмѣ, въ которой между прочимъ говорилось слѣдующее: „Почему мы любимъ японское государство? Мы любимъ его, потому что оно свободно. Оно мудро предоставляетъ намъ вѣрить, какъ вѣрится, говорить, какъ думается, собираться вмѣстѣ и управлять собственными дѣлами, поскольку мы умѣемъ и хотимъ. И только когда мы просимъ о помощи, оно является и помогаетъ“... Въ очеркахъ объ Японіи читатель найдетъ много интереснаго, какъ и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ г. Тана.

А. А. Л—нъ.

Феликсъ Данъ.—„Борьба за Римъ“. Историческій романъ. Перев. съ нѣм. Д. И. Котмаръ. Библіотека „Другъ“. Изд. О. Н. Поповой. 340 стр. Цѣна 1 р. 30 к. СПБ. 1904 г.

Изъ всѣхъ историческихъ романовъ Ф. Дана разбираемый нами романъ наиболѣе интересенъ. Романъ читается легко, написанъ просто, хотя не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ другіе историческіе романы, напримѣръ, „Спартакъ“ Джіованіали, „Камо грядеши“ Сенкевича, „На разсвѣтѣ“ Ежа, „Оводъ“ Войнича, „Марселцы“ Ф. Гра, „93-й годъ“ В. Гюго и нѣкоторые другіе. Авторъ рисуетъ передъ читателемъ картину паденія готскаго государства съ начала шестого (526 г.) столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. Романъ можетъ служить извѣстнымъ легкимъ беллетристическимъ пособіемъ для нашего юношества при изученіи исторіи. Какъ историкъ и юристъ, Ф. Данъ описываетъ событія вполнѣ согласно съ данными исторической науки.

На родинѣ автора, въ Германіи, разсматриваемый романъ пользовался большой популярностью: въ какія-либо 10 лѣтъ онъ вышелъ въ 21 изданіи. Лѣтъ 20 тому назадъ онъ былъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ въ 4-хъ томахъ за 5 руб.

А. А. Л.

Ауэрбахъ. „Босоножка“.

Хоть эта вещь и пользуется большой извѣстностью, но собственно неизвѣстно, для какого круга читателей написана эта книга, а еще болѣе

для чего она переведена: для дѣтей она неподходящая по содержанію, для взрослыхъ невѣроятно скучна, для взрослыхъ изъ народа непонятна, такъ какъ описываемая въ ней жизнь нѣмецкихъ крестьянъ имъ слишкомъ чужда. Въ смыслѣ художественности она ни по отдѣлкѣ, ни по содержанію почти не заслуживаетъ вниманія. Содержаніе ея—передѣлка, и при томъ неудачная, идеи замарашки, превращающейся въ принцессу: послѣ бѣдныхъ, но исправныхъ крестьянъ, умершихъ въ два дня отъ заразной болѣзни, осталось двое сиротъ: дѣвочка Амрей, прозванная босоножкой, и мальчикъ Дами. Дами довольно глупый мальчикъ, не умѣющій сообразоваться ни съ какимъ положеніемъ своей жизни. Дѣвочка, которую мать учила быть всегда исправной, правдивой, терпѣливой и пр., а также обучила массѣ всевозможныхъ работъ и по хозяйству и по рукодѣлью, такъ что читателю остается только удивляться, когда она это успѣла сдѣлать, такъ какъ дѣвочка осталась послѣ ея смерти семи лѣтъ, эта самая добродѣтельная дѣвочка, обладая яснымъ и острымъ умомъ и умѣньемъ сочинять загадки, отлично устраивается въ жизни и изъ гусятницы (дѣятельность, по словамъ автора, кладущая позорное пятно) дѣлается женою самаго богатаго и завиднаго жениха во всемъ округѣ.—Описаніе пути отъ гусятницы до жены богача и составляетъ главное содержаніе книги. Она наполнена необыкновенно скучными и тягучими описаніями природы, такими же разговорами, тяжеловѣсными остротами и высокими идеями, отъ которыхъ русской душѣ становится прямо нехорошо. Напримѣръ, одна изъ героинь говоритъ огорченной Амрей, которая, сверхъ обыкновенія, бранится: „Ты хорошо дѣлаешь, что бранишься. Когда человѣкъ видитъ какое-нибудь безобразіе, онъ невольно отплевывается и отворачивается; если же онъ постоянно видитъ, слышитъ, испытываетъ только дурное, ему необходимо браниться: душа тоже должна отплевываться, иначе она сама сдѣлается дурной“ (стр. 89).

Или мать героя даетъ ему наставленіе, по какимъ признакамъ онъ долженъ выбрать жену, чтобы она навѣрное оказалась хорошей: „смотри, чтобы дѣвушка тебѣ понравилась, такъ какъ безъ любви не видѣть радости; обращай вниманіе, какъ она относится къ прислугѣ; постарайся увидать ее въ гнѣвѣ и слезахъ; посмотри, какъ носитъ она свѣчку; примѣчай, какъ разговариваетъ во время работы, болтлива-ли, какимъ голосомъ поетъ, какъ относится къ родителямъ, сохраняетъ ли школьныя тетрадки, развязываетъ или разрѣзаетъ узелки на веревкѣ, что стоптано у ея сапогъ—пятки или бока, какъ смѣется, хороши ли у нея цвѣты, помогаетъ ли бѣднымъ“, и пр., и пр., такъ на семи страницахъ.

И странно, что подобную книгу издала О. Н. Попова, которая вообще очень внимательно относится къ издаваемымъ ею вещамъ. Съ внѣшней стороны издана книжка вполнѣ удовлетворительно.

Н. М.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

В. Вакаціонные курсы для народныхъ учителей въ Гейдельбергѣ.— Лѣтніе международные курсы въ Греноблѣ.—Лѣтніе курсы на водахъ въ Галиціи.

Съ приближеніемъ каникулъ въ различныхъ университетскихъ городахъ государствъ Европы и Америки возникаютъ такъ называемые „лѣтніе" или „вакаціонные" курсы. Курсы эти организуются или университетами, или учительскими обществами и союзами, иногда международными обществами и отдѣльными лицами, жертвующими для этой цѣли крупными капиталами. Нѣкоторые изъ этихъ курсовъ носятъ вполнѣ международный характеръ, на другихъ преобладаетъ національный элементъ. Въ большинствѣ случаевъ главную часть аудиторіи составляютъ учителя и учительницы, желающіе въ вакаціонное время пополнить свои знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ найти поддержку и обновленіе силъ въ обществѣ своихъ соработниковъ по профессіи, съѣзжающихся изъ разныхъ уголковъ родной страны и изъ чужихъ странъ въ университетскіе города, радушно принимающіе ихъ на нѣсколько недѣль.

Во Франціи, Германіи и Англіи число вакаціонныхъ курсовъ доходитъ до 27. Почти всѣ они устраиваются въ университетскихъ городахъ; только четыре изъ нихъ организованы самими университетами, — комитетами, состоящими большею частью изъ профессоровъ, остальные—французскимъ союзомъ, союзомъ учителей Великобританіи, Германіи и другими обществами, но всѣ при большемъ или меньшемъ участіи университетовъ.

Въ Volksschule за 1905 г. въ четвертомъ номерѣ помѣщена интересная статья нѣмецкаго народнаго учителя г. Кирхера о вакаціонныхъ курсахъ въ Гейдельбергѣ въ 1904 г. Курсы эти организованы двумя баденскими учительскими корпораціями—баденскимъ союзомъ учителей и союзомъ учительницъ. Въ статьѣ говорится, что учрежденіе этихъ курсовъ встрѣтило препятствія и даже несочувствіе нѣкоторыхъ профессоровъ (какія препятствія и почему несочувствіе—не выяснено), но энергичнымъ иниціаторамъ удалось побѣдить всѣ препятствія и прочно поставить дѣло.

Курсы были очень непродолжительны, всего 2 недѣли съ 31 іюля по 14 августа. На курсахъ читались восемью профессорами слѣдующія лекціи: 1) психологія дѣтей школьнаго возраста—8 лекцій, 2) анатомія и физіологія растеній—8 лекцій, 3) извлеченіе изъ политической экономіи—6 лекцій,

4) школьная гигіена - 4 лекціи, 5) исторія Гейдельбергскаго замка—4 лекціи, 6) нѣмецкая драма въ 19-мъ столѣтіи—6 лекцій, 7) нѣмецкій синтаксисъ съ точки зрѣнія современнаго языковѣдѣнія—6 лекцій и 8) главнѣйшія направленія и проблемы современной психологіи въ ея отношеніи къ философскому міровоззрѣнію - 6 лекцій. Какъ видно изъ перечисленнаго, лекціи касались разнообразныхъ и интересныхъ темъ. Работать участникамъ курсовъ приходилось очень много— по 5 лекцій ежедневно, кромѣ конференцій, экскурсій и т. п.

Каждый записавшійся на курсы получалъ билетъ, стоившій 23 марки и дававшій право не только на слушаніе лекцій, но и на посѣщеніе ратуши, городскихъ собраній, городской читальни и концертовъ въ замкѣ и городскомъ саду. Несмотря на такой очень скромный размѣръ платы, расходы на организацію курсовъ окупились, хотя гонораръ за чтеніе лекцій доходилъ до 2.000 марокъ; конечно, кромѣ того были и иные расходы (Въ статьѣ говорится, впрочемъ, только о гонорарѣ гг. доцентамъ, изъ чего можно заключить, что профессора читали безплатно).

Авторъ приводимой нами статьи въ полномъ восторгѣ отъ этихъ курсовъ. Не только значеніе почерпнутыхъ на нихъ свѣдѣній, не только серьезность, хотя и кратковременныхъ занятій считаетъ онъ важнымъ для участниковъ курсовъ, но и самое общеніе этихъ съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ дѣятелей по народному образованію. Онъ горячо протестуетъ противъ скептиковъ, съ насмѣшкой говорящихъ: „Что могутъ дать двухнедѣльные курсы при университетѣ? Вѣдь настоящее ученье тутъ собственно и не начиналось!" Онъ указываетъ, что не въ количествѣ пріобрѣтенныхъ знаній тутъ дѣло, а въ той тѣсной связи, которая образуется между народными учителями и источникомъ умственной жизни народа. Это общеніе расширяетъ кругозоръ учителя, указываетъ ему, что при современныхъ требованіяхъ отъ „учителя народа" этотъ послѣдній не можетъ ограничиться преподанными ему въ семинаріяхъ „рецептами", привитыми ему навыками, а долженъ стремиться къ пріобрѣтенію серьезныхъ, глубокихъ знаній, къ осмысленной общественной дѣятельности. „И если народный учитель всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами стремится, ради собственнаго и общественнаго интереса къ усовершенствованію своего характера, своихъ познаній и своей нравственной силы, если онъ такимъ образомъ становится твердой сильной личностью, сознающей свою отвѣтственность, не должно осуждать его, если онъ надѣется вмѣстѣ съ тѣмъ и на улучшеніе своего соціальнаго положенія".

Число такихъ учителей, понимающихъ великое значеніе своей дѣятельности и все возростающихъ потребностей учительскаго сословія, еще очень невелико, но, по словамъ г. Кирхера, можно быть твердо увѣреннымъ, что „это движеніе среди корпораціи германскихъ народныхъ учителей съ 145.000 учащихъ съ 85.000 народныхъ школъ поднимется еще болѣе сильной волной, и тѣ стѣны, въ которыхъ еще до сихъ поръ не пробита брешь, будутъ безжалостно разрушены потокомъ времени".

Изъ общенія народныхъ учителей съ университетскими профессорами, многіе изъ нихъ вынесли убѣжденіе, что желательной подготовкой для всѣхъ народныхъ учителей должно служить университетское образованіе. Конечно, такое пожеланіе ставится только какъ идеалъ, но и въ настоящее время „желательно и возможно" достигнуть того, чтобы особенно даровитые, стремящіеся къ пополненію своего образованія, народные учителя могли по окон-

чаніи семинаріи посѣщать университеты. Въ Саксоніи уже давно введено изученіе педагогики на университетскихъ курсахъ.

Увлеченный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ на курсахъ, авторъ въ заключеніе говоритъ: „короткое время пребыванія въ Гейдельбергскомъ университетѣ было высшей точкой въ моей жизни: оно дало мнѣ толчекъ, поученіе и наслажденіе, сдѣлало мнѣ мое призваніе по новому дорогимъ и почетнымъ“.

Насколько широки надежды и идеалы нѣмецкихъ учителей, видно изъ приводимыхъ авторомъ словъ профессора Киндерманна, съ которыми онъ обратился къ своимъ слушателямъ, скромнымъ народнымъ учителямъ: „Высокая цѣль лежитъ передъ нами—углубленіе образованія народнаго учителя, какъ слѣдствіе повышенія его матеріальнаго положенія и его авторитета. Дальше—еще высшая цѣль: объединеніе всѣхъ учителей всѣхъ школъ въ одну могущественную общую организацію съ цѣлью энергическаго проведенія научныхъ принциповъ во всѣ классы населенія“.

Отъ этихъ курсовъ, гдѣ собирались педагоги одной національности, перейдемъ къ международному курсу въ Греноблѣ. Въ декабрьской книжкѣ Revue internationale de l'enseignement supérieur за 1904 г. помѣщено сообщеніе Эдинбургскаго профессора Кирпатрика о вакаціонныхъ курсахъ въ Греноблѣ за прошлый годъ. Въ Греноблѣ, въ противоположность Гейдельбергу, вакаціонные курсы очень продолжительны. Они начались съ 1-го іюля и окончились въ концѣ октября. Курсы эти главнымъ образомъ разсчитаны на иностранцевъ. Въ прошломъ году въ Гренобльскомъ университетѣ въ числѣ постоянныхъ слушателей было 250 иностранцевъ; а вмѣстѣ съ слушателями на вакаціонныхъ курсахъ около 450 человѣкъ. Число профессоровъ превышало 20.

Курсы въ Греноблѣ посвящены преимущественно изученію языковъ. Они раздѣляются на 2 параллельныхъ серіи: 1) Теоретическій и практическій курсъ французскаго языка и 2) конференціи. Теоретическіе курсы обнимаютъ собой фонетику, синтаксисъ, исторію современнаго языка и т. п. Эти лекціи читаются передъ соединенной аудиторіей всѣхъ слушателей.

Что же касается практическихъ занятій, всѣ курсисты раздѣляются на секціи по національностямъ и степени подготовки. Эти упражненія заключаются въ переводѣ съ французскаго языка, писаніи сочиненій, грамматическихъ упражненіяхъ, чтеніи, собесѣдованіяхъ. Бесѣды касаются вопросовъ современной литературы, исторіи, науки и т. п. На курсахъ прошлаго года было около 66 лекцій и уроковъ теоретическихъ; между тѣми и другими нѣтъ особенно рѣзкой разницы—только уроки посвящаются грамматикѣ, фонетикѣ и т. п., а лекціи—литературѣ, исторіи, географіи; онѣ сопровождаются иногда туманными картинами. Кромѣ этихъ лекцій, уроковъ и бесѣдъ со всѣми учащимися, каждый день бывало не менѣе 2-хъ часовъ практическихъ занятій съ отдѣльными группами учащихся разныхъ національностей.

Число слушателей на Гренобльскихъ курсахъ лѣтомъ 1904 г. доходило до 200, причемъ половину всего числа составляли нѣмцы, около 20 англичанъ и американцевъ, 10 шотландцевъ, а остальные—итальянцы, русскіе, шведы и др. Шотландскому профессору кажется удивительнымъ, что двѣ трети учащихся были мужчины, тогда какъ въ Англіи и Шотландіи курсы живыхъ языковъ обыкновенно въ громадномъ большинствѣ посѣщаются женщинами. Профессоръ усиленно указываетъ своимъ соотечественникамъ на это

обстоятельство, объясняя его тѣмъ, что молодые люди другихъ странъ больше, чѣмъ англичане понимаютъ громадное значеніе знанія иностранныхъ языковъ. Онъ очень сѣтуетъ на индифферентизмъ англичанъ въ этомъ отношеніи и указываетъ, что ему часто приходилось наблюдать, какъ, благодаря этому незнанію языковъ, на международныхъ конгрессахъ англичане при общихъ преніяхъ принуждены молчать и предоставить представителямъ другихъ національностей брать верхъ надъ ними.

Лекціи были очень разнообразны, даже слишкомъ разнообразны. По выраженію автора приводимой нами статьи, „это былъ превосходный банкетъ, разнообразное „menu“ котораго обнимало 25 различныхъ блюдъ“. Курсы читались 12 профессорами университета и десятью другими лекторами, въ число которыхъ входили представители науки и литературы и профессора лицеевъ. Кромѣ того, нѣсколько профессоровъ и 10 учителей и учительницъ вели ежедневныя практическія занятія.

Самый длинный, самый полный и наиболѣе посѣщаемый былъ курсъ извѣстнаго ученаго филолога Поля Пасси „О французской фонетикѣ“. Кромѣ такихъ курсовъ спеціальнаго характера, читались и отдѣльныя лекціи: „О французскомъ и итальянскомъ искусствѣ“—2 лекціи съ туманными картинами, „О греческой скульптурѣ“—2 лекціи, „О способахъ преподаванія“—4 лекціи, „О французскихъ классикахъ“—2, „О Беранже“,—2, „Объ антропологіи“—три, „О соціалистическомъ движеніи“—двѣ,—„Объ Альфредѣ Мюссе“—двѣ, „О горахъ Шартрезъ“ — двѣ. По одной лекціи — о романахъ Флобера, объ Ожье, о Петраркѣ, о ледникахъ Дофинэ и даже „О лунѣ“.

Какъ видно, меню, дѣйствительно, слишкомъ разнообразно и врядъ ли достаточно „солидно“, въ чемъ, впрочемъ, сомнѣвается и самъ авторъ статьи.

Въ концѣ своего сообщенія профессоръ Кирпатрикъ говоритъ о предполагаемомъ открытіи курсовъ въ Эдинбургѣ въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. На этихъ курсахъ предполагается по 2 лекціи ежедневно—2 на французскомъ, 2 на нѣмецкомъ и 2 на англійскомъ языкѣ. Лекціи эти будутъ посвящены грамматикѣ, фонетикѣ и литературѣ; кромѣ того, предполагается по одному часу практическихъ занятій ежедневно.

Такимъ образомъ, въ теченіе мѣсяца будетъ дано 44 урока по теоріи и 15 уроковъ практическихъ по каждому языку, причемъ курсы будутъ раздѣлены на 2 части такъ, чтобы слушатель могъ записаться или на первую серію, или на вторую (каждая по 2 недѣли) или на обѣ. По средамъ, какъ и въ Греноблѣ, всѣ курсисты будутъ приглашаться на вечеринки съ пѣніемъ и музыкой, а по субботамъ будутъ устраиваться экскурсіи по окрестностямъ, полнымъ историческихъ воспоминаній.

Насколько распространено это стремленіе использовать лѣтній отдыхъ для пополненія своихъ знаній, видно изъ того успѣха, которымъ пользовались вакаціонные курсы даже на водахъ, куда обыкновенно съѣзжаются исключительно для лѣченія и развлеченія. Первый опытъ такихъ курсовъ былъ сдѣланъ въ Галиціи. Это единственная изъ бывшихъ провинцій Польши, въ которой высшее образованіе ведется на польскомъ языкѣ; кромѣ того, это единственная польская мѣстность, въ которой находятся минеральные источники. Тамъ много разныхъ „villes d'eau“, которыя посѣщаются преимущественно поляками изъ Россіи. Въ прошломъ году въ одномъ изъ этихъ городковъ, Цакопанѣ, образовалось „Общество высшаго образованія во время вакацій“. Это общество организовало лѣтомъ рядъ лекцій на польскомъ

языкѣ, которыя читались въ бальномъ залѣ отеля; въ числѣ лекторовъ было нѣсколько первоклассныхъ ученыхъ.

Успѣхъ этого нововведенія былъ значительный; платы съ добровольныхъ слушателей было собрано 25.000 кронъ. Наибольшій процентъ слушателей былъ изъ Россіи—70%, и только 13 процентовъ принадлежало къ мѣстнымъ уроженцамъ. Авторъ замѣтки, помѣщенной въ Revue internationale подъ слишкомъ громкимъ названіемъ „Лѣтній университетъ въ Галиціи" предлагаетъ французамъ воспользоваться этой идеей и организовать въ лѣчебныхъ мѣстечкахъ Франціи, особенно посѣщаемыхъ иностранцами, лѣтніе курсы.

Интересно знать, измѣнится ли тогда характеръ этихъ мѣстъ отдыха и развлеченія, или характеръ курсовъ приспособится къ потребностямъ людей больныхъ или праздныхъ. ищущихъ новыхъ, легкихъ впечатлѣній. Врядъ-ли можно ожидать чего-нибудь серьезнаго и дѣльнаго отъ этихъ „университетовъ на водахъ".

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Изъ жизни народнаго учителя: можно-ли устраивать учителямъ вечера по случаю семейныхъ праздниковъ?—Какъ легко погубить учителя при помощи доноса.—„Раскрѣпощеніе" учителя.—Современныя событія—война съ Японіей, внутреннія дѣла и положеніе народнаго учителя.—Походъ на учителя и бѣгство его изъ школъ подъ вліяніемъ этого похода.—Проснувшееся самосознаніе народныхъ учителей, выразившееся въ постановленіяхъ учительскихъ обществъ и другихъ собраній.—Проекты министерства народнаго просвѣщенія.

Можетъ ли учитель народной школы позвать къ себѣ въ гости нѣсколько человѣкъ по случаю своихъ именинъ или крещенія ребенка? Странный и нелѣпый вопросъ, не правда-ли? А между тѣмъ дѣйствительность даетъ на этотъ вопросъ еще болѣе нелѣпый отвѣтъ: нѣтъ, учитель сдѣлать того, что могутъ дѣлать всѣ въ мірѣ, не можетъ, не смѣетъ. Вотъ фактъ, сообщаемый „Сѣвернымъ Краемъ". Въ селѣ Богородскомъ, Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, учительницы земской школы устроили семейную вечеринку. Пригласили своихъ подругъ учительницъ и учителей окрестныхъ земскихъ и церковныхъ школъ: были на вечеринкѣ мѣстные и сосѣдніе батюшки съ матушками. Вечеринка была очень скромная и тихая: молодежь потанцовала, попѣла и разъѣхалась очень скоро. Вскорѣ послѣ этого уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, объѣзжая церковныя школы, тѣмъ изъ учительницъ и учителей, которые были въ гостяхъ у земскихъ учительницъ, дѣлалъ строгій выговоръ съ предупрежденіемъ, „чтобы впредь безъ его разрѣшенія учителя и учительницы не смѣли бывать въ гостяхъ другъ у друга".

Разсказанный фактъ настолько нелѣпъ, что мимо него смѣло можно было-бы пройдти, если бы онъ являлся чѣмъ-то исключительнымъ, если бы наблюдатель, требующій, чтобы учителя и учительницы просили у него разрѣшенія на посѣщеніе другъ друга, просто страдалъ особымъ умопомѣшательствомъ, своего рода mania grandiosa, хотя и въ курьезной формѣ. Но вѣдь этотъ глупый, нелѣпый фактъ—только одно изъ обычнѣйшихъ проявленій того чудовищно-безправнаго положенія нашего народнаго учителя, которое получило полное право гражданства въ нашей жизни. Учитель у насъ доведенъ дѣй-

ствительно до такого положенія, при которомъ онъ не смѣетъ пригласить товарища къ себѣ въ гости, чтобы изъ-за этого, казалось бы, столь естественнаго факта, что о немъ смѣшно и говорить, не вышло какой-нибудь гаденькой и тяжелой для учителя исторіи. И если даже только изъ-за того, что учитель пригласитъ къ себѣ въ гости другихъ учителей, а также, какъ почтительный подчиненный, и своего начальника (если не de jure, то de facto), приходскаго батюшку, ему угрожаютъ непріятности, то что же удивительнаго въ томъ, что въ случаѣ неприглашенія батюшки онъ рискуетъ остаться и совсѣмъ безъ мѣста. Вотъ какъ легко народный учитель можетъ потерять мѣсто рѣшительно безъ всякой вины съ своей стороны:

„На дняхъ священникъ о. Алексѣй Титовъ написалъ предсѣдателю новооскольскаго училищнаго совѣта кн. Н. Ф. Касаткину доносъ на земскаго учителя Д. Я. Бондарева. Кн. Касаткинъ тотчасъ написалъ учителю Бондареву на бланкѣ новооскольскаго училищнаго совѣта слѣдующую бумагу отъ 4 марта 1905 года за № 14: „На основаніи ст. 24 Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 года Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, предлагаю вамъ немедленно сдать о. законоучителю училищное имущество и квартиру учителя освободить“. Подписалъ предсѣдатель совѣта, двора Его Величества камергеръ кн. Касаткинъ-Ростовскій. Бумага была отправлена съ нарочнымъ учителю. А 7-го марта въ Тростенецъ является инспекторъ народныхъ училищъ г. Данковскій и производитъ дознаніе. Онъ спрашиваетъ крестьянъ, не разсказывалъ ли учитель крестьянамъ, что въ Западныхъ государствахъ правительство лучше, чѣмъ у насъ въ Россіи, не утверждалъ ли учитель, что нѣтъ Бога, не возбуждалъ ли онъ тростенецкихъ бабъ къ бунту, выразившемуся въ томъ, что вдовы запасныхъ, отправленныхъ на войну, собравшись вмѣстѣ, отправились къ сосѣдней помѣщицѣ Н. С. Шафрановой просить у нея лѣса на топливо. Помѣщица лѣса не дала, крестьянки поплакали, потужили о своихъ горемычныхъ мужьяхъ и мирно разошлись по своимъ домамъ. Дознаніе выяснило, что доносъ ложенъ.“

„8-го марта въ г. Новомъ-Осколѣ происходило засѣданіе училищнаго совѣта. Началось оно чтеніемъ доноса священника и комментаріями къ нему предсѣдателя, въ которыхъ было заявлено, что теперь время опасное, за учителями надо слѣдить всѣми возможными способами, при малѣйшемъ подозрѣніи увольнять ихъ и „сдавать въ солдаты“, т. е. призывать на военную службу. Хотя инспекторъ на основаніи своего дознанія настаивалъ на невинности учителя, училищный совѣтъ, признавъ доносъ священника „чистосердечнымъ“, уволилъ г. Бондарева. На 16 марта кн. Касаткинымъ уже приказано экстренно созвать повѣстками воинское присутствіе на предметъ призыва бывшаго учителя Бондарева къ отбытію военной службы“ („Сынъ Отечества“ отъ 19 марта).

Одинъ изъ наблюдателей нашей жизни, г. Ладыженскій („Русскія Вѣдомости“, № отъ 30 марта), называетъ правовое положеніе нашего народнаго учителя „безпримѣрнымъ“. И дѣйствительно, трудно представить себѣ еще что-либо болѣе ужасное, нежели это положеніе учителя, такъ наглядно обрисовывающееся изъ только что разсказанной исторіи. Пишется на учителя доносъ. Этого оказывается достаточнымъ для того, чтобы къ нему поступила бумага о томъ, чтобы онъ сдалъ училищное имущество и убирался на всѣ четыре стороны. И дѣлается это даже раньше, чѣмъ провѣренъ доносъ, даже раньше, чѣмъ состоялось постановленіе училищнаго совѣта объ увольненіи учителя. Затѣмъ уже послѣ того, какъ учитель изгнанъ изъ училища,

производится дознаніе. Дознаніе опровергаетъ доносъ, и тѣмъ не менѣе учитель увольняется не потому, чтобы онъ былъ въ чемъ бы то ни было виновенъ, а только потому, что предсѣдатель училищнаго совѣта держится того мнѣнія, что учителей нужно „сдавать въ солдаты" (что это,—бредъ больного человѣка?). И затѣмъ учитель дѣйствительно сдается въ солдаты съ поспѣшностью, какъ, если бы отъ такой сдачи въ солдаты учителя Бондарева зависѣли судьбы отечества. Ну, развѣ дѣйствительно это не „безпримѣрное" положеніе вещей,—безпримѣрное, конечно, для всего цивилизованнаго міра? А для насъ это—лишь обычное, нормальное положеніе, къ которому мы настолько уже привыкли, что даже и не возмущаемся имъ.

Г. Ладыженскій говоритъ о необходимости „раскрѣпощенія" народнаго учителя. И дѣйствительно, положеніе нашего народнаго учителя въ настоящее время—это положеніе крѣпостного человѣка. Сходство доходитъ до того, что, какъ нѣкогда помѣщикъ, хотя бы тотъ же кн. Касаткинъ или его отецъ, могъ „сдавать въ солдаты" своихъ крѣпостныхъ, такъ и теперь все тотъ же кн. Касаткинъ „сдаетъ въ солдаты" учителей. Разница только та, что для того, чтобы попасть въ солдаты, крѣпостному нужно было все-таки лично не угодить чѣмъ-либо помѣщику, а учителей кн. Касаткинъ сдаетъ въ солдаты просто „по принципу", потому что „время опасное". Къ сожалѣнію, не только не предвидится наступленія этого „раскрѣпощенія" нашего народнаго учителя, а положеніе его становится съ каждымъ днемъ все тяжелѣе, все невыносимѣе. Современныя событія, какъ война съ Японіей или освободительное движеніе нашего общества, совершенно неожиданно отразились на положеніи учителя самымъ печальнымъ образомъ. Оказалось, что и за наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ и за стремленіе общества къ улучшенію формъ жизни, долженъ прежде всего отвѣчать никто иной, какъ именно народный учитель. На эту тему каждый номеръ каждой газеты сообщаетъ поразительные факты. Дѣло доходитъ до того, что въ настоящее время есть уже мѣстности, гдѣ учителя вынуждены ради спасенія своей жизни бросать школы, и дѣлу народнаго просвѣщенія грозитъ самая страшная опасность. Вотъ какіе поразительные факты изложены въ представленіи саратовской губернской земской управы мѣстному губернатору, а затѣмъ доложены саратовскому губернскому земскому собранію:

„За послѣдній мѣсяцъ до свѣдѣнія губернской управы начали изъ разныхъ мѣстъ доходить слухи объ усиленной агитаціи со стороны неизвѣстныхъ лицъ противъ интеллигенціи вообще, въ частности же противъ земскихъ работниковъ на мѣстахъ, какъ враговъ Царя и отечества, стремящихся съ помощью враговъ Россіи—Японіи и Англіи подорвать основы существующаго государственнаго строя.—Эти слухи (несмотря на опроверженіе министра иностранныхъ дѣлъ графа Ламздорфа о нелѣпости ихъ) вполнѣ подтвердились дѣйствительными фактами, причемъ оказалось, что агитація ведется въ формѣ проповѣди людьми, не только облеченными довѣріемъ государственной власти, но и авторитетомъ власти духовной. Проповѣдь съ церковной каѳедры, начиная съ саратовскаго каѳедральнаго собора и другихъ здѣшнихъ церквей, и распространеніе среди населенія губерніи братскихъ листковъ все о тѣхъ же 18 милліонахъ съ призывомъ народа на борьбу съ врагами Царя и отечества—имѣли и имѣютъ мѣсто не только въ Саратовѣ, но и въ глухихъ мѣстахъ губерніи среди темнаго и невѣжественнаго населенія. Послѣднее, безъ всякой критики принимая за истину эту клевету, способно быстро подчиняться дурнымъ разрушительнымъ инстинктамъ,

особенно, когда ея дѣйствія напередъ одобрены проповѣдниками божественнаго слова, и когда она не только не встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны мѣстной администраціи, но даже, повидимому, поощряется ею. Невѣжественная темная часть населенія подъ вліяніемъ проповѣди и, можетъ быть, иногда движимая дѣйствительно искреннимъ желаніемъ охраны государственнаго строя, естественно ищетъ враговъ отечества въ тѣхъ представителяхъ населенія, которые не принадлежатъ ни къ оффиціальнымъ сферамъ, ни къ мѣстному крестьянскому населенію,— ищетъ ихъ въ мѣстной интеллигенціи, главнымъ образомъ, въ средѣ мѣстныхъ земскихъ работниковъ—учителей, ветеринаровъ, врачей и проч. Исканію враговъ въ этой средѣ, очевидно, содѣйствуетъ, какъ это видно изъ приводимаго ниже, и мѣстное духовенство, которое стремится подорвать довѣріе населенія къ школѣ, къ сообщаемымъ этою школою знаніямъ, внушая, что эти знанія противорѣчатъ священному писанію, что она—проповѣдь антихриста.

„Ближайшимъ результатомъ этой проповѣди-агитаціи естественно явилось стремленіе темной массы уничтожить этого врага Царя и отечества—„интеллигента“, „студента“, „антихриста“ и проч. Отъ мирныхъ формъ уничтоженія—составленія приговоровъ о закрытіи школъ, населеніе мѣстами перешло уже къ мѣрамъ насильственнымъ—разгрому школъ, угрозамъ убить учителей, врачей и проч. Уже нѣсколько изъ земскихъ работниковъ сочли свое пребываніе на мѣстахъ необезпеченнымъ и нашли себя вынужденными покинуть исполненіе своихъ обязанностей. Губернская управа не только не находитъ возможнымъ препятствовать этому, но наоборотъ, убѣдилась въ необходимости этого и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама отзываетъ служащихъ. Гдѣ темная масса за отсутствіемъ земскихъ служащихъ въ ближайшемъ будущемъ будетъ искать враговъ,—въ „господахъ“ ли, въ торговцахъ ли, губернская управа не знаетъ, но, по ея мнѣнію, просыпающіеся разрушительные инстинкты грозятъ чѣмъ-то страшнымъ, массовымъ, а не эпизодическимъ только.

„Въ распоряженіи губернской управы имѣются нижеслѣдующія данныя, подтверждающія высказанное. По сообщенію учителя повторительныхъ курсовъ Камышинскаго уѣзда И. Р. Николаева, его вниманіе обратило на себя рѣзкое сокращеніе количества учениковъ въ с. Рыбинкѣ. По произведенному опросу слушателей о причинахъ этого явленія, нѣкоторые изъ нихъ заявили, что посѣщать школу мѣшаетъ полиція: указывали на полицейскаго десятника Мызникова, который предупреждалъ крестьянъ, что ихъ будутъ выгонять изъ школы палками. Указанный полицейскій даже явился въ школу и уговаривалъ крестьянъ разойтись. Въ заключеніе учитель Николаевъ, характеризуя вообще движеніе противъ школы, отказывается продолжать занятія въ этомъ селѣ.

„Такое-же сокращеніе учениковъ наблюдалось въ сс. Туркѣ и Аркадакѣ, Балашевскаго уѣзда. Причина сокращенія, по сообщенію учителя И. Веденяпина,—усиленная агитація противъ школы со стороны мѣстнаго духовенства. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ противъ школы первоначально говорил съ церковной каѳедры, а затѣмъ призывалъ крестьянъ на домъ и внушал имъ, что въ школѣ учатъ вредному и развращаютъ дѣтей. Эта агитація, которую поддерживала и мѣстная полиція, была причиной того, что количеств слушателей сократилось, родители стали запрещать дѣтямъ посѣщать школу непослушныхъ наказывали. Кромѣ того, сталъ усиленно циркулировать слухъ что учителя хотятъ убить. Въ виду этого учитель Веденяпинъ счелъ свое пребываніе на мѣстѣ не безопаснымъ и пріостановилъ занятія. Точно также прекра

щены занятія въ с. Синодскомъ, Петровскаго уѣзда. По произведенному губернской управой разслѣдованію, противъ школы агитировалъ мѣстный священникъ церкви Михаила Архангела о. Василій. Онъ говорилъ посѣтителямъ школы о 18 милліонахъ и устанавливалъ связь съ этими милліонами повторительныхъ курсовъ. Онъ уговаривалъ сельскаго писаря с. Синодскаго, Д. А. Карасева, повліять на населеніе въ смыслѣ составленія приговора о закрытіи школы, такъ какъ опасается чего-нибудь такого, что было въ Петербургѣ 9—12 января. По сообщенію мѣстнаго полицейскаго стражника Г. Я. Кабанова, посѣщавшаго первоначально школу изъ простого интереса къ ней, онъ, когда прекратилъ свои посѣщенія, получилъ приказъ отъ полицейскаго урядника вновь посѣщать занятія и слѣдить, не занимаются ли тамъ чѣмъ худымъ. Такое-же внушеніе онъ получилъ и отъ мѣстнаго священника о. Василія. Мѣстный учитель церковной школы грамоты Е. М. Трусовъ, посѣщавшій повторительные курсы ради пополненія своихъ знаній, получилъ отъ о. Василія категорическое запрещеніе, подъ угрозой лишенія мѣста, посѣщать повторительные курсы.

„По сообщенію учителя повторительныхъ курсовъ въ сс. Широкомъ и Вязовкѣ, Саратовскаго уѣзда, А. Февралева, противъ школы также проповѣдывалъ священникъ села Широкаго о. Касмачевъ. Въ школѣ-же на урокахъ Закона Божія онъ внушалъ слушателямъ, что свѣтская наука развращаетъ, она развиваетъ неподчиненность родителямъ, неповиновеніе властямъ, бунты и самоубійство; затѣмъ противъ школы онъ говорилъ при постоянныхъ своихъ сношеніяхъ съ прихожанами. Эта проповѣдь вызвала среди мѣстнаго населенія нервное броженіе, которое выразилось въ неудачной попыткѣ со стороны мѣстнаго старосты составить приговоръ о закрытіи школы. Мотивами къ тому было то, что школа развращаетъ населеніе: учитель-студентъ „учениковъ научаетъ тому-же“. Приговоръ не былъ принятъ. Его подписали изъ 90 грамотныхъ только четверо.

„По сообщенію учителя повторительныхъ курсовъ Царицинскаго уѣзда, Лилипкина, священникъ с. Каменный Бродъ, о. Побѣдоносцевъ, въ школѣ на урокахъ Закона Божія ведетъ систематическую проповѣдь противъ занятій учителя. На возраженіе слушателей отвѣчаетъ ругательствами.

„Учитель повторительныхъ курсовъ въ с. Елани, Аткарскаго уѣзда, Винокуровъ, доноситъ губернской управѣ, что въ этомъ селѣ 11 февраля пьяная толпа произвела разгромъ школы, причемъ нѣкоторые изъ учениковъ были побиты, учителя искали, чтобы убить. Смута готовилась давно. По селу распространялся слухъ, что учитель—антихристъ. Родители не пускали дѣтей въ школу, ссылаясь на то, что батюшка не велѣлъ. Священники съ церковной каѳедры говорили противъ учителей и докторовъ. По селу говорили, что батюшки плачутъ, уговариваютъ не ходить ни къ учителямъ, ни къ докторамъ, что приходитъ послѣднее время. Фактъ разноса школы проведенъ былъ въ извѣстномъ порядкѣ. На сельскомъ сходѣ 10—11 февраля обсуждался вопросъ о сдачѣ въ аренду участка земли для проведенія къ желѣзной дорогѣ шоссе и конки; было ассигновано и пропито 600 руб.; подъ вліяніемъ вина и, очевидно, не безъ агитаціи, сходъ тутъ-же составилъ приговоръ объ удаленіи врача и учителя. Толпа рѣшила ихъ „прикончить“. Крестьяне говорили: „За убійство учителя они получатъ отъ начальства только благодарность и за него придется отвѣчать меньше, чѣмъ за лягушку“. При разгромѣ школы полиція отсутствовала; только на другой день становой сказалъ учителю, что о разгромѣ онъ узналъ сегодня въ 10 часовъ утра. Винокуровъ

покинулъ Елань. Также не находятъ возможнымъ оставаться тамъ врачъ Розенбергъ и фельдшерица. Люди свѣдующіе отзываются о врачѣ, какъ объ идеальномъ человѣкѣ и работникѣ.

„Агитація противъ неизвѣстныхъ враговъ велась и въ с. Лопатинѣ, Петровскаго уѣзда. 20 февраля священникъ о. Смирновъ съ церковной каѳедры призывалъ крестьянъ къ борьбѣ съ врагами, отбирая подписи отъ изъявившихъ на то согласіе. По его словамъ, крамольниками являются докторъ, учитель и ветеринарный врачъ, которые, по циркулировавшимъ слухамъ, получили для смуты японскую субсидію въ 14 тыс. руб. Полиція, при отсутствіи такта, видимо, сама содѣйствовала распространенію слуховъ, ибо приставъ сообщилъ крестьянамъ содержаніе подброшеннаго ему письма о готовящемся 19 февраля бунтѣ. Въ населеніи стали распространяться вѣсти, что указанныхъ враговъ надо убить. Они, конечно, поспѣшили покинуть село.

„Какъ ни чудовищны, какъ ни ужасны всѣ эти факты, какъ ни кажутся эти факты невѣроятными, они вполнѣ подтвердились при повѣркѣ ихъ, произведенной саратовскою губернскою земскою управою. Вмѣстѣ съ тѣмъ аналогичные факты изъ жизни народнаго учителя Саратовской губерніи сообщаются и изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ, въ собраніи общества взаимнаго вспомоществованія учащихъ и учившихъ г. Балашова и его уѣзда многіе учителя сообщили рядъ аналогичныхъ, не менѣе ужасныхъ и возмутительныхъ фактовъ. Вотъ что, напр., сообщилъ собранію учитель Игнатовичъ:

„Я лично на себѣ испыталъ тяжесть современнаго положенія учителя. 30 января сего года мѣстный священникъ о Архангельскій съ церковной каѳедры говорилъ проповѣдь, въ которой коснулся январьской петербургской забастовки рабочихъ и при этомъ разъяснилъ, что забастовка эта устроена по подкупу нашихъ враговъ—японцевъ и англичанъ. Указавъ затѣмъ, что у насъ и въ Россіи есть много внутреннихъ враговъ, онъ перешелъ къ мѣстной жизни. Внутренними врагами проповѣдникъ называлъ земскихъ учителей вообще, а меня, какъ своего человѣка, въ особенности. Со мною, какъ лжепророкомъ, батюшка совѣтовалъ совершенно не соприкасаться, книгъ изъ библіотеки не брать, въ школу не ходить и дѣтей туда не посылать. Проповѣдь свою о. Архангельскій закончилъ сожалѣніемъ, что этихъ людей нельзя никакъ уловить. Проникнутый пастырскимъ наставленіемъ, мѣстный лавочникъ Цѣликовъ тутъ же въ церкви вынулъ изъ кармана револьверъ и, замахиваясь имъ на окружающихъ его крестьянъ, съ угрозой говорилъ: „Вотъ чего вы дождетесь! Всѣмъ вамъ одно будетъ! Вамъ только къ учителю ходить“ и т. п. въ этомъ родѣ“.

Послѣ сообщенія ряда подобныхъ фактовъ, собраніе постановило резолюцію, въ которой, между прочимъ, говорится: „Заслушавъ рядъ фактовъ провокаціи въ деревняхъ и селахъ Балашевскаго уѣзда и сопоставивъ ихъ съ аналогичными явленіями въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ, – общее собраніе считаетъ долгомъ указать, что дольше жить и работать въ этой атмосферѣ нельзя; необходимо требовать, чтобы преступная провокація была немедленно прекращена, а лица, виновныя во всѣхъ этихъ безобразіяхъ, въ устройствѣ побоищъ, понесли кару по всей строгости законовъ, безъ малѣйшаго послабленія“.

Сообщенные въ настоящей хроникѣ факты слишкомъ ярко обрисовываютъ ненормальное положеніе нашего народнаго образованія. На эту ненормальность давно уже указываютъ и печать, и наши общественныя учрежденія—городскія и земскія, и просвѣтительныя, и другія общества. До самаго по-

слѣдняго времени эти указанія оставались, однако, безъ всякихъ послѣдствій. Недавно, наконецъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" опубликовано сообщеніе, указывающее на то, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія идетъ въ настоящее время работа, имѣющая цѣлью измѣнить нынѣшнее положеніе народнаго образованія. Какъ видно изъ указаннаго сообщенія, совѣщаніе, на которое было возложено составленіе проекта реформы начальныхъ училищъ, имѣло своею цѣлью съ одной стороны объединить и согласовать дѣйствующія законоположенія о начальныхъ училищахъ, а съ другой—расширить права земскихъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій по открытію разнаго типа училищъ и по участію въ завѣдываніи этими училищами. Въ тѣсной связи съ реформой начальныхъ училищъ находится реорганизація городскихъ по Положенію 1872 года училищъ. Вышеуказанное совѣщаніе, на которое возложено также составленіе проекта новаго положенія и объ этихъ училищахъ, имѣетъ задачей придать имъ такую организацію, чтобы они могли служить продолженіемъ курса начальныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено допустить учрежденіе означенныхъ училищъ не только въ городахъ, но и въ сельскихъ мѣстностяхъ, а также имѣется въ виду наравнѣ съ мужскими училищами открывать и женскія. Въ другомъ совѣщаніи выработанъ проектъ нормальнаго устава Общества содѣйствія народному образованію. Въ томъ же совѣщаніи закончена и другая работа: составленъ проектъ о женскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Выработаны также новыя правила для краткосрочныхъ курсовъ какъ педагогическихъ, такъ и общеобразовательныхъ, причемъ разрѣшеніе тѣхъ и другихъ предположено предоставить мѣстнымъ властямъ. Выработанъ и переданъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ проектъ новыхъ правилъ о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ, а также о книжныхъ складахъ, открываемыхъ внѣ учебныхъ заведеній. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, въ министерствѣ собирается матеріалъ по вопросу о достиженіи общедоступнаго начальнаго образованія и приступлено къ разработкѣ наиболѣе цѣлесообразнаго въ этомъ направленіи плана при содѣйствіи мѣстныхъ силъ и средствъ. Возбужденъ также рядъ вопросовъ, касающихся расширенія операцій учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, въ томъ числѣ усиленія пенсій потерявшимъ способность къ труду учителямъ и учительницамъ и лучшаго обезпеченія ихъ сиротъ. Связующимъ звеномъ между работами по преобразованію низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, какъ общеобразовательныхъ, такъ и профессіональныхъ, является недавно законченный въ одномъ изъ совѣщаній трудъ по составленію проекта новаго положенія о частныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ общемъ проектъ имѣетъ своею основою предоставленіе широкой иниціативы въ дѣлѣ учрежденія учебныхъ заведеній общественнымъ организаціямъ и частнымъ лицамъ.

Мы передали свѣдѣнія о проектахъ министерства относительно народнаго образованія почти буквально словами сообщенія, появившагося въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Къ сожалѣнію, до сихъ поръ эти проекты остаются совершенно неизвѣстными обществу, и потому нѣтъ возможности судить о томъ, насколько они отвѣчаютъ желаніямъ и ожиданіямъ общества, и насколько осуществленіе этихъ проектовъ явится дѣйствительнымъ удовлетвореніемъ назрѣвшихъ потребностей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество лишено возможности и высказать свое мнѣніе по поводу этихъ важныхъ проектовъ, указать на ихъ могущіе быть недостатки и вообще подать свой голосъ въ

столь важныхъ вопросахъ. Это тѣмъ болѣе печально, что самая выработка проектовъ происходила въ канцеляріяхъ министерства или особыхъ совѣщаніяхъ, составленныхъ все изъ тѣхъ же чиновниковъ, безъ малѣйшаго участія представителей какъ общественныхъ учрежденій, такъ и тѣхъ, на комъ лежитъ главная работа по народному образованію,—народныхъ учителей. При такихъ условіяхъ общество въ правѣ сомнѣваться, чтобы выработанные проекты дѣйствительно отвѣчали запросамъ жизни и могли внести существенное улучшеніе въ положеніе нашего народнаго образованія. Общество тѣмъ болѣе въ правѣ питать такія сомнѣнія, что въ томъ же сообщеніи „Правительственнаго Вѣстника", въ которомъ сообщается о проектахъ министерства народнаго просвѣщенія, говорится объ изданныхъ въ послѣдніе годы правилахъ о народныхъ чтеніяхъ и народныхъ библіотекахъ, открываемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ, какъ о мѣрахъ серьезныхъ и важныхъ, тогда какъ всякій, кто знакомъ съ положеніемъ народнаго образованія въ Россіи, хорошо знаетъ, что мѣры эти не имѣютъ даже третьестепеннаго значенія и ни малѣйшимъ образомъ не измѣнили ненормальнаго и даже нелѣпаго положенія народно-библіотечнаго дѣла и народныхъ чтеній. Очевидно, что и вопросы народнаго просвѣщенія, какъ и всѣ другіе вопросы нашей жизни, могутъ получить дѣйствительное разрѣшеніе только путемъ, указаннымъ Высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля на имя министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. путемъ привлеченія къ дѣлу составленія законовъ народныхъ представителей.

А. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Слухъ объ отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 года.—Воспрещеніе изслѣдованія народныхъ библіотекъ въ Московской губерніи.—Босяцкая народная библіотека.—Земская книжная торговля и тормазы ея.

Въ петербургскихъ газетахъ былъ переданъ слухъ о томъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило отмѣнить правила 15 мая 1890 года. Какъ ни пріятно это извѣстіе, оно такъ мало вяжется съ другими современными явленіями изъ области народнаго просвѣщенія вообще и народно библіотечнаго дѣла въ частности, что невольно относишься къ этому извѣстію крайне скептически. Конечно, какъ это указывали уже нѣкоторыя ходатайства нашихъ общественныхъ учрежденій,—послѣ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, которымъ предписано принять мѣры къ возстановленію законности въ нашей жизни, правила 15 мая 1890 года, какъ представляющія собою грубое, вопіющее нарушеніе п. 3-го примѣчанія къ 175 ст. Устава о цензурѣ и печати, должны-бы быть немедленно-же отмѣнены въ томъ же административномъ порядкѣ, въ какомъ они, вопреки нашимъ основнымъ законамъ, изданы. Но мы такъ мало привыкли къ тому, чтобы всякаго рода беззаконія, введенныя въ практику нашей жизни произвольными административными распоряженіями, устранялись тѣми самыми вѣдомствами, которыя эту практику осуществляютъ, что невольно относишься скептически и къ приведенному газетному извѣстію. Между тѣмъ это извѣстіе содержитъ разнаго

года подробности, одна изъ которыхъ особенно любопытна. Именно, газеты сообщали, что переданный на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія вопросъ объ отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 года получилъ разрѣшеніе въ ученомъ комитетѣ этого министерства въ томъ смыслѣ, что правила эти дѣйствительно должны быть отмѣнены. Конечно, въ пользу такого рѣшенія говоритъ то обстоятельство, что возложеніе на ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія обязанности процѣживать книги и лишать народъ возможности знакомиться со всѣми продуктами человѣческой мысли, кромѣ немногихъ „благонамѣренныхъ", всего менѣе соотвѣтствуетъ задачамъ этого учрежденія, которое во всякомъ случаѣ создано съ цѣлями содѣйствія просвѣщенію, а отнюдь не погашенія его. Однако помѣщенное въ газетахъ извѣстіе о предстоящей отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 года затѣмъ не получило подтвержденія, хотя не было и опровергнуто, и общество такъ и остается въ неизвѣстности, существуетъ-ли такой симпатичный проектъ, или это извѣстіе только газетный вымыселъ, быть можетъ, подсказанный общимъ желаніемъ всего русскаго общества видѣть, наконецъ, устраненнымъ изъ нашей жизни то вопіющее беззаконіе, какое представляютъ собою пресловутыя правила о народныхъ читальняхъ.

Въ полномъ противорѣчіи съ переданнымъ газетами слухомъ объ отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 года стоитъ и продолжающаяся практика администраціи въ области народно-библіотечнаго дѣла. Изъ множества относящихся сюда фактовъ самаго послѣдняго времени приведемъ только одинъ, но зато въ высшей степени характерный. Московское губернское земское собраніе последней сессіи постановило произвести обслѣдованіе содержимыхъ на средства земства въ предѣлахъ Московской губерніи народныхъ библіотекъ и читаленъ, какъ объ этомъ своевременно было сообщено въ нашихъ „хроникахъ". Такія обслѣдованія тѣхъ или иныхъ отраслей народно-образовательнаго дѣла представляютъ обычное явленіе въ земской практикѣ. Въ частности и народныя библіотеки не разъ подвергались обслѣдованію въ разныхъ губерніяхъ (Харьковской, Саратовской, Владимірской и др.). Нечего и говорить о томъ, какъ важно и необходимо подобное обслѣдованіе въ интересахъ правильной постановки земской дѣятельности по отношенію къ народно-библіотечному дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать, что такое обслѣдованіе совершенно невинно въ смыслѣ политическомъ. Производится оно или ознакомленіемъ на мѣстѣ съ дѣятельностью народныхъ библіотекъ изслѣдующаго лица, или—еще чаще—путемъ разсылки завѣдывающимъ библіотеками опросныхъ пунктовъ, на которые они и даютъ нужные отвѣты. Никакихъ основъ, такимъ образомъ, здѣсь потрясти невозможно, и общественное спокойствіе такимъ обслѣдованіемъ ни малѣйшимъ образомъ не нарушается. И тѣмъ не менѣе, такое обслѣдованіе оказалось въ Московской губерніи невозможнымъ. Именно, московская губернская управа составила опросный листъ и обращеніе къ завѣдывающимъ библіотеками съ просьбою заполнить этотъ листъ нужными отвѣтами. И вотъ московскій губернаторъ, которому были представлены на разрѣшеніе „обращеніе" и „опросный листъ", не разрѣшилъ къ печатанію и разсылкѣ ни то, ни другое. Поневолѣ, при наличности такихъ фактовъ, встрѣчаешь съ величайшимъ скептицизмомъ извѣстіе о предстоящей отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 года.

Между тѣмъ библіотека все болѣе и болѣе дѣлается необходимостью для нашего народа. Всюду, гдѣ имѣется хотя бы самая бѣдная книгами, доступная народной массѣ, библіотека, она используется съ такою интенсивностью, о кото-

рой и понятія не можетъ дать дѣятельность библіотекъ существующихъ для привилегированныхъ классовъ общества. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны отчеты народныхъ библіотекъ, которыя кое-гдѣ устроены для посѣтителей ночлежныхъ домовъ и вообще для того класса общества, который извѣстенъ подъ именемъ босяковъ. Казалось-бы, этимъ несчастнымъ, голоднымъ, холоднымъ, уже совсѣмъ не до чтенія. А между тѣмъ въ дѣйствительности они, разъ только къ тому представляется возможность, усиленно поглощаютъ матеріалъ для чтенія. Приведемъ здѣсь свѣдѣнія о дѣятельности за 1904 годъ открытой нижегородскимъ городскимъ управленіемъ „Пушкинской“ читальни, существующей рядомъ съ ночлежнымъ домомъ и обслуживающей преимущественно именно босяковъ. Оказывается, что читальня эта, при 356 дняхъ, въ теченіе которыхъ она работала въ 1904 году, удовлетворила 47.536 требованій на книги и газеты, такъ что въ среднемъ на годъ приходилось 133 выдачи. Наибольшее число требованій приходится на газеты, что въ извѣстной мѣрѣ объясняется интересомъ къ войнѣ. Спросъ на газеты настолько увеличился въ отчетномъ году, что читальня оказалась вынужденною выписывать мѣстныя газеты въ 14 экземплярахъ. Уже съ ранняго утра передъ читальнею толпится народъ въ ожиданіи открытія ея дверей, и немедленно же по входѣ въ читальню прежде всего публика набрасывается на газеты, причемъ тѣ, кто не успѣлъ захватить газетъ, смотритъ на счастливцевъ, воспользовавшихся ими первыми, съ завистью и нетерпѣніемъ. Этотъ интересъ къ войнѣ побудилъ читальню завести особый отдѣлъ литературы, посвященный Дальнему Востоку, Японіи, Кореѣ и Манчжуріи, причемъ списокъ имѣющихся въ читальнѣ книгъ этого содержанія вывѣшенъ на стѣнѣ читальни. Вычитанныя изъ газетъ извѣстія о войнѣ служили затѣмъ темою для бесѣдъ между посѣтителями ночлежнаго дома. Послѣ газетъ особенно значительное требованіе предъявляется на журналы, особенно иллюстрированные. Послѣднее объясняется тѣмъ, что для людей, порою являющихся въ читальню голодными, бываетъ не подъ силу серьезное чтеніе, тогда какъ легкое чтеніе, прерываемое разсматриваніемъ рисунковъ, отвлекаетъ отъ тяжелаго состоянія. Этимъ же можно объяснить и успѣхъ среди данной публики повѣстей и разсказовъ изъ путешествій съ приключеніями, а также сборниковъ сказокъ. Надо, однако, отмѣтить и то обстоятельство, что корифеи нашей литературы имѣютъ большой успѣхъ среди посѣтителей „Пушкинской читальни“. Спрашиваютъ посѣтители нерѣдко и такія книги, которыхъ читальня не имѣетъ права держать, напр., сочиненія Горькаго. Слѣдуетъ отмѣтить также, что отношеніе посѣтителей къ правиламъ читальни не оставляетъ желать ничего лучшаго. Во время чтенія соблюдается полнѣйшая тишина и порядокъ, никакихъ недоразумѣній съ публикою не бываетъ. Несмотря на выдачу почти 50 тыс. книгъ и газетъ, въ теченіе цѣлаго года пропало только 6 книгъ. Можно было бы пожелать, чтобы такъ добросовѣстно относились къ библіотечному имуществу подписчики и посѣтители нашихъ публичныхъ библіотекъ, предназначенныхъ для „чистой“ публики.

Эти краткія свѣдѣнія о дѣятельности „Пушкинской“ читальни въ Нижнемъ могутъ дать наглядное представленіе о томъ значеніи, которое все болѣе и болѣе получаетъ въ жизни народныхъ массъ библіотека и читальня. Другія библіотеки, имѣющія дѣло съ населеніемъ, не поставленнымъ въ столь безотрадное положеніе, какъ босяки, несутъ еще болѣе серьезную службу, являясь часто единственнымъ средствомъ для этого населенія ознакомиться съ художественною литературою и съ научными сочиненіями. И при этомъ всюду

библіотеки, предназначенныя для народныхъ массъ, используются съ такою же интенсивностью, съ какою пользуется „Пушкинскою" читальнею обездоленная часть Нижегородскаго населенія. При такихъ условіяхъ въ высшей степени печальнымъ фактомъ является тяготѣющее до сихъ поръ надъ народными библіотеками и читальнями обязательство ограничиваться, вопреки закону, только тѣми книгами, которыя допускаются въ народныя библіотеки по правиламъ 15 мая 1890 г.

Не менѣе печаленъ и фактъ тѣхъ стѣсненій, которыя до сихъ поръ стоятъ на пути къ распространенію хорошей книги въ народѣ путемъ ея продажи. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна дѣятельность нашихъ земствъ по устройству книжныхъ складовъ и организаціи книжной торговли при помощи разносчиковъ. Исторія этихъ попытокъ земства приблизить такимъ путемъ хорошую книгу къ народу есть исторія безпрерывнаго административнаго произвола. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія книжнаго склада курскаго губернскаго земства, который, вопреки закону, былъ лишенъ мѣстною администраціею права продавать какія бы то ни было книги, кромѣ допущенныхъ въ школьныя и народныя библіотеки. Нигдѣ въ нашихъ законахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на подобное ограниченіе для книжной торговли, хотя бы и организуемой земствомъ. При этомъ такое положеніе было создано спеціально именно для курскаго земскаго книжнаго склада, такъ какъ всѣ другіе земскіе книжные склады всей Россіи пользовались въ этомъ отношеніи общими правами книжной торговли, т. е. торговали всѣми не запрещенными книгами. Понадобилось нѣсколько лѣтъ хлопотъ для курскаго земства, чтобы избавиться отъ того противозаконнаго положенія, въ которомъ былъ поставленъ его книжный складъ. Много разъ земство возбуждало ходатайства и приносило жалобы на примѣненіе къ его складу внѣзаконныхъ требованій, и всѣ эти ходатайства и жалобы оказывались безъ всякихъ результатовъ. И только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ общее собраніе сената признало, наконецъ, за земствомъ право организовать книжные склады, продавать всѣ книги, выходящія изъ печати, устраивать филіальныя отдѣленія склада въ уѣздахъ и организовать разносную торговлю.

Какъ ни характеренъ этотъ фактъ, онъ, однако, блѣднѣетъ предъ другими дѣяніями администраціи въ этой области. Многіе губернаторы, напр., совсѣмъ не разрѣшали земствамъ устраивать книжные склады, и земства эти, лишенныя возможности осуществлять одну изъ своихъ законнѣйшихъ, какъ теперь призналъ сенатъ, функцій, вынуждены были отказаться отъ нея или прибѣгать къ разнаго рода обходамъ для того, чтобы осуществить то, что составляетъ не только право, но и обязанность земства. Напр., въ Суджѣ дѣйствуетъ „книжная торговля кн. П. Д. Долгорукова", пайщики которой— исключительно земскіе люди, вынужденные прибѣгать къ такой формѣ своей дѣятельности въ виду препятствій администраціи къ устройству земскаго книжнаго склада. Въ Льговѣ имѣется книжный складъ „Лиговскаго благотворительнаго общества", возникшій по тѣмъ же причинамъ и на тѣхъ же основаніяхъ, и т. д.

Еще любопытнѣе препятствія, которыя встрѣчаетъ земство въ дѣлѣ организаціи книжной торговли при помощи разносчиковъ. Разрѣшенія на такую торговлю даются съ такою поразительною тугостью, что въ настоящее время, какъ выяснило предпринятое курскимъ губернскимъ земствомъ изслѣдованіе, имѣется на всю земскую Россію только 13 земскихъ разносчиковъ, которые

удостоились полученія права продавать книги въ разносъ. И это въ то самое время, когда офени, продающіе возмутительныя изданія лубочнаго характера, получаютъ разрѣшенія на свою дѣятельность совершенно безпрепятственно. Уже самая ничтожность числа земскихъ разносчиковъ, торгующихъ книгами, показываетъ, что право, предоставленное администраціи,—разрѣшать разносную книжную торговлю, фактически по отношенію къ земству обратилось въ безапелляціонное право запрещать земскую книжную торговлю.

И несмотря на всѣ эти стѣсненія, земства наши организовали значительное число пунктовъ для продажи книгъ народу. Именно оказывается, по упомянутому изслѣдованію курскаго губернскаго земства, къ 1 января 1904 года книжные склады имѣли 21 губернское земство, устроившія 78 книжныхъ складовъ; кромѣ того 106 складовъ устроены уѣздными земствами, такъ что общее число земскихъ книжныхъ складовъ достигаетъ 184. Наибольшее число земскихъ книжныхъ складовъ приходится на Вятскую губернію (18), затѣмъ слѣдуютъ Полтавская (13), Саратовская (12), Нижегородская, Новгородская, Орловская, Олонецкая, Пермская, Тамбовская, Херсонская (по 7) и т. д. Только въ двухъ земскихъ губерніяхъ (Бессарабскомъ и Калужскомъ) до сихъ поръ не было ни по одному земскому книжному складу Изъ 184 земскихъ книжныхъ складовъ 26 открыты въ селахъ,—обыкновенно большихъ торговыхъ пунктахъ. Наибольшее число (99) сельскихъ книжныхъ складовъ падаетъ на Вятскую губернію. Склады устраиваются какъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, съ особымъ персоналомъ, такъ и при училищахъ (58), при врачебныхъ пунктахъ (10), въ базарныхъ кіоскахъ (4), при библіотекахъ (3), въ земскихъ управахъ, въ аптекарскихъ магазинахъ, въ волостныхъ правленіяхъ, причемъ, однако, большая часть складовъ представляютъ самостоятельныя торговыя учрежденія.

Въ настоящее время, когда вся Россія готовится вступить на новый путь жизни, будемъ надѣяться, что и та область этой жизни, которой посвящена наша „хроника“,—дѣло распространенія книгъ въ народныхъ массахъ при помощи общественныхъ библіотекъ и общественной книжной торговли будетъ, наконецъ, освобождено отъ тѣхъ многочисленныхъ стѣсненій, которыми оно опутано какъ на основаніи отжившихъ свой вѣкъ, устарѣвшихъ, потерявшихъ всякое право на существованіе законоположеній, такъ и еще чаще вопреки закону, въ силу совершенно произвольныхъ распоряженій администраціи. Нашъ народъ слишкомъ много выстрадалъ отъ тяготѣющаго надъ нимъ невѣжества, и пора дать ему возможность избавиться отъ той тьмы, въ которой до сихъ поръ его держали. Тяжелый урокъ, который дала намъ нынѣшняя война, равно какъ еще болѣе поучительный урокъ, представляемый грозными событіями, которыя переживаетъ наша родина внутри въ теченіе настоящаго года, слишкомъ краснорѣчивы, чтобы ихъ можно было игнорировать. И, къ счастью, слишкомъ ясно, что практика держанія народныхъ массъ въ невѣжествѣ должна будетъ, наконецъ, уступить мѣсто совершенно иной политикѣ, какъ только осуществятся всеобщія желанія нашего общества и народныхъ массъ относительно коренного преобразованія всего нашего государственнаго строя. Безъ этого, конечно, невозможно ожидать, чтобы въ данной области жизни что-либо измѣнилось къ лучшему, такъ какъ и область народно-библіотечнаго дѣла и книжной торговли стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣмъ строемъ нашей жизни.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Памяти Адели Петровны Кондратьевой.

27 февраля въ Нижнемъ-Новгородѣ скончалась на 60-мъ году своей жизни извѣстная мѣстная дѣятельница по народному образованію Адель Петровна Кондратьева.

Смерть этого человѣка, до послѣдней минуты своей жизни высоко державшаго свое идейное знамя, заставляетъ оглянуться на ея жизнь.

Покойная родилась въ Нижегородской губ. Сергачскаго у. въ деревнѣ Ломакино въ старинной дворянской помѣщичьей семьѣ со старинными дворянскими традиціями. До освобожденія крестьянъ семья Кондратьевыхъ жила безвыѣздно въ деревнѣ, гдѣ Адель Петровна и получила свое образованіе, очень солидное даже и не для того времени.

Первой ея воспитательницей была гувернантка нѣмка, очень любившая Адель Петровну и умершая въ домѣ Кондратьевыхъ.

А. П. была очень болѣзненнымъ ребенкомъ Не по лѣтамъ серьезная она рано выучилась читать. Въ домѣ была библіотека, которой она пользовалась, а съ 5—6 лѣтъ она принялась уже учить другихъ. Рано пробудилось въ ней влеченіе къ дѣятельной жизни для другихъ. По собственному почину, совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой, она ежедневно вставала въ 7 ч. утра чтобы напоить чаемъ и набить трубку своему отцу.

Также нѣжно и преданно относилась она и ко всей семьѣ, особенно къ младшей сестрѣ, которая была для нея всю жизнь предметомъ самой нѣжной заботливости.

Съ освобожденіемъ крестьянъ семья Кондратьевыхъ переѣхала въ Нижній. А. П., которой было въ это время около 15 лѣтъ, имѣла теперь случай еще болѣе пополнить свое образованіе.

Прекрасно изучивши языки французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій, она принялась за изученіе высшей математики. Послѣдняя сдѣлалась ея любимой наукой. Эту любовь къ математикѣ она сумѣла внушить и нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ и ученицъ. Одинъ русскій математикъ получилъ премію французской академіи за свои труды, а также и каѳедру въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи. Труды его были переведены А. П. на французскій языкъ, благодаря ея знанію высшей математики. Кромѣ того, А. П. перевела съ англійскаго книгу Кенана о Россіи.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ А. П. познакомилась съ просвѣтительными кружками, гдѣ сталкивалась съ передовыми людьми того времени, которые несомнѣнно оказывали благотворное вліяніе на ея развитіе.

Между ея близкими знакомыми была семья извѣстнаго раціоналиста Пашкова. Когда Пашковъ уѣхалъ въ Лондонъ, будучи принужденъ удалиться изъ Россіи, А. П. провела тамъ около 2-хъ лѣтъ, занимаясь русскимъ языкомъ съ дѣтьми Пашкова. Также навѣщала она Пашковыхъ и позже, въ бытность ихъ въ Австріи.

Педагогическая дѣятельность А. П., начавшись еще въ деревнѣ, гдѣ у нея была школа для крестьянскихъ дѣтей, продолжалась и въ городѣ. Одно

*) Статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція покорнѣйше проситъ направлять въ Харьковъ Христинѣ Даниловнѣ Алчевской или Маріи Николаевнѣ Салтыковой. *Ред.*

время она давала уроки русскаго языка въ институтѣ, занималась безплатно съ дѣтьми Кутайсовскаго пріюта и способствовала тѣмъ устройству школы при этомъ заведеніи, не говоря уже о многихъ частныхъ урокахъ. При этомъ надо отмѣтить, что вездѣ А. П. была выдающейся преподавательницей и пользовалась большой любовью и уваженіемъ своихъ многочисленныхъ учениковъ и учениць.

Работала А. П. не изъ нужды: она была вполнѣ обезпечена; но она находила, что каждый сознательный человѣкъ долженъ жить только своимъ трудомъ и имъ служить народу. Изъ видовъ интеллигентнаго труда она признавала только два: трудъ учителя и трудъ медицинскій. Она избрала себѣ, главнымъ образомъ, первый, но и второй не былъ ей чуждъ. Вышеупомянутая семья Пашковыхъ устроила при своемъ имѣніи въ Ветошкинѣ (недалеко отъ имѣнія Кондратьевыхъ) прекрасно обставленную хирургическую больницу. Лѣтомъ А. П. всегда посѣщала эту больницу и принимала самое дѣятельное участіе при операціяхъ. При этомъ она обладала довольно солидными практическими знаніями по медицинѣ, и лѣтомъ крестьяне сосѣди приходили къ ней за совѣтомъ и лѣкарствомъ.

Но не только педагогика и медицина были для нея хорошо знакомымъ дѣломъ. Всѣ области науки, текущей журналистики не были для нея terra incognita. Во всемъ она имѣла основательныя познанія, за всѣмъ слѣдила и имѣла обо всемъ самостоятельное мнѣніе. Даже въ послѣдніе дни жизни, уже не имѣя силъ самой перевертывать страницы книги, она прочла нѣсколько новыхъ журналовъ и книгъ.

Большое мѣсто въ ея жизни занимала просвѣтительная работа для народа. Много лѣтъ и до конца своей жизни работала она въ обществѣ распространенія народнаго образованія въ Нижегородской губерніи по просмотру народныхъ книгъ, по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ, по подбору книгъ для народныхъ чтеній съ фонаремъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ она была большимъ знатокомъ и никогда никому не отказывала въ своихъ совѣтахъ и указаніяхъ въ области народной и школьной литературъ.

Но, несомнѣнно, самымъ любимымъ дѣтищемъ А. П. была воскресная школа. Съ самаго начала существованія школы и до послѣдняго дня жизни А. П. непрестанно отдавала себя на самую дѣятельную работу въ ней. Съ начала возникновенія женской воскресной школы она принимала участіе и въ преподаваніи, но съ тѣхъ поръ, какъ школа поступила въ ея завѣдываніе, масса общей работы очутилось на ея рукахъ и заставила оставить преподаваніе. Все это время и до конца А. П. вела всю школьную статистику, составляла отчеты, завѣдывала пріемомъ учениць, учебными пособіями, вѣдая въ то же время всѣ мельчайшія подробности преподаванія, неся всю тяжесть и мелкой, будничной работы, неизбѣжной во всякомъ дѣлѣ. Средства для содержанія школы добывались также исключительно ею. А. П. была живой душой школы. Въ высшей степени добросовѣстно и съ любовью работая въ ней, она побуждала къ тому же и другихъ. Въ отношеніи своемъ къ товарищамъ по работѣ она была хотя и требовательна, но никого не подавляла своимъ авторитетомъ, несмотря на всѣ очевидныя преимущества; она была товарищемъ, умѣющемъ вдохнуть въ другихъ свою бодрость и энергію.

При содѣйствіи А. П. была открыта въ Нижнемъ и мужская воскресная школа.

Въ обществѣ А. П. была въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ, обладающимъ неистощимымъ запасомъ всякихъ свѣдѣній, знанія жизни и

людей Всякій невольно что-нибудь пріобрѣталъ послѣ бесѣды съ нею, задумывался надъ чѣмъ-нибудь новымъ.

Въ своихъ привычкахъ А. П. была настоящимъ спартанцемъ. Всякія излишества были ей чужды: ее никогда даже нельзя было видѣть ѣдущей на извозчикѣ. Вставала она очень рано, успѣвала заниматься хозяйствомъ, шить самой все для себя и къ 9 часамъ утра уже быть на урокѣ въ частномъ приготовительномъ пансіонѣ, гдѣ она занималась до послѣдняго времени; затѣмъ она шла на частные уроки, и такъ часовъ до 9 вечера.

Надо было удивляться, когда А. П. успѣвала дѣлать такую массу работы, если прибавить работы въ Обществѣ распространенія народнаго образованія и ея собственное чтеніе.

Послѣ смерти А. П. обнаружилось, какъ много она дѣлала незамѣтной для другихъ, но необходимой для дѣла работы, никогда не пеняя на нее. Это былъ человѣкъ строгаго долга, никогда не идущій на компромиссы съ своей совѣстью.

Ея многочисленные ученики и ученицы, товарищи по работѣ и просто знакомые потеряли въ ней искренно любимаго и глубоко уважаемаго человѣка.

Общество распространенія народнаго образованія и женская воскресная школа, желая увѣковѣчить память А. П., рѣшили основать библіотеки ея имени: первая—народную библіотеку въ с. Ломакинѣ, гдѣ она родилась, а вторая библіотеку для ученицъ при школѣ *).

Отчетъ первой женской воскресной школы въ г. Одессѣ за 1902—3 и 1903—4 учебные годы.

(*Окончаніе*).

Отчетъ о занятіяхъ *въ группѣ сильнограмотныхъ:*

„Осенью 1903 г., вслѣдствіе настойчивыхъ уговоровъ товарищей, я взяла на себя занятія съ старшей группой, хотя и предвидѣла, что врядъ ли смогу повести эти занятія такъ, какъ того заслуживала старшая группа, очень интересная и большая по числу ученицъ. Состояніе здоровья и занятія въ собственномъ моемъ учебномъ заведеніи тормозили правильность и успѣшность занятій. Упоминаю здѣсь объ этомъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность въ погрѣшностяхъ, которыя, какъ я того и ожидала, не замедлили обнаружиться, и свели мои занятія съ этой группой къ очень маленькимъ результатамъ. — Въ отчетѣ своемъ мнѣ, главнымъ образомъ, придется говорить о своихъ занятіяхъ и отношеніи къ нимъ ученицъ, такъ какъ правильной характеристики ученицъ, за краткостью времени, которое я имъ могла посвятить, я, по всей вѣроятности, не смогу сдѣлать.

„По числу ученицъ группа моя была очень большая: въ ней было записано 47 ученицъ, хотя посѣщали занятія и могутъ быть названы ученицами въ прямомъ смыслѣ слова всего лишь 26 дѣвушекъ, т. е. немного болѣе половины. Къ обычнымъ причинамъ манкировки занятіями и ухода изъ группы вслѣдствіе занятости усиленной временной работой и т. п., мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ отнести и тѣ легко устранимыя погрѣш-

*) Пожертвованія съ этою цѣлью принимаются въ Нижнемъ-Новгородѣ при редакціи газеты „Нижегородскій Листокъ“.

ности, которыя допускались у насъ въ школѣ во время экзаменовъ вновь поступающихъ учениць и состояли въ томъ, что составъ экзаменующихъ лицъ былъ совершенно случаенъ и, сколько я могла наблюдать, часто мѣнялся. Мѣняющіеся экзаменаторы съ различными требованіями относились къ степени подготовки учащихся, слѣдствіемъ чего и былъ нѣсколько разношерстый составъ группъ, доходившій иногда до того, что ученицамъ было не по силамъ слушать то, о чемъ говорилось на урокахъ. По этой именно причинѣ 4 ученицы изъ моей группы были переведены въ младшія группы, двѣ ушли самовольно, а двѣ другія подошли ко мнѣ послѣ 2-го урока съ просьбой перевести ихъ въ какую-нибудь другую группу такъ какъ здѣсь „неинтересно, потому что трудно понимать то, что говорится на урокѣ". Сонный видъ этихъ учениць и ихъ скучающія лица не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ говорили совершенную правду, и я поспѣшила сдать ихъ завѣдущей педагогическою частью.

„Быть можетъ, по той же независѣвшей отъ меня причинѣ ушло и еще нѣсколько учениць, но, къ сожалѣнію, я подозрѣваю, что не малое число ихъ, и при томъ самыхъ лучшихъ, фабричныхъ работницъ, ушло по собственной моей винѣ, такъ какъ я, по упомянутымъ выше причинамъ, не могла отнестись къ нимъ съ тѣмъ вниманіемъ и близкимъ душевнымъ сочувствіемъ, котораго обыкновенно ищутъ въ школѣ только что поступившія учащіяся, и безъ котораго предлагаемыя учительницей голыя свѣдѣнія, какъ бы ни были они цѣнны, сами по себѣ оказываются камнемъ, протянутымъ вмѣсто хлѣба. Придетъ такая ученица въ первый разъ на урокъ, нерѣдко попадаетъ къ концу или къ срединѣ излагаемаго предмета, не сумѣетъ сразу въ немъ оріентироваться и, если при этомъ учительница не успѣетъ вызвать въ ней личной къ себѣ симпатіи, черезъ одно, два воскресенья, не успѣвъ сжиться со школой, не получивъ отъ нея ничего для своихъ духовныхъ запросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ большинство ихъ и идетъ въ школу, молчаливо, никому ничего не заявляя, уйдетъ изъ нея, неудовлетворенная и незаинтересованная тѣмъ, что вокругъ нея говорилось. Этимъ, мнѣ кажется, главнымъ образомъ, и можно объяснить скорый, хотя, впрочемъ, и не всегда предовратимый уходъ большинства тѣхъ учениць, которыя появляются въ школѣ всего лишь на одно, два воскресенья и, не обмѣнявшись съ учительницей ни одной фразой, навсегда затѣмъ изъ нея исчезаютъ.

„Что касается состава группы въ смыслѣ возраста, то большинство моихъ учениць были молодыми фабричными работницами и другими работницами (были модистки, были и дѣвушки безъ опредѣленныхъ занятій), и лишь три изъ нихъ были замужнія женщины въ возрастѣ отъ 30—35 лѣтъ.

„Переходя къ характеристикѣ отдѣльныхъ учениць, я должна сказать, что близкаго знакомства у меня не было ни съ одной изъ нихъ, несмотря на то, что отношенія со всей группой были въ общемъ хорошія и довольно сердечныя; такимъ образомъ, дѣлая оцѣнку своихъ слушательниць, я должна руководствоваться, главнымъ образомъ, ихъ отношеніемъ къ занятіямъ и тѣмъ интересомъ къ обученію, который онѣ проявили на урокахъ. Въ этомъ смыслѣ моя группа дѣлилась довольно рѣзко на двѣ, или даже на три не совсѣмъ равныя части. Большинство относилось къ уроку довольно пассивно, и если онъ былъ понятно и сколько-нибудь интересно проведенъ, слушало его охотно, но дальше этого, такъ сказать, класснаго интереса не шло. Меньшинство же, въ худшей своей части, состояло изъ учениць, пришедшихъ въ школу отнюдь не ради того духовнаго удовлетворенія, о которомъ

я выше говорила, а ради своихъ собственныхъ утилитарныхъ цѣлей, вродѣ желанія подготовиться и сдать экзамены для поступленія на акушерскіе курсы, на сельскую учительницу и т. под. Такимъ образомъ, не интересуясь школой, какъ учрежденіемъ, идущимъ на встрѣчу умственнымъ запросамъ, онѣ брали отъ нея или, вѣрнѣе, хотѣли взять лишь ту практическую пользу, которая была нужна имъ въ данный моментъ, и возмущались, если школа отказывала или не могла дать имъ удовлетворенія. Что же касается лучшей части меньшинства ученицъ, большею частью посѣщающихъ школу уже нѣсколько лѣтъ и приводившихъ своихъ подругъ, то я должна сказать, что онѣ явились въ группу съ опредѣленными требованіями и со сложившимися уже вкусами и запросами. Среди этихъ ученицъ нѣсколько человѣкъ прямо таки выдѣлялись какъ своей большой начитанностью, такъ равно и своимъ осмысленнымъ отношеніемъ къ уроку, а также и къ выполненію заданныхъ на домъ работъ. Какъ сейчасъ, помню умное, хорошее лицо одной изъ такихъ ученицъ на первыхъ своихъ урокахъ. Вела я тогда курсъ по бактеріологіи, который казался мнѣ и достаточно интереснымъ и не слишкомъ труднымъ для пониманія каждой изъ нихъ. Сидитъ она на этихъ урокахъ на послѣдней скамьѣ съ книгой въ рукахъ и тихонько ее перелистываетъ. Голова наклонена на бокъ, выраженіе лица не то скучающее, не то утомленное. И только иногда, когда я сообщаю что-нибудь совершенно новое, что нибудь такое, что не можетъ быть взято изъ первой попавшейся популярной книжки, лицо это вдругъ подымается, а скучающіе глаза оживутъ и просвѣтлѣютъ. На вопросъ, отчего ее мало интересуетъ этотъ курсъ, я услышала простой и скромный отвѣтъ: „Я все это почти знаю,—прежде читала. А вотъ, что не знаю, такъ очень интересно“. Это было такъ, я не сомнѣвалась въ этомъ, что она говорила правду и, если она и посѣщала эти первые мои уроки, то лишь въ ожиданіи вотъ этихъ самыхъ, неизвѣстныхъ ей подробностей и, такъ сказать, въ кредитъ вѣря мнѣ и терпѣливо ожидая. Должна сказать, что настолько развитой и умственно сложившейся ученицей была только она одна. Однако, вкусъ къ тѣмъ или другимъ занятіямъ и опредѣленные запросы на нихъ были проявлены, — и очень опредѣленно — еще 5—6 ученицами. Нѣкоторыя изъ нихъ просили меня, напримѣръ, разрѣшить имъ писать сочиненія на собственныя темы. Другія, прочтя вслухъ на урокѣ письма выбранную мною статью и составивъ къ ней подъ моимъ руководствомъ вопросы для изложенія, вдругъ неожиданно измѣняли эти вопросы по своему или добавляли къ нимъ свои собственные и подходили къ статьѣ съ такихъ сторонъ, на которыхъ я не пыталась останавливать ихъ вниманіе. Такъ, въ одной изъ такихъ работъ (Петръ Куперъ) по поводу личности разбогатѣвшаго рабочаго, никогда не перестававшаго чувствовать свою связь съ той простой средой, изъ которой онъ вышелъ, любившаго ее и сумѣвшаго не мало для нея сдѣлать въ смыслѣ просвѣщенія, нѣсколько ученицъ, дѣлая оцѣнку личности этого рабочаго и отдавая должное его хорошимъ стремленіямъ, совершенно неожиданно для меня заявили, что тѣмъ не менѣе назвать его вполнѣ хорошимъ человѣкомъ онѣ не могутъ потому, что знаютъ, какимъ образомъ возникло его богатство. Вотъ что говоритъ въ своей работѣ одна изъ нихъ: „17-ти лѣтъ Куперъ пріѣхалъ въ Нью Іоркъ, и съ этого времени начинается его трудовая дѣятельность; онъ много работаетъ, учится, интересуется механикой и изобрѣтаетъ машину для стрижки шерсти. Улучшивъ свое положеніе, Куперъ не забываетъ и своихъ братьевъ — рабочихъ: онъ понимаетъ, что главное зло бѣдняка—это его невѣжество. Стремясь самъ къ знанію, онъ мечтаетъ о

томъ, какъ бы и всѣмъ рабочимъ необходимо научиться кое чему полезному и рѣшаетъ, что для этого нужно устроить школу для взрослыхъ. Пока это только мечта. Но вотъ нѣсколько удачныхъ предпріятій, и Куперъ дѣлается богачемъ. Онъ не забываетъ мечты своей юности и приводитъ въ исполненіе свой планъ. Энергія, деньги—и въ результатѣ огромное зданіе, гдѣ взрослые рабочіе могутъ учиться. Какъ энергичный, умный работникъ, Куперъ мнѣ очень симпатиченъ до того времени, когда онъ, хотя и давалъ бѣднякамъ кое-что, сталъ богачомъ эксплуататоромъ. Если онъ и давалъ что бѣднымъ, то значитъ не совсѣмъ забылъ, что значитъ голодъ". Въ другой письменной работѣ, предложенной послѣ бесѣдъ по исторіи культуры, я нашла у другой ученицы не мало такого, чего я лично не сообщала на своихъ урокахъ, и что, очевидно, было взято ею изъ прочитанныхъ раньше книгъ, и эти, взятыя изъ книгъ свѣдѣнія были настолько хорошо поняты и такъ прочно усвоены ею, что совершенно незамѣтно слились въ ея работѣ въ одно цѣлое съ тѣмъ, что она узнала отъ меня. Вообще писать сочиненія мои ученицы очень любили; любили, и тѣ скучные для меня самой часы, которые на урокахъ письма я посвящала разбору ихъ стилистическихъ погрѣшностей, и съ большимъ удовольствіемъ вмѣсто одной какой-либо неудачной фразы, на которой я останавливала ихъ вниманіе, на-перерывъ старались сформулировать двѣ, три удачныхъ. Удовольствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ томъ случаѣ, когда онѣ сами подмѣчали неудачно написанную фразу въ разбираемомъ сочиненіи одной изъ подругъ и быстро замѣняли другою, правильно составленною, выражалось то радостнымъ смѣхомъ, то стремленіемъ подыскать еще нѣсколько такихъ же фразъ, то, наконецъ, желаніемъ записать въ тетрадкѣ сказанное. Исходя изъ того положенія, что работницѣ въ письмѣ нужна не грамматическая правильность, а скорѣе умѣніе толково расположить и ясно выразить имѣющійся у нея въ запасѣ матеріалъ, я совершенно почти не занималась грамматикой. Напротивъ, выработкѣ плановъ для письма, умѣнью дѣлить матеріалъ на главныя и второстепенныя части, наконецъ, обработкѣ отдѣльныхъ фразъ и совмѣстному для всей группы письменному изложенію,—были, главнымъ образомъ, посвящены наши уроки. Зная по своему учительскому опыту, что писать сочиненія для большинства ученицъ даже среднеучебныхъ заведеній очень трудно, и трудно потому, что онѣ попросту къ этому не пріучены, я и въ воскресной школѣ примѣнила тотъ-же методъ, который примѣняла въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Я прочла съ ними на первомъ урокѣ статью изъ „Книги взрослыхъ" годъ II „Петръ Куперъ", затѣмъ разобрала совмѣстно съ ними, что въ данной статьѣ заслуживало большаго вниманія, что было второстепеннымъ, составила планъ и тутъ же заставила всѣхъ ученицъ вмѣстѣ и разомъ писать объ одномъ и томъ-же. Достигалось это совмѣстное письмо у насъ такимъ образомъ: одна за другой ученицы перечитывали по одному составленные классомъ вопросы. На каждый изъ нихъ я предлагала читающей отвѣтить устно; если отвѣты были неудачны, я предлагала другимъ ихъ исправить, и, добившись желанной обработки, онѣ писали всѣ разомъ то, что, какъ бы диктуя, говорила одна. Сплошь и рядомъ то та, то другая изъ ученицъ спрашивала, нельзя ли написать данную фразу иначе, и предлагали новую редакцію, и, если она бывала удачнѣе, я разрѣшала писать по своему. Такимъ образомъ пріобрѣтался нѣкоторый навыкъ и сноровка въ стилистической обработкѣ излагаемаго матеріала, а также умѣнье разобраться въ немъ. Такая манера письма сначала казалась ученицамъ нѣсколько какъ бы странной или стѣснительной, но по-

томъ онѣ быстро съ ней освоились и послѣ первыхъ же уроковъ стали высказывать ей одобреніе, утверждая, что такъ писать и легче, и интереснѣе. Я же видѣла отъ этого пріема несомнѣнно существенные результаты: ученицы не тяготились письмомъ, а, напротивъ, любили его, а нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлали въ смыслѣ стиля и быстроты изложенія замѣтные успѣхи. Всѣхъ письменныхъ работъ было около десяти, въ томъ числѣ Петръ Куперъ, Медвѣди Гаршина, біографія Кольцова и другія; двѣ письменныя работы по бактеріологіи и три—по исторіи культуры. Нерѣдко также читались на урокахъ и добровольно написанныя нѣкоторыми ученицами сочиненія на самостоятельно придуманныя темы, и остальнымъ ученицамъ предлагалось поправлять въ этихъ работахъ слабо написанныя мѣста. Изъ грамматическихъ правилъ были повторены нѣкоторыя орѳографическія правила, пройдено главное предложеніе и придаточныя—опредѣлительныя и дополнительныя. Было указано и практически повторялось на разборахъ и примѣрахъ—сокращеніе этихъ придаточныхъ предложеній. Наконецъ, были объяснены главнѣйшія случаи употребленія знаковъ препинанія въ концѣ и внутри простого и сложнаго предложенія".

„Уроки чтенія, вслѣдствіе того, что въ старшей группѣ ученицы совершенно свободно владѣли механизмомъ чтенія, сводились, главнымъ образомъ, къ бесѣдамъ по поводу прочитаннаго въ классѣ, иногда же на тему, заранѣе выработанную и спеціально обработанную и приспособленную къ пониманію ученицъ. Выборъ темы для такихъ бесѣдъ всегда очень затруднителенъ и, намѣчая ее, постоянно боишься попасть въ просакъ; то рискуешь быть непонятой, то боишься повторяться и дать имъ то, о чемъ читали или же говорили другіе. Если группа обширна, давно посѣщаетъ школу и, какъ это было у меня, не совсѣмъ однородна по составу, то выборъ темы становится затруднительнымъ до крайности. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ такого затрудненія, я рѣшила взять на первыхъ порахъ что-нибудь изъ области естествознанія, такъ какъ мнѣ по опыту было извѣстно, какъ интересуютъ всѣхъ вообще учащихся вопросы, касающіеся этого отдѣла наукъ. Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что для всѣхъ вообще ученицъ нашей школы д-ромъ С. давно уже ведутся общія бесѣды по анатоміи и физіологіи, то, чтобы не повторяться и не давать учащимся извѣстныя уже для нихъ свѣдѣнія, я остановила свой выборъ на слѣдующей темѣ: Бактеріи, ихъ жизнь, питаніе, размноженіе и значеніе въ природѣ и въ жизни человѣка. Тема эта, какъ мнѣ казалось, имѣла за собой то преимущество, что несомнѣнно составляла какъ бы цѣльный отдѣлъ по естествознанію и не ставила меня въ зависимость отъ предыдущихъ чтеній прежнихъ лекторовъ. Краткій конспектъ моихъ бесѣдъ по бактеріологіи:

„Видимый и невидимый міръ. Устройство микроскопа и его значеніе въ наукѣ. Граница между животнымъ и растительнымъ міромъ. Организмы на границѣ этихъ двухъ царствъ.

„Амэбы, строеніе ихъ, питаніе и размноженіе. Насѣкомоядныя растенія. Водоросли. Бактеріи. Различные виды бактерій. Строеніе тѣла. Величина. Питаніе и размноженіе. Самозащита отъ внѣшнихъ вліяній. Бактеріальныя споры. Бактерія вѣчна и всесильна; роль бактеріи въ физіологическихъ процессахъ природы. Что такое гніеніе? Бактеріи при образованіи каменнаго угля. Что такое броженіе? Бродящее сусло. Скисающее молоко. Перегорающій навозъ. Для чего пашутъ землю? Бактеріи—друзья и враги человѣка. Болѣзнетворныя бактеріи. Инфекціонныя болѣзни. Заразность воздуха, питья

воды и общенія съ больными. Какъ попадаютъ и поселяются бактеріи въ животномъ организмѣ? Какъ онѣ его разрушаютъ? Чистота, какъ средство предохраненія отъ заболѣваемости. Холера, брюшной тифъ, чахотка, дифтеритъ, скарлатина, оспа. Какъ защищается организмъ отъ поселяющихся въ немъ и разрушающихъ его бактерій?—Составъ крови человѣка. Кровообращеніе. Красные и бѣлые кровяные шарики. Бѣлыя клѣтки, передвигающіяся по всему организму. Какъ защищаютъ онѣ пораженную ткань? Нарывы и гной, какъ послѣдствія самозащиты. Заболѣваемость организма, какъ борьба между проникшими въ него болѣзнетворными бактеріями и защищающимися бѣлыми кровяными шариками. Болѣзнетворные микробы и фагоциты. Выздоровленіе. Прививки, какъ способъ лѣченія и предотвращенія заболѣваній. Принципъ, на которомъ основаны эти прививки. Пастеръ и Мечниковъ. Оспа и Дженеръ. Прививка дифтерита и др.—Невѣжество и страшныя послѣдствія его въ холерныя, оспенныя и др. эпидеміи. „Бабушка—оспа“ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, холера и, такъ называемая, коровья смерть. Оттого ли подымаются въ гробахъ холерные покойники, что доктора хоронятъ ихъ живыми? Какъ предохранить себя отъ заразы такими болѣзнями и какъ ихъ нужно лѣчить?

„По поводу этихъ бесѣдъ могу сказать, что въ общемъ онѣ были прослушаны съ интересомъ. Если нѣкоторымъ изъ ученицъ были нечужды общія свѣдѣнія, за то подробности и, такъ сказать, обобщающій характеръ бесѣдъ, видимо, давали нѣкоторую пищу ихъ уму и наталкивали на различные вопросы. Такъ, помню, меня спрашивали: отчего въ болѣзняхъ человѣкъ худѣетъ? Куда дѣваются разрушенныя клѣтки и какъ онѣ возстановляются снова? Иныя изъ ученицъ заинтересовались тѣми данными, которыя объясняли эти вопросы, стали просить разсказать имъ еще что-нибудь въ томъ же родѣ. Но такъ какъ мнѣ было извѣстно, что собраніе учащихъ вообще было противъ того, чтобы въ старшей группѣ снова велись бесѣды по естествознанію въ виду того, что подобнымъ бесѣдамъ уже отводилось въ свое время не мало мѣста, то я рѣшила перейти по окончаніи выбраннаго предмета къ другимъ темамъ.

„Выборъ новой темы былъ снова для меня затруднителенъ и не менѣе, нежели первый. Совѣщаясь съ нѣкоторыми изъ учительницъ, я слышала отъ нихъ совѣты дать ученицамъ хотя самыя краткія свѣдѣнія, касающіяся экономическихъ или правовыхъ отношеній между людьми; но такая тема пугала меня, какъ по своей обширности, такъ и потому, что я никогда не вела такихъ бесѣдъ и не знала, какъ за нихъ взяться. Поэтому я рѣшила до поры до времени отложить такого рода бесѣды и остановилась на урокахъ по исторіи культуры. Привожу здѣсь программу этихъ бесѣдъ, отчасти какъ бы составившихъ продолженіе моихъ прошлогоднихъ бесѣдъ на ту же тему, которыя я вела для нѣсколькихъ соединенныхъ группъ: Человѣкъ доисторическаго времени. Умственное и физическое различіе первобытнаго и современнаго человѣка. Физическая выносливость дикаря. Развитіе мускулатуры; острота зрѣнія, слуха и обонянія; притупленность, осязательныя ощущенія. Узость умственнаго кругозора. Бѣдность языка. Поразительная тупость къ ариѳметическимъ вычисленіямъ, счетъ по пальцамъ и десятичная система счисленія. Наглядный счетъ дикаря и пріемы его при торговомъ обмѣнѣ товаровъ. Неспособность къ отвлеченному мышленію. Отношеніе къ сновидѣніямъ. Наблюденіе надъ природой и выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этихъ наблюденій. Одухотвореніе природы. Происхожденіе религіозныхъ вѣрованій. Роль, которую

играли при этомъ сны и смерть человѣка. Охотничій или бродячій періодъ жизни дикаря, какъ самый малокультурный. Скудость пищи и зависимость отъ случая. Условія жизни въ этомъ періодѣ. Прирученіе животныхъ и переходъ къ скотоводству. Что выигралъ человѣкъ, приручивъ животныхъ и научившись за ними ухаживать? Первобытное земледѣліе въ рукахъ женщины. Положеніе женщины въ различные періоды. Первичныя соціальныя группы. Матріархатъ и материнская любовь, какъ первое звено, соединившее людей въ прочныя общественныя группы. Положеніе матери, какъ главы семейнаго рода. Степени родства при матріархатѣ. Наслѣдованіе имущества. Браки. Раздѣленіе между полами земледѣльческаго и охотничьяго труда при матріархатѣ. Скудость жизни при матріархатѣ. Увеличеніе мужского значенія въ семьѣ и въ родѣ съ возникновеніемъ скотоводства. Мужчина—глава семьи и рода. Патріархатъ. Развитіе скотоводства и земледѣлія. Болѣе рѣзкое раздѣленіе труда между полами. Паденіе вліянія и роли женщины. Обычаи у дикарей, какъ сохранившіяся указанія на борьбу между мужчиной и женщиной за первенство въ семьѣ и родѣ.

„Какъ и первыя мои чтенія по бактеріологіи, эти бесѣды также оказались для многихъ изъ учеництъ болѣе или менѣе знакомыми. Нѣкоторыя же изъ нихъ даже читали Исторію культуры Липперта и нѣкоторыя другія книги. Если все-таки онѣ терпѣливо дослушали до конца эти бесѣды то только потому, что я готовилась къ этимъ урокамъ по книгамъ, которыхъ у нихъ не было въ рукахъ и затрагивала вопросы съ тѣхъ сторонъ, которыя имъ еще не были извѣстны. Отвѣты на вопросы давались нѣкоторыми ученицами очень толково и несомнѣнно доказывали, что сообщенныя имъ свѣдѣнія болѣе или менѣе успѣшно усвоены. Привожу выдержки изъ одной такой работы, случайно у меня сохранившейся:

„.... По научнымъ изслѣдованіямъ извѣстно, что первобытный человѣкъ по своему внѣшнему виду очень отличался отъ современнаго. Знаменитый натуралистъ Дарвинъ въ своей теоріи „объ измѣняемости видовъ“ говоритъ, что человѣческій организмъ, какъ и всѣ организмы вообще, подвергся значительному измѣненію. Кости доисторическаго человѣка, найденныя въ раскопкахъ, по своему виду являются какъ бы подтвержденіемъ этого предположенія, такъ онѣ не похожи на кости современнаго человѣка; конечности рукъ и ногъ очень длинны, лицо съ выдающимися челюстями, лобъ низкій, грудная клѣтка и ребра очень выпуклы, мало чѣмъ отличаясь по внѣшнему виду отъ животнаго. Несомнѣнно, что и образъ жизни первобытнаго человѣка мало чѣмъ отличался отъ жизни животныхъ. Человѣкъ изнемогалъ въ борьбѣ съ окружающими его условіями, но какъ, извѣстно, вышелъ изъ нея побѣдителемъ, благодаря той особенности, которая его отличала отъ всѣхъ животныхъ,—это способность объяснять членораздѣльно разныя наблюденія, иначе говоря, языкъ и умъ человѣка. Языкъ у первобытныхъ людей былъ крайне бѣденъ: словъ было очень мало; объяснялись они больше жестами. Но дальнѣйшее развитіе языка слѣдуетъ съ развитіемъ культуры. Потребности у дикаря были очень ограниченны; о какихъ-либо удобствахъ въ нашемъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Единственно, безъ чего не можетъ обойтись дикарь,—это пища. Въ добываніи себѣ пищи дикарь проводилъ всю жизнь. Извѣстно, что на зарѣ своего существованія, какъ и всякій звѣрь, человѣкъ не имѣлъ никакихъ орудій для производства и никакого оружія, чтобы защищаться отъ звѣрей. Жили, гдѣ придется, питались почти исключительно растительностью и всѣмъ тѣмъ, что даетъ природа въ готовомъ

видѣ; можно сказать, что забота о пропитаніи, чередуясь съ отдыхомъ, поглощала все время первобытнаго человѣка, вслѣдствіе чего, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, у такого человѣка было мало времени и поводовъ заниматься отвлеченными вопросами. Сновидѣнія сыграли большую роль въ жизни дикаря. Дикарь полагаетъ, что душа умершаго или спящаго человѣка временно оставляетъ тѣло и уносится, куда ей угодно. Если ему приснится, напримѣръ, умершій отецъ его, то дикарь увѣренъ, что отецъ былъ у него и говорилъ съ нимъ на самомъ дѣлѣ. Отсюда вѣра въ загробную жизнь и культъ предковъ. Первое отвлеченное представленіе, которое человѣкъ долженъ былъ себѣ составить о душѣ, какъ только онъ началъ размышлять, было то, что духъ отца его соединился или вошелъ въ тотъ предметъ, который былъ имъ любимъ и что душа умершаго будетъ покровительствовать или вредить, смотря по тому, какъ къ ней относятся свои родные; поэтому у нѣкоторыхъ племенъ даже съѣдали своихъ покойниковъ (или отдѣльные органы ихъ тѣла, какъ, напр., сердце или печень), чтобы захватить ихъ силу, храбрость и т. п.“

„Закончивъ чтенія по исторіи культуры передъ Рождествомъ и зная, что весной у меня совсѣмъ не будетъ свободнаго времени, я хотѣла на этомъ остановиться и послѣ Рождества прекратить занятія. Однако, сообщивъ объ этомъ ученицамъ, я была такъ сконфужена ихъ огорченіемъ и просьбами остаться у нихъ еще хоть немножко и взять на себя хоть одинъ какой-нибудь предметъ, что положительно затруднялась, какъ быть. Такъ какъ готовиться къ урокамъ на этотъ разъ у меня дѣйствительно не было никакой возможности, то я рѣшила оставить за собою урокъ письма. Я предложила ученицамъ прочитать вмѣстѣ со мной ту или другую статью и затѣмъ тѣмъ же путемъ, какъ это у насъ дѣлалось раньше, составлять, послѣ бесѣды о прочитанномъ, планъ и съ моей помощью излагать всѣмъ сообща. Обыкновенно онѣ успѣвали только начать въ классѣ изложеніе, а оканчивали дома. На первый разъ я выбрала разсказъ Рубакина „Митрошкино жертвоприношеніе“. Подъ заглавіемъ этого разсказа стояла помѣтка: изъ записокъ земскаго статистика.—Прочла я это заглавіе и спросила ихъ, знаютъ ли онѣ, что значитъ статистика и земство. Отвѣтъ былъ отрицательный. Такъ вы, пожалуй, и того момента въ русской исторіи, когда возникло земство, тоже не знаете? Не знаете эпохи великихъ реформъ?—Очень мало. Вотъ вы намъ разскажите объ этомъ“. Пришлось остановиться на заглавіи и начать разсказывать о томъ, что для каждаго интеллигентнаго человѣка составляетъ азбучную истину, но что для нихъ оказалось и ново и полно захватывающаго интереса. Какъ сложилось на Руси крѣпостное право, какіе чудовищные размѣры приняло оно въ концѣ своего существованія и какъ исказило всю русскую жизнь снизу до верху, какъ, наконецъ, оно пало и какъ на обломкахъ его выросла современная Россія, какъ жутко и трудно пришлось устраиваться по новому и барину и мужику. Всему этому я должна была посвятить два воскресенья подрядъ. Третье было посвящено судебной реформѣ и червертое должно было быть посвящено земству, но, заболѣвъ, я должна была прекратить свои занятія въ школѣ. Все, о чемъ я сейчасъ говорила, всѣ эти случайно вставшія передъ ученицами свѣдѣнія, разумѣется, имѣли значеніе лишь по тому крайнему интересу, съ которымъ они были восприняты моими слушательницами. Ихъ живой, неподдѣльный интересъ, ихъ нежеланіе уходить изъ класса и просьбы продолжать послѣ звонка дѣлали то, что вмѣсто часа, я сидѣла на урокѣ чуть ли не два. Помню, какъ однажды

послѣ звонка комично боролась группа учениц между желаніемъ слушать дальше и перемѣнить въ библіотекѣ книги (былъ часъ выдачи книгъ). Онѣ переглядывались, хмурились и глазами приглашали одна другую пойти въ библіотеку. Наконецъ, нѣсколько рукъ сразу протянулось къ одной изъ учениць и та, волей неволей, должна была взять на себя снести въ библіотеку книги. Она вскочила и, буквально, меньше, чѣмъ чрезъ двѣ минуты, вся задыхавшаяся и оживленная, вернулась въ классъ. Отъ библіотекарши я потомъ слыхала, что она бѣгомъ прибѣжала въ ея комнату, бросила на столъ книги и, ничего не сказавъ, также поспѣшно убѣжала. За эти три дня мнѣ было предложено столько вопросовъ, я выслушала такую массу замѣчаній, свидѣтельствовавшихъ о самомъ горячемъ интересѣ слушательницъ къ предмету, что для меня сдѣлалось совершенно очевиднымъ, какъ была права библіотекарша, убѣждавшая меня съ самаго начала года взять предметомъ своихъ уроковъ именно подобныя этимъ бесѣды. Для нихъ это дѣйствительно былъ просимый хлѣбъ, за которымъ, я думаю, онѣ готовы были пойти не только въ школу, но и на край свѣта“.

Повторительныя группы.

Говоря объ ученицахъ, окончившихъ народную школу, необходимо упомянуть о томъ, что воскресная школа ихъ пріютила у себя потому, что дѣти, пройдя курсъ народной школы, находятся въ такомъ положеніи, что имъ грозитъ рецидивъ безграмотности. ибо въ Одессѣ до сихъ поръ нѣтъ повторительныхъ классовъ для окончившихъ народную школу, въ то время, какъ въ другихъ городахъ городскія общественныя управленія давно позаботились объ этомъ. Въ виду того, что окончившія народную школу различны по возрасту (отъ 11 до 14 лѣтъ), также въ виду того, что грамматика и ариѳметика тамъ проходятся въ довольно большомъ курсѣ, ихъ нельзя присоединять къ группамъ воскресницъ, которыя, если обладаютъ кое-какими знаніями по этимъ предметамъ, то знанія эти настолько безсистемны и нетверды, что приходится большею частью начинать сначала. Такимъ образомъ, изъ окончившихъ народную школу приходится формировать отдѣльныя группы и вырабатывать для нихъ особую программу.

Всѣхъ ученицъ, окончившихъ народную школу, записалось 105, и онѣ были распредѣлены на 4 группы. Даемъ отчетъ одной изъ этихъ группъ.

Въ группу учит. М. П. записалось 11 ученицъ; изъ нихъ 10 занимаются въ школѣ отъ 2 до 4 лѣтъ, а одна ученица поступила въ настоящемъ году. Изъ нихъ выбыли въ теченіе перваго полугодія 2 по домашнимъ обстоятельствамъ, а относительно одной вотъ, что пишетъ учительница въ своемъ отчетѣ: „Ученица К. занималась съ сентября по декабрь включительно и отличалась аккуратностью посѣщеній. Но на Рождество ей пришлось участвовать въ спектаклѣ для воскресныхъ школъ (устроенномъ другою школой). Каждое воскресенье происходили репетиціи, въ будни тоже. Послѣ Рождества готовились къ спектаклю на масленицѣ, затѣмъ къ Пасхѣ. послѣ Пасхи еще былъ спектакль, и такъ безъ конца. Все это ее слишкомъ увлекло, и она перестала посѣщать школу. Кромѣ того, перестала работать (шить въ мастерской), а послѣ того, какъ ей сказали, что у нея видны способности къ артистической дѣятельности, она рѣшила поступить на сцену. Теперь она учится пѣть, играть и французскому языку, живетъ у учительницы-францу-

женки и въ оплату за уроки вышиваетъ бисеромъ. Занималась эта ученица въ школѣ около 4 лѣтъ".

Группа занималась по воскресеньямъ, вторникамъ и пятницамъ, но правильныя занятія шли только по воскреснымъ днямъ. Въ будни собирались не всѣ ученицы, и поэтому въ эти дни только повторяли пройденное или же что-нибудь читали. Ученицамъ больше нравились занятія по буднямъ, потому что въ эти дни больше дѣлились мыслями съ учительницей: кружокъ былъ меньше, чувствовалъ себя проще.

Въ виду недостаточной подготовки ученицъ, главное вниманіе обращалось на выработку правильной рѣчи и хорошаго изложенія. Для ознакомленія съ одной вновь поступившей въ группу ученицей было предложено написать что-либо о прочитанномъ ею дома. Она представила слѣдующую работу, которая характеризуетъ степень развитія этой ученицы: „Я читала разсказъ Горькаго „Пѣснь о соколѣ". Героемъ этого разсказа былъ соколъ. Подъ соколомъ подразумѣвается человѣкъ. Соколъ несомнѣнно внушаетъ большую симпатію, чѣмъ ужъ, потому что у него болѣе возвышенныя чувства и твердый характеръ, который не боится никакихъ преградъ, а борется до послѣдняго издыханія. А ужъ это такой человѣкъ, который думаетъ только о томъ, чтобы хорошо покушать и выспаться. Въ этомъ проходитъ вся его жизнь. Человѣкъ, подразумѣваемый подъ соколомъ стремился вверхъ, потому что онъ видѣлъ, что онъ борется за что-то хорошее и правое. Человѣкъ, подразумѣваемый подъ ужомъ, тоже хотѣлъ было послѣдовать примѣру сокола, но, испробовавъ одинъ разъ, какъ трудно бороться, рѣшилъ, что это безумно и рисковано. Намъ, конечно, не нужно брать примѣра съ ужа и не быть такими малодушными и безхарактерными, какимъ былъ онъ, а больше нужно стараться быть похожими на сокола".

Въ началѣ года были написаны слѣдующія переложенія и самостоятельныя работы: Характеристика Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, „Истинная правда" Андерсена, „Пѣсня Еремушки" Некрасова и „Русская крестьянка", „Докторъ" Мачтета. Въ этихъ работахъ выдѣлилась особенно ученица С. Въ то время, говоритъ учительница, какъ остальныя ученицы обращали главное вниманіе на идею и ходъ разсказа, она непремѣнно окружала событія обстановкой и старалась сдѣлать эту обстановку какъ можно поэтичнѣе. Вотъ, напр., отрывокъ изъ ея переложенія: „Чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, Аѳанасій Ивановичъ отъ сильной скуки задумалъ прогуляться. Погода была для Аѳанасія Ивановича хороша. Солнце свѣтило еще не совсѣмъ ярко и ясно. Когда онъ вышелъ изъ дома, онъ направился въ свой садикъ, который онъ рѣдко посѣщалъ. Когда онъ вошелъ въ калитку сада, все было тихо и спало сладкимъ сномъ. Но вотъ, наконецъ, гдѣ-то въ концѣ пронесся тоненькій слабый голосокъ. Это, должно быть, какая-нибудь птичка проснулась и будитъ своихъ подругъ. За ней просвистали еще нѣсколько голосовъ, а потомъ все больше и слышнѣй пронеслись звуки. Потомъ была слышна трель кузнечиковъ и другіе голоса. Наконецъ, все проснулось и оживилось. Аѳанасію Ивановичу понравилась эта картина, и онъ со вниманіемъ слушалъ. Она ему нравилась потому что прислушивался къ щебетанью птицъ и къ шелесту листьевъ, и къ трели кузнечиковъ, а раньше онъ на это не обращалъ вниманія, а только сидѣлъ дома и любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановной". Изъ самостоятельныхъ работъ были написаны ученицами слѣдующія: Письмо къ учительницѣ по поводу начала занятій, описаніе лѣтняго вечера, городъ и деревня, опи-

саніе пустыни, о значеніи путешествій, мой самый счастливый или самый несчастливый день въ жизни, разсужденіе по поводу стихотворенія „Внимая ужасамъ войны“, впечатлѣнія послѣ прочтенія разсказа „Къ чему жить“, о борьбѣ съ суевѣріями, о началѣ грамотности въ Россіи, какъ вліяетъ природа на человѣка. Самыми удачными работами надо считать: лѣтній вечеръ, внимая ужасамъ войны, къ чему жить и борьба съ суевѣріями. Въ особенности заинтересовались ученицы темой: къ чему жить и можетъ ли человѣкъ лишать себя жизни. На эту тему отвѣтила даже ученица Г., которая вообще отличается тѣмъ, что пишетъ поразительно правильно, но выражать своихъ мыслей совершенно не умѣетъ. Она пришла, между прочимъ, къ выводу, что человѣкъ имѣетъ право распоряжаться собою, какъ ему заблагоразсудится. Привожу работу на тему „Лѣтній вечеръ“ ученицы С. „Это было около шести часовъ вечера. Солнце уже заходило. Жара днемъ была невыносимая, и хотѣлось немного отдохнуть и забыться. Сидя у окна, я дышала свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Вдругъ я услышала крикъ и бѣготню; я, конечно, поспѣшила перегнуться черезъ окно и увидѣла цѣлыя толпы народа. Лица у всѣхъ были возбужденныя и какія-то дикія. Какъ послѣ я узнала, то были рабочіе, которые требовали своихъ правъ. На меня этотъ взбунтовавшійся народъ подѣйствовалъ удручающе. Но все-таки мнѣ было какъ-то пріятно думать, что, быть можетъ, эти бѣдные труженики поставятъ на своемъ и получатъ то, чего они добиваются, и удовлетворенныя требованія облегчатъ ихъ тяжелую жизнь. Народъ прошелъ мимо, и я, уносясь мыслью за нимъ, нечаянно посмотрѣла на небо. Въ это время послѣдніе лучи солнца, равнодушные къ людскимъ страданіямъ, заходили за горизонтъ. Вскорѣ появилась звѣздочка, и ничто уже не нарушало ночную тишину“.

Изъ географическаго отдѣла „Книги взрослыхъ“ годъ III были прочитаны слѣдующія статьи: Китай, Индія, Нилъ и Египетъ, Турція, Италія, Швейцарія, Песталоцци, Франція, Швеція и Норвегія, Крестьянскіе университеты, Англія, Народный дворецъ въ Лондонѣ, Христофоръ Колумбъ, Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты, Біографія Бичеръ-Стоу и Авраамъ Линкольнъ. Нѣкоторыя статьи излагались дома письменно. Больше всего останавливаться приходилось на Сѣв.-Амер. Соединен. Штатахъ. Въ описаніи каждой страны ученицы интересовались характеромъ и занятіемъ народа, управленіемъ страною и положеніемъ женщины. Статьи—„Народный дворецъ“ и „Крестьянскіе университеты“ вызвали восторгъ.

По ариѳметикѣ ученицы были уже знакомы съ именованными числами и дробями, но за лѣто поразительно забыли пройденное, и пришлось повторить и то и другое. Затѣмъ были пройдены всѣ дѣйствія надъ десятичными дробями. Задачи рѣшались въ классѣ изъ задачника Минина и Арбузова. При занятіяхъ, главнымъ образомъ, обращалось вниманіе, чтобы ученицы свободно дѣйствовали надъ числами и понимали дѣйствія, а опредѣленія правилъ не заучивались. Учительница занимается съ этой группой третій годъ.

Затѣмъ учительница этой группы провела рядъ общихъ объяснительныхъ чтеній по физической географіи для всѣхъ группъ, окончившихъ народную школу. Чтенія велись по вечерамъ, иногда съ волшебнымъ фонаремъ. Прочитано было: Объ образованіи земли и формѣ ея, о каменныхъ и горныхъ породахъ, вулканы и землетрясенія, источники, гейзеры, рѣки и ручьи, образованіе пещеръ; горы и природа горъ; атмосферическіе осадки, воздухъ и вѣтеръ.

Общія бесѣды.

Учительница К. въ теченіе 1903/4 уч. года вела *объяснительныя бесѣды по исторіи* для группы сильнограмотныхъ. Эти объяснительныя бесѣды имѣли своей задачей подготовить ученицъ этой группы къ пониманію современнаго быта цивилизованныхъ странъ въ его историческомъ происхожденіи. Такъ какъ эта группа была уже ознакомлена прежними чтеніями съ матеріальной культурой первобытныхъ народовъ, то чтеніе началось съ краткаго очерка развитія религіозныхъ воззрѣній по слѣдующей программѣ: Первобытныя религіозныя представленія и источники ихъ происхожденія. Фетишизмъ, какъ наиболѣе грубая форма. Обожествленіе животныхъ. Перенесеніе на божество человѣческихъ качествъ и свойствъ въ связи съ болѣе подробнымъ ознакомленіемъ съ религіей грековъ. Первые проблески монотеистическихъ понятій. Сократъ.— Религіозные обряды въ древнихъ религіяхъ, что являлось ихъ предметомъ и въ чемъ они выражались. Какъ постепенно видоизмѣнялись жертвоприношенія, внѣшняя сторона уступаетъ мѣсто молитвѣ. Восточныя религіи и буддизмъ, какъ религія вполнѣ чуждая обрядовой сторонѣ.—Роль поклоненія предкамъ въ религіозныхъ представленіяхъ и представленія о загробной жизни. Родовыя религіи въ связи съ родовой организаціей, старѣйшій въ родѣ, какъ представитель передъ божествомъ. Власть старшаго въ родѣ и сліяніе власти съ чисто жреческими обязанностями.— Затѣмъ были сообщены свѣдѣнія объ устройствѣ и бытѣ Греціи и Рима. Какъ сложились общественныя группы въ Греціи. Родовые старѣйшины, совѣты и др. Дѣленіе на классы по происхожденію. Географическія условія Греціи и ихъ вліяніе на складъ жизни. Переходъ отъ земледѣлія къ торговлѣ. Какъ видоизмѣнила торговля составъ родовыхъ и племенныхъ группъ. Закабаленіе и экономическіе кризисы. Законодательство Солона.—Римъ, какъ болѣе сложный государственный организмъ. Значеніе рабства въ древней культурѣ. Краткій очеркъ первобытнаго общественнаго устройства германцевъ. Паденіе Рима. — Предполагавшееся послѣ этого ознакомленіе ученицъ съ главными признаками феодальнаго устройства среднихъ вѣковъ и постепеннымъ переходомъ къ современной западной культурѣ не могло состояться за недостаткомъ времени. Попутно излагался ходъ внѣшнихъ событій греческой и римской исторіи. Учительница приходитъ къ выводу, что ученицы воскресной школы проявляютъ самый живой интересъ къ историческимъ бесѣдамъ и полагаетъ необходимымъ, чтобы такія бесѣды продолжались и на будущее время.

По воскресеньямъ для всѣхъ группъ прозекторомъ университета д-ромъ С. велись бесѣды *по анатоміи и физіологіи* въ связи съ патологіей человѣка, по слѣдующей программѣ:

I. Анатомія и физіологія мышечнаго аппарата. Мышцы произвольныя и непроизвольныя (гладкія и рубчатыя); мышца сердца; отличіе ихъ, анатомическое и физіологическое назначеніе мышечнаго аппарата въ организмѣ; работа мышцъ; утомляемость; разница между живой и мертвой мышцей.

II. Анатомія и физіологія аппарата кровообращенія. Сердце, анатомія его; артеріи, вены и капилляры: анатомія ихъ. Физіологія сердечныхъ сокращеній; скорость и сила сердечныхъ сокращеній; тоны сердца, сердечный толчокъ. Условія движенія крови по артеріямъ, капиллярамъ и венамъ. Пульсъ и различные виды его. Кровь; составъ кровяной ткани; различные виды красныхъ кровяныхъ тѣлецъ; бѣлыя кровяныя тѣльца. Бѣлки крови; гемоглобинъ

и его назначеніе въ крови, свертываніе крови. Патологія кровообращенія. Слабость сердечной мышцы въ зависимости отъ болѣзней, пороки сердца. Кровотеченіе, смерть отъ обильныхъ потерь крови; приспособляемость организма при кровотеченіяхъ. Различные виды малокровія. Демонстрація кровообращенія у живой лягушки (подъ микроскопомъ); демонстрація различныхъ видовъ кровяныхъ тѣлецъ (подъ микроскопомъ).

III. Анатомія и физіологія дыхательнаго аппарата. Глотка; гортань; голосовой аппаратъ; дыхательное горло, бронхи крупныя и мелкія; легкія; анатомическое устройство и положеніе указанныхъ органовъ въ человѣческомъ организмѣ. Физіологія дыхательныхъ движеній. Вздохъ и выдохъ. Остановка дыханія при смерти организма. Количество и качество дыхательныхъ движеній. Газовой обмѣнъ крови въ легкихъ. Патологія дыхательнаго аппарата; болѣзни гортани, дыхательнаго горла: воспаленіе легкихъ. Демонстрація дыхательныхъ движеній на свѣжемъ живомъ легкомъ (теленка).

Всѣ бесѣды сопровождались демонстраціями изъ анатомическаго атласа и туманными картинами.

Въ 1902/3 учеб. году *велись общія бесѣды*, имѣвшія цѣлью подготовить учениць къ чтеніямъ *по ботаникѣ* учителемъ гимназіи С. по слѣд. программѣ: Три царства природы. Общій взглядъ на нихъ и сравнительная характеристика. Царство мертвое. Понятіе о простомъ и сложномъ тѣлѣ. Понятіе о синтезѣ и анализѣ, что такое минералогія Царство животныхъ. Понятіе о клѣткѣ по ткани. Географическое распространеніе животныхъ и растеній. Одноклѣтчатыя и многоклѣтчатыя животныя. Понятіе о классификаціи вообще и въ частности по отношеію къ животнымъ.—Эти бесѣды были прерваны за неимѣніемъ у лектора времени.

Въ теченіе 1902/3 учеб. года инспекторъ училища Ефрусси А. А. Иващенко провелъ *нѣсколько литературныхъ чтеній*, въ которыхъ ознакомилъ учениць съ біографіей, значеніемъ и образцовыми произведеніями Кольцова и Гаршина, при чемъ были прочитаны „Сигналъ", „Четыре дня на полѣ сраженія" и др.

Въ теченіе 1903/4 учеб. года учитель Н. велъ по воскресеньямъ общія литературныя чтенія, но, къ сожалѣнію, отчета о нихъ за отъѣздомъ чтеца не было представлено.

Библіотека.

Къ началу 1902/3 учеб. года рѣшено раздѣлить библіотеку на двѣ части: одну—для взрослыхъ и другую—для подростковъ, почти исключительно состоявшихъ изъ окончившихъ народную школу. Каждою изъ этихъ библіотекъ завѣдывала отдѣльная учительница. Выдача книгъ производилась по воскресеньямъ въ промежутки между групповыми занятіями и частью до начала занятій. Кромѣ того выдавались книги по пятницамъ, а также и во время каникулъ. Въ ниже помѣщенныхъ таблицахъ сгруппированы всѣ цыфровыя данныя по обѣимъ библіотекамъ.

1. Библіотека для взрослыхъ	Общее число названій.	Беллетрист. названій.	Научно-популяр. и др.—названій.	Число учениць.	Общее число выдачъ.	Беллет. число выдачъ.	Научно-популярн. и др.—выдачъ.	Средн. число выдачъ на 1 учен.	maximum выдачъ на 1 учен.
1902/3 учеб. годъ	204	167	37	90	620	508	112	7	30
1903/4 учеб. годъ	853	543	310	145	1722	1301	411	12	63

2. Библіотека для подростковъ.									
1902/3 учеб. годъ	487	277	210	115	1473	1203	233	13	53
1903/4 учеб. годъ	655	403	252	149	1803	1479	324	12	45

Изъ беллетристики въ библіотекѣ для взрослыхъ въ 1902/3 учебномъ году читалось наиболѣе всего: Л. Толстой (52 выдачи), Тургеневъ (49 выдачъ), Достоевскій (44 выдачи), Данилевскій (32 выдачи), Ожешко (27 выдачъ) и Короленко (22 выдачи). „Большое число выдачъ сочиненія Данилевскаго“, говоритъ библіотекарша въ своемъ отчетѣ, „объясняется не спросомъ со стороны ученицъ, а тѣмъ, что этотъ авторъ представленъ былъ въ библіотекѣ большимъ количествомъ книгъ (полное собраніе сочиненій—приложеніе къ журналу Нивы), почему приходилось его предлагать при недостаткѣ книгъ въ 1-ой половинѣ года, когда библіотека функціонируетъ наиболѣе интенсивно“. Въ библіотекѣ для подростковъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались слѣдующія книги: Книжка за книжкой—изданіе Слѣпцовой; Юліанка, Сирота, Дерево здоровья, Маленькая колдунья, Хижина дяди Тома—Бичеръ Стоу, Освобожденіе негровъ по Герштекеру, Долой оружіе—Сутнеръ, Л. Толстой—Дѣтство и отрочество, Кавказскій плѣнникъ, Дворянское гнѣздо, Записки охотника и др. сочиненія Тургенева, Сисоевой—жизнь Дж. Гарфильда, Водовозовой—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ и книжки Рубакина.

Завѣдующая выдачею книгъ въ библіотекѣ для взрослыхъ въ своемъ отчетѣ говоритъ, между прочимъ, что для нея „самостоятельный спросъ на книги въ послѣдніе 2 года было новымъ явленіемъ. Лѣтъ 7 — 8 тому назадъ при выдачѣ книгъ очень рѣдко случалось, говоритъ она, чтобы ученица сама называла автора или книгу, какую ей хотѣлось бы имѣть. „Какую-нибудь книжку“, такъ обыкновенно формулировалась просьба. Первое время я склонна была даже отнестись съ недовѣріемъ къ спросу книгъ, которыя въ данное время вызывали интересъ всего интеллигентнаго общества (напр., соч. Горькаго), считая это чѣмъ-то несерьезнымъ, навязаннымъ извнѣ. Всецѣло объяснить такое явленіе повышеніемъ умственнаго уровня массы, изъ которой набирается контингентъ ученицъ, или же прогрессированіемъ школы — я не рѣшаюсь. Несомнѣнно только одно, что лекціи по литературѣ въ городской народной аудиторіи много способствовали усиленію спроса на классиковъ. Изъ того, что въ извѣстное воскресенье большинство спрашивало одного и того же автора, уже можно было заключить, какъ и на дѣлѣ оказывалось, что въ аудиторіи въ это время шелъ разборъ произведеній его Чтеніе при такихъ условіяхъ являлось осмысленнымъ, какъ видно изъ письменныхъ отвѣтовъ ученицъ, и можно только пожалѣть, что лекціи по литературѣ, вслѣдствіе недостаточнаго числа билетовъ на нихъ, присланныхъ аудиторіей, недоступны были для большинства“. Далѣе библіотекарша продолжаетъ: „что касается контроля надъ чтеніемъ, то средствомъ для него, кромѣ упомянутыхъ письменныхъ отвѣтовъ, — для чего служатъ выработанные къ большинству произведеній нашихъ классиковъ (Тургеневъ, Л. Толстой, Гончаровъ, Достоевскій), вопросы,—могъ бы служить опросъ ученицъ при возвращеніи книгъ Но для этого, а также и для бесѣдъ по поводу письменныхъ отвѣтовъ, библіотекарша была сильно стѣснена недостаткомъ времени, такъ какъ выдача книгъ производится у насъ во время перемѣнъ“. Попытка выдачи книгъ до начала занятій не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ очень немногія ученицы приходили раньше; послѣ же занятій, т. е. послѣ 3 часовъ,

ученицы спѣшили уходить и не склонны были вступать въ продолжительную бесѣду по поводу прочитанной книги. Завѣдующая выдачею книгъ изъ этой библіотеки настоятельно рекомендуетъ веденіе коллективныхъ чтеній, которыя начинающимъ даютъ навыкъ вдумываться въ читаемое, отыскивать идею произведенія и вообще научаютъ „читать“ въ настоящемъ значеніи этого слова, а для сильно грамотныхъ, помимо всего этого, достигается и систематичность чтенія.

Завѣдующая выдачею книгъ изъ библіотеки для подростковъ констатируетъ сравнительную незначительность спроса на книги научно-популярнаго содержанія. Приходилось настойчиво рекомендовать эти книги ученицамъ и сопровождать выдачу предварительною бесѣдой и объясненіемъ. Вмѣстѣ съ завѣдующей библіотекой для взрослыхъ она полагаетъ, что было бы весьма желательнымъ, чтобы групповыя учительницы при объяснительномъ чтеніи рекомендовали ученицамъ пополнять свои знанія чтеніемъ соотвѣтствующихъ научно-популярныхъ книгъ изъ библіотеки. Прекрасный примѣръ въ этомъ отношеніи подала учительница В., на группу которой, состоящую изъ 12 ученицъ, приходится 156 выдачъ, изъ коихъ 86 научно-популярнаго содержанія. „Пріохоченныя къ такому чтенію, говоритъ завѣдующая библіотекой для взрослыхъ, ученицы иногда сами просили книжку, которая познакомила бы съ тѣмъ или другимъ явленіемъ природы“.

Въ теченіе 1902/3 и 1903/4 учебныхъ годовъ были организованы коммиссіи по библіотечному дѣлу, имѣвшія цѣлью выработку контролирующихъ вопросовъ къ книгамъ и составленіе списка книгъ, которыя въ извѣстномъ последовательномъ порядкѣ необходимѣе всего для прочтенія ученицамъ. Къ сожалѣнію, коммиссіи эти не выказали достаточной настойчивости въ преслѣдованіи своей цѣли и выработали только вопросы къ нѣкоторымъ книгамъ. Главнымъ тормазомъ было недостаточное знакомство учительницъ съ народной литературой; ознакомленіе же съ этой литературой въ видѣ допущенныхъ въ народныя библіотеки книгъ, представляющей очень скудный и малоинтересный матеріалъ, требуетъ извѣстной настойчивости и труда.

Наконецъ, къ сожалѣнію, приходится констатировать значительный процентъ невозвращаемыхъ книгъ. Большею частью это приходится отнести не къ злому умыслу, а, главнымъ образомъ, объясняется это легкомысленнымъ отношеніемъ къ книгѣ ученицъ, вновь поступающихъ въ школу. Ученицы эти не придаютъ книгѣ большой цѣны и, оставляя почему-либо школу, часто не находятъ нужнымъ идти въ школу только затѣмъ, чтобы возвратить книгу. Нѣкоторыя изъ ученицъ, посѣщающихъ школу нѣсколько лѣтъ, охотно берутъ на себя трудъ посѣщать ушедшихъ изъ школы ученицъ и брать у нихъ невозвращенныя книги. Благодаря этому нѣсколько десятковъ книгъ были спасены для школы *).

---

*) Конецъ отчета—уроки кройки и шитья, школьные праздники, хозяйственный отчетъ опускаемъ. *Ред.*

Хроника профессіональнаго образованія.

Вопросъ о предметной системѣ преподаванія въ высшихъ техническихъ школахъ.—Временное закрытіе ихъ.—Молочно-хозяйственный институтъ.—Въ среднихъ техническихъ школахъ.—Профессіональные курсы.—Учрежденіе „Справочнаго бюро" по школьному и внѣшкольному образованію для взрослыхъ.—Профессіональное образованіе для женщинъ.

Въ средѣ профессоровъ и студентовъ высшихъ техническихъ школъ наблюдается въ послѣднее время сильное движеніе въ пользу замѣны нынѣшней курсовой системы преподаванія такъ называемой „предметной". Если даже для среднихъ учебныхъ заведеній „классная" система преподаванія признается связанной съ очень многими недостатками, то тѣмъ болѣе это относится къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ уже самое сколько-нибудь равномѣрное распредѣленіе предметовъ по курсамъ часто вызываетъ чрезвычайныя затрудненія. Въ результатѣ во всѣхъ высшихъ школахъ есть курсы „легкіе" и „курсы тяжелые", почти непосильные для студентовъ среднихъ способностей. Отсюда же и плохое усвоеніе отдѣльныхъ предметовъ на „тяжелыхъ" курсахъ. Вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ обѣихъ системъ, между прочимъ, былъ весьма подробно разработанъ по иниціативѣ общества инженеровъ путей сообщенія. При этомъ, какъ сообщаютъ „Нов.", коллегія младшихъ преподавателей института предприняла рядъ сообщеній о необходимости преобразованій. Совѣщанія почти единодушно признали, что курсовая система неудовлетворительна и желательно введеніе предметной. Частности еще не разбирались. Студенты, съ своей стороны, признавая желательной предметную систему, выработали цѣлую схему программы занятій. Они полагали необходимымъ ввести большую спеціализацію и отмѣнить переходные экзамены. Для совмѣстнаго обсужденія этого вопроса общество инженеровъ путей сообщенія пригласило на собраніе какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Проф. В. Е. Тимоновъ провелъ параллель между возможными системами и указалъ недостатки и преимущества каждой. Недостатки курсовой нынѣ дѣйствующей системы докладчикъ видитъ въ: 1) невозможности заставить всѣхъ студентовъ проходить одновременно курсъ, 2) невозможности заранѣе его опредѣлить, 3) неравномѣрности напряженія труда, 4) короткомъ экзаменаціонномъ періодѣ. 5) невозможности для студента заниматься всѣми предметами по увлеченію, 6) необходимости обязательнаго представленія практическихъ работъ, часто безъ достаточной теоретической подготовки, 7) оставленіи на второй годъ за неуспѣшность въ одномъ предметѣ, 8) снисходительности профессоровъ вслѣдствіе нежеланія оставлять студента на второй годъ только изъ-за одного своего предмета, 9) репетиціяхъ, мѣшающихъ правильному ходу занятій, 10) „шаблонизаціи" студентовъ и, наконецъ, 11) невозможности пополнять пробѣлы прошлыхъ лѣтъ. Достоинства этой системы заключаются только въ удобствѣ управленія институтомъ и выгодности его для аккуратныхъ, лойяльныхъ и корректныхъ молодыхъ бездарностей, которыя, ничѣмъ не увлекаясь, умѣютъ кончать курсъ. „Предметная" система, наоборотъ, не имѣетъ всѣхъ этихъ отрицательныхъ сторонъ, но представляетъ зато большія неудобства для администраціи въ управленіи институтомъ. Принимая, однако, во вниманіе ея огромныя выгоды, докладчикъ настаивалъ на необходимости введенія предметной системы, добавивъ, что благодаря ей количество держащихъ экзаменъ, правда, уменьшается, но

зато качество ихъ улучшается. Изъ бесѣды выяснилось, что предметная система существуетъ въ Германіи, Бельгіи, Америкѣ и существуетъ у насъ въ „дореформенныхъ“ Дерптѣ и Ригѣ. Лекціонную систему всѣми ораторами предлагалось сохранять, хотя какъ у насъ, такъ и заграницей лишь ничтожная часть студентовъ ходитъ на лекціи. Курсовая система сохранена въ полной силѣ только въ двухъ государствахъ: Франціи и Россіи оттого, что въ нихъ техническія школы подготовляютъ исключительно техническихъ чиновниковъ, а не людей дѣла (зато, правда, въ Россіи и Франціи самыя худшія желѣзныя дороги). Изъ присутствовавшихъ только двое высказались за курсовую систему; одинъ говорилъ, что у насъ все обстоитъ благополучно, и потому ничего мѣнять не надо, а другой—Н. Демчинскій—видѣлъ пользу курсовъ въ дисциплинированіи мысли человѣка. Послѣ долгой бесѣды собраніе огромнымъ большинствомъ, не предрѣшая вопроса о maximum'ѣ и minimum'ѣ лѣтъ пребыванія въ институтѣ и о продолженіи чтенія лекцій, высказалось за желательность введенія предметной системы преподаванія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ, „Бирж. В.“, опять возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ Петербургѣ особой коммиссіи, которая экзаменовала бы всѣхъ молодыхъ людей, пріѣзжающихъ въ столицу для поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія. Выдержавшіе экзамены лучше другихъ будутъ зачисляться въ тѣ именно учебныя заведенія, на которыя они укажутъ въ своихъ прошеніяхъ; не попавшіе же въ нихъ по конкурсу будутъ размѣщаться на свободныя вакансіи въ другія высшія учебныя заведенія, если только пожелаютъ воспользоваться этими вакансіями. Въ настоящее время многіе, не попавшіе въ одно заведеніе, не попадаютъ и въ другое, хотя бы того и желали, такъ какъ экзамены часто производятся одновременно во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и потому въ случаѣ неудачи въ одномъ теряется возможность испытать счастье на экземенѣ въ другомъ.

По примѣру другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и высшія техническія школы временно закрыты, согласно постановленіямъ ихъ совѣтовъ. Такъ, въ засѣданіи совѣта кіевскаго политехническаго института, какъ передаютъ мѣстныя газеты, постановлено: 1) „объявить институтъ закрытымъ для студентовъ до начала осенняго семестра; 2) не налагать на студентовъ никакихъ взысканій; 3) не взимать со студентовъ платы за текущее полугодіе, а тѣмъ, которые внесли, зачесть ее въ счетъ будущаго семестра, и въ виду того, что закрытіе института обусловливается общими причинами, не можетъ быть мѣста удаленію какихъ-либо группъ студентовъ,—въ частности студентовъ 1-го курса“.

При этомъ въ виду прекращенія занятій въ петербургскомъ политехническомъ институтѣ, на основаніи единогласнаго рѣшенія совѣта, послѣдній призналъ нужнымъ выработать тѣ мѣропріятія, которыя могли бы облегчить послѣдствія, неизбѣжно вытекающія изъ того обстоятельства, что въ текущемъ году не будетъ перехода студентовъ съ курса на курсъ. Въ настоящее время, сообщаютъ „Бирж. Вѣд.“, эти мѣропріятія, уже выработанныя совѣтомъ института, представлены на утвержденіе министра финансовъ и состоятъ въ слѣдующемъ:

1) для находящихся въ институтѣ студентовъ начать осенью преподаваніе той части курса, на которомъ оно остановилось въ декабрѣ 1904 года, дабы перерывъ занятій не былъ сопряженъ съ потерей цѣлаго года, а только одного полугодія, причемъ переходные экзамены предположено назначить въ декабрѣ 1905 года; 1) для приведенія въ исполненіе этой мѣры сдѣлать необходимыя

измѣненія въ учебныхъ планахъ и программахъ; 3) произвести нормальный пріемъ новыхъ студентовъ на первый курсъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, что является вполнѣ возможнымъ, такъ какъ находящiеся уже въ политехникумѣ студенты I курса осенью будутъ слушать лекціи второго полугодія.

Вопросъ объ учрежденіи у насъ высшаго учебнаго заведенія по молочному хозяйству, повидимому, близокъ къ осуществленію. Какъ передаетъ „Слово", молочно-хозяйственный институтъ, по образцу существующаго Мустіальскаго въ Финляндіи, предположено министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ открыть въ Княжедворскомъ казенномъ имѣніи Новгородской губ. Курсъ обученія двухлѣтній, и въ программу преподаванія войдутъ: химія общая, органическая и молочно-хозяйственная, бактеріологія, политическая экономія, организація молочнаго хозяйства, анатомія и физіологія животныхъ, ветеринарія, молочное хозяйство, луговодство, скотоводство, свиноводство и счетоводство. Слушатели будутъ состоять изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ, но могутъ быть принимаемы и реалисты, если они предварительно проработали въ молочныхъ хозяйствахъ и сдали при поступленіи въ институтъ экзаменъ по животноводству. Плата за степендіатовъ назначена въ 250 рублей. Рядомъ съ этимъ Министерство вступило въ переговоры съ земствомъ сѣверныхъ губерній объ оказаніи съ ихъ стороны пособій на содержаніе института, а также объ учрежденіи при немъ возможно большаго числа земскихъ стипендій.

Броженіе въ средѣ учащейся молодежи коснулось и нѣкоторыхъ среднихъ техническихъ школъ. Такъ, по словамъ „Бирж. В.", въ началѣ марта, послѣ мѣсячнаго перерыва, вновь открылись занятія въ классахъ и мастерскихъ центральнаго училища техническаго рисованія имени барона Штиглица. Изъ 260 учениковъ и учеництъ классы посѣщаютъ свыше 60 процентовъ учащихся по различнымъ отраслямъ художественной промышленности, при чемъ администрація училища объясняетъ отсутствіе остальныхъ тѣмъ, что многіе разъѣхались, въ виду закрытія училища, на родину въ провинцію. Громадный художественно-промышленный штиглицкій музей, находящійся при училищѣ, въ настоящее время остается закрытымъ какъ для учениковъ школы, такъ почему-то и для обозрѣнія посторонней публикой.

Та же газета приводитъ текстъ довольно поучительной петиціи, съ которою обратились къ высшему начальству ученики Пензенскаго Художественнаго училища. Состоитъ оно въ вѣдѣніи министерства Двора и въ ближайшемъ вѣдѣніи академіи художествъ. Цѣль заведенія, какъ видно изъ его устава, образованіе живописцевъ, скульпторовъ и рисовальщиковъ. Къ цѣли этой начальство училища шло, однако, столь не педагогическими средствами, что, какъ сообщаетъ корреспондентъ, вызвало массовое недовольство учениковъ, завершившееся коллективной петиціей, поданной начальству всѣми учениками. Петиція представляетъ собой интересъ по нѣкоторымъ пунктамъ, иллюстрирующимъ своеобразные порядки этого забытаго академіею художественнаго училища. Въ петиціи, между прочимъ, предъявляются слѣдующія требованія: 1) уваженіе личности ученика, 2) администрація не можетъ увольнять ученика

безъ вѣдома учащихся, 3) дневныя занятія по живописи, скульпт., прикл. искусс. $2^1/_2$ ч. ежедневно, 4) внести отмѣненные часы занятія по искусству по понедѣльникамъ, 5) свободный способъ рисованія—уголь, соусъ, пастель и т. д., 6) введеніе ежемѣсячныхъ уроковъ скораго рисованія, 7) равномѣрное чередованіе гипса съ живой натурой, 8) проходить спеціальныя живопись, скульпт. и прикл. искусс., независимо отъ рис., 9) заданная тема эскиза не обязательна, 10) предварительный подборъ рисунковъ и этюдовъ предъ экзаменомъ предоставить ученикамъ, 11) послѣ экзамена преподаватели обязаны давать поясненія о достоинствахъ и недостаткахъ экзаменованныхъ работъ, 12) переводъ достойныхъ учениковъ изъ класса въ классъ по полугодіямъ, 13) открытіе мастерской живописи для окончившихъ натурный классъ, 14) пригласить лучшихъ преподавателей по живописи и рисунку, 15) улучшенія преподаванія перспективы, 16) улучшенія преподаванія словесности съ перемѣной преподавателя, 17) дать возможность ученику держать экзаменъ по общеобразовательнымъ предметамъ черезъ классъ, два, три, или прямо выпускной, сообразно его познаніямъ, 18) окончившимъ художеств. классы предоставить право держать экзамены по общеобраз. предметамъ по-предметно, 19) расширеніе ученической библіотеки въ спеціально-художеств. отношеніи. Прочія требованія касаются удаленія отдѣльныхъ преподавателей и лицъ педагогическаго надзора.

По словамъ „Южн. Кр.“, учащіеся харьковской городской школы рисованія и живописи, въ числѣ до 50 человѣкъ, устраиваютъ экскурсію въ г. Москву, на время съ 1-го по 15-е мая, для ознакомленія съ достопримѣчательностями г. Москвы. Городское управленіе возбуждаетъ ходатайство передъ управленіями казенныхъ желѣзныхъ дорогъ о предоставленіи экскурсантамъ безплатнаго или по возможности льготнаго, съ уплатой 25%, проѣзднаго билета и о предоставленіи пользоваться экскурсантамъ вагономъ въ Москвѣ, какъ квартирой. Учащіеся на экскурсію вносятъ по 10 руб., причемъ ходатайствуютъ передъ городскимъ управленіемъ объ ассигнованіи дополнительной суммы на расходы до 200 руб.

6-го марта, въ помѣщеніи Петербургской городской думы состоялось открытіе зимнихъ курсовъ пчеловодства, устраиваемыхъ русскимъ обществомъ пчеловодства. Вступительную лекцію, какъ сообщаетъ „Слово“, прочелъ членъ совѣта общества, ученый лѣсоводъ В. О. Пикель. Ознакомивъ слушателей съ исторіей пчеловодства и коснувшись состоянія пчеловодства въ Россіи въ настоящее время, лекторъ привелъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, относящихся къ 1901 году. Въ Россіи имѣется около пяти милліоновъ ульевъ и ими занимается 328.317 человѣкъ. Пчеловодство въ Россіи въ настоящее время находится въ упадкѣ. Въ 1901 году было получено меду на $8^1/_2$ милліоновъ рублей и воску—на $5^1/_4$ милліоновъ. Добываемыхъ продуктовъ пчеловодства въ Россіи далеко не хватаетъ для удовлетворенія ея нуждъ, и они на нѣсколько милліоновъ получаются изъ-за границы. Изъ Россіи вывозится продуктовъ пчеловодства только 21%, а получается изъ-за границы 79%. Явленіе это тѣмъ нежелательнѣе, что оно легко можетъ быть устранено. Стоитъ лишь раціональнѣе вести пчеловодство и повысить черезъ это количество добываемаго меду съ улья на одинъ фунтъ, т. е. довести добываемое количество до 3.3 фунта или же увеличить число ульевъ на два милліона, и тогда

мы не будемъ нуждаться въ ввозѣ. Настоящіе курсы, которые продолжатся до среднихъ чиселъ мая, имѣютъ цѣлью обучить желающихъ раціональному веденію пчеловодства.

По словамъ одесскихъ газетъ, Министерство нар. просвѣщенія, согласно ходатайству попечителя одес. учебнаго округа, разрѣшило устроить въ Одессѣ при гор. 6-ти классномъ училищѣ, съ 15 мая по 1 іюля тек. года, кратковременные курсы лѣпки для учителей рисованія гор. училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній округа, съ цѣлью подготовки означенныхъ лицъ къ преподаванію лѣпки на слѣд. основаніяхъ: командировать на курсы 20—25 учителей искусствъ указанныхъ учебныхъ заведеній и расходы по ихъ командировкѣ и вообще по устройству и содержанію курсовъ отнести на спеціальныя средства тѣхъ учебныхъ заведеній, учителя которыхъ будутъ изучать лѣпку, въ размѣрѣ отъ 100 до 150 руб. съ каждаго, въ зависимости отъ состоянія спеціальныхъ средствъ.

„Бирж. Вѣд.“ сообщаютъ, что въ Петербугѣ лѣтомъ текущаго года предполагается организовать курсы ручного труда (столярнаго, картоннаго, вырѣзки и клейки изъ бумаги и лѣпки изъ глины) для учителей начальныхъ школъ и общеобразовательныхъ заведеній. Иниціаторомъ этого дѣла является завѣдующій домомъ призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ, Г. Ф. Раклѣевъ. Руководить курсами будетъ воспитатель того же дома И. К. Карелль, изучавшій датскій способъ преподаванія ручного труда въ Стокгольмѣ. Особенностью датскаго способа является то, что при немъ ученики работаютъ съ облегченными инструментами и приборами (напримѣръ, ученическій и столярный верстакъ имѣетъ всего $1^1/_4$ арш. длины). Кромѣ того, весь классъ получаетъ одну и ту же работу, по общему чертежу, который разсчитывается всѣмъ классомъ, а равно и обсуждается ходъ работы. Такъ какъ у насъ въ большинствѣ школъ ручной трудъ вводится не съ цѣлью обученія ремесленнымъ знаніямъ, а съ цѣлью гигіеническо-гимнастической, то эти преимущества датскаго способа очень важны.

---

13 марта въ Харьковѣ состоялось освященіе дома, предназначеннаго для „рабочихъ курсовъ“ при мѣстномъ ремесленномъ училищѣ. Какъ пишетъ корреспондентъ „Нов. Вр.“, новое зданіе, спеціально назначенное для рабочихъ курсовъ, обошлось въ 70.000 руб., изъ которыхъ 25.000 р. дано было министерствомъ финансовъ. Зданіе трехъ-этажное и вмѣщаетъ въ себѣ 12 комнатъ, изъ которыхъ 10 аудиторій на 40—100 душъ каждая, 1 профессорская и обширный залъ; въ подвальномъ этажѣ столовая и кухня. Въ этомъ зданіи собственно будетъ помѣщаться ремесленное училище, которому тѣсно въ прежнемъ его помѣщеніи, назначенномъ теперь подъ мастерскія. Исторія рабочихъ курсовъ, тѣсно связанныхъ съ существованіемъ ремесленнаго училища, такова. Еще въ 1898 г. управленіе здѣшняго учебнаго округа открыло воскресные и праздничные курсы черченія и рисованія для рабочихъ при ремесленномъ училищѣ. Первымъ предсѣдателемъ этихъ курсовъ былъ проф. Лагермаркъ, передавшій веденіе ихъ вскорѣ профессору Тираспольскому, который и открылъ регулярные курсы въ началѣ 1900 г. Всѣхъ учениковъ было тогда только 213 человѣкъ, такъ какъ мѣсто не позволяло

больше собирать для занятій. Постепенно дѣло развивалось, особенно съ того времени, какъ курсами рабочихъ занялся кружокъ „народныхъ лекторовъ“, устраивавшій свои чтенія въ разныхъ мѣстахъ. Число преподавателей достигло 42; программа расширилась такими предметами, какъ механика, электротехника, ученіе о паровыхъ котлахъ и машинахъ, химія, физіологія человѣка, законовѣдѣніе, языки нѣмецкій и французскій, зоологія, ботаника, минералогія и т. д. При этомъ надо имѣть въ виду, что возрастъ учениковъ колебался отъ 16 до 40 лѣтъ при самой разнообразной подготовкѣ. Четырехлѣтняя практика этихъ курсовъ указала на громадную полезность ихъ. Число учениковъ доходитъ по нѣкоторымъ предметамъ до 200 и 400 человѣкъ, почему ремесленное училище и оказалось тѣснымъ. Отношеніе учениковъ къ занятіямъ выше похвалъ. Несмотря на усталость, рабочіе аккуратно посѣщаютъ курсы отъ $7^1/_2$ до $9^1/_2$ ч. вечера и по воскресеньямъ днемъ отъ 10 до 2 ч. Явилась даже возможность взимать плату за ученіе, давшую 60 р. въ годъ. Руководители курсовъ твердо вѣрятъ въ свое дѣло и несомнѣнно достигнутъ того, что и нашъ рабочій разовьетъ свое пониманіе и технику настолько, что не уступитъ рабочимъ Америки и Англіи. Внѣшняя обстановка торжества гармонировала вполнѣ съ внутреннимъ содержаніемъ этого „рабочаго университета“. Послѣ освященія зданія архіепископомъ Арсеніемъ и сказаннаго имъ слова большую рѣчь произнесъ городской голова профессоръ К. А. Погорѣлко, одинъ изъ лекторовъ курсовъ. Затѣмъ говорили профессоръ Красновъ, инженеръ Путята, профессора Чубинскій, Сумцовъ, Гредескуль и др. Торжество закончилось народнымъ гимномъ. Такова краткая пятилѣтняя исторія всего существованія курсовъ для рабочихъ, получившихъ нынѣ особый толчокъ для своего развитія.

По словамъ „Бирж. Вѣд.“, 4-го марта въ Петербургской постоянной комиссіи по техническому образованію обсуждался запросъ, сдѣланный с.-петербургской городской управѣ, о способахъ объединенія дѣятельности управы и общества для подготовки низшаго техническаго персонала (десятскихъ, монтеровъ и т. п.) для работъ по сооруженію трамваевъ, телефоновъ, водопроводовъ и по освѣтительному дѣлу. Предложеніе управы членами коммиссіи было принято съ полнымъ сочувствіемъ. Выработка же самой формы объединенія предположена на ближайшемъ общемъ собраніи. Въ предложеніи управы указаны два способа: субсидія со стороны города существующимъ уже въ вѣдѣніи техническаго общества школамъ десятниковъ, или же содѣйствіе со стороны общества въ организаціи самостоятельныхъ городскихъ курсовъ.

Постоянной коммиссіи по техническому образованію Московскаго отдѣленія И. Р. техническаго общества учреждается „Справочное бюро“ по школьному и внѣшкольному образованію взрослыхъ. Въ программу дѣятельности бюро входитъ: 1. Устройство справочной библіотеки книгъ, брошюръ и другихъ изданій, касающихся образованія взрослыхъ. 2. Собираніе свѣдѣній о современномъ состояніи образовательныхъ учрежденій для взрослыхъ. 3. Отвѣты на различные справки и запросы, касающіеся образованія взрослыхъ. 4. Изданіе справочныхъ книгъ и руководствъ. 5. Устройство выставокъ и музеевъ наглядныхъ и другихъ пособій, имѣющихъ отношеніе къ образованію взрослыхъ. 6. Разработка проектовъ желательныхъ измѣненіи въ существующихъ

положеніяхъ и правахъ образовательныхъ учрежденій для взрослыхъ. Кромѣ того, бюро открываетъ въ „Трудахъ Московскаго отдѣленія И. Р. техническаго общества“ особый отдѣлъ (хроника народнаго образованія), посвященный вопросамъ внѣшкольнаго и школьнаго образованія взрослыхъ. Бюро принимаетъ на себя отвѣты на запросы, касающіеся: 1. Обученія взрослыхъ (воскресныя и вечернія школы, классы и курсы для взрослыхъ). 2. Народныхъ и общественныхъ чтеній и лекцій. 3. Народныхъ библіотекъ. 4. Книжныхъ складовъ. 5. Библіографіи: а) образованія взрослыхъ; б) книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. 6. Народныхъ развлеченій. 7. Коммерческаго образованія. 8. Техническаго и ремесленнаго образованія. 9. Сельско-хозяйственнаго образованія. 10. Женскаго профессіональнаго образованія. 11. Школьной гигіены. 12. Юридическихъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ образованію взрослыхъ. Ставя себѣ столь широкія задачи, бюро надѣется на содѣйствіе всѣхъ лицъ и учрежденій, занимающихся образованіемъ взрослыхъ. Содѣйствіе это можетъ выразиться: 1. Въ присылкѣ отчетовъ, программъ, проспектовъ, книгъ и статей, касающихся какъ отдѣльныхъ образовательныхъ учрежденій для взрослыхъ, такъ и теоретической разработки вопросовъ внѣшкольнаго образованія. 2. Въ отвѣтахъ на запросы бюро, если понадобятся болѣе подробныя свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ образовательныхъ учрежденіяхъ. 3. Въ сообщеніи по собственному почину для „Хроники народнаго образованія“, свѣдѣній о всѣхъ выдающихся явленіяхъ въ жизни существующихъ образовательныхъ учрежденій для взрослыхъ и объ открытіи новыхъ. Адресъ: Москва, Рождественка, д. Хлудовыхъ. Московское отдѣленіе И. Р. Техническаго общества. Справочное бюро по школьному и внѣшкольному образованію. Отвѣты на запросы даются безплатно. Для письменныхъ отвѣтовъ необходимо присылать соотвѣтствующее число марокъ.

28-го марта въ С.-Петербургѣ въ залѣ совѣта министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ состоялось годичное собраніе общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію подъ предсѣдательствомъ директора лѣсного института Э. Э. Кернъ. Предсѣдатель совѣта общества И. А. Стебутъ обратился, какъ передаютъ „Бирж. В.“, къ присутствовавшимъ съ привѣтственной рѣчью, призывая всѣхъ сомкнуться въ дружной работѣ, дать яркую жизнь обществу и содѣйствовать его процвѣтанію, памятуя важность распространенія сельско-хозяйственнаго образованія среди женщинъ. Изъ разсмотрѣннаго отчета о дѣятельности общества за 6-й годъ существованія видно, что 1904 годъ нельзя не признать, по сравненію съ первыми пятью годами, наиболѣе удачнымъ. Лишь къ началу шестого года обществу удалось получить санкцію проекта учрежденія женскаго сельско-хозяйственнаго института и право немедленно приступить къ организаціи женскаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія, которое на первое время, по недостатку средствъ, должно было получить нѣсколько иную организацію, чѣмъ проектируемый институтъ. Съ разрѣшенія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, съ осени отчетнаго года открылись постоянные двухлѣтніе женскіе сельско-хозяйственные курсы. Утвердивъ приходо-расходную смѣту на 1905 годъ, собраніе слушало докладъ Н. И. Верещагиной: „Трудовая сельско-хозяйственная колонія“. По словамъ докладчицы, въ послѣднее время наблюдается массовое бѣгство крестьянъ изъ деревни въ городъ на заработки. Гонитъ ихъ, разумѣется, нужда—въ деревнѣ крестьянину не-

чѣмъ жить. Сельско-хозяйственная колонія, сама себя окупающая, можетъ сослужить не малую службу въ этомъ направленіи. Предложеніе Н. И. Верещагиной было принято очень сочувственно. Собраніе закончилось баллотировкой должностныхъ лицъ. Избраны въ члены совѣта: Н. П. Долгова, Е. М. Гедда, В. И. Срезневскій, В. Г. Гнѣдичъ; въ кандидаты къ нимъ: г-жи Филипченко, Кернъ и г-нъ Морозовъ. Въ ревизіонную коммиссію избраны: М. П. Бубновъ, С. П. Лыжинъ, А. А. Кауфманъ и М. Е. Филипченко.

По словамъ „Нов.“, еще въ 1901 г., по ициіативѣ главнаго врача больницы для душевно-больныхъ св. Пантелеймона—Н. Я. Смѣлова, при названной больницѣ организованы были курсы по подготовкѣ больничныхъ служителей и сидѣлокъ по уходу за больными. Результатъ, полученный отъ этихъ курсовъ, оказался блестящимъ, но по независящимъ отъ организатора обстоятельствамъ курсы вскорѣ должны были прекратить свое существованіе. Но иниціатива этого дѣла не погибла безслѣдно, такъ какъ совѣтъ главныхъ больничныхъ врачей также обратилъ вниманіе на то ненормальное положеніе, въ которомъ находится наша больница въ отношеніи прислуги. Послѣдняя, какъ извѣстно, набирается главнымъ образомъ изъ являющихся въ столицу на заработки крестьянъ Петербургской и другихъ окрестныхъ губерній. Такая прислуга, состоя изъ пришлаго и случайнаго люда, не имѣетъ, конечно, понятій о больничной службѣ и связанныхъ съ нею обязанностяхъ. Въ виду этого совѣтъ главныхъ врачей озаботился учрежденіемъ въ видѣ опыта въ Петербургѣ школы для приготовленія больничной прислуги; школа разсчитывается на 100 учениць съ продолжительностью обученія отъ 6 до 21 мѣсяца; кредитъ на содержаніе школы исчисленъ въ 25.000 рублей ежегодно, съ жалованьемъ ученицамъ по 5 руб. въ мѣсяцъ во все время ихъ обученія.

В. Б-чъ.

Заключенія экспертной коммиссіи по народному образованію на областной выставкѣ Сѣвернаго края 1903 г. относительно постройки школьныхъ зданій.

Въ составъ экспертной коммиссіи по народному образованію, разсматривавшей земскій отдѣлъ по народному образованію на областной выставкѣ Сѣвернаго края въ г. Ярославлѣ въ 1903 г., входило довольно много лицъ, болѣе 20 человѣкъ. Къ ея работамъ привлечены были также врачи и инженеръ-строитель (гражданскій инженеръ). При содѣйствіи врачей и специалиста инженера, коммиссія детально изучила довольно богатый и разнообразный матеріалъ выставки, касающійся школьныхъ зданій. Она пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Дѣло постройки школьныхъ зданій, отвѣчающихъ требованіямъ школьной гигіены, въ Россіи дѣло почти новое и производилось до самаго послѣдняго времени очень часто нераціонально.

2) Земства, одной изъ главныхъ задачъ которыхъ является распространеніе просвѣщенія въ народныхъ массахъ, привитіе культурныхъ привычекъ и здравыхъ понятій въ населеніи, должны въ ближайшемъ будущемъ вступить

на другой болѣе раціональный путь постройки школьныхъ зданій, для чего требуется—

3) Присутствіе въ коммиссіяхъ, разрабатывающихъ проекты и планы нормальныхъ школьныхъ зданій, спеціалиста, техника, врача гигіениста и народнаго учителя.

4) Въ виду невыясненности вопроса о нормальныхъ типахъ школьнаго зданія, желателенъ болѣе живой обмѣнъ мнѣній различныхъ земствъ не только путемъ разсылки и обмѣна литературы, но и путемъ спеціальныхъ съѣздовъ.

5) Желательно поручать съѣздамъ земскихъ врачей совмѣстно съ техниками-спеціалистами и учителями выработку требованій, долженствующихъ быть предъявляемыми къ нормальному школьному зданію.

6) Желательно и необходимо раздѣленіе выработанныхъ такими съѣздами требованій на безусловно важныя, отступленіе отъ которыхъ не разрѣшается, и менѣе важныя, второстепенныя, которыя могутъ быть измѣняемы соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ.

7) Желательно, чтобы на будущихъ такихъ выставкахъ земствами представлялись чертежи, состоящіе не только изъ плановъ, но и фасадовъ, разрѣзовъ генеральныхъ плановъ, причемъ исполненіе ихъ желательно установить въ общемъ однообразномъ масштабѣ и съ окраской, однообразными красками. Примѣръ масштаба можно предложить узаконенный—$^1/_2$ д. для плановъ и 1 д. для фасадовъ.

8) На планахъ желательно обозначеніе размѣра длины и ширины помѣщенія, квадратъ площади пола и стоимость построенныхъ зданій съ куба постройки, считая кубическую сажень по обмѣру отъ фундамента до крыши, если это возможно.

9) Желательно, чтобы гдѣ-либо собраны были всѣ изданія школьныхъ построекъ, вся литература по школьнымъ постройкамъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

10) Желательна, кромѣ выработки общихъ плановъ школъ, разработка таковыхъ въ детальномъ видѣ какъ въ отношеніи матеріаловъ, такъ и по устройству отопленія, вентиляціи, оконъ, дверей и вообще внутренней стороны отдѣлки.

11) При разработкѣ вопроса о школьныхъ зданіяхъ, крайне необходимо обратить вниманіе на вопросъ о возможности провѣтриванія классовъ.

12) Независимо отъ выработки плановъ, желательно изданіе общаго руководства съ текстомъ и планами школьныхъ зданій.

13) Крайне желательно возможно широкое распространеніе гигіеническихъ знаній среди учащихся.

14) Въ виду полной неопредѣленности вопроса объ учительскихъ квартирахъ, необходимо поставить его на разрѣшеніе въ ближайшемъ будущемъ.

Мы видимъ, что выдвинутые коммиссіей вопросы и требованія имѣютъ важное значеніе. Было бы хорошо, если бы земства обратили вниманіе на постановленія коммиссіи и сдѣлали въ этомъ отношеніи что-либо существенное къ будущей земской выставкѣ по народному образованію, предполагавшейся въ г. Москвѣ въ 1905 году.

А. А. Локтинъ.

Вопросъ о возстановлении занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вопросъ этотъ послужилъ предметомъ обсужденій какъ въ административныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ совѣтахъ самихъ высшихъ учебныхъ заведеній. По словамъ газетъ, 7-го марта на квартирѣ министра земледѣлія А. С. Ермолова состоялось частное совѣщаніе министра по вопросу о положеніи высшихъ заведеній и о необходимыхъ мѣрахъ для правильнаго ихъ функціонированія. Это частное совѣщаніе имѣло цѣлью обмѣнъ мыслей въ виду предстоящего въ ближайшемъ будущемъ обсужденія этого вопроса въ особомъ совѣщаній комитета министровъ. Присутствовали на этомъ засѣданіи: А. С. Ермоловъ, М. И. Хилковъ, В. Г. Глазовъ, С. С. Манухинъ, и Н. Э. Шмеманъ. На первую очередь былъ выдвинутъ вопросъ о самомъ положеніи учебныхъ заведеній и о необходимыхъ реформахъ. Министръ путей сообщенія предложилъ свой проектъ, сущность котораго, сколько слышно, сводится къ слѣдующему: въ виду того, что учащіеся въ вышихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ люди правоспособные, по отношенію къ нимъ непримѣнимы насильственныя и принудительныя мѣры: съ другой стороны—ихъ требованія далеко превосходятъ возможное: проводить реформы въ томъ видѣ, какъ они это хотѣли бы—не представляется въ данное время возможнымъ. Въ виду этого, по мнѣнію М. И. Хилкова, слѣдуетъ всѣхъ студентовъ распустить, такъ какъ они сами не признаютъ возможнымъ заниматься теперь. А затѣмъ слѣдуетъ установить такой порядокъ: студенты 1-го курса въ теченіе года пользуются правомъ поступить на 2-й курсъ, сдавъ надлежащій экзаменъ. Студенты прочихъ курсовъ въ теченіе двухъ лѣтъ пользуются правомъ держать экзаменъ на любой курсъ. Студентамъ же послѣдняго курса предоставить въ теченіе двухъ лѣтъ право держать государственный экзаменъ. Лицамъ 5-го курса, которые не пожелали бы держать экзаменъ, выдать свидѣтельство о выслушаніи ими пяти курсовъ. Такой путь, по мнѣнію М. И. Хилкова, былъ бы самымъ раціональнымъ, ибо, не стѣсняя никого и не насилуя ничьихъ убѣжденій, далъ бы возможность каждому поступать свободно, безъ всякаго ущерба для будущей своей дѣятельности. Помимо этого министръ путей сообщенія находитъ весьма желательнымъ учрежденіе высшей свободной школы, окончаніе которой давало бы право сдавать экзамены въ объемѣ полныхъ курсовъ соотвѣствующихъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Вопросъ о возможности открыть въ настоящее время высшія учебныя заведенія вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Министръ народнаго просвѣщенія, В. Г. Глазовъ, по слухамъ, выразилъ убѣжденіе въ необходимости открыть высшія учебныя заведенія, такъ какъ имѣется много желающихъ учиться. Это мнѣніе, однако, не было поддержано. Въ противовѣсъ этому было высказано, что открытіе слишкомъ рисковано—оно можетъ явиться повтореніемъ старыхъ ошибокъ: опять появится обструкція и потребуются репрессивныя мѣры съ вмѣшательствомъ полиціи. По мнѣнію присутствовавшихъ необходимо избѣгать какихъ бы то ни было обостреній и, наоборотъ, надо дать молодежи успокоиться. Въ виду этого открытіе высшихъ учебныхъ заведеній въ настоящее время признано нежелательнымъ и до 1 сентября врядъ-ли явится возможнымъ. Въ такомъ видѣ мнѣніе и внесено было на разсмотрѣніе особаго совѣщанія министровъ.

По разсмотрѣніи Высочайше учрежденнымъ Совѣщаніемъ министровъ и предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта вопроса о мѣрахъ,

вызываемыхъ перерывомъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, Совѣщаніе полагало: въ виду послѣдовавшаго съ начала настоящаго года во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи прекращенія учебныхъ занятій и за невозможностью уже, по отзывамъ совѣтовъ сихъ заведеній, до конца текущаго полугодія возстановить правильное теченіе въ нихъ учебной жизни, испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе нижеслѣдующихъ мѣръ: 1) Не производя въ текущемъ учебнымъ году въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прекратившихъ занятія, переходныхъ экзаменовъ, оставить всѣхъ студентовъ на слѣдующій годъ на тѣхъ курсахъ, на которыхъ они нынѣ числятся. 2) Состоящія при означенныхъ (п. 1) учебныхъ заведеніяхъ вспомогательныя для студентовъ учрежденія, какъ то: общежитія, столовыя и т. п., на время прекращенія учебныхъ занятій закрыть. 3) Освободить учащихся въ заведеніяхъ, упомянутыхъ въ п. 1 сего заключенія отъ взноса учебной платы за текущее учебное полугодіе, а также поступившіе взносы возвратить или зачесть за предстоящее полугодіе. 4) Постановить, что тѣ, пріостановившія ученіе, высшія учебныя заведенія, въ коихъ не послѣдуетъ съ наступленіемъ осенняго полугодія, возстановленія занятій, или по возобновленіи ихъ произойдетъ вновь сходное съ нынѣ имѣвшимъ мѣсто нарушеніе правильнаго ихъ теченія, подлежать немедленному закрытію распоряженіемъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, въ коихъ заведенія эти сосредоточены, съ увольненіемъ профессорскаго персонала отъ занимаемыхъ онымъ въ учебныхъ заведеніяхъ должностей. 5) Предоставить главнымъ начальникамъ вѣдомствъ, въ коихъ сосредоточены высшія учебныя заведенія: а) приступить безотлагательно къ выработкѣ условій, при которыхъ потерянное для ученія нынѣшнее весеннее полугодіе отразилось бы наименьшею затратою излишняго времени въ прохожденіи студентами дальнѣйшихъ курсовъ; б) составить предположенія о мѣрахъ, могущихъ обезпечить доступъ въ высшія учебныя заведенія оканчивающимъ въ текущемъ году курсъ среднихъ учебныхъ заведеній молодымъ людямъ, кои пожелали бы, обычнымъ порядкомъ, поступить въ высшія заведенія, и в) войти въ соображеніе вопроса о допущеніи къ выпускнымъ экзаменамъ находящихся на послѣднихъ курсахъ студентовъ тамъ, гдѣ это по ходу учебнаго дѣла окажется возможнымъ, и о способахъ устройства сихъ экзаменовъ, а также другихъ связанныхъ съ предположеніемъ этимъ мѣрахъ.

Означенныя заключенія Совѣщанія удостоились 16 апрѣля 1905 г. Высочайшаго утвержденія.

На совѣщаніи профессоровъ въ Москвѣ.

Совѣщаніе представителей высшихъ учебныхъ заведеній г. Москвы и ярославскаго Демидовскаго лицея, происходившее 21-го марта подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа, П. А. Некрасова, всецѣло примыкая къ сужденіямъ, уже высказаннымъ профессорскими коллегіями по этому предмету, единогласно признало, что настроеніе высшей школы находится въ тѣснѣйшей связи съ общимъ кризисомъ русской жизни. Основная причина необычайнаго возбужденія, овладѣвшаго учащейся молодежью, по мнѣнію совѣщанія, заключается ва томъ широкомъ и захватывающемъ общественномъ движеніи, которое проявляется въ страстной критикѣ существующаго и въ нетерпѣливомъ ожи-

данiи коренныхъ реформъ. Личное усмотрѣнiе и административный произволъ, отсутствiе законныхъ гарантiй для лицъ и союзовъ, стѣсненiе свободы совѣсти, слова и печати и, наконецъ, отсутствiе обезпечивающаго правомѣрный порядокъ народнаго представительства,—всѣ эти недостатки стараго строя тѣмъ болѣе вызываютъ въ настоящее время критику и осужденiе, что они осуждены и съ высоты Престола. Общество ожидаетъ скорѣйшаго осуществленiя Высочайшихъ предначертанiй, выраженныхъ въ указѣ 12-го декабря и въ рескриптѣ 18-го февраля сего года, и, пока въ этомъ направленiи не сдѣлано будетъ рѣшительныхъ и опредѣленныхъ шаговъ, невозможно разсчитывать на мирное теченiе академической жизни. Совѣщанiе полагаетъ, что приходится прежде всего констатировать, что „обсужденiе въ будущемъ правильнаго теченiя жизни въ учебныхъ заведенiяхъ“ находится внѣ власти профессорской коллегiи и зависитъ, прежде всего, отъ измѣненiя общихъ условiй жизни. Исходя изъ этихъ соображенiй, совѣщанiе пришло къ слѣдующимъ заключенiямъ: 1) Прочное водворенiе порядка въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ зависитъ не только отъ академической реформы, но и отъ коренного государственнаго преобразованiя на началахъ закономѣрности, возвѣщенныхъ въ Высочайшемъ указѣ 12-го декабря 1904 г. и въ Высочайшемъ рескриптѣ 18-го февраля 1905 г. Академическая реформа сама по себѣ не можетъ предотвратить въ будущемъ студенческихъ волненiй и даже не можетъ быть вполнѣ проведена въ жизнь безъ реформы политической. 2) Сколько-нибудь правильное дальнѣйшее функцiонированiе высшихъ учебныхъ заведенiй немыслимо безъ немедленнаго надѣленiя профессорскихъ коллегiй особыми полномочiями, съ правомъ открытiя и закрытiя учебныхъ заведенiй, съ правомъ управленiя при посредствѣ выборныхъ ректора (директора), помощника ректора и декановъ, съ подчиненiемъ инспекцiи совѣту (учебному комитету), опредѣляющему ея функцiи, и съ предоставленiемъ совѣту и его выборнымъ органамъ всей дисциплинарной власти надъ студентами. 3) Необходимо немедленно приступить къ выработкѣ новаго устава, долженствующаго внести въ жизнь высшихъ учебныхъ заведенiй начала полной автономiи и академической свободы, съ установленiемъ живой органической связи между государствомъ, обществомъ и высшими учебными заведенiями,—связи, должнымъ образомъ устроенной и согласованной съ природой и духомъ автономной высшей школы. 4) Столь-же неотложной и безусловно необходимой для правильной постановки высшей школы и реформы управленiя высшими учебными заведенiями является и реформа учебнаго дѣла, съ переходомъ къ полной свободѣ преподаванiя и съ полнымъ отдѣленiемъ отъ университета государственныхъ экзаменовъ, которые должны быть возложены на отдѣльныя вѣдомства по принадлежности, причемъ дипломы высшихъ учебныхъ заведенiй не должны давать никакихъ служебныхъ правъ. 5) Въ связи съ необходимой реформой управленiя высшей школой на началахъ автономiи, столь-же безотлагательной является и потребность въ коренномъ измѣненiи правилъ, касающихся студентовъ. Всѣ правила о порядкѣ въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ должны вырабатываться совѣтами, причемъ въ отношенiяхъ учебныхъ заведенiй къ студентамъ должны быть уничтожены всякiе слѣды полицейскаго надзора и принудительной опеки. Основнымъ началомъ устроенiя студентовъ должно быть ихъ право свободно организоваться для цѣлей просвѣтительныхъ, взаимной поддержки и товарищескаго общенiя, безъ обязательнаго руководства профессоровъ. („Р. В“.)

Въ Московской Консерваторіи.

Съ разрѣшенія учебной администраціи въ консерваторіи 4 го марта состоялась сходка учащихся.

Собраніе выразило „полное сочувствіе освободительному движенію, охватившему въ настоящее время лучшую часть русскаго общества“, присоединившись къ извѣстному постановленію московскихъ музыкантовъ, и свой протестъ противъ современнаго режима подкрѣпило прекращеніемъ занятій до 1-го сентября. Собраніе потребовало права ученическихъ организацій и общихъ сходокъ; какъ ближайшіе предметы вѣдѣнія товарищескихъ организацій, намѣчены: товарищеская касса, читальня съ періодическими изданіями, выясненіе нуждъ учащихся, ученическая музыкальная библіотека и т. п. Указанъ былъ, кромѣ того, цѣлый рядъ, недостатковъ въ академической жизни консерваторіи, причемъ собраніе обратилось къ художественному совѣту съ просьбой по обсужденіи указанныхъ вопросовъ принять во вниманіе и мнѣнія учащихся по этому поводу, высказанныя черезъ ихъ представителей. Собраніе выразило затѣмъ протестъ противъ грубаго и оскорбляющаго человѣческое достоинство отношенія къ учащимся со стороны директора консерваторіи, инспекціи и нѣкоторыхъ преподавателей; „позволило себѣ обратить вниманіе дирекціи и художественнаго совѣта“ на недостатки преподаванія въ классахъ нѣкоторыхъ поименно перечисленныхъ преподавателей, причемъ потребовало даже отстраненія отъ должности одного профессора. Заканчивается резолюція требованіемъ, чтобы никто не пострадалъ за участіе въ обсужденіи этихъ постановленій... „Требованіе это мы подкрѣпляемъ обязательствомъ круговой поруки. Постановленія эти мы вручаемъ въ одномъ экземплярѣ г. директору консерваторіи, въ другомъ—художественному совѣту, съ требованіемъ, чтобы совѣтъ, разсмотрѣвъ ихъ, далъ намъ на нихъ мотивированные отвѣты по всѣмъ пунктамъ. Затѣмъ въ зданіи консерваторіи былъ вывѣшенъ отвѣтъ художественнаго совѣта консерваторіи на рядъ требованій, просьбъ и заявленій предъявленныхъ сходкой. По большинству пунктовъ совѣтъ прямого отвѣта не далъ. Такъ, на требованіе учащихся, чтобы соблюдался уставъ консерваторіи, совѣтъ ограничился отвѣтомъ, что находитъ самое обращеніе въ видѣ „требованія“ неудобнымъ. На требованіе о томъ, чтобы учащимся предоставлена была *дѣйствительная* возможность осуществлять данное имъ уставомъ право выбора и перемѣны преподавателя, совѣтъ отвѣтилъ, что такое право имъ „предоставлено согласно существующимъ правиламъ“. По нѣкоторымъ вопросамъ академическаго характера (недостатки въ постановкѣ преподаванія обязательной теоріи музыки и исторіи музыки) совѣтъ отвѣтилъ, что они „могутъ быть“ предметомъ спеціальной разработки. О многихъ другихъ академическихъ вопросахъ сказано только, что ихъ предположено сдѣлать предметомъ спеціальнаго обсужденія. По ряду вопросовъ совѣтъ не далъ вовсе отвѣта, считая себя некомпетентнымъ для ихъ рѣшенія (о дозволеніи ученическихъ организацій, сходокъ и др.), или же далъ отвѣтъ отрицательный (объ учрежденіи дирижерскаго класса, о необязательности участія членовъ ученическихъ хора и оркестра въ концертахъ Общества). Обѣщано устройство ученической музыкальной библіотеки, на желательность которой указано учащимися. Разсмотрѣніе указаній учениковъ на недостатки по классамъ отдѣльныхъ преподавателей, а также обсужденіе требованія ихъ объ увольненіи одного профессора совѣтъ единогласно рѣшилъ отклонить; то же

постановлено совѣтомъ и по поводу протеста учащихся „противъ грубаго и оскорбляющаго человѣческое достоинство обращенія со стороны инспекціи и нѣкоторыхъ профессоровъ". Что касается такого же протеста по отношенію къ директору консерваторіи, то объявлено, что „директоръ принимаетъ протестъ и выражаетъ сожалѣніе, если кого-либо когда-либо неумышленно оскорбилъ". („Р. В.").

Московское педагогическое общество.

Московское педагогическое общество, изслѣдовавъ вопросъ о причинахъ происходящихъ въ настоящее время среди учащихъ и учащихся въ средней школѣ волненій, пришло къ убѣжденію, что эти причины коренятся въ полицейско-бюрократическомъ строѣ школы, исключающемъ участіе общества и самодѣятельность учащихся въ школьной жизни и вводящемъ въ систему сыскъ, шпіонство и національно-религіозную нетерпимость, въ недостаткахъ преподаванія, скудости образовательныхъ средствъ и въ крайне вредномъ вмѣшательствѣ школьной администраціи во внѣшкольную жизнь учащихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ педагогическое общество признаетъ, что эти недостатки школьнаго режима находятся въ неразрывной связи съ устарѣвшими условіями государственной жизни Россіи. Педагогическое общество не находитъ ничего предосудительнаго въ проявляемомъ учащимися средней школы интересѣ къ общественнымъ вопросамъ, такъ какъ вполнѣ естественно, что будущіе граждане интересуются вопросами, которые сосредоточили на себѣ вниманіе настоящихъ взрослыхъ гражданъ. Въ частности подачѣ учащимися заявленій о своихъ нуждахъ педагогическое общество можетъ только сочувствовать. Подобныя заявленія при разумномъ и спокойномъ отношеніи къ нимъ могутъ лучше всего способствовать уничтоженію средостѣнія, нынѣ существующаго между учащими и учащимися. Въ виду этого педагогическое общество въ своемъ собраніи постановило: 1) что всѣ члены общества нравственно обязаны поддерживать въ педагогическихъ совѣтахъ, литературѣ и общественныхъ собраніяхъ и учрежденіяхъ пожеланія учащихся, направленныя къ устраненію указанныхъ выше коренныхъ недостатковъ русской школы; 2) что они обязаны собственнымъ примѣромъ проводить въ жизнь начала новаго школьнаго строя; 3) что всѣ члены педагогическаго общества должны приложить свои силы и разумѣніе къ разработкѣ проекта усовершенствованія государственнаго строя и улучшенія народнаго благосостоянія по мѣрѣ того, какъ разработанныя въ особой коммиссіи общества части проекта будутъ поступать на разсмотрѣніе общаго собранія; 4) что педагогическое общество не находитъ возможнымъ возлагать какую-либо отвѣтственность за волненія и недоразумѣнія на учащихся, протестуетъ противъ каръ и взысканій, налагаемыхъ за это на учащихся учебной администраціей, и выражаетъ глубокое убѣжденіе, что полная отмѣна этихъ каръ и взысканій послужитъ первымъ шагомъ къ нравственному сближенію педагогическаго персонала съ учащимися, безусловно необходимому во всякой нормальной школѣ. („Н. Вр.").

Профессорскій союзъ.

Согласно выработанному проекту, основанія образованія союза заключаются въ слѣдующемъ: 1) Союзъ имѣетъ цѣлью объединить дѣятелей ученыхъ и высшихъ учебныхъ учрежденій С. Петербурга, въ видахъ достиженія и обезпеченія нормальнаго устройства академической свободы и автономіи. 2) Членами союза могутъ быть дѣятели ученыхъ учрежденій и всѣ лица преподавательскаго персонала высшихъ учебныхъ заведеній, какъ настоящія, такъ и бывшія. Пріемъ новыхъ членовъ производится избраніемъ въ мѣстныхъ группахъ. Объ этомъ избраніи черезъ бюро сообщается общему собранію. Всѣ члены союза уплачиваютъ въ его кассу ежегодный взносъ на общіе расходы въ размѣрѣ, установленномъ общимъ собраніемъ. 3) Члены союза въ каждомъ ученомъ или учебномъ учрежденіи могутъ образовать либо одну слитную мѣстную группу, либо двѣ: одну изъ профессоровъ и членовъ совѣта, и другую—изъ преподавателей, не состоящихъ членами совѣтовъ. Внутренняя организація каждой группы предоставляется ей самой. 4) Для объединенія мѣстныхъ группъ, организаціи общихъ собраній, сношенія съ различными лицами и учрежденіями по дѣламъ союза и, вообще, для распорядительныхъ дѣйствій имѣется бюро союза, которое составляется изъ представителей, избранныхъ мѣстными группами. Число представителей отъ каждаго ученаго или учебнаго учрежденія должно быть не болѣе двухъ (по одному, въ случаѣ существованія двухъ раздѣльныхъ группъ). Для университета и политехническаго института число представителей увеличивается до четырехъ (не болѣе двухъ отъ каждой раздѣльной группы). Бюро избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, секретаря и казначея. 5) Всѣ вопросы въ общихъ собраніяхъ союза обсуждаются совмѣстно всѣми его членами; опросъ же мнѣній, по заявленію не менѣе десяти присутствующихъ на собраніи членовъ, можетъ быть произведенъ отдѣльно для профессоровъ и членовъ совѣтовъ,—съ одной стороны,—и для преподавателей, не состоящихъ членами совѣтовъ,—съ другой. На каждомъ общемъ собраніи избираются предсѣдатель этого собранія и секретари. На общихъ собраніяхъ разсматриваются вопросы, занесенные въ повѣстку засѣданія. Желающіе подвергнуть обсужденію какой-либо вопросъ предварительно заявляютъ о томъ письменно бюро. 6) Для разработки различныхъ вопросовъ, сообразно назрѣвшимъ потребностямъ и запросамъ жизни, общими собраніями учреждаются коммиссіи, которыя могутъ быть постоянныя и временныя. Выработанные коммиссіями доклады вносятся въ общее собраніе съ вѣдома бюро. Составъ коммиссій устанавливается такимъ образомъ: каждая мѣстная группа имѣетъ право выбрать въ каждую коммиссію не болѣе двухъ своихъ представителей; общее собраніе, если найдетъ нужнымъ, пополняетъ коммиссію членами по своему избранію. Коммиссіи имѣютъ право приглашать къ участію въ работѣ и другихъ членовъ союза. 7) Въ случаѣ надобности, могутъ быть созываемы различнаго рода частичныя совѣщанія съ различнымъ составомъ членовъ, обусловливаемымъ каждый разъ характеромъ возникающихъ вопросовъ. 8) Всякія недоразумѣнія по организаціи союза и по коммиссіямъ разрѣшаются въ соединенномъ собраніи бюро и организаціонной коммиссіи. Въ настоящее время учреждаются слѣдующія коммиссіи: 1) Академическая—для выработки нормальнаго устава высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ академической свободы и автономіи; 2) справочная—по текущимъ дѣламъ высшихъ учебныхъ заведеній; 3) организа-

ціонная—для выработки устава академическаго союза; 4) фондовая—для выработки основаній фонда, учреждаемаго для поддержанія членовъ союза въ случаяхъ нужды; 5) общихъ вопросовъ, находящихся въ связи съ осуществленіемъ задачъ союза. („Сынъ Отеч.“).

Союзъ учителей средней школы.

Учителя и учительницы средней школы въ Петербургѣ организовали союзъ. Въ его составъ уже вошло свыше 200 человѣкъ, которыми на первомъ собраніи союза постановлено: 1) присоединиться къ извѣстному заявленію московскихъ педагоговъ (см. „Право“, № 6) и 2) принять записку о нуждахъ средней школы, намѣчающую основную программу дѣйствій союза и въ общемъ сводящуюся къ нижеслѣдующимъ положеніямъ. Наша средняя школа, являвшаяся до сего времени однимъ изъ главныхъ орудій бюрократическаго режима, должна играть очень важную роль въ поступательномъ движеніи общества. Она беретъ въ руки ребенка, едва только вышедшаго изъ дѣтскихъ лѣтъ, и разстается съ нимъ на порогѣ юности. Она имѣетъ съ нимъ дѣло въ наиболѣе острый періодъ его жизни, когда совершается процессъ формированія его души, когда пробуждающаяся мысль ищетъ серьезной пищи. Этому сложному существу школа должна помочь выйти на жизненную борьбу и на самостоятельную умственную работу въ полномъ обладаніи своими силами. Осуществленіе этой важной цѣли для нашей средней школы, однако, возможно лишь при автономности педагогической корпораціи. Будучи почти слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, она совершенно безсильна воздѣйствовать должнымъ образомъ на общественное мнѣніе и, въ концѣ концовъ, на сознаніе учениковъ. Школа должна работать лишь подъ контролемъ общественныхъ силъ, въ атмосферѣ широкой гласности. Должна также школа снять съ себя печать сословности или кастовой привилегированности. Она должна быть непосредственнымъ продолженіемъ школы народной, организованной на началахъ всеобщаго безплатнаго обученія, внѣ какихъ бы то ни было національныхъ или вѣроисповѣдныхъ ограниченій. Общедоступность школы, широкій демократизмъ ея призоветъ къ просвѣщенію незатронутые имъ глубокіе народные слои, будетъ содѣйствовать сближенію всѣхъ дѣтей народа и превратитъ ее въ истинно-народную школу. Только такая школа выполнитъ высокую національную задачу возрожденія и обновленія страны. Общеизвѣстны факты изъ прошлаго и настоящаго нашей школы, свидѣтельствующіе о томъ, какъ далека эта школа отъ такого идеала. Разрозненные, обезсиленные бюрократіей преподаватели, даже при самыхъ лучшихъ своихъ стремленіяхъ и намѣреніяхъ, были безсильны измѣнить или даже улучшить положеніе дѣла. Кризисъ школы активно создавался политикой, приносившей въ жертву реакціоннымъ цѣлямъ культурныя нужды страны, и не одинокимъ силамъ отдѣльныхъ лицъ было этотъ кризисъ побороть. Чувство солидарности, охватившее различные слои русскаго общества, прозвучало надеждой и живымъ призывомъ также въ средѣ педагоговъ, которые, съ своей стороны, рѣшили, для возрожденія средней школы, сплотиться въ союзъ. „Пусть союзъ этотъ явится залогомъ широкой гласности въ вопросахъ школьной жизни, организуетъ общественное мнѣніе, которое, наряду съ организованной дѣятельностью педагоговъ, сможетъ защитить учениковъ отъ произвола и насилія“. („Русь“).

Работы по реформѣ средней школы.

Составленный ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ половинѣ минувшаго года проектъ устава гимназій былъ представленъ министру народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенанту Глазову. Несмотря на тщательность произведенной комитетомъ работы, генералъ-лейтенантъ Глазовъ предпринялъ дальнѣйшія мѣры къ тому, чтобы реформированная средняя школа возможно болѣе соотвѣтствовала выясненнымъ жизнью задачамъ общаго образованія и возможно полнѣе освободилась отъ обнаружившихся недостатковъ въ строѣ и программахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ этою цѣлью основы выработаннаго ученымъ комитетомъ устава подверглись обсужденію созваннаго министромъ въ августѣ 1904 года совѣщанія попечителей учебныхъ округовъ, и затѣмъ проектъ былъ разосланъ на заключеніе попечителей. Послѣднимъ была предоставлена возможность воспользоваться сужденіями попечительскихъ совѣтовъ и совѣтовъ нѣкоторыхъ гимназій, на разсмотрѣніе которыхъ проектъ передавался. Въ началѣ текущаго года поступили составленные такимъ путемъ отзывы на проектъ устава отъ всѣхъ попечителей, и въ настоящее время въ министерствѣ, въ особой коммиссіи, идетъ работа по разсмотрѣнію этихъ отзывовъ и устава, и окончательной выработкѣ основъ предстоящей реформы средней школы вообще. Одновременно съ гимназическимъ уставомъ вырабатываются новыя положенія и о реальныхъ училищахъ, въ виду того, что главныя общеобразовательныя основы тѣхъ и другихъ заведеній должны быть общія.

Между прочимъ, возбужденъ вопросъ о продолжительности курса реальныхъ училищъ и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, объ измѣненіи учебнаго плана и программъ ихъ, а также—предоставляемыхъ ими въ отношеніи поступленія въ высшія учебныя заведенія правъ. Окончаніе этихъ работъ предвидится въ скоромъ времени, такъ что въ предстоящемъ учебномъ году новыя положенія о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ будутъ внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ учебномъ комитетѣ составляются новыя положенія о женскихъ гимназіяхъ. Относительно этихъ учебныхъ заведеній образованною при комитетѣ коммиссіею былъ выработанъ цѣлый рядъ вопросовъ, назрѣвшихъ за все время ихъ существованія. Вопросы, разосланные попечителямъ учебныхъ округовъ, были предложены на обсужденіе попечительскимъ совѣтамъ и затѣмъ педагогическимъ совѣтамъ всѣхъ женскихъ гимназій. Полученные отвѣты дали весьма цѣнный матеріалъ для составленія новаго положенія, каковыя работы также близятся къ концу.

Вмѣстѣ съ введеніемъ новаго устава будутъ обновлены и программы учебныхъ предметовъ. Происходящія въ послѣдніе годы измѣненія въ учебномъ планѣ гимназій представляютъ фактическое приближеніе къ окончательной реформѣ. („Бирж. Вѣд.“).

Совѣщаніе педагоговъ и родителей въ Ялтѣ.

Учащимися старшихъ классовъ ялтинскихъ мужской и женской гимназіи была представлена г. директору петиція изъ 10 пунктовъ. Прежде всего учащіеся протестуютъ противъ курскаго, саратовскаго, вологодскаго и друг.

избіеній, требуя немедленнаго безпристрастнаго разслѣдованія и гласнаго суда надъ виновниками. Далѣе излагаются требованія устраненія различныхъ ненормальностей жизни нашей средней школы: 1) уничтоженія процентнаго отношенія для евреевъ; 2) допущенія родителей въ засѣданія педагогическаго совѣта; 3) уничтоженія всякаго тайнаго надзора за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся: 4) невмѣшательства въ ихъ частную жизнь; 5) неприкосновенности писемъ; 6) болѣе вѣжливаго обращенія; 7) уничтоженія шпіонства; 8) разрѣшенія устраивать въ гимназіяхъ внѣклассныя занятія безъ обязательнаго присутствія начальства, которое можетъ быть приглашаемо самими учащимися. „Событія“ въ гимназіяхъ были отчасти предметомъ обсужденія для родительскаго кружка, собравшагося 23-го въ залѣ ялтинской городской управы. Въ этомъ многолюдномъ засѣданіи было рѣшено, съ одной стороны, послать министру внутреннихъ дѣлъ протестъ противъ курскаго избіенія, съ другой—устроить совѣщаніе родителей и педагоговъ для совмѣстнаго обсужденія возникшихъ вопросовъ и недоразумѣній. Это совѣщаніе и состоялось въ воскресенье, 27-го февраля, въ залѣ ялтинской Александровской мужской гимназіи, подъ предсѣдательствомъ директора ея А. Г. Готлиба. Присутствовало очень много родителей. Ораторами выступили: г. директоръ ялтинской гимназіи, д-ръ Г. И. Блохъ, д-ръ Рукинъ, д-ръ Н. П. Миклашевскій и др. Одни изъ ораторовъ доказывали, что необходимо закрытіе гимназій; другіе—что это закрытіе гимназій ни къ чему не приведетъ. Д-ръ Блохъ высказался въ томъ смыслѣ, что не гимназисты виноваты въ тѣхъ или иныхъ безпорядкахъ, а общія условія современной русской жизни, что начальство разъ навсегда должно отказаться отъ какихъ-бы то ни было репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ учащимся. Было рѣшено избрать коммиссію изъ 12 лицъ, 6 представителей отъ родителей и 6—отъ педагогическаго персонала, которая разобрала-бы всѣ возникающіе вопросы въ школьной жизни, и вообще служила бы посредникомъ между родителями и педагогическими совѣтами Выборы были назначены на среду, 2-го марта, и должны были состояться въ залѣ гимназіи Въ теченіе нѣсколькихъ дней, предшествовавшихъ выборамъ, происходило нѣсколько частныхъ совѣщаній, велась цѣлая „предвыборная агитація“ въ пользу тѣхъ или иныхъ лицъ; вообще, „вопросъ“, видно, задѣлъ ялтинскихъ обывателей за живое. Въ понедѣльникъ, 28-го февраля, въ собраніи родительскаго кружка были намѣчены кандидаты въ коммиссію; между прочимъ, обсуждался вопросъ, имѣютъ-ли право не родители быть членами коммиссіи. Въ „Кр. Кур.“, письмомъ въ редакцію, „Одинъ изъ многихъ“ возбудилъ вопросъ о томъ, публичны-ли, или нѣтъ совѣщанія родителей съ педагогами, причемъ указалъ на то, что есть много лицъ, не пользующихся родительскими правами, но желающихъ, въ то же время, присутствовать на совѣщаніи; вопросъ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Выборы 2-го марта дали результатъ, въ значительной мѣрѣ не соотвѣтствующій тому, что было намѣчено въ засѣданіи родительскаго кружка 28 февраля. Избранными оказались педагоги: А. Г. Готлибъ (директоръ гимназіи), о. Г. Чинновъ (законоучитель мужской гимназіи), С. А. Пивоваровъ (преподаватель мужской гимназіи), Межениновъ (преподаватель женской гимназіи), Д. А. Азбукинъ (преподаватель мужской и женской гимназій), о. Шукинъ (законоучитель женской гимназіи); родители: Г. Ѳ. Ярцевъ, д-ръ Зѣвакинъ, д-ръ Ножниковъ, д-ръ П. П. Миклашевскій, д-ръ В. В. Розановъ, д-ръ Петровскій. („Нов.“)

Совѣщаніе родителей въ Харьковѣ.

Въ Харьковѣ въ послѣднее время составился кружокъ изъ родителей учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ цѣлью организовать совѣщаніе родителей по педагогическимъ вопросамъ средней школы, имѣя въ виду внести успокоеніе въ среду учащихся въ виду начавшихся волненій учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ разныхъ городахъ Россіи и особенно въ Курскѣ. По просьбѣ кружка, профессоромъ П. Т. Степановымъ было исходатайствовано разрѣшеніе у начальника губерніи устроить это совѣщаніе по особо утвержденной губернаторомъ программѣ. Совѣщаніе состоялось 15 марта, вечеромъ, въ городскомъ домѣ. Въ совѣщаніи принимали участіе только лица, получившія предварительно билеты; всего оказалось 600 человѣкъ. Видное мѣсто занимали женщины-матери и родственницы учащихся, а также преподавательницы—въ большинствѣ случаевъ члены Общества трудящихся женщинъ, а также многіе профессора университета. Предсѣдателемъ собранія единогласно съ аплодисментами былъ избранъ проф. П. Т. Степановъ. Предсѣдатель ознакомилъ присутствующихъ съ программой совѣщанія, которой намѣчались для обсужденія слѣдующіе вопросы: 1) Средняя школа въ ея прошедшемъ и настоящемъ. 2) Причины ея неудовлетворительнаго состоянія. 3) Положеніе педагогическаго персонала, не соотвѣтствующее интересамъ школы. Взаимное отношеніе школы и семьи. 4) Необходимость общественнаго контроля надъ школьною жизнью. 5) Значеніе внѣшкольнаго надзора надъ учащимися. Необходимость безотлагательнаго увеличенія числа школъ и коренное измѣненіе учебно-воспитательной системы на основаніяхъ, требуемыхъ современной педагогической наукой. 6) Необходимость предоставленія широкаго простора частной инициативѣ въ дѣлѣ открытія школъ. П. Т. Степановъ говорилъ о томъ, какъ тревожная жизнь нашего общества отражается на условіяхъ существованія нашей молодежи. Родители собрались обсудить настоящее положеніе этой послѣдней и выяснить свою роль въ этомъ вопросѣ; они желаютъ сказать правду о неудовлетворительности средней школы и непригодности царящихъ въ ней порядковъ. По мнѣнію П. Т. Степанова долженъ быть измѣненъ весь режимъ ея и по возможности безотлагательно въ виду продолжающагося ея разложенія. Затѣмъ П. Т. Степановъ указалъ на безпомощность родителей и Министерства для охраны учащихся отъ упомянутыхъ безпорядковъ при существующемъ педагогическомъ режимѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указаны желательныя измѣненія въ строѣ средней школы. Изъ другихъ ораторовъ Ф. В. Пснячевскій въ своей рѣчи указалъ на упадокъ средней школы за послѣднее время и развилъ мысль о необходимости свободы политическаго и экономическаго строя. Г-жа Кондратьева, какъ учительница, указала на то тяжелое положеніе, въ которомъ находятся дѣти, не попадающія въ школы и учебныя заведенія по тѣмъ или другимъ причинамъ, и высказала пожеланіе, чтобы школа была доступна для всѣхъ. Проф. И. Г. Оршанскій говорилъ о роли и значеніи частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Развивая поставленную тему, проф. Оршанскій указалъ, что масса остается безъ образованія. Въ деревняхъ крестьяне совершенно лишены образованія. Профессоръ сказалъ, что правительство много дѣлало въ отношеніи народнаго образованія, но главнымъ недостаткомъ всей дѣятельности правительства было то, что оно всюду считалось съ возможностью противодѣйствія. Не одинъ недостатокъ въ средствахъ и людяхъ въ

этомъ случаѣ былъ причиной, но соображенія политическія и другія тормозили народное образованіе. Далѣе И. Г. Оршанскій указалъ на большіе успѣхи просвѣщенія въ другихъ государствахъ. Ораторъ закончилъ словами: „намъ нужно провозгласить свободу образованія, свободу ученія, обученія, національную и религіозную и это дастъ желательные прекрасные плоды".

Присутствовавшими преподавателями среднихъ учебныхъ заведеній было ярко очерчено то тяжелое положеніе, въ которомъ находятся преподаватели. Преподавателей обвиняютъ родители и представители общества за то, что дѣти оказываются искалѣченными и физически, и нравственно, страдаютъ неразвитостью и отсутствіемъ знаній; съ другой стороны, преподаватели поставлены въ такое положеніе, что они не имѣютъ возможности работать по душѣ, по внутреннему убѣжденію, влiять на учащихся и содѣйствовать какъ умственному, такъ и нравственному ихъ росту; существующими правилами, созданными бюрократическимъ строемъ, учителямъ вмѣняются въ обязанности такія функціи, которыя прямо противорѣчатъ званію учителя. Одинъ изъ ораторовъ опредѣлилъ это положеніе словами: „въ тѣхъ условіяхъ, которыя намъ даны, надо быть не преподавателемъ, а просто профессоромъ черной и бѣлой магіи"... Преподаватели видятъ свѣтлый лучъ въ пробивающемся сознаніи общества. Проф. Н. А. Гредескулъ высказалъ, что въ настоящемъ совѣщаніи должно взглянуть правдѣ въ глаза, что серія фактовъ послѣдняго времени характеризуетъ тяжелое положеніе Россіи. Забастовки и волненія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ представляютъ выдающійся фактъ и въ то же время ужасное бѣдствіе для страны. Это явленіе, по словамъ проф. Гредескула, знаменуетъ отсутствіе воспитательной роли и воспитательнаго значенія у среднихъ учебныхъ заведеній. Какія мѣры можно пустить противъ обнаружившагося бѣдствія? Нравственное воздѣйствіе? Но дѣло стоитъ такъ ненормально, что едва-ли школа можетъ проявить нравственный авторитетъ. Мѣры устрашенія, репрессіи? Но эти мѣры не приведутъ къ благополучному результату: событія въ Курскѣ это доказали. Такимъ образомъ, получается полное распаденіе школы. Далѣе проф. Гредескулъ, указавъ, что тяжелое положеніе школы создано направленіемъ школы и проведеніемъ политики въ ней, находилъ возможнымъ выходъ изъ этого положенія въ полномъ изгнаніи политики изъ школы. Далѣе говорилъ прис. повѣренный г. Познанскій, мотивировавшій свои положенія о неудовлетворительной постановкѣ народнаго образованія и средней школы въ Россіи статистическими данными.

Совѣщаніе, по выслушаніи всѣхъ мнѣній, приняло слѣдующую резолюцію: „Событія, переживаемыя нашимъ отечествомъ, настолько широко и глубоко взволновали русскую жизнь, что не только въ высшихъ, но въ послѣднее время даже и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ произошли забастовки. Мы, отцы и матери и заступающіе ихъ мѣсто, жители г. Харькова, съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что такое положеніе находитъ свое объясненіе въ существующемъ педагогическомъ режимѣ при общемъ полицейско-бюрократическомъ государственномъ строѣ. Педагогическій персоналъ средней школы лишенъ всякой самодѣятельности, поставленъ въ невозможныя условія работы и, благодаря этому, въ общемъ, не подготовленъ къ служенію народу на своемъ трудномъ и отвѣтственномъ поприщѣ. Онъ обнаружилъ отсутствіе нравственнаго авторитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и творчества въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы вывести русскую школу изъ ея настоящаго трагическаго положенія. Вотъ уже 5-е 10-лѣтіе Министерство Народнаго Просвѣщенія отвѣчаетъ только механическими пріемами на всѣ вопросы въ

жизни русской школы, возникающіе, какъ органическія явленія роста нашего народнаго самосознанія. Вслѣдствіе такого положенія дѣла, органы М-ва, какъ проводника народнаго образованія, утратили авторитетъ въ средѣ населенія, что особенно должно грозить въ школѣ педагогическому персоналу, утратившему свой авторитетъ среди учащихся. Потрясенные и возбужденные до глубины души произволомъ бюрократіи, установившимъ для школы условія, при которыхъ она калѣчитъ нашихъ дѣтей умственно и нравственно программами преподаванія и пріемами ихъ осуществленія, мы даже не имѣемъ увѣренности въ томъ, что дѣти наши не будутъ искалѣчены физически, какъ это имѣло недавно мѣсто въ Москвѣ, Псковѣ, Саратовѣ, Самарѣ и особенно въ Курскѣ, гдѣ они избивались и калѣчились невѣжественной толпой черной сотни, подстрекаемой темными провокаторами и мѣстной полиціей. Мы, родители учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гор. Харькова и заступающіе ихъ мѣста, собравшіеся на совѣщаніе 15 марта, пришли къ слѣдующему заключенію:

1) Необходимо коренное преобразованіе средней школы на новыхъ воспитательно-образовательныхъ началахъ, способныхъ вызвать у учащихся умственную и нравственную самодѣятельность при выработкѣ характера, настойчивости въ трудѣ и сознанія своего достоинства. Педагогическій совѣтъ, равно какъ и отдѣльные преподаватели, должны получить необходимую самостоятельность въ дѣлѣ учебно - воспитательномъ. Должно быть улучшено общее положеніе преподаванія. Формализмъ полицейскаго характера, возникшій на почвѣ недовѣрія, долженъ уступить свое мѣсто искренности отношеній между педагогическимъ персоналомъ и учащимися. 2) Школа должна быть доступна для всѣхъ, независимо отъ сословныхъ, національныхъ и религіозныхъ особенностей. 3) Необходимо безотлагательное увеличеніе числа школъ, чтобы удовлетворить какъ разростающіяся потребности въ среднемъ образованіи, такъ и правильности постановки учебно-воспитательнаго дѣла, невозможной при настоящемъ переполненіи классовъ. 4) Задача школы—всестороннее развитіе физической, умственной и нравственной природы человѣка. Средняя школа должна быть свободна отъ политическихъ вліяній; эти послѣднія, какъ показала исторія нашей школы, парализовали правильную постановку учебно-воспитательнаго дѣла. 5) Внѣшкольный надзоръ учебныхъ заведеній надъ учащимися, преслѣдуя чисто полицейскія цѣли и тѣмъ самымъ лишенный истинно-педагогическаго значенія, долженъ быть устраненъ. Внѣшкольное воспитаніе при настоящихъ условіяхъ нашей школы всецѣло должно быть предоставлено родителямъ. 6) Заботы объ исполненіи религіозныхъ обрядовъ должны быть при настоящихъ условіяхъ всецѣло предоставлены родителямъ. 7) Участіе родителей съ правомъ рѣшающаго голоса въ педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Участіе родителей въ воспитательной работѣ педагогическихъ совѣтовъ можетъ быть плодотворно лишь при условіи правильной организаціи въ видѣ воспитательныхъ кружковъ. Развитіе и дѣятельность такихъ кружковъ возможны, однако, только при существованіи свободы собраній и кружковъ вообще. 8) Необходимо: а) уничтожить стѣснительныя мѣропріятія, тормозящія свободное развитіе частной иниціативы въ дѣлѣ открытія школъ, б) предоставленіе права открытія какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и общественнымъ учрежденіямъ, явочнымъ порядкомъ частныхъ школъ съ правомъ выработки самостоятельной программы. Широкое развитіе и процвѣтаніе частныхъ учебныхъ заведеній, частныхъ курсовъ и, вообще, частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія не-

мыслимы безъ существованія свободы политической. 9) Совѣщаніе выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, что дальнѣйшее разложеніе русской школы при существующихъ условіяхъ грозитъ полнымъ ея паденіемъ и что коренное преобразованіе ея на новыхъ началахъ возможно только въ связи съ общей реформой государственнаго строя, съ предоставленіемъ народу свободы слова, совѣсти, личности, союзовъ, собраній и при участіи въ законодательствѣ и управленіи свободно избранныхъ имъ представителей. 10) Всѣ вышеизложенныя положенія настоящаго совѣщанія родителей довести до свѣдѣнія земскихъ и городскихъ управленій съ просьбой предложить имъ внести на обсужденіе въ земскія собранія и городскія думы". („Южн. Кр.").

Постановленія семейно-педагогическаго кружка въ Казани. По вопросу о броженіи среди учащихся.

Въ Казани, какъ и во многихъ другихъ городахъ, нынѣшнею зимой было большое броженіе среди учащихся въ средней школѣ. Броженіе это выразилось въ крайне взволнованномъ настроеніи дѣтей, въ массовыхъ отказахъ давать отвѣты на урокахъ или даже посѣщать классы, порой въ возбужденныхъ объясненіяхъ съ начальствомъ, въ попыткахъ помѣшать правильному ходу школьной работы въ цѣломъ учебномъ заведеніи, въ уличныхъ шествіяхъ толпой и т. п. Учебное начальство принимало различныя мѣры къ водворенію спокойствія, въ родѣ временнаго удаленія учащихся, полицейскаго воздѣйствія на собравшихся на улицахъ и у входовъ въ учебныя заведенія и т. п., причемъ дѣти подвергались риску быть избитыми. Все это, конечно, глубоко болѣзненно отражалось на родителяхъ, воспитателяхъ и на всемъ обществѣ. Тяжелыя минуты переживались семьею въ это тревожное время, когда дѣти уходили въ школу. Какъ избѣжать такихъ бѣдствій на будущее время? Этотъ вопросъ обсуждался въ семейно-педагогическомъ кружкѣ, и результатомъ обсужденія явилось признаніе неотложно необходимымъ: 1) Произвести полный пересмотръ системы преподаванія, программъ и руководствъ при участіи свободно избранныхъ представителей общества совмѣстно съ лицами, извѣстными въ наукѣ своими трудами по соотвѣтствующимъ вопросамъ. 2) Предоставить право всякому отдѣльному лицу или группѣ лицъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, открывать учебныя заведенія какого угодно типа въ явочномъ порядкѣ. 3) Преподаваніе должно вестись на всякомъ языкѣ, по выбору открывающихъ учебное заведеніе. 4) Всѣ правительственныя и общественныя учебныя заведенія сдѣлать доступными для лицъ всѣхъ сословій, безъ различія пола, вѣроисповѣданія, національности. 5) Организовать всѣ школы какъ существующія, такъ и вновь открываемыя на слѣдующихъ основаніяхъ: а) учебное заведеніе, каково-бы оно ни было (правительственное, общественное), управляется совѣтомъ, который вѣдаетъ всѣ стороны жизни учебныхъ заведеній, опредѣляетъ учебные планы, избираетъ администрацію и преподавателей, равно какъ и опредѣляетъ вознагражденіе; б) совѣтъ учебнаго заведенія состоитъ изъ всего педагогическаго персонала даннаго учебнаго заведенія и уполномоченныхъ отъ общества, представляющихъ интересы родителей на равныхъ правахъ съ другими членами совѣта.

(„Р. В.")

Въ обществѣ «Богатырь».

8-го марта состоялось первое годовое общее собраніе членовъ Петербургскаго гимнастическаго кружка „Богатырь", пріютившагося, къ сожалѣнію, на окраинѣ города. Изъ оглашеннаго годового отчета видно, что общество находится въ крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. Предсѣдатель совѣта кружка академикъ кн. И. Тархановъ обратился поэтому къ собравшимся гостямъ съ просьбой посодѣйствовать матеріальному благополучію „Богатыря". Онъ говорилъ о важности физическаго развитія для дѣтей и юношей обоего пола, подѣлился впечатлѣніями, которыя онъ вынесъ изъ посѣщенія краковскаго „Сокола"—гимнастическаго общества, насчитывающаго громадное число членовъ. „Три рубля въ годъ членскаго взноса, такъ сказать, съ каждаго новаго члена по ниточкѣ, сказалъ кн. Тархановъ, и можно будетъ сшить здоровую рубаху нашему подростающему поколѣнію". Рѣчь предсѣдателя кружка была покрыта долгими дружными рукоплесканіями. Крупный интересъ имѣлъ докладъ проф. Г. И. Турнера, который, по поводу войны, затронулъ вопросъ о причинахъ физическаго превосходства японцевъ; въ своемъ докладѣ почтенный профессоръ говорилъ о „физическомъ воспитаніи въ Японіи". „До момента столкновенія между Россіей и Японіей, Россія очень плохо была освѣдомлена о своей близкой сосѣдкѣ. Война выдвинула замѣчательныхъ японскихъ стратеговъ, которые, какъ опредѣлилъ ихъ одинъ иностранецъ, представляютъ собою гармоничное сочетаніе культуры и фанатизма. Наши соотечественники, вернувшіеся съ войны, передаютъ о громадныхъ достоинствахъ японскаго солдата, заключающихся въ его выносливости и въ очень сильномъ физическомъ развитіи, которыя являются слѣдствіемъ долгой и умѣлой гимнастической тренировки. Заинтересовавшись вопросомъ о физическомъ воспитаніи въ Японіи, я собралъ матеріалъ, который, хотя весьма незначителенъ, но изъ него можно все-же почерпнуть нѣсколько интересныхъ и поучительныхъ данныхъ. Въ Японіи физическое воспитаніе обоего пола поставлено очень высоко: оно обязательно. Въ школахъ, кадетскихъ корпусахъ—всюду введенъ особый способъ гимнастики, извѣстный подъ названіемъ „джіу джитсу", сильно развивающій мышцы и дающій крѣпкое и ловкое поколѣніе. Американскій знатокъ Японіи Хентекъ—заявляетъ, что выносливость японца поразительна. Напримѣръ, сдѣлать переходъ въ 25 миль при скверной погодѣ для него ничего не значитъ; столько же онъ можетъ проползти на животѣ. Быстрота передвиженія японцевъ также всѣмъ извѣстно. Еще Наполеонъ сказалъ, что „la victoire est dans les jambes du soldat". На сторонѣ большого физическаго развитія залогъ успѣха. Поэтому, видя наши неудачи, мы должны какъ можно скорѣе позаботиться о должномъ физическомъ развитіи нашихъ дѣтей, будущихъ защитниковъ родины. Будемъ-же, какъ сказалъ извѣстный ученый Дариль, выковывать здоровое и сильное поколѣніе".

Послѣ доклада профессоръ Г. И. Турнеръ демонстрировалъ пріемы „джіу-джитсу" на эстрадѣ.

Памяти Павла Александровича Висковатова.

24-го ноября 1842 года у гвардіи капитана Александра Васильевича Висковатова родился шестой сынъ Павелъ. А. В. Висковатовъ хорошо владѣлъ перомъ и въ свое время сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ историческія лѣ-

тописи своей родины, написавъ по порученію императора Николая I-го капитальный трудъ подъ заглавіемъ „Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ“.

Съ самаго дѣтства своего сынъ его Павелъ выказывалъ своеобразныя черты характера. Какъ передавала автору покойная мать ребенка, Полина Ѳедоровна, урожденная Баговутъ, мальчикъ часто бывалъ грустенъ, и на его дѣтскомъ лицѣ отражалась задумчивость и даже забота. Нравомъ онъ скорѣе былъ тихъ, нежели шуменъ; любилъ удаляться отъ прочихъ членовъ семьи и проводить время въ одиночествѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ подросталъ, эта потребность въ одиночествѣ усиливалась въ немъ и развивала мечтательность. Но при своемъ тихомъ нравѣ, онъ порою обнаруживалъ большую вспыльчивость, въ особенности, если ему казалось, что онъ имѣетъ дѣло съ несправедливостью или жестокостью.

Воспитаніе мальчика ничѣмъ не отличалось отъ воспитанія всѣхъ дворянскихъ дѣтей средняго достатка того времени. Онъ былъ отданъ въ Ларинскую гимназію, гдѣ не проявлялъ особенно блестящихъ способностей. Въ 1859 году онъ поступилъ въ уже преобразованный петербургскій университетъ. Обнаружившійся въ то время подъемъ духа въ исторіи развитія русской мысли и культуры, такъ ярко ознаменовавшій эпоху шестидесятыхъ годовъ, способствовалъ сильному подъему въ русскомъ обществѣ какъ общихъ вопросовъ, такъ и индивидуальныхъ стремленій. Всѣ вмѣстѣ и каждый порознь увлекались тогда разносторонними вопросами какъ отвлеченными, такъ и конкретными. Это было какъ бы пробужденіе къ чему-то новому, свѣтлому, призывъ къ возрожденію, на который все образованное русское общество дружно откликнулось. Юный студентъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ пошелъ на встрѣчу новой эры. На первыхъ же порахъ онъ встрѣтился съ Ѳ. М. Достоевскимъ, близко сошелся съ нимъ и до конца жизни Ѳ-а М-ча былъ его другомъ и почитателемъ. Достоевскій имѣлъ большое вліяніе на умственное и душевное развитіе молодого Висковатова. Частое общеніе съ Ѳ. М. развило въ немъ стремленіе къ истинѣ и правдѣ. Онъ бросился къ изученію жизни Христа и начала христіанства, ближе ознакомился съ Евангеліемъ и со множествомъ апокрифическихъ писаній, касающихся эпохи начала христіанства.

Вслѣдствіе безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1862 году, П. А. долженъ былъ оставить его и для окончанія своихъ учебныхъ занятій рѣшилъ уѣхать за границу. По прошенію онъ былъ уволенъ изъ петербургскаго университета, съ отличнымъ аттестатомъ. За границей П. А. слушалъ лекціи по всеобщей исторіи подъ руководствомъ такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Момзенъ, Ранке и др. Онъ работалъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Боннѣ и наконецъ въ Лейпцигѣ, гдѣ за диссертацію „Jacob Wimpheling“— (выдающійся дѣятель въ исторіи гуманизма) — получилъ степень доктора философіи и магистра словесности. Его занятія преимущественно касались разработки вопросовъ по средневѣковой цивилизаціи, т. е. борьбы отходящаго стараго соціальнаго строя съ нарождающимся новымъ.

Молодой докторъ философіи, немножко энтузіастъ, думалъ всецѣло посвятить себя ученой и литературной дѣятельности, но въ октябрѣ 1866 года былъ случайно представленъ въ Берлинѣ генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому, который былъ тогда нездоровъ и ѣхалъ лѣчиться. Свѣтлѣйшему князю полюбился молодой ученый, и онъ оставилъ его при себѣ въ качествѣ частнаго секретаря. По прошествіи года князь нашелъ, что Висковатову пора начать государственную службу и выхлопоталъ, чтобъ его зачислили по

Военному Министерству, но опять таки оставилъ его при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Какъ однако ни былъ добръ свѣтлѣйшій князь къ молодому ученому, какъ ни старался онъ оказывать ему вниманіе и расположеніе, всетаки Висковатовъ не могъ побѣдить въ себѣ влеченіе къ болѣе обширной умственной и научной дѣятельности. Каѳедра, живое слово, непосредственное общеніе съ молодежью представлялись ему желанной цѣлью его дальнѣйшаго существованія. Попасть на такое заманчивое для него поприще однако не сразу удалось ему. Только въ 1871 году онъ былъ допущенъ читать лекціи въ петербургскомъ университетѣ въ званіи приватъ-доцента. Рядомъ съ этимъ онъ въ залѣ Думы прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій о „Фаустѣ" Гете.—Во всѣ годы жизни Висковатова, съ молодости и до самыхъ послѣднихъ его дней, „Фаустъ" былъ его настольною книгой. Въ радости и горѣ, въ безсонныя ночи болѣзни и душевныхъ страданій, онъ читалъ и перечитывалъ эту любимую его „трагедію души человѣческой". Онъ зналъ ее почти наизусть, и все же открывалъ въ ней все новыя и новыя красоты. Его лекціи о „Фаустѣ" написаны были тепло, убѣжденно. Въ нихъ авторъ приводитъ мысль, съ которой далеко не всѣ критики „Фауста", писавшіе на него комментаріи, согласны, а именно, что вся эта грандіозная драма души человѣческой, отъ первой ея страницы до послѣдней, составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Лекторъ доказываетъ, что раздѣлить ее на двѣ отдѣльныя и несходныя между собой части, какъ это дѣлаютъ многіе—невозможно. Онъ уподобляетъ ея построеніе строенію готическаго собора. Несмотря на самыя разнообразныя украшенія готической архитектуры и на тщательную отдѣлку отдѣльныхъ частей, все вмѣстѣ взятое и собранное въ грандіозное произведеніе зодчества составляетъ одно нераздѣльное, гармоничное цѣлое.

Въ свое время лекціи эти были замѣчены.

Въ 1873 году Павелъ Александровичъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ русскаго языка и словесности въ Дерптскій, нынѣ Юрьевскій, университетъ.

Человѣкъ живой, дѣятельный, благожелательный, П. А сразу почувствовалъ себя на университетской каѳедрѣ въ своей сферѣ. Онъ влагалъ живое слово въ свои курсы, несмотря на то, что ему приходилось читать почти что для глухихъ, такъ какъ преобладающее большинство его слушателей, были балтійскіе дворяне, которые или не понимали, или не хотѣли понимать русскаго языка, а русской литературой совершенно не интересовались. Это иногда расхолаживало молодого профессора. Въ минуты унынія, онъ вздыхалъ по иной аудиторіи, которая понимала бы его, сливалась бы съ нимъ, или вызывала его на выяснительную бесѣду. Съ какой радостью онъ встрѣчалъ каждаго, случайно попадавшаго въ дерптскій университетъ русскаго! Съ какимъ удовольствіемъ онъ читалъ публичныя лекціи въ университетскомъ актовомъ залѣ, на которыя собиралась вся, такъ называемая, „русская колонія". Какъ ораторъ, Висковатовъ былъ пріятенъ. Онъ говорилъ плавно, мягкимъ голосомъ, который однако былъ внятно слышенъ даже за арками большого зала. Порой онъ увлекалъ свою аудиторію, заставляя сожалѣть, что рѣчь его уже кончена. Большинство сослуживцевъ и молодежи относилось къ нему сочувственно. Онъ всегда радушно шелъ навстрѣчу всему молодому, свѣжему, начинающему жить. Конечно, были у него и недоброжелатели—у кого ихъ нѣтъ?—но скорѣе принципіальные, нежели личные.

Курсы Павла Александровича касались древней и новой русской литературы. Изъ древней онъ читалъ о русскомъ народномъ эпосѣ, о славянскихъ

древностяхъ, о Словѣ о полку Игоревѣ, исторіи литературы съ XIV-го вѣка, и т. д. Любимые его „классики“, какъ онъ называлъ плеяду нашихъ талантовъ сороковыхъ годовъ, пользовались его особеннымъ расположеніемъ за содержательность и богатство мысли. Онъ издалъ о нихъ рядъ очерковъ, которые сдѣлали его имя извѣстнымъ въ современной литературѣ.

Первый очеркъ его былъ о Жуковскомъ. Со времени своего пребыванія въ Дерптѣ, онъ тѣсно сошелся со старымъ другомъ покойнаго поэта Карломъ Карловичемъ Зейдлицемъ. Въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ онъ часто встрѣчался съ почтеннымъ авторомъ біографическихъ воспоминаній о Жуковскомъ, а когда подходила столѣтняя годовщина со дня рожденія поэта (1883 годъ), то К. К. Зейдлицъ хотѣлъ чествовать ее литературнымъ празднествомъ. Въ этомъ празднествѣ П. А. принялъ самое дѣятельное участіе. Вмѣстѣ съ Зейдлицемъ и по его указаніямъ, П. А. исправилъ и дополнилъ уже бывшій въ печати біографическій очеркъ: „Жизнь и поэзія Жуковскаго“. Къ этому очерку онъ написалъ предисловіе и въ день годовщины произнесъ прочувствованную рѣчь въ актовомъ залѣ университета. Въ этой рѣчи, П. А. указалъ на многостороннюю дѣятельность покойнаго поэта, на его разнообразныя и неоцѣнимыя заслуги, какъ историка литературы, поэта, педагога и моралиста. Но такъ какъ въ трудѣ, весьма цѣнномъ для біографіи Жуковскаго, (онъ весь былъ составленъ изъ личныхъ и неизданныхъ воспоминаній Зейдлица)—П. А. принималъ, такъ сказать, только косвенное участіе, что мы на немъ не остановимся, а перейдемъ къ его самостоятельному труду, къ изданію сочиненій М. Ю. Лермонтова, по личнымъ изслѣдованіямъ и новымъ документамъ, которые П. А. собиралъ въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Издать полную біографую любимаго поэта всегда было неотступнымъ желаніемъ Висковатова. Подготовляясь къ этому кропотливому труду, онъ писалъ отдѣльныя статьи, которыя время отъ времени,—приблизительно съ 1879 по 1885 г. появлялись въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ какъ-то: „Русской Мысли“, „Нивѣ“, „Русской Старинѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Живописномъ Обозрѣніи“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и др. По поводу этихъ статей возникали иногда литературные споры и газетная полемика. Авторъ настоящаго очерка не берется судить, на чьей сторонѣ, въ перекрестномъ огнѣ расходящихся мнѣній была абсолютная правда. Исходя изъ того тезиса, что всѣмъ смертнымъ присуще ошибаться, авторъ думаетъ, что и Висковатову порой случалось сдѣлать ту или другую ошибку. Но во всякомъ случаѣ трудъ, предпринятый имъ, былъ обширенъ, задача интересна, и на выполненіе ея было имъ положено много часовъ усердной работы.

Въ 1891 году изъ всѣхъ своихъ статей и работъ, касающихся Лермонтова, П. А. составилъ его біографію, которая была приложена къ изданію сочиненій поэта (со всевозможными варіантами и комментаріями). Изданіе было дешевое и печаталось въ Москвѣ фирмой Рихтера. Невидныя книжечки, мелкая печать—все это не во вкусѣ русской публики. По появленіи его въ свѣтъ, мнѣнія о немъ сразу раздѣлились. Нѣкоторые признавали его крупнымъ вкладомъ въ исторію русской литературы, другіе—не только не хотѣли признать подлинности его новыхъ разслѣдованій, но даже стали обвинять составителя въ самовольныхъ искаженіяхъ. Споръ обострился и былъ, наконецъ, рѣшенъ экспертами Академіи Наукъ. Особая коммиссія, созванная по этому случаю, рѣшила споръ въ пользу Висковатова, но печать коснулась этого рѣшенія вскользь, а потомъ и вовсе его замолчала. Никакихъ особенныхъ послѣдствій все это дѣло однако не имѣло, кромѣ развѣ тѣхъ, что изданіе

расходилось вяло, да что въ сердцѣ много лѣтъ потрудившагося надъ нимъ человѣка ощутилась нѣкоторая горечь.

Въ 1894 году вышелъ срокъ двадцатипятилѣтней службы П. А., и онъ оставилъ Дерптскій, тогда уже Юрьевскій университетъ. Но прежде чѣмъ перейти къ иному поприщу его дѣятельности, а именно педагогическому, нужно еще упомянуть о другихъ отрасляхъ общественной жизни, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

Онъ былъ членъ и предсѣдатель Русскаго Благотворительнаго Общества въ Юрьевѣ. Съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ онъ изъ года въ годъ, за благосостояніемъ пріюта для бѣднѣйшихъ, православныхъ дѣтей. Много поддерживалъ онъ этотъ пріютъ, отстаивалъ его интересы, заботился объ удовлетворительномъ положеніи его кассы. Узнавъ теперь о кончинѣ П. А., Благотворительное Общество послало вѣнокъ на его могилу съ надписью: Своему незабвенному почетному члену, П. А. Висковатову, глубоко-признательное Русское Благотворительное Общество въ г. Юрьевѣ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ П. А. положилъ основаніе „Русскаго Кружка", къ которому примкнула большая часть проживавшихъ тогда въ Дерптѣ русскихъ. „Кружокъ" этотъ носилъ чисто семейный характеръ и служилъ соединительнымъ звеномъ для русскихъ людей, обреченныхъ жить на чужбинѣ. „Кружокъ" существовалъ около десяти лѣтъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, но впослѣдствіи онъ нѣсколько измѣнилъ свой характеръ, удержавъ однако названіе „Родникъ". До сихъ поръ онъ еще не прекратилъ своего существованія и, когда вѣсть о кончинѣ его основателя дошла до него, онъ тоже почтилъ его память вѣнкомъ съ надписью: Учредителю и почетному члену П. А. Висковатову всегда благодарное Юр. С. О. С. „Родникъ".

Всегда очень интересовавшійся отечественной археологіей, въ лѣтнія каникулы П. А. посвящалъ много времени на произведеніе всевозможныхъ раскопокъ. Онъ принималъ участіе въ раскопкахъ на Кавказѣ, въ Лифляндіи, въ Ярославлѣ, около Дерпта, въ Пюхтицахъ и другихъ мѣстахъ, названій которыхъ у меня нѣтъ теперь подъ рукой. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ участвовалъ почти на всѣхъ съѣздахъ Московскаго Археологическаго Общества, а въ 1888, 92, 93 и 94 годахъ былъ командированъ министромъ нар. просв. во внутреннія губерніи съ ученою цѣлью, которая тоже касалась археологическихъ изысканій. Всѣ эти командировки были выполнены П. А. очень внимательно. Хорошими результатами своихъ трудовъ онъ внесъ свою лепту въ музеи и архивы Археологическаго Общества, за что и получалъ отъ предсѣдателя Общества, графини Уваровой, неоднократно благодарность. Фотографическіе снимки съ его находокъ и печатные отчеты находятся въ его бумагахъ и могутъ служить удостовѣреніемъ его трудовъ по этой отрасли.

Во второй половинѣ 1876 года, П. А., близкій другъ И. С. Аксакова, всѣми уважаемаго издателя газеты „Русь", былъ, командированъ отъ Московскаго Славянскаго Комитета въ Сербію въ качествѣ главнаго его представителя. Узнавъ объ этомъ, редакторъ петербургской газеты „Голосъ" А. А. Краевскій просилъ его быть корреспондентомъ упомянутой газеты съ театра войны. Отчетъ о недолгой, но кипучей дѣятельности П. А., какъ представителя Славянскаго Комитета и корреспондента „Голоса", всецѣло сохранился въ толстой кипѣ всевозможныхъ бумагъ: воззваній, переписки съ десятками лицъ, печатныхъ корреспонденцій, всякихъ телеграммъ, распоряженій,

приказовъ и т. п. Этотъ эпизодъ въ его жизни могъ-бы послужить темой для отдѣльной работы, весьма интересной, какъ страничка изъ исторіи Сербской кампаніи. Своими дѣйствіями и распоряженіями П. А. заслужилъ одобреніе И. С. Аксакова и благодарность Славянскаго Комитета. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія письма, имъ полученныя по окончаніи кампаніи, находящіяся въ его бумагахъ.

Въ концѣ 1894 года, П. А. совсѣмъ оставилъ Дерптъ (тогда уже Юрьевъ) и былъ зачисленъ приватъ-доцентомъ петербургскаго университета.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отдыха, П. А. былъ командированъ министромъ путей сообщенія для изслѣдованія школъ при Николаевской желѣзной дорогѣ и по возвращеніи изъ командировки опредѣленъ на службу въ это же министерство чиновникомъ особыхъ порученій. Но тамъ онъ оставался недолго. Уже въ 1896 году, онъ принялъ предложеніе А. Н. Майкова и былъ назначенъ цензоромъ центральнаго комитета иностранной цензуры. Не смотря однако на личную дружбу съ А. Н. Майковымъ и на то, что цензурныя требованія этого ближайшаго его начальника были весьма либеральны, П. А. съ первыхъ же недѣль своей новой службы началъ тяготиться ею и искать себѣ иного занятія, которое не разъединяло бы, а напротивъ, сближало бы его съ „живой жизнью“.

Однажды онъ пошелъ навѣстить своего хорошаго знакомаго М. Н. Капустина, покойнаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Тотъ совершенно неожиданно предложилъ ему принять вакантное мѣсто директора частной гимназіи и реальнаго училища д-ра Видемана. Дѣло это сладилось какъ-то сразу, и 19 іюня 1897 года П. А. былъ назначенъ директоромъ заведенія.

Почти восьмилѣтняя дѣятельность его на педагогическомъ поприщѣ даетъ мнѣ право нѣсколько остановиться на ней.

П. А. принялъ должность директора, когда заведеніе переживало довольно критическую минуту; но съ его назначеніемъ въ стѣнахъ его началась новая жизнь. П. А. всегда старался воздѣйствовать на юношество убѣжденіемъ и лаской. Врагъ всякаго формализма, онъ придерживался того мнѣнія, что отношенія между учащими и учащимися должны опираться на взаимное довѣріе. Первыя слова сказанныя имъ по вступленіи въ должность директора, подчеркивали необходимость именно такихъ отношеній. Этотъ педагогическій пріемъ вытекалъ изъ искренняго расположенія его къ юношеству. Для питомцевъ своихъ онъ во всякое время былъ доступенъ. Двери его квартиры были для нихъ открыты. Онъ старался понять каждый характеръ, каждую индивидуальность, входилъ во всѣ ихъ заботы и нужды какъ серьезныя, такъ и мелкія. Насколько онъ былъ въ силахъ, онъ ограждалъ свою молодую рать, будущихъ борцовъ съ жизнью, отъ случайныхъ невзгодъ и непредвидѣнныхъ бѣдъ. И онъ почерпалъ для себя радость въ томъ, что юноши дѣйствительно относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Они часто признавались ему въ такихъ поступкахъ, о которыхъ, можетъ быть, не рѣшились бы сказать даже духовнику.

Большое значеніе П. А. также придавалъ тѣсному союзу между семьей и школой. Родители учениковъ всегда встрѣчали въ немъ директора, горячо интересующагося ихъ дѣтьми, вникавшаго во всѣ подробности и трудности ихъ положенія.

Къ преподавателямъ онъ относился, какъ старшій товарищъ къ младшимъ, молодымъ учителямъ часто помогалъ своимъ опытомъ и совѣтомъ.

Онъ не отдѣлялъ преподавательской дѣятельности отъ воспитательной и желалъ, чтобы преподаватели не только давали уроки, но и интересовались нравственнымъ развитіемъ учениковъ. Интригъ онъ не терпѣлъ. Онъ старался, чтобы въ педагогическомъ персоналѣ были всегда коллегіальныя отношенія и возможное единодушіе. На педагогическихъ совѣтахъ преподаватели могли свободно высказывать свои взгляды.

Уже послѣ перваго года его директорства училище насчитывало значительно больше учениковъ, чѣмъ предыдущіе годы — (подтвержденіе можно найти въ годовыхъ отчетахъ). Между школой и семьей установилась извѣстная солидарность. Подъемъ училища возросталъ и вмѣстѣ съ нимъ росла его добрая слава.

Такъ дѣло шло изъ года въ годъ до послѣдняго учебнаго года. И съ преподавателями, и съ учениками директоръ, казалось, былъ въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Жестокъ былъ для П. А. ударъ, когда вдругъ вышло наружу, что въ дружной съ виду товарищеской семьѣ прдподавателей нежданно проявился расколъ. Не могло тогда не броситься въ глаза, что отложившіеся преподаватели совершенно не понимаютъ ни педагогическаго духа П. А., ни его пріемовъ, цѣлей и задачъ. Ударъ былъ такъ неожиданъ и тяжелъ для него, что пагубно подѣйствовалъ на его уже пошатнувшееся здоровье. Но даже удрученный тяжкимъ недугомъ, онъ думалъ и заботился о своихъ выпускныхъ классахъ. Несмотря на все слабѣющія силы и на запрещеніе доктора, онъ призывалъ къ себѣ кончающихъ учениковъ, бесѣдовалъ съ ними, ободрялъ ихъ, старался, чтобы они спокойно отнеслись къ экзаменамъ, къ этому послѣднему, важному моменту школьной жизни.

П. А. сомкнулъ глаза на вѣки, высоко держа девизъ училища д-ра Видемана: Humanitati virtuti doctrinae.

Помимо многихъ научныхъ и литературныхъ трудовъ изъ которыхъ мы перечислили далеко не всѣ, П. А. писалъ также беллетристическія произведенія, стихотворенья и даже оставилъ вполнѣ законченное драматическое произведеніе. Написалъ онъ и издалъ три дѣтскія книжки для млалшаго возраста. Изъ нихъ „Бабушка Татьяня“ и „Люшина книжка“ пользуются большой популярностью среди начинающаго подростать молодого поколѣнія.

Семья покойнаго надѣется ознакомить публику съ этими отдѣлами его творческихъ трудовъ и въ ближайшемъ времени приступить къ посмертному изданію его непоявившихся еще въ печати работъ.

Н. У.

Лидія Карловна Эрнстъ.

(Некрологъ).

25-го марта текущаго года скончалась на 81 году жизни Лидія Карловна Эрнстъ. Имя ея, незнакомое большой публикѣ,—пользовалось большой извѣстностью въ кругахъ, близко знавшихъ ее. А круги эти были обширны и разнообразны, такъ какъ покойная занималась педагогической дѣятельностью въ теченіе сорока лѣтъ, была начальницей Саратовскаго, Новочеркасскаго и Кіевскаго институтовъ и въ этотъ длинный періодъ времени воспитала болѣе ысячи дѣвушекъ.

Женщина выдающагося ума, твердой воли и рѣдкой образованности, покойная Лидія Карловна всѣмъ была обязана только себѣ. Еще во время пребыванія ея въ институтѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, она обращала на себя всеобщее вниманіе своими необыкновенными способностями, блестящими отвѣтами и выдающимися сочиненіями; долгіе годы память о ней сохранялась въ Смольномъ, и когда ей пришлось искать мѣста и заработка—Императрица Александра Θеодоровна, къ которой она прямо обратилась безъ всякой протекціи, помимо всѣхъ конкурентокъ назначила ее начальницей недавно основаннаго саратовскаго института. Это было въ 56-мъ году, въ дореформенное время, когда женское образованіе главнымъ образомъ сводилось къ знанію иностранныхъ языковъ, къ танцамъ и музыкѣ, когда въ дальней провинціи найти хорошихъ учителей было крайне трудно. Лидія Карловна въ короткое время поставила институтъ образцово. Владѣя рѣдкимъ организаторскимъ талантомъ, она умѣла поставить на всякое мѣсто подходящаго человѣка. Требовательная ко всѣмъ, къ себѣ она была неумолима, не давала себѣ ни отдыха, ни покоя, входя во всѣ мелочи и проводя въ жизни правило, что всѣ служащіе должны класть свое время, свою душу на дѣтей, требуя и отъ дѣтей прежде всего исполненія долга. Врагъ распущенности, сентиментальности, ухаживанія за дѣтьми, она неуклонно требовала отъ всѣхъ, подавая сама примѣръ работы, исполненія долга. Но когда надо было помочь, посовѣтовать, утѣшить, ободрить добрымъ словомъ, лаской, хлопотать и за служащихъ. и за дѣтей, не было человѣка болѣе отзывчиваго, болѣе чуткаго ко всѣмъ горестямъ своихъ дѣтей. И эти дѣти, много лѣтъ послѣ выпуска, уже сами матери, всегда приходили къ ней и всегда находили теплый откликъ на все, что волновало и занимало ихъ.—Я сказала, что учителей трудно было найдти въ тѣ времена. Женщина рѣдкаго образованія, особенно въ области исторіи, она восполняла всѣ недочеты преподаванія: постоянно собирала воспитанницъ, читала съ ними систематически классиковъ и русскихъ, и иностранныхъ, съ объясненіями, комментаріями, а когда не было учителя, или онъ былъ боленъ, она мѣсяцами замѣняла ихъ, давая уроки въ классахъ. Такъ она проходила цѣлые курсы исторіи, и русской, и всеобщей, и уроки ея были необыкновенно интересны и живы. Самая отсталая, плохая воспитанница и та выказывала интересъ и выносила кое-что изъ уроковъ. Въ тѣ дореформенныя времена, когда барышни должны были только быть изящны и выходить хорошо замужъ, она съумѣла возбудить въ нихъ любовь къ работѣ, къ знаніямъ, къ плодотворному труду, и сколько изъ этихъ первыхъ ея воспитанницъ взростили эти добрыя сѣмена и были первыми піонерками такъ пышно разцвѣтшаго позже движенія въ пользу широкаго и серьезнаго женскаго образованія. Вышедши по семейнымъ обстоятельствамъ въ отставку послѣ 15 лѣтъ, она поселилась за границей, но и тамъ ея дѣятельный умъ искалъ дѣла. Такъ, она въ Дрезденѣ открыла курсъ исторіи для частнаго кружка, который имѣлъ большой успѣхъ.—Когда вспыхнула турецкая война, она отправилась во главѣ отряда сестеръ милосердія на театръ военныхъ дѣйствій. Находясь на одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ пунктовъ—во Фратешти,—гдѣ все время въ военномъ лазаретѣ на 1.000 человѣкъ у нихъ лежало около 6.000, она и тамъ съумѣла своими организаторскими способностями устроить больныхъ, на сколько было возможно сносно, съумѣла объединить весь персоналъ на дружную работу, а при препирательствахъ Краснаго Креста съ военнымъ вѣдомствомъ и отказѣ Кр. Кр. отпускать изъ своихъ запасовъ на военный госпиталь, благодаря своей энергіи не

только одержала верхъ въ борьбѣ съ бюрократизмомъ уполномоченныхъ Краснаго Креста, но и съумѣла найдти помимо Краснаго Креста средства и возбудить широкій приливъ пожертвованій. Не только личные ея знакомые, но и Принцесса Евгенія Максиміліановна посылала на ея имя цѣлые транспорты для раненыхъ. Вернувшись въ Россію по заключеніи мира—она отдыхала не долго. По личной просьбѣ Императрицы Маріи Александровны, она поѣхала въ Николаевъ, въ эвакуаціонный госпиталь, гдѣ царствовалъ большой безпорядокъ. Не прошло и мѣсяца, какъ все было реорганизовано, всѣ доктора, всѣ сестры дѣлали свое дѣло, больные были обставлены какъ слѣдуетъ и порядокъ сдѣлался образцовый. Но Лидію Карловну тянуло къ любимому дѣлу, и въ концѣ 78 г. она вернулась къ педагогической дѣятельности. Шесть лѣтъ она была начальницей въ Новочеркасскѣ и 11 въ Кіевѣ, пока разстроенное здоровье и, главное, ослаблѣніе зрѣнія не вынудили ее въ 1894 г. выйдти въ отставку. Оба института она приняла разстроенными, съ разшатанной дисциплиной и дезорганизованой учебной частью; оба института она вскорѣ желѣзной волей, неустанной работой, умѣніемъ выбирать сотрудниковъ—быстро поставила блестяще. И тутъ, хотя конечно условія работы были легче, средства, учебный персоналъ, особенно въ Кіевѣ—богаче—она, несмотря на надвигающуюся старость, работала, какъ молодая, входила всегда во всѣ подробности быта ввѣренныхъ ей дѣтей, знала горести и радости каждой, сидѣла у постели больныхъ и до конца учила, развивала дѣтей и давала имъ систематическіе уроки исторіи.

Вышедши въ отставку 70 лѣтъ, съ очень плохимъ зрѣніемъ—до конца жизни она сохранила свѣтлый умъ и жажду знанія. Читали ей вслухъ постоянно. Ея память, ея начитанность были изумительны: она была живымъ энциклопедическимъ словаремъ по исторіи для всѣхъ окружающихъ.

Въ любой моментъ она могла прочесть цѣлую лекцію по исторіи; наканунѣ смерти еще читала Николая I Шильдера. Не могу не разсказать, можетъ быть, очень интимный анекдотъ, но характеризующій ее: за два года до смерти она читаетъ исторію Аѳинъ въ Средніе Вѣка Грегоровіуса и на вопросъ внучки, интересно-ли, отвѣчаетъ, что и не особенно интересно. „Зачѣмъ же ты читаешь“?—„А я совсѣмъ не знаю этого періода исторіи, надо же научиться“.—И такъ она научалась всю жизнь и поучала всѣхъ, черпая изъ широкаго запаса своихъ знаній, своего опыта, дѣлясь ими съ окружающими, всегда готовая помочь всѣмъ, особенно сохраняя любовь ко всѣмъ бывшимъ воспитанницамъ, которыя до конца, уже не молодыя—называли ее по прежнему maman, пріѣзжали за совѣтомъ и лаской въ трудныя минуты и всегда ихъ находили.

Война и неудачи наши омрачили послѣдній годъ ея жизни. Она страстно относилась ко всему, что близко касалось нашего отечества; ожиданіе извѣстій приводило ее въ трепетъ и мучительно отзывалось на больномъ сердцѣ. Она часто говорила: эта война убьетъ меня. Въ письмѣ, написанномъ за 2 недѣли до кончины, она говорила: „не жить бы, не видѣть, что у насъ дѣлается!“

Миръ праху твоему!

Старая воспитанница.

Разныя извѣстія и сообщенія.

Въ Московскомъ университетѣ. Совѣтъ московскаго университета, получивъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія обсудить вопросъ о возможности открытія занятій въ текущемъ полугодіи, подвергъ этотъ вопросъ тщательному обсужденію и пришелъ къ тому заключенію, что немедленное открытіе занятій соединено съ малой надеждой на ихъ спокойное и успѣшное теченіе и что, во всякомъ случаѣ, прежде открытія университета, къ какому бы сроку оно ни было пріурочено, необходимо безотлагательное принятіе мѣръ къ возстановленію академическаго автономнаго строя, составляющаго первое условіе академическаго порядка. По заключенію совѣта, настроеніе студентовъ университета поддерживается организованными группами учащихся въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ занятія закрыты до осени. Всякіе призывы къ занятіямъ были бы въ настоящее время тщетны, въ виду слишкомъ еще сильнаго и страстнаго возбужденія среди студентовъ, питаемаго возбужденіемъ русскаго общества. Разумѣется, не все студенчество раздѣляетъ крайніе взгляды. Среди возбужденныхъ есть колеблющіеся и болѣе спокойные, и есть немало студентовъ, не принимавшихъ активнаго участія въ волненіяхъ. Но можно сказать, что количество волнующихся необычайно велико и самое возбужденіе необыкновенно напряжено, захватывая множество студентовъ, отличавшихся въ прежнихъ случаяхъ большимъ спокойствіемъ, индифферентизмомъ или даже стоявшихъ въ прямой оппозиціи всякаго рода нарушеніямъ академическаго порядка. Многіе, и между ними лучшіе и преданные наукѣ, студенты стали просто неузнаваемыми. Есть студенты, стоящіе внѣ организаціи или даже относящіеся къ ней несочувственно, но это обстоятельство еще не можетъ гарантировать возстановленія нормальнаго хода академической жизни, такъ какъ такіе студенты составляютъ меньшинство. Групца около 3.000 студентовъ, подписавшихъ резолюцію о прекращеніи занятій до 1-го сентября, представляется особенно значительной, если принять въ разсчетъ большое число студентовъ отсутствующихъ, регулярно манкирующихъ и, наконецъ, студентовъ разъѣхавшихся и удерживаемхъ дома родителями, желающими оградить ихъ отъ грозящихъ имъ опасностей. Къ этому надо прибавить, что и большинство студентовъ, не раздѣляющихъ точки зрѣнія забастовщиковъ, махнули рукой на семестръ и считаютъ, что время уже упущено, а лѣтній семестръ, въ пользу котораго было высказано предположеніе (или въ пользу продленія занятій до 15-го іюня представляется многимъ студентамъ настолько нежелательнымъ, что они уклонились бы отъ него помимо всякой политической агитаціи. Другіе студенты, без-

словно не сочувствуя забастовкѣ, приступили бы къ занятіямъ и теперь, но заявляютъ, что не будутъ посѣщать университета, не желая обструкціи и усобицы и не будучи въ состояніи заниматься при тѣхъ бурныхъ сценахъ, которыя могутъ произойти въ стѣнахъ университета. Если бы начальство признало нужнымъ произвести отборъ среди учащихся въ цѣляхъ немедленнаго возобновленія занятій, то пришлось бы уволить тысячи учащихся, что внесло бы окончательную деморализацію и ожесточеніе и нанесло бы университету ничѣмъ невознаградимый нравственный ущербъ. Но и этимъ не было бы еще достигнуто успокоеніе университета, такъ какъ при существующемъ настроеніи студенчества никакой отборъ не оказался бы дѣйствительнымъ. Чтобы успокоить тревожное волненіе и удалить множество иногородныхъ молодыхъ людей изъ крайне возбужденной среды, быть можетъ, было бы всего цѣлесообразнѣе закрыть университетъ до будущаго семестра. Испытавъ на себѣ всѣ послѣдствія забастовки, несомнѣнно сопряженной для большинства учащихся и ихъ семействъ съ тяжкими жертвами, молодые люди могутъ вернуться на будущій семестръ съ болѣе твердымъ намѣреніемъ работать, тѣмъ болѣе, что такая длящаяся забастовка высшихъ учебныхъ заведеній не можетъ не вызвать отпора со стороны русскаго общества. Высочайшій рескриптъ 18-го февраля открываетъ для Россіи путь къ устроенію ея жизни на новыхъ началахъ. Тѣмъ не менѣе, пока общественная жизнь не войдетъ въ твердо установившуюся колею, придется, вѣроятно, и въ жизни студенчества встрѣчаться съ проявленіями броженія, и для того, чтобы при такихъ условіяхъ поддерживать по возможности теченіе учебныхъ занятій профессорская коллегія, по мнѣнію совѣта, должна быть надѣлена соотвѣтственными полномочіями. Совѣтъ считаетъ возможнымъ открытіе университета лишь при соблюденіи слѣдующихъ мѣръ: 1) Совѣту должно быть предоставлено безотлагательно, до введенія новаго университетскаго устава (къ выработкѣ котораго желательно приступить немедленно), полномочіе на самостоятельное руководство академическою жизнью съ правомъ открытія и закрытія университета, съ правомъ управленія при посредствѣ выборныхъ ректора, помощника ректора и декановъ, съ подчиненіемъ инспекціи совѣту, опредѣляющему ея функціи. 2) Мѣры, вносящія расколъ въ среду студенчества, равно какъ и мѣры принудительнаго или репрессивнаго характера, не должны быть принимаемы. Вся дисциплинарная власть должна быть предоставлена совѣту и его выборнымъ органамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ питаетъ увѣренность, что скорое выполненіе реформы, возвѣщенной въ Высочайшемъ рескриптѣ 18-го февраля о призывѣ свободно избранныхъ представителей народа къ участію въ разработкѣ и обсужденія законодательныхъ предположеній дастъ основанія разсчитывать на умиротвореніе русскаго общества и на достиженіе условій, обезпечивающихъ мирное теченіе академической жизни. („Р. В.“).

Государственные экзамены въ с.-петербургскомъ университетѣ уже назначены для юристовъ и математиковъ; относительно филологовъ вопросъ остается открытымъ: будутъ-ли они держать экзамены теперь, весной, или осенью будущаго года—неизвѣстно. Большинство студентовъ высказывается за послѣднее, чтобы успѣть подготовиться за лѣтнія вакаціи. Въ виду того, что объявленныя испытанія распространяются только на тѣхъ студентовъ, которые въ прошломъ учебномъ году имѣли право на полученіе университетскаго свидѣтельства, объявлено дополнительно, что студенты 7-го

семестра могутъ держать экзамены, подавая прошенія на имя министра народнаго просвѣщенія. Теперь нѣкоторые профессора ведутъ у себя на дому приватныя занятія со студентами; такимъ образомъ, послѣднее полугодіе нельзя считать окончательно потеряннымъ. Между прочимъ, можемъ сообщить, что составъ государственной коммиссіи по филологическому факультету уже опредѣлился: предсѣдателемъ избранъ опять профессоръ русской исторіи С. Ѳ. Платоновъ. („Бирж. В.").

Въ обществѣ для пособія студентевъ Московскаго Университета. Ходатайство Общества для пособія студентамъ Московскаго университета объ освобожденіи недостаточныхъ студентовъ отъ взноса платы за текущее полугодіе правленіемъ университета отклонено въ виду недостатка средствъ. Само общество тоже ничего сдѣлать не въ силахъ, такъ какъ всѣ его средства изсякли, а между тѣмъ ему предстоитъ еще удовлетворить другія нужды недостаточныхъ студентовъ. Насколько эти нужды велики, видно изъ того, что болѣе 1.100 студентовъ обратились въ общество съ просьбою дать имъ какія-бы то ни было занятія. Въ виду полученнаго отказа со стороны правленія университета комитетъ общества рѣшилъ обратиться въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ освобожденіи отъ взноса платы за право слушанія лекцій всѣхъ бѣдныхъ студентовъ, пользовавшихся обыкновенно поддержкой со стороны общества. („Н. Вр.").

Студенты въ качествѣ врачей. Вся группа студентовъ 5-го курса военно-медицинской академіи, отказавшаяся отъ государственныхъ экзаменовъ, уже получила мѣста врачей въ земство, почему и бюро для пріисканія занятій студентамъ академіи не въ состояніи больше удовлетворять вновь поступающія въ бюро требованія. Для замѣщенія врачей осталось только небольшое количество студентовъ 4-го курса. („С. О.")

Университетская Газета. Значительной группой профессоровъ Московскаго университета вносится на обсужденіе профессорской коллегіи слѣдующее предложеніе: Газета „Московскія Вѣдомости" съ давнихъ поръ проявляетъ явно-клеветническія тенденціи по отношенію къ профессорамъ и студентамъ, выражающіяся въ различныхъ статьяхъ и замѣткахъ, написанныхъ притомъ въ совершенно неприличномъ тонѣ. Поэтому мы признаемъ необходимымъ снять съ „Московскихъ Вѣдомостей" украшающее ихъ изображеніе печати Императорскаго Московскаго университета и вообще прекратить существующую лишь номинально связь означенной газеты съ университетомъ на то время, пока этой газетой руководитъ теперешній ея издатель". По мнѣнію профессоровъ, если бы совѣтъ университета согласился съ этимъ предложеніемъ, онъ могъ-бы возбудить передъ подлежащей властью соотвѣтственное ходатайство. (Н. Вр.)

Антистуденческая агитація. Проживающіе въ Екатеринодарѣ студенты различныхъ учебныхъ заведеній подали начальнику кубанской области и наказному атаману кубанскаго казачьяго войска жалобу на правителя его кан-

целяріи Руденко (занимающаго еще нѣсколько платныхъ должностей, въ томъ числѣ редактора мѣстнаго оффиціальнаго органа „Кубанскія Областныя Вѣдомости“), за пропаганду въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“ изъ газеты „День“ статьи (Воззваніе къ товарищамъ) воронежскихъ рабочихъ противъ студентовъ, сплошь пополненной отборною бранью и ложью. Г. Руденко почему-то полюбилъ газету „День“ и только изъ нея перепечатываетъ въ официальномъ органѣ статьи, подобныя упомянутой, хотя, казалось-бы, для официальной газеты и не подобаетъ вслухъ поддакивать реакціонерамъ. Многіе кубанскіе студенты, въ виду теперешняго положенія, сидятъ по домамъ въ станицахъ, и можно себѣ представить отношеніе къ нимъ станичной власти и населенія, когда въ официальной газетѣ, обязательно выписываемой въ каждой станицѣ и во многихъ станицахъ единственной, такъ по-извозчичьи ругаютъ студентовъ. Послѣ этого власти станичныя сочтутъ себя вправѣ и бить студентовъ. („Нов.“)

О пріемѣ семинаристовъ въ университеты. Въ настоящее время лица, окончившія по первому разряду полный курсъ духовныхъ семинарій, хотя и принимаются, по выдержаніи особыхъ дополнительныхъ испытаній, въ нѣкоторые университеты, но не на всѣ факультеты: каждый университетъ руководствуется особыми правилами. Въ виду неудобства такого порядка, министерство народнаго просвѣщенія поручило ученому комитету выработать новыя правила пріема, причемъ предполагается допустить семинаристовъ на всѣ, безъ исключенія, факультеты всѣхъ университетовъ. Изъ имѣющихся въ ученомъ комитетѣ матеріаловъ, собранныхъ по этому вопросу, видно, что совѣты университетовъ—петербургскаго, юрьевскаго, новороссійскаго и томскаго высказались въ пользу допущенія семинаристовъ на всѣ факультеты, но съ производствомъ повѣрочныхъ испытаній по нѣкоторымъ предметамъ изъ курса гимназій. Въ пользу благопріятнаго рѣшенія вопроса высказалась также и конференція военно-медицинской академіи, въ которую съ 1879 г. и до настоящаго времени доступъ семинаристамъ совершенно закрытъ.

(„Бирж. В.“)

На высшихъ женскихъ курсахъ. 7-го апрѣля состоялось засѣданіе совѣта высшихъ женскихъ курсовъ по вопросу, при какихъ условіяхъ возможно будетъ возобновленіе занятій 1-го сентября. Послѣ продолжительнаго совѣщанія совѣтъ пришелъ къ заключенію о необходимости коренного пересмотра дѣйствующаго нынѣ положенія о курсахъ. Съ этой цѣлью избрана особая коммиссія въ составѣ профессоровъ: Поссэ, Платонова, Нечаева, Фаусека, Савича и Грима. По тому же вопросу состоялось засѣданіе совѣта электротехническаго института. Совѣтъ остановился на мысли о созывѣ осенью текущаго года въ Петербургѣ представителей высшихъ учебныхъ заведеній, не рѣшаясь брать на свою отвѣтственность то или иное рѣшеніе вопроса. Съ этой цѣлью совѣтъ намѣренъ въ непродолжительномъ времени обратиться съ ходатайствомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. („В. В.“).

Собраніе общества вспоможенія окончившимъ спб. высшіе женскіе курсы. 5-го марта происходило годовое собраніе общества вспомо-

женія окончившимъ курсъ наукъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Изъ отчета за истекшій годъ видно, что на 1-е января 1905 г. всѣхъ членовъ о-ва было 645. Въ отчетномъ году, по предложенію, высказанному однимъ изъ членовъ общаго собранія 20-го января 1904 г., совѣтъ входилъ отъ имени о-ва съ ходатайствомъ въ с.-петербургскую городскую думу о пересмотрѣ постановленія училищной коммиссіи о недопущеніи лицъ замужнихъ и вдовъ съ дѣтьми занимать мѣсто учительницъ городскихъ начальныхъ училищъ. Основаніемъ для такого ходатайства со стороны о-ва послужило то обстоятельство, что среди окончившихъ высшіе женскіе курсы значительное число лицъ состоитъ городскими учительницами и настоящее ограниченіе должно неизбѣжно съузить сферу дѣятельности оканчивающихъ курсы именно въ той области, гдѣ работа ихъ всегда признавалась плодотворной. Кромѣ этого совѣтъ представилъ отъ имени о-ва министру народнаго просвѣщенія мотивированное ходатайство объ открытіи высшихъ женскихъ курсовъ въ большихъ центрахъ Европейской Россіи и Сибири, отложивъ до болѣе удобнаго времени ходатайство о допущеніи женщинъ въ университеты. Въ теченіе 1904 г. въ кассу о-ва поступило: членскихъ взносовъ 1.605 р., пожертвованій 161 р., проц. по бумагамъ запаси. капитала и текущаго счета 154 р., возврата пособій 407 р., по счету издательской коммиссіи 662 р. и др., а всего 3.609 р. Расходъ за тотъ же періодъ составляли: выданныя пособія 1.914 р., по издательской коммиссіи 944 р. и др., всего же 3.263 р. На 1-е января 1905 г. въ о-вѣ состояло въ наличности: запаснаго капитала 3.523 р. и оборотнаго 216 р., а всего 3.739 р. Приступившая къ дѣлу издательская коммиссія, въ виду пополненія средствъ о-ва, съ одной стороны, и облегченія доступа къ литературной дѣятельности окончившихъ высшіе женскіе курсы—съ другой, вначалѣ никакихъ средствъ не имѣла и была вынуждена ограничиваться изданіемъ работъ, которыя ей жертвовались авторами на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Находя такое положеніе дѣла нежелательнымъ, коммиссія, имѣющая въ настоящее время въ своемъ распоряженіи около 1.000 р. рѣшила издавать работы переводныя, компилятивныя или оригинальныя, но при непремѣнномъ условіи оплаты труда переводчицъ или авторовъ. Въ отчетномъ году издательская коммиссія предприняла изданіе двухъ книгъ, почти закончила ихъ, дала работу 5-ти бывшимъ слушательницамъ курсовъ и выручила отъ продажи книги Пельмана 618 р. Оба изданія, по ея разсчету, должны дать около 1.300 р. чистаго дохода. Бюро для пріисканія занятій окончившимъ в. ж. курсы въ теченіе 1904 г. имѣло предложеній мѣстъ 218 и дало мѣста 63 лицамъ. Вообще собраніе прошло очень оживленно. („Б. В.“).

Въ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Совѣтъ профессоровъ женскаго медицинскаго института въ послѣднемъ засѣданіи своемъ высказался за пріостановку занятій до 1 сентября. Въ мотивахъ такого постановленія профессора обращаютъ вниманіе, что нынѣ уже потеряна очень значительная часть времени изъ учебнаго полугодія и эта потеря времени не можетъ быть восполнена, хотя бы даже и спѣшными работами въ остающейся небольшой части учебнаго года. Совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе, что правильныя занятія на высшихъ медицинскихъ женскихъ курсахъ должны быть поставлены въ одну линію съ другими высшими учебными заведеніями всяческихъ спеціальностей. Умѣстно было бы путемъ общихъ со-

вѣщаній всѣхъ профессоровъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній обсудить мѣропріятія, которыми можно съ успѣхомъ возстановить правильную жизнь и дѣятельность высшаго образованія въ Россіи. („Н. Вр.“).

Къ реформѣ средней школы. Одесскимъ педагогическимъ обществомъ постановлено ходатайствовать предъ совѣтомъ министровъ согласно высочайшему указу 18 февраля о реформѣ средней школы. Постановленіе содержитъ 10 пунктовъ: 1) всеобщая обязательность элементарнаго обученія, 2) общедоступность правительственныхъ школъ безъ различія сословія, національности и вѣроисповѣданія, 3) сліяніе низшихъ классовъ гимназіи съ классами городскихъ школъ, 4) строгое ограниченіе закономъ бюрократическаго вліянія на школу. 5) усиленіе вліянія общественныхъ организацій на школы, 6) устраненіе особой цензуры книгъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія и предоставленіе педагогическимъ совѣтамъ выбора руководствъ, 7) право избранія ими директоровъ и инспекторовъ, 8) устраненіе принудительнаго характера въ религіозномъ воспитаніи, 9) уравненіе женскихъ школъ съ мужскими и 10) предоставленіе земствамъ, городамъ и общественнымъ учрежденіямъ права свободнаго открытія любыхъ школъ, съ любыми программами. (Р.А).

О пріемѣ евреевъ въ среднія учебныя заведенія. Въ виду тяжелаго положенія, въ которомъ находятся семьи евреевъ. отбывшихъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ о пріемѣ дѣтей евреевъ, отцы которыхъ отправились на Дальній Востокъ, во всѣ среднія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія внѣ конкурса (достаточно только выдержать вступительный экзаменъ), но съ такимъ расчетомъ, чтобы установленная для евреевъ 10% норма, при вступленіи въ гимназіи и реальныя училища, не была увеличена. Министръ народнаго просвѣщенія ген.-лейт. В. Г. Глазовъ весьма сочувственно отнесся къ этому проекту, который въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. („Б. В.“).

О практическихъ занятіяхъ по новымъ языкамъ. Въ концѣ 1903 года министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ допустить въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ устройство во внѣклассное время особыхъ практическихъ необязательныхъ занятій по новымъ языкамъ для учениковъ и ученицъ старшихъ классовъ, имѣющихъ удовлетворительныя отмѣтки по русскому языку и математикѣ. Въ настоящее время, разсмотрѣвъ возбужденное однимъ изъ попечителей учебныхъ округовъ ходатайство о допущеніи къ этимъ занятіямъ также учениковъ и ученицъ младшихъ классовъ, министерство признало возможнымъ его удовлетворить, при условіи наблюденія за тѣмъ, чтобы занятія эти не служили въ ущербъ успѣхамъ учениковъ по другимъ предметамъ. („Бирж. В.“).

Физика въ средней школѣ. Вопросы о томъ, какъ устроить нашу среднюю школу, какіе предметы надо въ нее внести, какіе видоизмѣнить— являются тѣми „жгучими“ вопросами, которые уже давно усиленно волнуютъ

наше общество. Вотъ почему съ большимъ интересомъ былъ прослушанъ 9-го марта на „педагогическихъ курсахъ“, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Макарова, докладъ на тему: „Роль физики въ общеобразовательномъ курсѣ средней школы и желательная постановка этого предмета“. Сущность доклада сводится къ слѣдующему. Наблюденіе явленій, лежащее въ основѣ физики, способствуетъ развитію органовъ ощущеній, пріучаетъ къ наблюдательности и содѣйствуетъ косвеннымъ образомъ выработкѣ самодѣятельности. Физическіе законы, проникая въ духъ человѣка, даютъ стройное представленіе объ окружающемъ человѣка мірѣ и его собственномъ мѣстѣ и роли во вселенной, т. е. даютъ извѣстное цѣльное міросозерцаніе, что, въ свою очередь, содѣйствуетъ развитію эстетическаго и нравственнаго чувства.

По отношенію къ другимъ предметамъ общеобразовательнаго курса физика имѣетъ то значеніе, что, во-первыхъ, даетъ знанія, необходимыя для лучшаго усвоенія другихъ учебныхъ предметовъ (географія, естествовѣдѣніе), а во-вторыхъ, даетъ матеріалъ для примѣненія математическихъ знаній. Нельзя начинать изученіе физики съ обобщеній, съ явленій въ общей формѣ, если ученикамъ не извѣстны еще конкретныя формы явленій. Ознакомить съ послѣдними ихъ долженъ приготовительный курсъ, предпосылаемый систематическому. Кромѣ возможно краткаго учебника физики, необходима еще „физическая хрестоматія“ съ примѣрами практическихъ приложеній законовъ физики (технологія, матеорологія), со статьями, могущими расширить кругозоръ учащихся, и съ историческимъ очеркомъ развитія знаній по тѣмъ или другимъ вопросамъ физики. („Б. В.“)

Польскій языкъ въ учебныхъ заведеніяхъ Польши. Въ особомъ совѣщаніи министровъ 8-го марта, послѣ обычнаго засѣданія комитета министра, былъ поставленъ на очередь вопросъ о современномъ положеніи школьнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Министръ народнаго просвѣщенія, В. Г. Глазовъ, не внося пока никакого проекта о реформѣ польской школы, просилъ совѣщаніе высказаться, возможно ли измѣнить существующую систему преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ и ввести обученіе на польскомъ языкѣ. Значительное большинство членовъ совѣщанія, во главѣ съ предсѣдателемъ комитета министровъ С. Ю. Витте, указывало, что въ теченіе тридцати лѣтъ существующая система преподаванія на русскомъ языкѣ, введенная въ политическихъ цѣляхъ, не оправдала своего назначенія, но способствуетъ той отчужденности между русскимъ и польскимъ населеніемъ, которая такъ тяжело отзывается на общемъ политическомъ положеніи въ Царствѣ Польскомъ, въ особенности за послѣднее время. Русская школа не пользуется авторитетомъ и довѣріемъ среди населенія въ особенности уже въ силу того, что преподаваніе національнаго польскаго языка производится на русскомъ, польская рѣчь изгоняется изъ стѣнъ школы. Совершенно различныя атмосферы русской школы и польской семьи не могутъ не оставить въ душѣ ребенка слѣда тяжелыхъ сомнѣній, обыкновенно склоняющихся не въ пользу русскаго дѣла, въ особенности, когда традиціи семьи идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что ребенку приходится заучивать по русскимъ учебникамъ, далекимъ отъ совершенства.

Въ интересахъ большаго довѣрія между русскимъ и польскимъ народомъ, по мнѣнію особаго совѣщанія, было-бы желательно допустить въ Польшѣ преподаваніе предметовъ на польскомъ языкѣ, поставивъ польскій языкъ въ числѣ

главныхъ предметовъ и, вообще, расширивъ въ политическомъ отношеніи свободу преподаванія въ польскихъ школахъ. На основаніи высказанныхъ въ особомъ совѣщаніи мнѣній, министерствомъ народнаго просвѣщенія будетъ составленъ проектъ введенія преподаванія въ польскихъ школахъ на родномъ языкѣ, который въ окончательномъ своемъ видѣ будетъ разсмотрѣнъ особымъ совѣщаніемъ министровъ, пока только принципіально высказавшимся о положеніи школьнаго дѣла въ Польшѣ. („Н. Вр.“).

Аптекарскіе ученики. Въ виду того, что программы по нѣкоторымъ предметамъ гимназическаго курса увеличены, вслѣдствіе отмѣны греческаго языка, возникъ вопросъ о томъ, въ объемѣ какихъ программъ должны экзаменоваться лица, желающія получить званіе аптекарскаго ученика. Въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, разъяснило, что перемѣны въ распредѣленіи предметовъ въ гимназіяхъ, сдѣланныя въ 1890 году, а равно и произведенныя въ послѣднее время, не должны имѣть никакого отношенія къ вопросу объ испытаніи лицъ, желающихъ получить званіе аптекарскаго ученика, и что для нихъ долженъ сохранять обязательную силу образовательный цензъ, установленный въ 1876 г. и пріобрѣтаемый путемъ соотвѣтственнаго испытанія изъ четырехъ классовъ гимназій по програмамъ, которыя существовали въ 1872 году, причемъ требованія по латинскому языку должны быть ослаблены согласно нынѣ дѣйствующимъ программамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указанная норма требованій по латинскому языку должна быть распространена также и на лицъ женскаго пола, подвергающихся испытанію на званіе аптекарской ученицы.
(„Б. В.“).

Къ событіямъ въ Курскѣ. Событіе 12 февраля—избіеніе учащихся—все еще продолжаетъ остро волновать мѣстное населеніе. Съ разрѣшенія губернатора, при всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ состоялся рядъ совѣщаній родителей учащихся и педагоговъ. Собранія были очень многолюдны. Во время одного такого совѣщанія въ мѣстной мужской гимназіи оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ предложенный вопросъ о правѣ учащихся собираться въ залѣ гимназіи для обсужденія своихъ нуждъ. Горячія пренія вызвалъ также вопросъ объ отмѣнѣ принудительнаго посѣщенія церкви. Вопросы рѣшены въ положительномъ смыслѣ. Кромѣ этого, единодушно какъ педагогами, такъ и родителями учащихся было рѣшено немедленно возбудить ходатайство о допущеніи въ педагогическій совѣтъ гимназіи выборныхъ лицъ изъ родителей, причемъ число этихъ представителей должно быть не меньше числа лицъ педагогическаго персонала. („Бирж. В.“).

Постановленіе харьковской думы. Въ Харьковѣ 21-го марта состоялось засѣданіе думы. Главнымъ вопросомъ было заявленіе 85-ти членовъ харьковскаго медицинскаго Общества о необходимости принятія мѣръ къ защитѣ учащейся молодежи отъ насилій. По этому поводу дума постановила ходатайствовать: 1) о предоставленіи городамъ и земствамъ всей организаціи школьнаго дѣла не только въ хозяйственномъ, но и въ учебномъ отношеніи, 2) о реорганизаціи среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ въ составъ педа-

гогическаго и попечительнаго совѣта должны входить представители общества, и 3) объ управленіи высшими учебными заведеніями на началахъ автономіи и широкой академической свободы. При этомъ гласный М. И. Свѣтухинъ высказалъ взглядъ, что, такъ какъ избіеніе молодежи и интеллигенціи вообще объясняется политическими мотивами, то необходима свобода собраній, сходокъ, организаціи союзовъ и кружковъ для выясненія своихъ политическихъ убѣжденій. Этотъ же гласный предложилъ думѣ разработать вопросы: 1) объ организаціи городской милиціи для огражденія гражданъ и 2) объ изъятіи полиціи изъ вѣдѣнія администраціи, сдѣлавъ полицію муниципальной. („Р. В.“).

Совѣщаніе родителей. 2-го марта состоялось очередное совѣщаніе родителей воспитанниковъ VI класса Ввведенской гимназіи въ Петербургѣ для дыясненія, совмѣстно съ педагогами, мѣръ, могущихъ успокоить учащихся. Никакихъ общихъ принципіальныхъ рѣшеній и заключеній по этому вопросу не было сдѣлано. Однако, родителямъ удалось получить отъ директора обѣщаніе ходатайствовать передъ попечителемъ о возвращеніи въ гимназію двухъ учениковъ, исключенныхъ за участіе въ гимназическихъ безпорядкахъ. По общему мнѣнію, этотъ инцидентъ наиболѣе взволновалъ учащихся и явился каплей, переполнившей чашу. Устраненіе его необходимо и является первымъ условіемъ успокоенія учащихся Введенской гимназіи. Въ заключеніе было поставлено (съ разрѣшенія директора г. Якубова) періодически устраивать въ гимназіи совѣщанія родителей съ цѣлью ихъ объединенія и знакомства, безъ участія представителей педагогическаго персонала. („Нов.“).

Ходатайство калужскихъ родителей. Обыватели г. Калуги, глубоко возмущенные безчеловѣчнымъ избіеніемъ дѣтей 12-го февраля въ г. Курскѣ, отправили г. предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Витте, министрамъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи—телеграмму слѣдующаго содержанія: Насилія надъ учащимися, принявшія въ послѣднее время систематическій характеръ и завершившіяся безчеловѣчнымъ избіеніемъ дѣтей въ Курскѣ, не могутъ оставить насъ калужскихъ обывателей, равнодушными къ неслыханному проявленію полицейскаго и административнаго произвола и попустительства, растущихъ изо-дня въ день и заставляющихъ гражданъ негодовать, а родителей содрогаться за участь дѣтей, гдѣ бы они ни жили и ни учились. „Необходимо, чтобы начатое разслѣдованіе было гласно до конца, и мы настаиваемъ на строжайшемъ наказаніи виновниковъ, опасаясь, что непринятіе радикальныхъ мѣръ къ прекращенію уличной бойни вызоветъ неизбѣжность организаціи вооруженной охраны дѣтей самимъ обществомъ со всѣми послѣдствіями такого ужаснаго порядка вещей“. Одновременно съ этимъ мѣстные горожане обратились въ городскую думу съ просьбою—немедленно принять мѣры къ предотвращенію повторенія подобныхъ ужасовъ въ городѣ Калугѣ. („Слово“).

Дѣти убитыхъ на войнѣ. 22 марта въ Ларинской гимназіи состоялось предварительное засѣданіе коммиссіи по вопросу о призрѣніи въ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей убитыхъ на Дальнемъ Востокѣ

офицеровъ. Засѣданіе, на которомъ присутствовали, между прочимъ, д. с. с. Я. Г. Гуревичъ, директоръ восьмой гимназіи К. М. Блумбергъ и директоръ перваго реальнаго училища Н. Н. Пашковскій, выяснивъ количество вакансій, могущихъ быть предоставленными для этой цѣли, высказалось, по предложенію предсѣдателя, директора Ларинской гимназіи И. И. Смирнова, въ смыслѣ ходатайства передъ управленіемъ с.-петербургскаго учебнаго округа о расширеніи предѣльныхъ для каждаго класса нормъ числа воспитанниковъ, въ виду того, что по причинѣ извѣстнаго переполненія нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ нѣтъ иного исхода безъ опасенія вызвать со стороны общества еще большія нареканія на учебное начальство. („Нов.“).

Саратовскіе родители. Въ Саратовѣ при громадномъ стеченіи публики состоялось собраніе мѣстнаго общества попеченія о дѣтяхъ. Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, установившихъ наличность агитаціи среди темнаго люда за избіеніе молодежи и интеллигенціи, собраніе единогласно постановило: 1) довести до свѣдѣнія саратовскаго губернатора о нѣкоторыхъ случаяхъ нападенія на учащихся дѣтей на улицѣ города Саратова, а также и объ агитаціи среди населенія за избіеніе интеллигенціи и учащихся; 2) въ виду того, что агитаторы пользуются для своихъ цѣлей распространяемыми въ городѣ „Братскими Листками“, издаваемыми духовенствомъ, съ завѣдомою ложью о подкупѣ забастовщиковъ и интеллигенціи японскими деньгами,—просить губернатора расклеить по городу объявленія съ опроверженіемъ „латинской сплетни“; 3) въ виду отсутствія гарантіи, что нападенія на учащихся не повторятся и въ болѣе рѣзкой формѣ, предложить саратовской городской думѣ принять на себя нравственную отвѣтственность въ этомъ отношеніи и ходатайствовать о подчиненіи (хотя бы временномъ) городскому управленію чиновъ полиціи на случай появленія темной силы. На собраніи было между прочимъ установлено, что одинъ „господинъ“ ходилъ по трактирамъ, предлагая обитателямъ ночлежки по рублю за избіеніе студентовъ. Сдѣлка не состоялась, такъ какъ ночлежники просили придти для переговоровъ съ ними въ ночлежный домъ. Наниматель убоялся и не пришелъ. („Сар. Дн.“)

Ученическая экскурсія. Въ субботу, 30-го апрѣля, состоялась экскурсія воспитанниковъ нарвской гимназіи въ курортъ Усть-Нарову.

Около половины девятаго утра воспитанники гимназіи, предупрежденные еще наканунѣ о предстоящей экскурсіи, собрались въ гимназіи и отсюда, взявъ съ собою нѣсколько геодезическихъ и физическихъ приборовъ и фотографическихъ аппаратовъ, разныя принадлежности для подвижныхъ игръ, а также нѣсколько синихъ флаговъ, отправились въ сопровожденіи гг. директора, инспектора, классныхъ наставниковъ, ихъ помощниковъ и учителя гимнастики на пароходную пристань. П. А. Кочневъ, какъ и въ прежніе годы, любезно предоставилъ экскурсантамъ безплатный проѣздъ на своихъ пароходахъ. Въ 8 ч. 45 м. утра „Усть-Наровскъ“, на которомъ размѣстились экскурсанты, отчалилъ отъ пристани, направляясь къ Гунгербургу.

Чудная, теплая весенняя погода какъ нельзя болѣе благопріятствовала экскурсіи. Живописные берега красавицы-Наровы, мѣстами покрытые изумрудною зеленью молодой травки, мѣстами обрамленные густою порослью ивняка и купами меланхолическихъ вѣтелъ, начавшихъ уже пушиться моло-

дыми листочками, синѣющій въ нѣкоторомъ отдаленіи сосновый боръ, яркая, сверкающая лазурь неба, насыщенный ароматомъ весны теплый, ласкающій воздухъ—производили чарующее впечатлѣніе. Двѣнадцативерстный путь промелькнулъ незамѣтно. Въ исходѣ девятаго „Усть-Наровскъ", описавъ крутую дугу, остановился у гунгербургской пристани.

Въ Гунгербургѣ, благодаря любезности предсѣдателя коммиссіи по благоустройству курорта Усть Наровы А. Ѳ. Гана, въ распоряженіе экскурсантовъ было предоставлено помѣщеніе кургауза, еще не открытаго для публики. Осмотрѣвъ театръ и зданіе кургауза, экскурсанты раздѣлились на партіи и, подъ непосредственнымъ надзоромъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала, разошлись въ разныя стороны. Одни, подъ руководствомъ учителя гимнастики г. Щепотьева, занялись на лужайкахъ въ кургаузномъ саду и на пляжѣ разными подвижными играми, другіе, подъ руководствомъ преподавателей математики и физики гг. Пшеницына и Антропова, примѣняли посредствомъ привезенныхъ съ собою инструментовъ на практикѣ свои теоретическія познанія въ геодезіи, космографіи и физикѣ; любители фотографіи занялись сниманіемъ живописныхъ гунгербургскихъ видовъ, нѣкоторые же воспитанники отправились гулять въ вѣковый усть-наровскій боръ.

Въ условленный заранѣе часъ всѣ экскурсанты снова собрались въ кургаузномъ залѣ, гдѣ имъ былъ предложенъ отъ гимназіи чай. Здѣсь хоръ воспитанниковъ исполнилъ подъ руководствомъ учителя пѣнія г. Кусмана, нѣсколько вокальныхъ пьесъ. Послѣ чая воспитанники младшихъ классовъ снова занялись на открытомъ воздухѣ подвижными играми. Затѣмъ, въ назначенное время, экскурсанты направились по пляжу къ пароходной пристани. По пути они осмотрѣли гунгербургскую спасательную станцію и привезенный туда недавно изъ Голландіи новый спасательный ботъ.

Въ два часа пополудни экскурсанты направились на „Усть Наровскѣ" въ обратный путь. Дорогою гимназическій хоръ исполнилъ нѣсколько вокальныхъ пьесъ. Въ три часа пароходъ, при звукахъ народнаго гимна, исполненнаго экскурсантами, подошелъ къ Нарвѣ Веселые, довольные предоставленнымъ имъ учебнымъ начальствомъ праздникомъ, разошлись гимназисты по домамъ, унося въ сердцѣ свѣтлое воспоминаніе о проведенномъ на лонѣ воскресшей послѣ долгаго зимняго сна природы чудномъ, чисто майскомъ днѣ. („Нарвскій Листокъ").

Новые курсы русскаго языка. Въ виду введенія въ дѣлопроизводство всѣхъ финляндскихъ учрежденій русскаго языка, въ Петербургѣ, Выборгѣ и Гельсингфорсѣ открываются курсы русскаго языка для всѣхъ служащихъ на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Служащіе, желающіе обучаться русскому языку, будутъ раздѣлены на группы, причемъ съ каждой группой занятія будутъ вестись по одному часу три раза въ недѣлю подъ руководствомъ исключительно русскихъ преподавателей. („Б. В.").

Всероссійскій школьный съѣздъ. Народные учителя обратились въ московскую губернскую земскую управу съ ходатайствомъ взять на себя иниціативу созыва всероссійскаго школьнаго съѣзда для всесторонняго обсужденія вопроса о передачѣ народныхъ школъ въ полное вѣдѣніе земства, такъ какъ современная низшая школа подъ вліяніемъ существующаго администра-

тивнаго режима не обезпечиваетъ народу необходимаго развитія, а частное упорядоченіе школьнаго дѣла не въ состояніи поднять школу на должную высоту. („Н. Вр.“).

Къ учрежденію общеобразовательныхъ курсовъ для учителей. Такъ какъ до сихъ поръ еще не изданы общія правила для такихъ курсовъ, то министерство народнаго просвѣщенія предлагаетъ учрежденіямъ, желающимъ открыть курсы, возбуждать объ этомъ ходатайства за два мѣсяца, направляя ихъ въ учебно-окружныя управленія. При этомъ учрежденія должны представлять: отзывъ губернатора, списки слушателей курсовъ и программу проектируемыхъ для чтенія предметовъ. („Сл.“).

Изученіе постановки образованія въ Россіи. 13-го марта министру народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенанту В. Г. Глазову представлялся уполномоченный итальянскаго правительства докторъ соціальныхъ наукъ графъ А. Фумазони-де-Біонди. Г. Фумазони ходатайствовалъ о разрѣшеніи изучать, путемъ посѣщенія и осмотра высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, постановку народнаго образованія въ Россіи. Генералъ-лейтенантъ Глазовъ уважилъ это ходатайство и поручилъ чиновнику особыхъ порученій г. Шубину-Поздѣеву сопутствовать и давать разъясненія г. Фумазони. („Б. В.“).

Учительскіе курсы. Нынѣшнимъ лѣтомъ впервые предполагается устройство практическихъ занятій по естествознанію для учителей и учительницъ народныхъ школъ петербургскаго учебнаго округа. Занятія будутъ вестись въ Царскомъ Селѣ или въ Петербургѣ. Осенью предположено возобновить въ Павловскѣ общеобразовательные курсы для учителей и учительницъ, состоявшіеся въ прошломъ году. Лекціи будутъ читаться профессорами: Платоновымъ—русская исторія, Шимкевичемъ—зоологія, Палладинымъ—ботаника, Покровскимъ—исторія русскаго искусства, Радловымъ—исторія педагогики. Предполагается также обратиться съ предложеніемъ читать на курсахъ лекціи къ изобрѣтателю безпроволочнаго телеграфа г. Попову. („Русь“).

Протестъ петербургскихъ городскихъ учительницъ. Въ памятные январьскіе дни въ василеостровскомъ 12-классномъ городскомъ училищѣ съ 8 до 9 ч. утра, по иниціативѣ завѣдывающей училищемъ, г-жи Кореневой, было предложено угощеніе солдатамъ, вызваннымъ для подавленія рабочаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Коренева категорически отказалась предоставить школьное помѣщеніе для подачи первой помощи раненымъ рабочимъ. Въ настоящее время группой петербургскихъ учительницъ думскихъ школъ въ 66 человѣкъ посланъ запросъ въ училищную коммиссію о правѣ завѣдывающихъ предоставлять школьныя помѣщенія для солдатъ. Кромѣ того, группа учительницъ въ 78 человѣкъ послала письменный протестъ г-жѣ Кореневой, находя, что общеніе учащихся дѣтей рабочихъ съ солдатами не можетъ быть благотворнымъ. („Б. В.“).

Продолжается подписка на 1905 годъ

(16-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

Въ 1905 году общепедагогическій журналъ „Русская Школа“ издается по той-же программѣ и при томъже составѣ сотрудниковъ, что и въ 1904 году. Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе ПЯТНАДЦАТИ печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ рублей въ годъ, съ доставкою СЕМЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу ДЕВЯТЬ рублей. Земства, выписывающія непосредственно изъ редакціи не менѣе 10 экз. журнала, пользуются уступкой въ 15%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ и обращющіеся непосредственно въ контору, журнала, могутъ получить его за ШЕСТЬ рублей въ годъ и притомъ съ разсрочкой уплаты въ два срока.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣд. лица: **Я. В. Абрамовъ, Х. Д. Алчевская, А. И. Анастасіевъ, М. А. Андреяновъ, И. Ѳ. Анненскій, М. А. Антоновичъ, Н. Ѳ. Арепьевъ, Ц. П. Балталонъ, В. В. Бирюковичъ,** проф. **Е. Ѳ. Буде. И. А. Бѣлозерскій, А. В. Бѣлецкій, И. П. Бѣлоконскій,** проф. **Н. И. Быстровъ, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ,** проф. **А. Д. Вейсманъ, Н. Х. Вессель, А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, А. Г. Готлибъ, М. Ю. Гольдштейнъ, В. В. Гориневскій, Я. Г. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, М. И. Демковъ, П. В. Евстафіевъ, И. И. Евсѣевъ, К. В. Ельницкій, И. П. Житецкій, П. В. Засодимскій, Г. Г. Зоргекфрей, К. А. Ивановъ,** проф. **Д. Н. Кайгородовъ, П. Ѳ. Каптеревъ,** проф. **Н. И. Карѣевъ. В. А. Келтуяла, И. М. Красноперовъ, Н. А. Кричагинъ. Е. П. Ковалевскій, П. А. Конскій, Н. А. Коробка, А. А. Красевъ,** проф. **Ю. А. Кулаковскій,** проф. **Н. Н. Ланге, М. К. Лемке. В. А. Латышевъ,** проф. **П. Ф. Лесгафтъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, К. Н. Модзалевскій,** проф. **В. И. Модестовъ, А. П. Налимовъ, А. П. Нечаевъ, М. А. Новиковъ. Л. Е. Оболенскій,** проф. **И. Г. Оршанскій, С. А Острогорскій, О. Х. Павловичъ,** проф. **А. Л. Погодинъ, Н. И. Позняковъ, А. П. Раменскій,, Ѳ. И. Рогова, Г. П. Роковъ, В. Л. Розенбергъ, Н. А. Рубакинъ. Я. И. Рудневъ, Е. П. Рѣпина, Н. М. Салтыкова,** проф. **И. А. Сикорскій, А С. Симоновичъ,** проф. **Ир. Скворцовъ, А. Ѳ. Соколовъ, Е А. Соловьевъ, М. И. Страхова, А. И. Тарнавскій.** проф. **А. С. Трачевскій, М. А. Тростниковъ, Н. В. Тулуповъ. А. М. Тютрюмовъ, В. И. Фармаковскій, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, В. Ю. Шидловскій,** проф. **В. М. Шимкевичъ, К М. Цирюль,** д-ръ **В. Ф. Якубовичъ,** академикъ **И. И. Янжулъ, Е. И. Янжулъ, С. И. Шохоръ-Троцкій** и нѣкот. др.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговской и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Карбасникова и въ книжн. складѣ М. М. Стасюлевича.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Редакторъ **Я. Я. Гуревичъ.**